

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

II

книга 2

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the portrait above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

Книга 2

II

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

Национальная Академия наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет

В. М. ПЛОСКИХ

**КИРГИЗЫ
И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО**

Собрание научных трудов

Бишкек — 2015

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)
П 39

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Института истории и культурного наследия
Национальной академии наук Кыргызской Республики*

Плоских В. М.

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО. Собрание научных трудов / 3-е изд., испр. и доп. — Бишкек: Нео Принт, 2015. — 496 с. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. II. Кн. 2).

ISBN 978-9967-19-187-7

На основе большого количества архивных документов и литературных материалов освещаются социально-экономические отношения в Южном Кыргызстане накануне вхождения в состав России, характеризуются патриархально-феодалный уклад в хозяйстве, землепользовании, феодальные отношения в землевладении и налоговой системе в период зависимости от Коканда.

Книгу составили монографии «Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России», «Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX в.) и статья «Вақф медресе Алымбека».

Приложение включает тексты авторефератов диссертаций Плоских В. М. на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук, а также рецензии на монографию «Киргизы и Кокандское ханство».

В иллюстрациях использованы архивные документы по земельным отношениям в Кокандском ханстве

Издание является стереотипным

П 0503020911-14

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)

ISBN 978-9967-19-187-7

© Плоских В. М., 1977; 2014

**ОЧЕРК ЗЕМЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ЮЖНОЙ
КИРГИЗИИ
НАКАНУНЕ
ВХОЖДЕНИЯ
В СОСТАВ РОССИИ**

ВИДЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Вопросы феодальной собственности на землю, землевладения и землепользования в Киргизии продолжают оставаться вопросами первостепенной важности. В работах отдельных историков и экономистов (правда, не ставивших специальной целью исследование аграрных отношений) нет единого мнения о наличии или отсутствии у киргизских феодалов монопольного права на землю и частной земельной собственности, существует также немало и других неясностей и противоречий. Это, в частности, и побудило автора заняться изучением земельных отношений.

Как известно, с завоеванием кокандскими ханами Киргизии вся присоединенная территория, на основании положений шариата¹, была объявлена государственной собственностью и единственным ее полновластным распорядителем стал хан². «Согласно киргизскому обычаю, — отмечается

¹ Торнау. Особенности мусульманского права. СПб., 1892., стр. 51; Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности в Туркестанском крае. СПб., 1879, стр. 331; Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954, стр. 113.

² Аналогично этому, после подчинения бывших независимыми Ширабадского, Гиссарского, Кулябского и др. бекств Бухарой, все присоединенные земли были объявлены амляковыми — государственными.

в материалах комиссии А. И. Гомзена, — вода и земля есть собственность государства, которое в правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа. Правовоззрение оседлого населения хотя кое-где слабо и отстаивало ненарушимость прав пользования подданных, однако не отрицало и права государства, как вотчинников»¹.

Полное право собственности на землю принадлежало лишь государству в лице его правителя, с разрешения которого только и могло осуществляться юридическое оформление частного и общего владения землей. По поводу аграрных отношений в странах Азии К. Маркс писал: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе, но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»².

После завоевания территории Киргизии Кокандским ханством пахотные и пастбищные земли были оставлены в пользовании оседлого и кочевого населения на условии платы государственных налогов и несения соответствующих повинностей. Право на отчуждение государственных земель юридически стало принадлежать лишь хану. Поэтому отдельные феодалы и целые общинно-родовые объединения стали обращаться к правителю государства с просьбой о докумен-

Мирзаев К. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954, стр. 98.

¹ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963, стр. 33.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II. М., 1962, стр. 354.

тальном закреплении за ними во владение прежде принадлежавших им земель. В 1815 г. багышские киргизы «рода» Иса Мирзы Гадаева, имея наследственное «киргизское (родовое) семейное начало» на свои земли, при возникновении спора с соседями обратились к хану за документом, определившим их права владения¹. Как доносил позже начальник Наманганского уезда, потомки Иса Мирзы Гадаева имели «васики на все земли, орошаемые из Беш-Батман-Арыка на 20 000 танапов, выданную Магомет Омар-ханом в 1231 г.»².

Хан на правах верховного собственника монопольно распоряжался государственными землями, дарил или отбирал, жертвовал в вакф или продавал, даже если они находились во владении частных лиц и обществ. Как видно из заявления ичкиликских киргизов рода кочкор, они владели урочищем Кашка-Су еще до подчинения кокандцам. Несмотря на это, в 1283/1866 г. по распоряжению хана 1/8 площади урочища была передана во владение одному из нойгутских биев³. В 1291/1874—1875 г. Худояр-хан пожертвовал для мазара Хазрет-Аюп в к. Джалал-Абад 1 465 дес. земли, принадлежавшей как обществам, так и частным лицам⁴.

В Киргизии в период кокандского господства обрабатываемые земли закреплялись за населением на основе давности владения и пользования, ханскими пожалованиями, купчими крепостями и пр. Пастбища были оставлены в пользовании занимавших их родоплеменных групп. Так, под верховной

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 62 (32). Далее везде в скобках приводится лист подлинника. — В. П.

² Там же, л. 1—2, 29.

³ Там же, д. 36161, л. 21—22.

⁴ Там же, д. 34325, л. 2—3 (25).

собственностью государства оказались частные владения феодалов и крестьян, земли общин и владения духовных учреждений. В непосредственном ведении казны остались пустоши и небольшие обрабатываемые участки, которые правительство сдавало в краткосрочную аренду (земли *мамлака* — казенные).

Разнообразные формы присвоения земли вели к образованию различных и весьма сложных категорий землевладения. Как подчеркивал В. И. Ленин, капитал застаёт «...средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и клановое, и общинное, и государственное и т. д.»¹.

Юридическое определение земельных институтов в мусульманских странах и их классификация представляют известную трудность в связи с тем, что ни нарративные, ни документальные источники не перечисляют и не выделяют их, а в учении мусульманского законоведения даются абстрактные определения, лишённые конкретной исторической действительности. Поэтому классификация современными исследователями категорий землевладения в странах Ближнего и Среднего Востока и в государствах Средней Азии имеет довольно значительные расхождения².

Схематично структуру землевладения в Кокандском ханстве можно представить следующим образом:

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 138.

² Ср.: Дембо Л. И. Земельный строй Востока. Л., 1927, стр. 6; Захедер Б. Н. История восточного средневековья. Курс лекций. М., 1944, стр. 75—76; История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1950, стр. 233—234; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л. 1960, стр. 233—283.

- а) государственные земли, как переданные в пользование населения, так и находящиеся в непосредственном ведении казны;
- б) так называемые «удельные» земли ханов;
- в) частновладельческие земли;
- г) общинные земли;
- д) земли духовных учреждений и лиц.

Перейдем к рассмотрению их роли и места в системе феодального землевладения на территории Южной Киргизии накануне вхождения ее в состав России.

Государственные земли. В рассматриваемое время в Киргизии основную часть земельной площади составляли земли государственные (по общепринятой среднеазиатской терминологии — *амляковые*). Амляковые земли находились в прямом ведении государства и налог-рента с них поступал непосредственно в казну. Государственный характер землевладения выступал в соединении с мелким частнокрестьянским и общинным землепользованием, обычно не подтверждавшемся документально.

Резервным фондом, пополнявшим массивы обрабатываемых земель в результате орошения, выступали все пусто-порожные пространства, так называемые земли *мевот* — мертвые.

Большинство амляковых земель в Южной Киргизии составляли пастбища и угодья, находившиеся в бессрочном пользовании кочевого населения. Например, из документа, выданного в 1284/1867—1868 г. алайским киргизам маргеланским хакимом Султан Мурадбеком, следует: «Летние кочевья (джайляу) составляют государственное имущество, но свободно для пользования без запрета для всех киргиз

одинаково»¹. Поэтому пастбищами Алая свободно пользовались и скотоводы ближайших районов Ферганы: «Места летовок никем не оспариваются и приходящие на летовку не ссорятся... Население не считает себя вправе именовать земли Алайской долины своею собственностью, но удостоверяет, что земли эти с искони, фактически, потомственно состояли в пользовании населения Акбуринской, Булакбашинской, Кашгар-Кишлакской, Куршабской, Ошской, Туругской, Наукатской волостей Ошского уезда, а также Карасуйской волости Андижанского уезда и Араванской волости Маргеланского уезда»².

Обрабатываемые амляковые земли находились во владении и пользовании непосредственных производителей, что основывалось исключительно на праве постоянного пользования при выполнении государственных повинностей. «Все вообще земли: пустопорожние и невозделываемые, как удобные, так и неудобные принадлежали государству; землями этими, согласно шарияту, имел полное право пользоваться каждый безразлично, с обязательством действительной обработки их и платы за них в казну подати (харадж и танап). Затем, перестав пользоваться этою землею, он тем опять на основании шарията передавал ее в достояние государства»³.

Дехкане амляковых земель являлись юридически как бы их арендаторами, чье право найма или аренды прекращалось

¹ Покровский Г. В., Стогов Н. И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Стат. обзор Ферг. обл. за 1911 г. Скобелев, 1914, стр. 107—108.

² ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 212. Обследование поземельно-податного комиссара Краснободского.

³ Духовской А. О колонизации Ферганы. «Туркестанские ведомости», 1885, № 20, 21.

волей государства. Право наследования этими землями называлось *манфакат* и сохраняло преимущество наследования за сыном¹.

Из фонда обрабатываемых земель ханы выделяли пожалования (*танхо*, *тамлик*) своим феодалам, а также конституировали духовным учреждениям в вакф. Так, в 1242/1826—1827 г. Мадали-хан пожаловал в полное владение киргизским батырам Худайбердию, Джанышбаю, Байбутабатыру и др. земли в местности Кара-Бура и Кафга². В 1282/1865—1866 г. кокандский хан (судя по дате, Сеид Султан) пожаловал «по линии тамлик» в частное наследственное владение своему придворному, киргизскому феодалу Шах Мирза-дадхе горные пастбища Науката в Маргеланском вилайете³. Этот пример еще интересен в том отношении, что пожалование пастбища определялось в частное владение: «дадхи, бии и фукара племени (*илата*) должны считать это пастбище вне товарищества (*ширкат*), а частью других мильки халис упомянутого дадхи»⁴.

Ханские пожалования носили непостоянный характер, и каждый новый хан вправе был возобновлять или отменять пожалования своего предшественника. Например, землями к. Яр-Мазар в Маргеланском вилайете «пользовались то джигиты хана или бека, то доходы с них передавались в пользование какого-либо отдельного лица пожизненно»⁵.

¹ Из материалов комиссии А. И. Гомзина. См.: *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане... стр. 42.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 31.

³ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. 9.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 22770, л. 3.

Как только истек срок временного пожалования, танхо переходило в распоряжение хана, а земли снова превращались в амляк. В связи с этим нередко были случаи, когда с кишлака, пожалованного ханом какому-либо чиновнику, налог взимался дважды: ханским сборщиком и танходаром.

Сохранилось несколько жалоб дехкан и скотоводов на двойные поборы. Амин к. Киргиз-Курган (Наманганский вилайет) жаловался хану, что с его селения требуют плату и ханский курукчи Мухаммед Садик, и ханский военачальник (бахадурбаши) Мулла Турди Али, которому был пожалован тугай их селения¹. По свидетельству курукчи и жителей к. Мирза-Абад, кишлак прежде являлся государственным и доходы с него собирались в казну. Позже он перешел во владение Насруллы-бека и налог с жителей стали требовать, наряду с ханскими, также бекские сборщики².

Получавшие ханские пожалования не были собственниками, они являлись лишь условными владельцами, которые целиком или частично присваивали в свою пользу подати с крестьян пожалованных земель. Но, по мере давности владения, такие условные пожалования имели тенденцию к превращению в наследственные владения (*мильк*), которые стали отчуждаться со всеми правами и обязанностями прежнего мельковладельца.

Юридически отчуждение амляковых земель ограничивалось волею хана и являлось условным, так как каждый последующий хан вправе был подвергнуть ревизии документ, выданный его предшественником, и даже аннулировать его.

¹ Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III. Л., 1955, стр. 138.

² Там же, стр. 145.

В начале правления Худояр-хана киргизы Маргеланского вилайета (52 чел.) купили за 180 тилла¹ орошаемый массив государственной земли, на котором основали селение Кызыл-Аяк. Но позже, использовав в качестве предлога их «ссору с араванским беком», хан приказал изгнать киргизов, «земли провинившихся присоединить в казну»².

Первоначально продажа государственных земель была более ограниченной. По шариату отчуждение амляковых земель частными лицами не разрешалось³. Лишь ханы, да и то условно и ограниченно, имели право продавать амляковую землю и то в исключительных случаях, которые, как видно из материалов комиссии А. И. Гомзина, обязательно оговаривались в документе — *васике*⁴. Продажа в 1260/1844 г. доверенным хана парваначи Каримкулом Тагрикулибаевым двух участков казенной земли (за 150 тилла) киргизам Андижанского вилайета Юргасары Акюкбаеву, Ирнарбию Карабутоярову и др. (19 чел.) была объяснена в документе тем, что деньги необходимы «для содержания и вооружения ханского войска»⁵.

Однако с течением времени при длительном наследственном пользовании амляковые земли стали отчуждаться даже

¹ *Тилла* — кокандская золотая монета в 3 р. 64 к. по курсу 60-х годов XIX в. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12740, л. 5—6.

² Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 22694, л. 2—3.

³ В «Шарх-уль-Фераиде», одном из мусульманских источников, сказано: «Амляк же частные лица не имеют прима ни завещать, в чью бы то ни было пользу, ни обращать в вакуфы, ни отдавать в залог, ни заявлять на таковую иска». См.: *Ростиславов М. Н.* Очерк видов земельной собственности, стр. 332.

⁴ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане... стр. 31.

⁵ ЦГА Кирг. ССР, ф.и. 38, оп. 1, д. 37, л. 9.

непосредственными производителями. Составитель отчета первого туркестанского генерал-губернатора П. Хомутов отмечал, например, что в среднеазиатских ханствах «право заповедания вакуфов, под влиянием духовенства, распространилось на простых поселян, владевших землями казенными»¹. Согласно шариату предметом отчуждения могли быть все выращенные культуры, а также постройки. В связи с этим сделки на амляковую землю юридически стали оформляться как переуступка прав на произведения личного труда. К тому же в обиходе населения надельные государственные земли также назывались мильк (слово *амляк* в буквальном значении является производным от слова мильк, его множественным числом). Поэтому при оформлении купчих крепостей на государственную землю употреблялся термин не «земля» — *замини амляк*, а «произрастание» — *ускенази (ускуне)* или мильк. В земельных актах отчуждения слово амляк не встречается².

В Кокандском ханстве имелись специальные чиновники, которые следили за сохранностью государственных земель, стремились не допускать их незаконного присвоения. Например, один из таких чиновников — *курукчи* (сторож-объездчик) Мулла Иш Мухаммед доносил в ханскую канцелярию: «...В (кишлаке) Иштенсалды, между кишлаками Ак-Тауком и Чимбаем имеется около двадцати двух джуфта

¹ *Хомутов П. И.* Проект всеподданнейшего отчета ген-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в области Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г. — 25 марта 1881 г. СПб., 1885, стр. 239.

² *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане... стр. 41; *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л., 1954, стр. 33 и прим. 1; *Мирзаев К. М.* Амляковая форма... стр. 5.

(176—198 га) государственной земли без хозяев (необрабатываемой). Пять-шесть человек фукара селения Ак-Таука хотели продать за тысячу танга (200 руб.) часть тех земель, находящихся в окрестностях (их кишлака), но испугались и не продали. Я с точностью установил, что земля та — земля государственная (замини мамлака)»¹. Подобные факты свидетельствуют о имевшем место, несмотря на юридическое запрещение, отчуждении частными лицами государственных земель.

Таким образом, наблюдается общая тенденция, особенно в районах орошаемого земледелия, к постепенному переходу амляковых, государственных земель в мильковые, частновладельческие. Почти все обрабатываемые государственные земли находились в постоянном пользовании, фактически близком владению, крестьян. В непосредственном ведении казны оставались лишь небольшие обрабатываемые участки, которые сдавались в краткосрочную аренду. После присоединения Кокандского ханства к России оказалось, что таких земель в Маргеланском уезде, например, насчитывалось всего лишь 2 162 танапа².

Основная площадь амляковых земель в Киргизии — пастбища — юридически считалась находящейся в общем и свободном пользовании кочевников, однако регулирование пастбищепользованием было захвачено феодально-родовой знатью в лице биев и аксакалов.

Ханское землевладение. Амляковым землям довольно близок другой вид земель — ханские «уделы» — *хасс*, или *мири*. Источником владения хасс служило орошение

¹ Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 129.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22518, л. 17.

земель *мево́т* — «мертвых», приобретение по гражданско-правовой сделке: получение по наследству, купля и т. д. Являясь по происхождению частным владением, эти земли, после восшествия их владельца на престол, занимают как бы промежуточное положение между мельковыми и амляковыми землями, поскольку хан соединял в своем лице частного и в то же время верховного землевладельца, и государственными землями фактически распоряжался так же бесконтрольно, как и удельными. Отсутствие статистических данных затрудняет определение размеров земель хасс, которые были разбросаны по всей территории ханства.

С присоединением Коканда к России последний хан — Насреддин — обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой, чтобы за ним оставили его личные земли, находящиеся в Андижанском, Кокандском, Исфаринском и др. уездах. Эти земли, как писал Насреддин, были куплены им или подарены его отцом Худояр-ханом и оформлены казийскими документами¹. Часть земель хасс находилась в Маргеланском вилайете, в районе Ер-Масчит. Материалы архива кокандских ханов дают довольно подробную картину этого вида земель². На территории Киргизии таких земель, по всей вероятности, было немного. В документах встречается лишь упоминание, что в местности Мады, близ Оша, находились поля, принадлежащие хану³. В районе Джалал-Абада было три фруктовых сада. Один из них (6 дес. 592 саж.) принадлежал лично Худояр-хану, второй

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22911, л. 2.

² См.: *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX века. Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II (V). Л., 1957, стр. 193.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, л. 78—79.

(3 дес. 1019 саж.) — его сыну Насреддину и третий (6 дес. 1998 саж.) — брату хана Мурадбеку¹.

Частновладельческие земли — *мильк*. Частное землевладение по шариату могло получить юридическое основание только от верховного правителя. Закрепленные за отдельными лицами правительственными документами или оформленные купчими крепостями мельки свободно отчуждались и передавались по наследству. Однако за верховным собственником земли оставалось право на налог-ренту и высшее распоряжение, вплоть до изъятия земли мелькодара. В условиях поливного земледелия земля была главным средством производства в соединении с оросительной водой. Поэтому в понятие мелька входило право как на землю, так и на воду.

В зависимости от принадлежности и формы эксплуатации земли мельк можно подразделить на феодальные, эксплуатируемые при посредстве зависимых дехкан, и на крестьянские — владения непосредственных производителей.

По признакам налогообложения мельки делились на обеленные, пользовавшиеся налоговым иммунитетом (*мельки хурр*, или *мельки халис*), и облагаемые государственными налогами (*мельки харадж* и *мельки ушр*).

Выделение мелька явилось результатом распродажи или раздачи ханами государственных земель, распада общинного землевладения, освоения пустошей. По сведениям В. Наливкина, уже в ранний период ханства намаганский хаким Саидкул-бек по распоряжению Омар-хана (1810—1822 гг.) распродал все искусственно орошаемые земли. В результате этого у кочевников остались лишь горные пастбища².

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 73.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского х-ва. Казань, 1886, стр. 37.

Факты купли киргизскими феодалами земель у ханов отмечаются сразу же после подчинения киргизов Коканду. В 1210/1795 г. правитель Коканда (судя по дате, Нарбутабий) продал четверем братьям Дживибаяевым из племени багыш «в потомственное их владение» обширный земельный массив в к. Джергатаал¹.

Одним из источников образования дехканского милька являлся откуп государственной земли непосредственными производителями. Из документа архива кокандских ханов о землях к. Гург-Тепа видно, что дехкане селения, пользовавшиеся в течение 90 лет амляковой землей, затем откупили ее во владение (*мильк*), в связи с чем налог-рента снизился с 1/3 до 1/5 валового дохода. Земля была откуплена за 58 тилла целым обществом. В течение последующих 30 лет отдельные участки неоднократно перепродавались, поэтому жители обратились к хану с просьбой выдать им взамен общей купчей грамоты (*васики*) грамоту каждому на его участок².

В волости Куля, Маргеланского уезда, «в бытность правления Худояр-хана киргизами в количестве 52 человек была приобретена от него пахотная земля за 180 тилла, — писали киргизы губернатору Ферганской области, — в чем имеется у нас у каждого документ, выданный худоярханским помощником»³. Земли, купленные вскладчину, затем были разделены согласно внесенным паям, чем, по-видимому, и объясняется наличие документов у каждого землевладельца.

¹ *Айтбаев М. Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX — начале XX веков. Фрунзе, 1962, стр. 60.

² *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... стр. 205.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22964, л. 3.

باین وقت مستی برده بندیدم

که از درد الف فیصل اگر در آید

بجای بیخ زخمی که کسب است

و حال نیست که خود خود

در یک کله خود طرز که بر تو نیست

فصلی که جان کز آن فال می

بهر آن بختی که مال که بر شاخه و طایفه

نزدک است در آغوش من خانه

سیر در فرود نیز بخانه بر بند

از طب ما بعد زنجیر آبروی کلیم

و از بقیه که در طب ما جنب

همه در عهد خود با فراموشی

ز غم گشتن تو از هر صکر که در آید

صد که در وقت بکیر از رفتن تو

هر چه بود و یاد که دست که خود

سکه از آن بختی که در آن آمد

از خود که او نیز به کسب دل در آید

که در شرم غم از آن خانه در دست خود

مزشه بر هم منزه تا کسب زندگانی

زود خویش باشد سر شرم در خود

جستجوی کسب که استغنا کند

چشمه تنه از آن کسب که در آن

Одним из основных источников образования мильков являлось орошение необрабатываемых государственных земель, для чего первоначально необходимо было добиться разрешения властей. Согласно мусульманскому праву, «кто возделывает пустые поля, с разрешения начальника, получает право собственности на них»¹.

Орошение требует больших затрат труда или средств. Строительство оросительных сооружений было под силу лишь феодалам, общине и государству, поэтому за ними, соответственно, и закреплялись орошенные земли. Так образовалось обширное земельное владение киргизского феодала хакима Андижанского вилайета Алимбека-дадхи, оросившего в районе Чин-Абада 5 тыс. кошей (ок. 1 600 дес.) государственной земли².

Как видно из заявления киргизов рода басыз военному губернатору Ферганской области, они потомственно владели землями в Яссакинской волости Андижанского уезда. Земли эти когда-то были богарными, однако в 30-х г. XIX в. «благодаря Чичканбай-бию, проводившему арык за свой счет, она стала поливной» и перешла во владение Чичканбая и его «родственников»³. Местность Поканачаб в Араванском бекстве была по приказанию Худояр-хана орошена киргизами «рода» Муллы Мухаммед-Шариф-Ахунда, а затем оформлена в вакф медресе Утамбаю-минбаши⁴.

¹ Хидая. Комментарии мусульманского права, т. IV. Ташкент, 1893, стр. 103.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 65, л. 295—296.

⁴ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34736, л. 14.

Фактическим землевладельцем вновь орошенного массива стало вакуфное учреждение, а киргизы лишь наследственными землепользователями. Однако уже во время проведения поземельно-податных работ мутаваллий заявил, что медресе претендует лишь на харадж, а киргизы, обрабатывающие земли, показали, что «земли все в даче составляют мильк»¹.

Некоторые земельные акты зафиксировали процесс разложения общинного и выделения частного землевладения. Первой обособлялась от общины знать, захватывавшая общие земли в частное владение. Юридически это выглядело как добровольное выделение с согласия всех членов общины. В документе от 1254/ 1838—1839 г. говорится: «В местности Мады часть земли, орошаемая из ключей Карасу, граничит с запада полями хана, с востока часть прилегает к полям, принадлежащим отделению бакал, часть прилегает к полям, принадлежащим отделению юваш, с севера — к арыку Мады, с юга — арыку Юваш. Месяца Махаррама 1254 г. Мы, нижепоименованные киргизы Мулла Тойчи Курбанбиев, Таракчи и Конгур Ниязбековы... (всего 44 чел. — В. П.), удостоверяем, что из вышеупомянутой в границах земли часть таковой с поливами из арыка Юваш с 11 очередными поливами из арыка этого же имени принадлежит Нарбот Абдаазимбаеву, Самулу Хусаинову, Муллабаю Нарботобаеву, Гайит-биби Балдышанховой, Мулла Кыргыз Али Абдраманбаеву, Маат Кариму Мулла Шаназарову, Юсуп Али Суванкулову и Мирза Алиму Абдушукурову, а мы в свою очередь удостоверяем, что из числа принадлежавшей нам земли половинная часть таковой с пятью очередными поливами принадлежит Муллабаю Ахуну Нарботобаеву, против

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 65, л. 40—41.

чего мы никаких претензий не имеем. В чем и дали сей документ в присутствии казиев, приложивших на оном печати»¹. Документ наглядно показывает присвоение части общинной земли одним лицом — Муллабаем Ахун Нарботобаевым и, следовательно, обезземеливание рядовых общинников.

Иногда захват феодалами общинных земель был открыто насильственным. В начале 1877 г. община кыпчаков (23 хозяйства) обратилась к русским властям с жалобой на волостного правителя Магомет Юнуса, который, пользуясь служебным положением, захватил их земли в урочище Талдык-Арал².

Определенное количество мильковых земель составилось в результате стремления феодалов превратить условные ханские пожалования в наследственные владения. Даже государственные земли, находившиеся в давнем наследственном пользовании отдельных крестьян, стали называться мильком.

Права и размер налогообложения мильков зависели от условия их образования — от полной феодальной собственности — обеленный мильк (*мильки хурри халис*), до условного наследственного владения государственной землей с полным налогообложением.

Орошенные или купленные у государства мильки облагались поземельным налогом *харадж* или *уир*. Обеление участка в отдельных случаях определялось условием его покупки, когда мильковладелец отказывался от 2/3 и 3/4 участка в пользу государства, зато оставшаяся часть земли становилась необлагаемой. Государство как бы вперед взимало все

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 22524, л. 78—79.

² Там же, д. 22566, л. 4 (5).

подати с земли, за что выдавалось «свидетельство на полную беспощинную собственность означенными землями»¹. Большинство ханских пожалований носило обеленный характер, т. е. ханы полностью или частично отказывались от ренты в пользу жалуемого феодала. Если феодал уже имел земельное владение, например, орошенный или купленный участок, то пожалование обычно выражалось в обелении земли. Так, Шир-Али-хан (1842—1845 гг.) признал за неким Мауляно Мир Абду Рахимом орошенную последним землю в районе кишлака Кара-Бута его владением и освободил его с наследниками от всех податей и повинностей². В 1879 г. 1443 дес. земли в к. Кара-Бута, принадлежавшие потомкам Мауляна, обрабатывало 103 крестьянских хозяйства³.

Как видно из прошения Магомет Омар Нияз-Батырова губернатору Ферганской области от 27 августа 1884 г., отец просителя Нияз Магомет Багадулов еще при Мадали-хане (1822—1842 гг.) оросил в местности Акбаш пустопорожнее пространство, на котором позднее был основан кишлак Нияз-Батыр. За заслуги на государственной службе Нияз-Батыр, как указывал его потомок, «пользовался той землей на праве мильк хурр»⁴.

Обеление, как правило, являлось своего рода ханским пожалованием и обязательно требовало подтверждения каждого нового хана, который всегда мог ликвидировать привилегии, данные предшественником. Поэтому имели силу лишь

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 13243, л. 1—2; См. также: *Ростиславов М. Н.* Очерк видов земельной собственности... стр. 334.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33542, л. 26.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, д. 23483, л. 1—2.

грамоты, скрепленные печатью правящего хана. Обеление частного владения (*замини мильки хурр*) Нияз-Батыра, к примеру, было подтверждено Мадали-ханом, Худояр-ханом, Малля-ханом и Сеид-Султан-ханом, т. е. всеми последними правителями Коканда.

Приведем пример одной из ханских жалованных грамот (*инаят-наме*): «Слово отца воителей за веру Саид Мухаммед Али Богадур-хана... Так как древние мольщики и истинные благожелатели, благородные и знатные Ишан-Мирза Даниял и дети его: Мирза Аюб, Мирза Масрул, Мирза Абдулла, Мирза Шакир, Мирза Исраил, Мирза Каландар и Мирза Якуб, имея грамоты хана с давних пор по настоящее время были свободны от уплаты податей, то мы со своей стороны, придерживаясь прежнего порядка, упомянутых лиц, вместе с чайрикерами их освободили от уплаты хараджа и танапных сборов. Почему начальники и сборщики податей с. Чар-Кус и др. должны считать их свободными от всех повинностей, не требовать с них ни гроша денег, или зерна хлеба и не обходить их хирманы. 1242/1826—1827»¹.

Правом налогового иммунитета пользовались, видимо, лишь духовные и светские феодалы и налоговые чиновники, на которых составлялись специальные списки — *дафтары*². В архиве кокандских ханов сохранился список (без начала и конца) лиц, освобожденных от денежного поземельного налога (*танабана*). В дафтар были внесены только ходжи,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34994, л. 2 (1).

² Среди описей дафтаров по Чимионскому уезду есть указание на список земель, принадлежавших феодалам, освобожденным от платежа танапной подати. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35.

бии, сановники, ханские и бекские конники, сагира¹ хана и его сына Насруллы².

В последние годы существования Кокандского ханства, наряду с общей тенденцией увеличения государственных налогов, заметно сокращается количество земель, освобожденных от налогов. «Ханы, вообще нуждающиеся в увеличении своей казны, особенно в позднейшее время, — писал К. П. Кауфман, — не были, по-видимому, щедры на раздел казенных доходов со своими сановниками посредством мюлковых пожалований»³. Как было еще отмечено комиссией Ф. Гирса, мильковые привилегии при Худояр-хане потеряли всякое значение, и большинство земель *мильки хурри халис* было обложено податями. У потомков прежних мильковладельцев осталось лишь множество документов, действительных и подложных, на основании которых они предъявляли претензии туркестанской администрации на доходы с многочисленных земельных участков⁴.

Определяя общее количество мильков, П. Хомутов, составитель проекта отчета туркестанского генерал-губернатора, писал: «В двух южных уездах Сыр-Дарьинской области и в двух отделах Зеравшанского округа в сложности считается, например, более 52 тыс. десятин орошенной земли,

¹ *Сагира* — один из представителей ханской челяди. См.: *Троицкая А. Л.* Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). В кн.: «Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь академика И. Л. Орбели. М.:Л., 1960, стр. 271—279.

² *Троицкая А. Л.* Сагира в Кокандском ханстве... стр. 276.

³ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911, стр. 233.

⁴ См.: *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане... стр. 121.

на которую простираются подобного рода претензии... Таким образом, не менее 1/8 части всех обрабатываемых пространств оседлой полосы края, по собранным сведениям, оспариваются на мюльковом праве»¹. Среди представленных документов большинство основывалось на праве оживления и лишь немногие являлись ханскими пожалованиями.

Отличительную черту мильковых земель составляло то, что они могли являться предметом гражданских правоотношений, быть отчуждаемыми. Купля-продажа, а иногда и аренда производились обычно в денежной форме, но, особенно в ранние периоды ханства и на окраинах государства, встречались случаи меновой торговли. В архивах имеется целая серия документов на куплю-продажу и пожертвования в вакф земель киргизами. В 1249/1833—1834 г. некий Нурмухаммед купил около 150 кошей земли у жителей к. Мамай, позже 1/3 часть этой земли была продана киргизам Багышской волости². Киргизы Бурабаев, Куаткеев, Ишбутаев и Байсеитов в том же году продали один участок земли приблизительно в 150 кошей за 20 тилла Мулла Мур Мухаммеду Мир Каримову³. По другому документу о 30 кошах земли в местности Калтуг, багышские киргизы «Дивана и Ташбек Кулыбековы, Бекпулат Ишимбеков в здравом состоянии и добровольно, согласно шариату, объявили, что они вышеописанное имущество со всеми угодьями продали окончательно за 5 тилла Ирыс Мухаммеду Бек Кельдыбаеву. 1266/1849—1850 г.»⁴. Как видно из донесений Мухаммеда

¹ Холутов П. И. Проект всеподданнейшего отчета... стр. 233.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 15.

³ Там же, л. 26 (7).

⁴ Там же, л. 23 (16).

Садика-курукчи Худояр хану, земли целого кишлака Мирза-Абад перешли по купчей крепости во владение Насруллыбека¹. Об общем размере земельного владения жителя г. Оша Парманкула Агалука можно судить по тому, что он в начале XIX века имел восемь арыков, лишь один из которых, пожертвованный в вакф, орошал 1353 танапа земли².

Существование института купли-продажи являлось важным фактором концентрации больших земельных массивов в руках феодалов. О наличии у киргизских феодалов крупных земельных владений свидетельствует и то, что целые кишлаки и урочища назывались их именами. Так, кишлак, основанный на орошенных землях Алимбека-дадхи, назывался Алимбек-Чек, к. Бадалбай-Чек получил название по владельцу земли Бадалабаю, к. Яркинбай-Чек — по имени феодала Яркинбая (Джаркинбая) и т. д.

Общинные земли (замини джамоат). Отдельные семьи как члены сельской общины были частными производителями, имели индивидуальные хозяйства. Они пользовались общинной землей и даже могли владеть наследственно обрабатываемыми пахотными участками. Характерной чертой общинного землевладения в Киргизии являлись не периодические переделы и уравнильное землепользование, а совместное пользование пастбищами, совместное сооружение и поддержание оросительной системы.

Общинное землевладение в принципе сложилось исторически. Мы имеем в виду не общины, которые находились на государственных, миловых или вакфных землях и фактически являлись только землепользователями, прибавочный

¹ Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 145.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33590, л. 6.

продукт которых присваивался возвышавшимся над общиной государством или феодалом. Речь идет об общинах, источником владения которых являлось орошение пустошей общими силами, купля у государства и всевозможные ханские раздачи целым обществам. Такое общинное землевладение закреплялось документально, и земля могла отчуждаться (с согласия всех общинников).

«Земли родовые приобретались преимущественно кочевниками завоеванием и отданы ханами целым родам за заслуги. Земли эти обложены были десятиной урожая в пользу государства и закреплялись за родами ханскими документами (васиками) с показаниями в них границ владений надела, количества арыков и проч. На документах этих каждый новый хан должен был ставить свою печать». «Земли общественные обыкновенно отводились ханами в надел десяткам и сотням семейств на правах общинного владения с целью заселить пустынные для проездов места, каковыми были «чеки», или же покупались обществами у ханов или кочевников для расширения своего хозяйства»¹.

В 1287/1870—1871 г. несколько обществ — Казиляр, Таз, Инаят — купили у Султан-Мурадбека (правителя Маргеланского вилайета) за 500 танга «несколько участков земли: пахотные поля, кайраки, летовки, зимовки и ключи, находящиеся в Верхнем Наукате»².

Киргизы рода мамыт из Булакбашинской волости сообщали начальнику Ошского уезда, что они «имели прибли-

¹ Духовской А. О колонизации Ферганы. «Туркестанские ведомости», 1885, № 20, 21.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33647, л. 1.

зительно 150 кошей земли в Араванской волости Маргеланского уезда на местности Маранкул с давно прошедших времен., имели от хана на эту землю документ (инаят-наме), по которому земля предоставлена всем в полное владение»¹.

Обычно ханы награждали отдельные общины своих приверженцев земельными наделами в периоды смут и междоусобиц. Но такие наделения были непрочными. Малля-хан, обязанный возведением на престол киргизам и кыпчакам, изгнавшим Худояр-хана, подарил в 1277/1860—1861 г. одной из кыпчакских общин урочище Арал в Чустском уезде². Однако кыпчаки владели урочищем «самое непродолжительное время, в бытность хана Малля-хана, но Худояр-хан приказал снова отобрать его в ханскую казну»³.

Общинное землевладение носило подворно-участковый характер пользования пахотными участками и коллективный — пастбищами и выгонами. Некоторые источники, главным образом литературные, говорят о существовании периодических переделов общинной земли в зависимости от наличия тяглого скота (*кошей*)⁴. Большинство же архивных источников утверждают отсутствие переделов. М. Н. Николаев в записке «К вопросу о поземельной части в Туркестанском крае» (1869 г.) прямо указывал, что «у киргизов

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 248, л. 5.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22566, л. 8 (9).

³ Там же, л. 12—13.

⁴ *Гейнс А. К.* Управление Ташкентом при кокандском владычестве. В. кн.: *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, т. 2. СПб., 1898, стр. 441—442; *Маев Н.* Азиатский Ташкент. Мат-лы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. 4. Ташкент, 1876, стр. 271.

бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные не распространяется после первого раздела»¹.

Община в некоторой степени отвечала интересам государства, так как при обращении к круговой поруке уплата налогов всегда была обеспечена. Акад. А. Миддендорф при посещении Ферганы писал, что у киргизов «пастбищный район принадлежит всему племени или орде» и поэтому «рядом с этим первоначальным завладением существует также круговая порука в уплате податей, но вместе с ним и право общины отбирать земельные участки»².

К середине XIX в. расслоение в среде общинников усиливается, появляется стремление к выделению из общины частных владений. В рукописи Абу Убейдуллы «Холасат улахвал» отмечено недовольство общинников при взыскании с них платы за несостоятельных должников общины. Автор, сам сборщик налогов, одним из злоупотреблений ташкентского правителя Мирзы Ахмеда считает то, что Мирза Ахмед при сборе налогов долги отдельных общинников, «зафиксированные в его дефтере (реестре), перекладывал на всю общину, к которой относился недоимщик»³.

После присоединения Туркестана к России администрация также ввела порядок сбора суммы недоимщиков с общины. Капитан Медынский сообщал по этому поводу в комиссию Гирса (1866 г.), что такие меры, когда подать «по необходимости вносит за бедных общество», вызывают

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

² *Миддендорф А.* Очерк Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 464.

³ *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изв. АН Узб. ССР, серия обществ. наук, № 3, 1957, стр. 36.

«со стороны этих родовичей ропот»¹. В связи с этим ревизия Ф. Гирса (1882 г.) главный недостаток поземельно-податных работ в Ферганской области видела в том, что «податной единицей Кауфман признавал сельское общество, а не отдельный двор, как это было при ханской власти»².

Зажиточные общинники стремятся обособиться со своим наделом в общине. Приводившийся выше документ от 1254/1838—1839 г. зафиксировал процесс выделения из общего массива киргизской земли в местности Мады участка Муллабая Нарботобаева. Выделение частных владений внутри общины привело к тому, что общинники стали не только передавать свои земли по наследству, но и отчуждать их. Однако, как видно из материалов комиссии Гомзена, продажа была стеснена «1 — правом соседа и 2 — необходимостью согласия общества... У киргизов этот прием стеснен более, чем у сартов»³.

Когда киргизский феодал Куватбек уже в первые годы после присоединения Ферганы к России попытался закрепить за своим медресе в Узгене 150 танапов земли, администрация отказала ему, мотивируя тем, что «земля, на которой построено медресе, состоит в нераздельном пользовании многих лиц 2-го общества, причем пай Куватбека определяется приблизительно в 150 танапов... который пока из общего числа земли Джангир-Арыка не выделен»⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 781.

² *Савицкий А. П.* Закон 1886 г. и поземельно-податное устройство Ташкентского уезда. Тр. Таш. гос. ун-та, новая серия, вып. 194, истор. науки, кн. 13, 1962, стр. 36.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23876, л. 2, 5, 6.

پسران فتاحی صرب سرب نیکوینا را از بعد برنا طور بیدور میکلای لوف
بیج کبجو بیج صفرانلارونه دو کاسه پلام

اول ایسبراطور حضرتلاری بارجه مرصحتله بادیشاهز نیکوینا بود
روغی ایلان اندازای لوف نتیج بود بین ناف ایلان یبار کانه مرصحتله
ایشام بر دیشی الطون میدال الکساندر و سیک طابها سپونده یولو
قد و روبه اکوم او شپو نیکو حضور و نده هم نیکوینا قول بپهقان یار و و
خطونیکوینا کون ایلمری بادشاه حضرتلاری نیکوینا انارال حضرت
تلارون نیکوینا کون تلکوینا ایلان ایسان یک لارون تیلاب حیرت
لارونده بود ساق ایلان دیب دور امیز هم بود صیطان ز جهرت
ایتوب بادیشاه حضرتلارون نیکوینا آلوب بر کانونیکوینا قول
ق اوروب دور امیز

او تونوب صطیاز عوجی قرمز یورته نیکوینا الفارسی
شیر علی اوجلی

آبریل نیکوینا ۲ ینی یوشنده

۸۲۷ ینی ییلده

یرنه لاندک سرف نیکوینا یونده

Община же в целом свободно распоряжалась своими землями вплоть до отчуждения. Так, киргизы рода кара-багыш в 1840-х годах продали часть своих земель в районе Джалал-Абада обедневшим киргизам рода тейит, переселившимся из Ичкиликской волости¹. Обедневшие кочевые киргизы родов могол и найман купили в 50-х г. XIX в. у сузакцев полузаброшенные земли, восстановили запущенные и провели два новых арыка, перестали кочевать и стали вести оседлый образ жизни. Как писал поземельно-податной комиссар Койшевский, «поселившись на этих местах, киргизы начали исключительно заниматься земледелием и из года в год все более и более приобретаая навыки и умения»². Со временем все земли закрепились в подворно-участковом владении³. Закрепление за индивидуальными пользователями общинных земель на правах владения иногда оформлялось документами, в таком случае наряду с общим документом на право владения общинной землей существовали казийские документы у каждого отдельного землевладельца данной общины⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 33355, л. 74.

² Там же, л. 76—77.

³ Там же, л. 77.

⁴ Исследуя права населения на земли урочища Кур-Чавай в Ичкиликской волости, поземельно-податной комиссар Еникеев установил, что этим урочищем владели киргизы рода тейит. По представленному документу от 1258/1842—1843 г. «киргизам рода тейит, перечисленным в документе родоначальника, принадлежат земли «Чавай» в границах: с запада отчасти степями Кара-Кишлак, отчасти общественными купленными землями рода Юлмаш, отчасти пустопорожными землями Сары-Бель, с юга — Кары-Сум и Ходжабильмес, с востока — Бильнимча и уроч. Таркуль, с севера - всецело хребтом Гаузаны». Как писал Еникеев, «кроме общего документа, у некоторых есть документы по купле и продаже участков».

Отчуждение общинных земель не членам данной общины обычно оформлялось лишь с согласия всех общинников. Документом от 1281/1864—1865 г. доверенные от нескольких обществ (Тани, Таш-Кышлак, Минг, Чуча) «по доверенности со стороны остальных лиц их обществ» продали за 45 тилла принадлежавший им в Балыкчинском районе земельный массив потомкам Валихана-Тюри¹.

После тяжбы в 1273/1856—1857 г. за землю (в местности Мады), которая прилегалла «к полям Бабахана Мулла Кыргыз Алиева... к полям Алимбека-дадхи Хасанбиева... к полям отделения Бакал... к полям отделения Каляр... к полям отделения Тонгуз-баши» и т. д., киргизы общины (идет перечисление более 70 фамилий), получив со спорящей стороны 48 кирпичей черного чая, «решением остались довольны и земля осталась за сартами»².

В 1278/1861 —1862 г. община киргизов рода бостон в местности Куршаб (Андижанский вилайет) двумя вакфными документами передала все свои земли (около 500 дес.) в вакф *ханаке* (обители) Ша Рахматуллы-Ишана³.

Наряду с куплей — дарением земли существовала и арендная форма сделок. По поводу спора в 1865—1866 гг. из-за пастбищ в местности Исан-Арча между родом орвин и киргизским феодалом Шах-Мирзой-эшик-агаси правитель Маргеланского вилайета писал: «Вы (*род Орвин. — В. П.*)

в пределах урочища Чавай. Права владения, пользования и распоряжения нормируются местным обычаем». ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243. (Курсив наш. — В. П.).

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34227, л. 16.

² Там же, д. 22524 л. 73—74.

³ Там же, д. 34764, л. 35—36 (15, 14).

на протяжении 20 лет на эти места не заступали и *не сдавали в аренду*, (поэтому) ничего не предпринимайте зря»¹. Как видно из документа, сдача в аренду приравнивалась к непосредственному пользованию, и если владельцы долгое время не пользовались землей и не сдавали ее в аренду, то лишались права владения.

Возможность гражданско-правовых сделок на общинную землю, выделение частных владений и отчуждение земельных участков общинниками вели к дифференцированию внутри общин, к концентрации на одном полюсе крупных землевладельцев и появлению на другом безземельных дехкан, пополнявших ряды издольщиков и поденщиков.

*Земли духовных учреждений (вакф)*². Весьма распространенный в Средней Азии и имевший место в земледельческих районах Киргизии институт феодального землевладения вакф, составлявший экономическую и политическую базу мусульманского духовенства, является наименее исследованным.

Во время поземельно-податного обследования и Ферганской области было представлено свыше 5,5 тыс. вакфных документов на выделение более 9 тыс. отдельных имуществ³.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. (8) (Курсив наш. — В.П.).

² *Вакф (вакуф)* по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное с благотворительной целью в пользу религиозного заведения или духовного лица. Вакф рано перестал служить своему формальному назначению и превратился в источник дохода светских и духовных феодалов. Предметами обращения в вакф служили земля, торговые лавки, мельницы, деньги, скот и пр. имущество. Вакф оформлялся заверяемым казием документом (*вакф-наме*) с указанием предмета и условия завещания, распорядителя вакфа — *мутаваллия* и порядка распределения доходов. См.: Хидая, т. II, кн. XV, «О вакуфах».

³ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 1. Н-Маргелан, 1897, стр. 25.

Но к рассмотрению приняты были лишь 600 документов, по которым и выделили примерно 80 тыс. дес. орошаемых земель. Из них на территорию Киргизии приходилось около 16 тыс. десятин¹. Если принять во внимание количество непризнанных документов (около 5 тыс.), то общее количество вакфной земли было несравненно большим.

Часть вакфов образовалась в результате ханских пожалований, но большинство — за счет пожертвований мельковых земель. Определение земель в вакф ханом и феодалами обуславливалось стремлением привлечь расположение наиболее влиятельных слоев духовенства. Крупные ханские пожертвования выделялись в период смут и междоусобиц. При вторичном занятии престола, в 1862 г., Худояр-хан пожертвовал в вакф ханаке Магруф-хан-Тюря Шейх уль-ислама земли целого кишлака Таш-Булак в Маргеланском вилайете². Ханы жертвовали в вакф, по-видимому, как государственные, так и свои личные земли. Омар-хан выделил в вакф построенному им в Коканде медресе Джамии два кишлака государственных земель и $4/5$ своих личных земель в вилайете Шарихан³.

Наряду с орошаемыми и обрабатываемыми землями в вакф могли жертвоваться и неорошаемые пространства. Омар-хан, например, отвел в вакф ханаке Хазрет-Ишана Халифы массив государственной земли, определив вывод и размеры арыка из реки Сох⁴.

¹ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл. . Результаты поземельно-податных работ. Вып. I—V.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868 л. 2—4 (5).

³ Там же, д. 34533, л. 3.

⁴ Там же, д. 34694, л. 160.

Во время частых в Средней Азии конфискаций вакфное имущество являлось наиболее устойчивым¹, чем и пользовались феодалы, определяя свои земли в вакф и оговаривая в грамоте право за собой и своими наследниками на заведение вакфом (так называемый *вакф-авлод*). Уступкой минимальной части доходов феодал сохранял за собой основную часть ренты. Такими вакфами выступают владения влиятельных кокандских сановников киргиз-кыпчака Алимкула (к. Кара-Су Андижанского вилайета)² и киргиза Алимбека (Ошское медресе).

Вакф-авлод известного киргизского феодала Алимбека-дадхи состоял из 10 тыс. танапов обрабатываемой земли в районе Чин-Абада, более сотни торговых лавок, мельниц и постоянно увеличивался стараниями его наследников³. Так, Абдуллабек, сын Алимбека-дадхи, купил и пожертвовал в вакф медресе своего отца ряд торговых лавок и участок земли (около 14 танапов) в г. Оше. В вакф-наме написано: «...Медресе из жженого кирпича в городе Оше. Медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий... Два участка земли по Ошскому саю, один около другого... *(идет описание границ земельных участков. — В. П.)*... В месяц Зиль Каада 1292 года Абдуллабек дадха, сын Алимбека-парваначи Хасанбиева, заявил, что упомянутые участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутаваллием вакфа — сам

⁴ Правда, неприкосновенность вакфа, определенная шариатом, также была относительной. Худояр-хан отобрал, например, у Ходжентского медресе Шахибека-парваначи необрабатываемые земли, зачислил их в разряд государственных и роздал населению для обработки (в чеки). ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 12—13.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34337, л. 2—3.

² Там же, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6; ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 7.

жертвователю, а после него — потомство. Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток должен делиться на 10 частей: 1 мутаваллию, 3 мударису, 1 имаму, 1 муэзину, сторожу и цирюльнику, 4 в пользу учащихся»¹.

Архивные документы свидетельствуют о наличии отдельных вакфных участков среди земель киргизских кишлаков. В пределах одного кишлака Кара-Багыш (Андижанский вилайет), населенного киргизами тейит и карабагыш, было четыре таких вакфных участка. Два из них (5 дес.) закрепил вакфом своей мечети карабагыш Бай Мухаммедбай, один участок (более 23 дес.) определен Тюря-хан Тюрей в вакф андижанской мечети своего отца и один участок (3 дес.) был пожертвован киргизом Рахимкулом приходской мечети тейитов². В селении Джигда-Могол, основанном киргизами могол и найман на купленной у сузакцев земле, из семи вакфных владений шесть (первоначально около 70 дес.) принадлежало узгенскому медресе Араббая, а один (около 2 дес.) — школе (*мектеб-хана*) соседнего кишлака Хан-Абад³.

Оформление в вакф земель непосредственными производителями-дехканами объясняется или их стремлением обеспечить покровительство более сильного сюзерена, или указывает на вынужденный характер пожертвования.

В вакф-наме киргизской общины (*джамоат*) рода бостон, передававшей все свои земли (около 500 дес.) в пользу ханаке Ша Рахматуллы-Ишана, говорится: «Объяснение границ участка земли в местности Куршаб, Карасуйского района: с запада — берег большого сая, с юга — арык общества

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 3 (2).

² Там же, д. 33355, л. 76—78; д. 34327, л. 35 (25).

³ Там же, д. 33355, л. 78.

Бостон, с востока — часть земли общества Бостон и земля общества Сакалак, с востока — земля общества Бостон.

В месяц Джумади-эль-Авваль 1278 года Мулла Манас Сакландыев, Юлдаш Иноятов (*и др., более 30 чел. — В. П.*) ...с благотворительной целью и в здравом рассудке заявили, что означенную землю и земли, находившиеся в их владении, они жертвуют в вакф в пользу ханаке Ша Рахматуллы-Ишана. Доход с вакфа употребить на довольствие проживающих в ханаке лиц. Мутаваллием должен быть Ша Рахматулла-Ишан, а после смерти — его наследники». На полях документа позже был приписан еще один участок земли, находящийся в местности «Кукчулук, границы: с запада — Ак-Джар, с юга — Батой, с востока — степь, с севера — арык Джури»¹.

Вторым документом киргизы этой же общины «жертвовали» остальную землю в вакф на тех же условиях².

Одним из источников пополнения вакфного фонда следует признать и куплю земель вакфными учреждениями. Когда один из жителей селения Кашгар-Кишлак пожертвовал в вакф 1/4 своего земельного участка, мутаваллий купил у владельца оставшиеся 3/4 земли и зачислил их в вакф³. Некий Мухаммед Юсуфбай передал в вакф сузакской мечети участок земли и 15 тилла деньгами, которые мутаваллий должен был «давать надежным лицам на проценты⁴ и, если

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 35 (15).

² Там же, л. 36 (14).

³ Там же, д. 34973, л. 15 (16—17).

⁴ Несмотря на формальное запрещение шариата взимать процент с ссужаемых мусульманами денег, ростовщичеством, как видно, занимались даже сами духовные учреждения, что подтверждается многими вакфными

найдется хорошая земля, то он должен на эти деньги прикупить землю в вакф»¹.

В районах орошаемого земледелия, где ценность земли нередко зависела от наличия оросительной системы, вода нередко выступала самостоятельным предметом гражданско-правовых сделок². Поэтому не случайно водопользование нашло свое отражение в вакфных документах. Вакфу Ша Рахматуллы-Ишана принадлежали: «...Одна очередь воды в 1/16 часть..., протекающая из арыка кишлака Паулган от артели туземца Тоша Рахманкулова, которой орошаются вакфные земли в течение одних суток; одна очередь воды из арыка кишлака Паласан с утра до полдня от артели Катопа; одна очередь воды из того же арыка от артели туземца Алим Назар зарбая, считая очередь с утра до полдня, одна очередь из того же арыка от артели Баба Назар Аксакала с рассвета до полдня; еще одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Халык Назара с рассвета до полдня и одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Рузыкулова — с рассвета до полдня»³.

документами. Так, в 1289/1872—1873 г. некий ходжентец Мулла Мир Камиль Мехтер пожертвовал на содержание своей мечети и медресе в вакф одну тысячу тилла с условием, что мутаваллий «деньги эти должен отдавать благонадежным лицам на проценты». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 3254, л. 3.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34391, л. 2 (3).

² «Есть целые местности в различных частях края, например, Ходжентский уезд в Самаркандской области или Шахимарданская оросительная система в Фергане, где торговля водой отдельно от земли составляет широко распространенное явление». *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края... Орошение в Туркестане. СПб., 1910, стр. 54.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 32.

В стремлении к увеличению вакфов духовенство использовало любые средства, не останавливаясь перед насилием и подлогами. Так, влиятельный Ша Рахматулла-Ишан присоединил к одному своему вакфному участку в местности Ганда-Булак все окрестные земли, вписав их в вакф-наме, скрепленную Худояр-ханом печатью¹.

Насильственное причисление к вакфам дехканских земель вызывало протесты непосредственных производителей и длительные тяжбы. Известно, что спор между дехканами и медресе Сеид-Кулыбека за земли по Янги-Арыку, в районе Оша, шел несколько лет².

В Кокандском ханстве не было централизованного органа духовенства. Вакфное имущество считалось владением отдельных религиозных учреждений и лиц, которое контролировалось верховными казиями или специальными ханскими уполномоченными. Худояр-хан в 1862 г. назначил ташкентским Шейх уль-исламом Ай-Ходжу, которому поручалось «заведывание вакфами» и которому должны были подчиняться все местные мутаваллии³. Шейх уль-ислам Магруф-хан Тюрю имел на территории Южной Киргизии собственные вакфы, в частности, все земли к. Таш-Булак⁴, и, возможно, имел право контролировать вакфы Южной Ферганы. Контроль выражался главным образом в определении прав владения и управления вакфным имуществом, в установлении

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 231, л. 3—4.

² Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 23088, л. 4, 23, 24; *Наливкин В.* Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегод. Ферг. обл., т. III. Н-Маргелан, 1904, стр. 16.

³ *Бартольд В. В.* Соч., т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 351.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 2—4 (5).

подлинности вакфных завещаний, разрешении спорных вопросов, а также в определении среднего размера налога с вакфных земель.

В зависимости от категории земель, из которых образовывались вакфы, ставился вопрос и об их обложении податью. Большинство вакфов пользовалось налоговым иммунитетом, хотя не все имели соответствующие ханские грамоты. Освобожденные от налогов феодальные владения (*мильки хурри халис*) и пожертвования ханов обычно не облагались податью. Но так как налоговый иммунитет имел правовое основание лишь в годы правления данного хана, владельцы крупных вакфов старались заручиться обелительными грамотами каждого нового правителя. Вакфное учреждение Ша Рахматуллы-Ишана имело грамоты от многих ханов на все свои земли, без определения их границ и размеров. Например, в одной из них сказано: «От Саид Султан Мухаммед-хана. Да будет известно всем сеидам, ишанам, должностным лицам, хакимам, что я из уважения к Ишану Ша Рахматулле освобождаю все его земли от всяких повинностей, так что никто не вправе как от него лично, так и от хлебопашцев его требовать каких бы то ни было податей. Никто из смертных не должен навещать поспевший хлеб для взимания хараджа, садов его и других вакфов, не подлежащих обложению пошлиной. Распоряжением этим должны руководствоваться раз навсегда, не требуя от Ишана других дипломов. 1280 г. хиджры»¹.

Однако хан мог и не освободить обеленный предшественником вакф от податей в казну. Заняв вторично престол, Худояр-хан тут же приказал, например, собирать налог

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 38.

с вакфных земель Алимкула, своего политического противника¹. Алимкул, став регентом при Сеид Мухаммед-хане, обложил налогом кишлак Таш-Булак, пожертвованный перед этим Худояр-ханом в вакф медресе и ханаке Магруф-хан Тюря Шейх уль-ислама². Облагавшиеся вакфы назывались черными (*кара-вакф*).

Некоторые вакфы лишь частично облагались налогами (*вакф-кадресе*). Часть урожая с таких вакфов (обычно 1/10) собиралась в государственную казну, а часть оставлялась религиозному учреждению. По сведениям начальника Маргеланского уезда, в Кокандском ханстве было немало вакфов-кадресе, как, например, ярмазарский вакф и др.³ Иногда вакфы освобождались от податей на определенное время, даже на один год. Ханами и правителями вилайетов и бекств в таком случае выдавалась жалованная грамота (*инаят-наме, мубарак-наме*), или специальное распоряжение (*патта*). Пример патты, скрепленной печатью Насреддина, андижанского бека: «Амлякдару Хайрабада сообщаю, что там имеется вакф Баба Сейид ад-дина. Оказывая милость, я простил харадж по той причине, что (это) — вакф. По ежегодному обычаю в список не заносите. 1290/1873—1874 г.»⁴.

Освобождая от податей вакфные земли Мир Мухаммед Закир Магзума в к. Бута-Кара (Андижанский вилайет), Малляхан выдал инаят-наме, в которой приказывал с вакфного

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34364, л. 2, 5, 14, 15.

² Там же, д. 22509, л. 33.

³ Там же, д. 22770, л. 1.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... стр. 198.

учреждения «не требовать ежегодно новой грамоты» и, кроме того, «возвратить взятое с упомянутых вакфов»¹.

Налоговые льготы не распространялись на дехкан вакфных земель. Почти весь прибавочный продукт вакфных крестьян шел на обогащение духовных феодалов, которые нередко кроме вакфов пользовались доходами многочисленных частных владений.

Все рассмотренные вакфы находились в оседло-земледельческих районах и состояли главным образом из орошаемых земель. Из 3 391 дес. 240 саж. вакфной земли, выделенной поземельно-податной комиссией в Ошском уезде, богары, также расположенной в районах оседлого земледелия, было только 114 дес. 2 000 сажен². В исключительных случаях вакфом могли являться, видимо, и наиболее ценные выгоны. Ходжентскому медресе Шахи-бека-парваначи, например, принадлежали пастбища около селения Тамаша-Кишлак³.

В кочевых районах Южной и в Северной Киргизии не было постоянных религиозных учреждений, а соответственно и почвы для развития вакфного землевладения. От р. Чу до Таласской долины, где по данным 1866 г. кочевало 8 тыс. юрт казахов и около 20 тыс. юрт киргизов, имелось всего два участка земли, принадлежащих духовенству: один — в урочище Уч-Курган (владение аулиеатинского казия) и второй — в урочище Тектурмас, на правом берегу р. Талас. Служители могилы похороненного здесь мусульманского «святого» Тектурмаса занимались хлебопашеством и в период

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33542, л. 22.

² Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. V, приложение 1.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 12—13.

кокандского господства были освобождены от платы хараджного налога¹.

Никаких указаний в архивных и литературных источниках на наличие в скотоводческих районах Киргизии земельного вакфа не встречается. В. Наливкин мог с достаточным основанием заявить, что в «Семиреченской области вакфных иму-ществ не имеется»².

Отсутствие вакфов в скотоводческих районах Киргизии объясняется, во-первых, спецификой кочевого ведения хозяйства и, во-вторых, слабым распространением здесь мусульманства. Ошским уездным правлением в 1877 г. было зарегистрировано в киргизских кочевьях всего две мечети — мечеть муллы Нурмата на зимовке Тоолос и мечеть каратегинчи на зимовке Буюн-Арал. Вакфов мечети не имели и содержались на сборы с населения³.

Вакфы, под влиянием духовенства, возникают с первыми признаками оседлости: появлением усадебных участков и жилых строений. Так, в урочище Алчали-Булак (в районе Джалал-Абада) киргизы рода тейит еще не перешли окончательно к оседлости, хотя уже имели небольшие запашки. Здесь вакф отсутствовал⁴. А в соседнем к. Кампыр-Рабат 21 хозяйство (18 из рода тейит, 2 карабагыш и 1 кыпчак) занималось земледелием, причем 2 землевладельца имели жилые строения и усадьбы, три зимовали в юртах на месте, а шестнадцать откочевывали в ближайшие предгорья.

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 768—769, 775.

² *Наливкин В.* Положение вакуфного дела... стр. 51.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 63.

⁴ Там же, д. 33355, л. 80.

На лето же все хозяйства откочевывали со скотом на джайлоо, однако в кишлаке уже появился вакфный участок более чем в две десятины, закрепленный за приходской мечетью киргизов рода тейит¹.

Заключая рассмотрение видов землевладения, необходимо отметить следующее. В Кокандском ханстве собственность на всю землю юридически считалась государственной, соответственно большинство земель Южной Киргизии накануне вхождения в состав России относилось к амляковым. При этом уже имело место развитие таких институтов феодального землевладения, как мильк и вакф. Увеличение мильков за счет государственных и общинных земель, рост вакфов за счет всех категорий землевладения, концентрация земельных массивов в руках светских и духовных феодалов и одновременное обезземеливание мелких землевладельцев и рядовых общинников имели следствием обострение классовых противоречий.

В целом структура землевладения в Южной Киргизии, в основе феодальная, соответствовала интересам господствующего класса, обеспечивая экономически выкачивание продуктов непосредственных производителей-крестьян, а политически — господство над всей массой трудящегося населения.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 78—79.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Основным занятием киргизско-узбекского населения Южной Киргизии в XIX в. являлось экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие, преимущественно поливное.

Киргизы кочевали общинно-родовыми подразделениями, различными по численности. Внутри их члены айильной общины вели свои хозяйства, основанные на частной собственности на скот и общем пользовании пастбищами. Пашни эксплуатировались индивидуально.

Общинный характер пользования пастбищами подтверждается материалами первых исследователей земельных отношений в Туркестане и результатами поземельно-податных статистических обследований Ферганской области, проведенных в конце XIX — начале XX в.¹

¹ Статистические обследования имели своей задачей определение территории, занимаемой местным населением, с целью обложения налогами, выявления земельных излишков и закрепления ранее существовавшей формы землепользования. Поэтому данные конца XIX — начала XX в. при отсутствии статистических материалов за кокандский период вполне могут быть привлечены для характеристики земельных отношений и более раннего периода, особенно в кочевых районах. Сами члены статистических партий, проводившие работу, отмечали, что «в порядке землепользования пастбищами до сих пор почти в чистом виде царят прежние общинно-родовые традиции». Мат-лы по землепользованию кочевого киргизского

М. Н. Николаев в записке о землевладении и землепользовании оседлого и кочевого населения Туркестанского края, составленной в 1869 г., писал: «Киргизы пользуются для пастьбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделениям, совокупно, следовательно — порядком общинного пользования»¹. В материалах А. И. Гомзена (1869 г.) в отношении землепользования также неоднократно подчеркивается, что «форма пользования есть общинная, причем у киргизов она представляется самую чистую, у сартов... ограниченною и стесненною участковым видом»². Статистики Ферганской области зафиксировали двойственный характер в землепользовании у киргизов: «... с одной стороны, остатки скотоводческого родового быта, сохранившиеся в наиболее чистом виде в пользовании пастбищами, с другой — почти полная индивидуализация культурных угодий»³.

Феодалы кочевых родо-племенных групп, хотя имели формальное право, одинаковое с рядовыми кочевниками в пользовании пастбищами, фактически являлись их распорядителями. Капитан Медынский, управляющий населением левого фланга Туркестанской области, в 1866 г. сообщал в комиссию по составлению проекта Положения об управлении в Киргизских степях и Туркестанском крае: «При занятии зимовок родом или отделением, места для аулов распределяются бием, т. е. управителем рода, смотря

населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915, стр. 113.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

² Там же, оп. 22, д. 3, л. 93.

³ Мат-лы по киргизскому землепользованию. Ферг. обл. Наманг. уезд Ташкент, 1913, стр. 29.

по численности скота в ауле. Для тех аулов, которые имели скота много, занимали большую зимовку и по каким-либо причинам обеднели, бием назначается на зимовке места менее и оставшееся в излишестве место уделяется аулам, у которых скота прибавилось... При занятии зимовки прежде всего ставит свою юрту на лучшее место управляющий аулом аксакал, а потом уже распределяет места для остальных юрт»¹.

В зависимости от характера землепользования у кочевников можно выделить три вида земель: летние выпасы, зимние пастбища и культурные угодья.

Общее соотношение летних и зимних пастбищ в Ферганской области было примерно одинаковым: статистики выделили 560457 кв. верст летних и 551432 кв. верст зимних пастбищ, на которых располагалось 27732 хозяйства, главным образом киргизских. Под культурными угодьями было занято лишь около 9% призимовочной площади². Пользование летними пастбищами являлось общим для нескольких общинно-родовых подразделений. Наиболее характерными в этом отношении были отдаленные пастбища Алая, Памира, Чаткала. Алайскими кочевьями пользовались главным образом как летними пастбищами жители Ферганской области. Поземельно-податной комиссар полковник

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 776. См. также: *Убукеев А.* Кыргыздын тупку теги, уруучулук курулушу, турлуу салттары. 1939—1940 жылдарда Талып Байболотовдон жазылып алынган Рукоп. фонд Отд. общ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 787, стр. 51.

² Мат-лы по киргизскому землепользованию... Андиж. уезд; То же. Наманг. уезд; Мат-лы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферг. обл.

Краснослободский подчеркивал, что киргизы искони пользуются пастбищами в определенных границах, но распределение пастбищ не было упорядочено: «Приходящие в июне месяце занимают места в долине, дней через 7—10 переходят на новые места в той же долине, потом поднимаются к перевалам, числа с 10 июля начинают спускаться вниз, делая остановку на 6—10 дней, направляясь к выходу с лотовок, таким образом, каждый из прибывших в течение лета со своими стадами обойдет долину Алая и ее окрестности»¹. Сами жители Ферганы в отношении пастбищ Алая сообщали поземельно-податным комиссарам, что «прав на землю никто из них не имеет и о праве собственности никто из них не заявлял. За ними право одно: исконное потомственное право пользования по обычаю»².

После закрепления пастбищ туркестанской администрацией за общинами по местам их кочевок в киргизских районах Ферганской области, например, норма обеспечения хозяйств землей на призимовочной территории по районам колебалась в среднем от 17,06 до 254,31 дес. (см. табл. 1)³.

Общинная форма пользования пастбищами была более выгодна многоскотным хозяйствам, имевшим возможность расширить свои стада за счет маломощных бедняцких хозяйств, тогда как при подворно-участковом закреплении пастбищ за каждым хозяйством это стало бы невозможным, во всяком случае, без согласия малоскотных владельцев.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 206.

² Там же, л. 205.

³ Мат-лы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферг. обл., табл. 6, стр. 216.

Таблица 1

Районы	Кол-во скота на х-во, един.		Площадь удобной земли, в дес.						
	колебания		на хозяйство			на единицу скота			
	в среднем	от	до	в среднем	колебания от	до	в среднем	колебания от	до
Гульчинско-Куршабский	10,99	5,32	19,95	45,44	21,90	175,27	4,14	1,77	1434
Алайкуссский	14,05	12,27	15,27	254,31	137,73	811,92	18,10	11,21	56,14
Предалайский	10,58	6,93	26,71	135,50	40,60	620,62	12,81	3,25	50,27
Нижнеалайский	8,50	3,85	31,79	118,73	16,22	697,69	13,98	2,01	149,97
Западный горный	5,18	3,37	6,92	17,06	4,43	124,29	3,29	0,64	18,65
Западный предгорный	9,04	3,68	13,78	93,09	11,36	274	10,29	3,06	19,98
	9,63	3,37	31,79	80,55	4,43	811,92	8,32	0,64	149,97

В Наманганском уезде киргизские хозяйства обследованной территории имели 56340,73 ед. скота, в том числе 5279 хозяйств бедняков — 20114,28 ед., 1801 хозяйство середняков — 22178,03 ед., 372 хозяйства баев — 14048,42. Если 1809 хозяйств первой группы бедняков имели 2737,6 ед. скота, то только 19 самых крупных баев — 2096,27 единицы¹. Естественно, что баи пасли свой скот на общих землях за счет малоскотных бедняцких хозяйств. Если разделить всю пастбищную территорию Наманганского уезда — 104127,3 дес. на количество кочевых хозяйств, то в среднем на одно хозяйство приходилось бы по 137,4 десятины.

При условном разделении хозяйств по количеству скота в Наманганском уезде статистической партией было выделено 9 групп (см. табл. 2)².

Первые три группы можно считать бедняцкими, три средние — середняцкими и последние три — байскими. В таком случае бедняки с количеством скота от 1,5 до 6,6 ед. на одно хозяйство составляли 70,8%, середняки от 9,8 до 17,6 ед. — 24,1% и баи от 26,3 до 110,3 ед. — 5,1%. Следовательно, 5279 бедняцких хозяйств (70,8%) получили бы из нормы 137,4 дес. на хозяйство 725334,6 дес., 1801 середняцкое хозяйство (24,1%) — 247457 дес., 372 байских хозяйства (5,1%) — 51112,8 десятины. Фактически же на долю бедняцких хозяйств (35,7% ед. скота) приходилось 366000 дес., середняцких хозяйств (39,4% ед. скота) — 403000 дес. и на долю байских хозяйств (24,9% ед. скота) — 255137,3 дес.

¹ Мат-лы по киргизскому землепользованию. Наманг. уезд, стр. 146, 153; *Ильсов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 220.

² Там же, стр. 59—61.

Таблица 2.

Группа	Р а й о н ы						Вс е т р и р а й о н а		
	К а р а с у й с к и й		К е т м е н ь - Т ю б и н с к и й		Ч а г к а л ь с к и й		ч и с л о х о з я й с т в, %	ч и с л о х о з я й с т в, %	е д и н и ц с к о т а н а о д н о х о 3 - в о
	ч и с л о х о з я й с т в, %	е д и н и ц с к о т а н а о д н о х о 3 - в о	ч и с л о х о з я й с т в, %	е д и н и ц с к о т а н а о д н о х о 3 - в о	ч и с л о х о з я й с т в, %	е д и н и ц с к о т а н а о д н о х о 3 - в о			
I	25,8	1,69	24,8	1,34	14,4	0,87	24,3	1,5	
II	28,4	4,32	23,4	3,53	36,2	2,95	27,4	3,9	
III	18,4	7,13	18,4	6,09	25,4	5,95	19,1	6,6	
IV	11,9	10,46	10,5	8,65	9,6	10,0	11,2	9,8	
V	7,4	13,25	8,5	10,7	7,2	14,5	7,7	12,4	
VI	4,7	19,0	6,4	15,26	3,8	21,9	5,2	17,6	
VII	2,2	30,09	5,7	23,92	1,8	29,62	3,4	26,3	
VIII	0,9	62,61	2,1	41,06	1,2	83,73	1,4	52,4	
IX	0,3	119,02	0,2	100,8	0,4	94,35	0,3	110,3	
	100	7,62	100	7,51	100	7,42	100	7,6	

Выходит, что байские хозяйства пользовались излишками пастбищ других хозяйств в 204 024,5 дес. и могли использовать излишки бедняцких хозяйств в количестве 359 334,6 дес.¹

Зимние пастбища, представлявшие большую ценность по сравнению с летними, являлись предметом более четкого разграниченного пользования, и вкочевывание на чьи-либо обособленные земли было возможно лишь с разрешения данной общины, на договорных условиях. Начальник Маргеланского уезда в рапорте губернатору Ферганской области отмечал, что зимние пастбища были разделены «между отдельными лицами или небольшими аулами от 5 до 20—30 кибиток. И такое владение закреплено обычаями и документами уже много лет тому назад»². Киргизы к. Чавай (Ичкиликская волость) во время проведения ревизии Туркестанского края заявляли, что «пастбищных полей здесь немного» и поэтому окрестные урочища «имеют каждое своих владельцев». В доказательство своих прав землевладения предъявляли ханский документ от 1258/ 1842—1843 г.³ Имеются факты, хотя и исключительные в своем роде, закрепления отдельных пастбищ за одним лицом. Так, приводившийся выше пример ханского пожалования пастбищ в районе Науката киргизскому феодалу Шах-Мирза-дадхе (1282/ 1865—1866 г.) свидетельствует о возможности единоличного характера пастбищепользования.

¹ Мат-лы по киргизскому землепользованию... Наманг. уезд, стр. 59—61, 216; *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 221.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 5984, л. 5.

³ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243.

Однако подобные случаи были слишком редки и не повсеместны. Индивидуальная, подворно-участковая форма землепользования имела место главным образом на обрабатываемых землях. «О времени перехода от общинного владения к существующему в настоящее время подворному, — писали статистики в отношении пахоты, — даже старики не могли сказать ничего определенного: «давно, еще при наших отцах и дедах пользовались каждый своим участком и переделов не было», — общий ответ всех опрашиваемых об этом»¹.

Первоначально пользование киргизов пахотными землями носило неурегулированный характер («пашет, кто где захочет») — форма, которая сохранилась в некоторых отдаленных волостях, как, например, в Ляйлякской и Найманской, до XX в.²

Пригодные для пахоты общинные участки могли быть свободно заняты любым членом общины: «Пахотные земли считаются общим достоянием рода и пользование открыто для всех родовичей, занимающихся хлебопашеством»³. А. Миддендорф, посетивший Фергану в конце 70-х годов XIX в., писал, что у кочевников хозяйство начинается на общинных землях, на которых они переходят к земледелию, «захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается возделывание на них хлебов», а с проведением оросительных сооружений, устроенных целым обществом, «тотчас же начинается разделение сообща устроенной оросительной области на частные, интенсивно

¹ Мат-лы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферг. обл., стр. 111.

² Там же, стр. 112.

³ *Хомутов П. И.* Проект всеподданнейшего отчета... стр. 224.

обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в прочное личное владение»¹.

Земледелием киргизы занимались издавна. В кочевых районах оно долгое время продолжало оставаться подсобным в скотоводческом хозяйстве. Примером этому могут служить киргизские поселения в районе Джалал-Абада, рассмотренные в пояснительной записке поземельно-податного комиссара Койшевского. Еще в первой половине XIX в. на месте основанного здесь позже кишлака Кара-Багыш было несколько разбросанных отдельных курганчей, на которых киргизы занимались земледелием, служившим «лишь подспорьем к скотоводству»².

Примерно в 50-х годах XIX в. обедневшие киргизы родов могол и найман, купив у сузакцев земельный массив с двумя арыками, вырыли дополнительно три арыка — Ямадыр, Бадальбай и Джигда — и стали, наряду со скотоводством, заниматься земледелием. К 90-м годам из 31 хозяйства уже 10 имело усадебную оседлость, а 21 — только заборы и хлева для скота³.

Постоянным местом жительства киргизов рода тейит была местность Кампыр-Рабат. Пахотные земли находились в подворно-участковом владении, но усадебную оседлость имели лишь два хозяйства из 21. По сведениям поземельно-податного комиссара, «на лето почти все землевладельцы этой дачи поголовно уходят со скотом в горы в Узгенскую волость, в верховья р. Яссы»⁴.

¹ *Миддендорф А.* Очерк Ферганской долины... стр. 466.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 70—80.

³ Там же, л. 77.

⁴ Там же, л. 79.

В урочище Алчали-Булак из 33 семей киргизов рода тейит вообще ни у кого до 90-х годов не появилось усадебной оседлости и лишь у 22 имелись небольшие ограды и навесы для зимовки скота. 20 семей имели запашки, находящиеся в подворно-участковом пользовании в окрестностях селения Хан-Абад, а два хозяйства — в самом урочище Алчали-Булак; 13 семей вовсе не имело запашек, ввиду недостатка воды. Но урочище представляло ценность как зимнее стойбище для скота, так как было хорошо защищено от ветров, а ближайшие богарные предгорья Хан-Абада изобиловали подножным кормом¹. Пользование пастбищами везде оставалось общинным. Пахотные земли, находящиеся в индивидуальном пользовании отдельных хозяйств, становились после снятия урожая также общим достоянием.

Земледелие являлось главным образом поливным, даже в высокогорных районах. А. П. Федченко, посетивший Алай в 1871 г., неоднократно отмечал, что киргизы засевали довольно много ячменя и даже пшеницы. «Виденные мною поля, — писал он, — все *оби*, т. е. орошаемые»². Однако имела место и распашка полей *ляльми* под *богару*, что подтверждается рядом купчих крепостей (*васик*) и вакфных документов (*вакф-наме*)³. Пользование богарой носило преимущественно общинный характер, постепенно уступая место подворно-участковой форме⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 79—80.

² «Туркестанские ведомости», 1871, № 35; Изв. РГО, т. VIII, № 1, 1872; Мат-лы для стат. Турк. кр., вып. III, 1873, стр. 392.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10; д. 34965, л. 3 (1); д. 34961, л. 5.

⁴ С. И. Ильясов отмечает правильность мнения исследователей киргизского землепользования о том, что «подворно-участковая форма поль-

Пахотные поля киргизов представляли из себя парцеллярные участки, обрабатываемые преимущественно бедной у баев на издольных началах (*орточество*).

Недостаток скота, гибель его во время периодических джутов, уносивших 25—30% общего поголовья, служили главным стимулом к переходу от кочевого образа жизни скотовода к оседлому земледелию. В долинных районах Южной Киргизии земледелие киргизов развивалось в соседстве и под воздействием земледельческой культуры оседлого узбекско-таджикского населения. В кокандский период можно указать ряд очагов земледелия, преобладающим населением в которых являлись киргизы. Это прежде всего кишлаки в окрестностях Оша и Джалал-Абада, такие как к. Бостон (около 80 хозяйств)¹, к. Кара-Багыш (около 50 хозяйств)² и др. Только в долине Еки-Су Арасы (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) согласно распросной карте было свыше 20 кишлаков, основное население которых составляли киргизы³. В результате поземельно-податного обследования Ферганской области статистики выделили следующие волости, вошедшие впоследствии в состав Киргизии, население которых занималось в основном земледелием: Базар-Курганскую, Джалал-Абадскую, Карасуйскую, Куршабскую, Наукатскую, Узгенскую в Андижанском уезде, Араванскую, Ичкиликскую, Джаля-Кудукскую, Якусек-Бостонскую

зования богарными пашнями и неполивными покосами установилась у киргизов только после вхождения края в состав России». *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 229—231.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 35—36 (15- 14).

² Там же, д. 33355, л. 76.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7023.

в Маргеланском уезде, Багышскую, Баястанскую, Киргиз-Курганскую, Кутлук-Саитскую, Янги-Курганскую (в Кырк-Угульской, Саруйской и Чаткальской волостях в одинаковой мере развито скотоводство и земледелие) Наманганского уезда, Исфаринскую и Сохскую в Кокандском уезде и восемь из одиннадцати волостей Ошского уезда.

Все это говорит о том, что уже ко второй половине XIX в. определенная часть киргизов была оседлой и занималась главным образом земледелием. Приведем характерный в этом отношении документ — прошение киргизов обществ Буджун-Бадхан и Кара-Булак сенатору К. К. Палену о переводе их с кибиточной на поземельную подать: «Мы, жители обществ Буджун-Бадхан и Кара-Булак, все родом киргизы, с незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы, поселились в указанных местностях еще в ханские времена, и так как в этих местностях земли оказались пригодными для обработки, то, поселившись на них, и начали обрабатывать таковые. Эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер, и вот на этих землях поселились наши деды и отцы и понастроили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжают, а занимаются специально землепашеством и садоводством. Землями этими владеем мы в данное время так же, как и в ханское время: сами их обрабатываем, но подати за эти земли (*ульпан*) мы не платим, а платим только кибиточный налог и считаемся кочевым населением. Мы же желаем, чтобы кибиточный сбор был уничтожен, а наложены подати...»¹.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 262, л. 195.

Специфической особенностью земледельческих хозяйств в Киргизии, как и во всей Средней Азии, являлось сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием — общинным и индивидуальным. «Отсутствие крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде, в Иране, Средней Азии, Афганистане, арабских странах — важная особенность феодального развития этих стран»¹. Крупные феодалы дробили свои земли на parcelлы и раздавали крестьянам как бы в бессрочную аренду, вероятно, потому, что в районах искусственного орошения применение барщины или наемного труда при тогдашнем развитии производительных сил было нерентабельным, а получаемая феодалом постоянная натуральная рента с наделяемых землей дехкан делала ненужным ведение своего господского хозяйства. Лишь кое-кто из средних и мелких феодалов сдавал свои земли краткосрочным арендаторам².

После присоединения Ферганы к России проектом Положения 1880 г. было объявлено: «Земли мильковые и вакуфные, заселенные посторонними лицами или обществами, отводятся в надел этим лицам или обществам, с вознаграждением мильковладельцев и владельцев вакуфов за отошедшие земли...»³. Этим актом земли феодалов, которые не вели своего хозяйства, а раздавали наделы в бессрочное пользование

¹ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.:Л., 1960, стр. 285.

² В конце XIX — начале XX вв. у киргизов наблюдается образование и крупных земледельческих хозяйств, которым отдается предпочтение перед издольной обработкой земли. См.: *Ильсов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 357.

³ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане, прил. 5, стр. 122.

крестьянам, были закреплены за населением, обрабатывающим их. За прежними владельцами остались лишь земли, обрабатываемые ими самими или сдаваемые в краткосрочную аренду. В результате поземельно-податная комиссия не выделила ни одного сколько-нибудь крупного феодального хозяйства. В Андижанском уезде оказалось лишь 12 частных владений на 270 дес. 180 саженьях. Самое крупное из них (37 дес. 2050 саж.) находилось в Курган-Тепинской волости¹. По донесениям начальников уездов, самым крупным землевладельцем в Ферганской области оказался некий Махмуд Алибай, имевший в Джалия-Кудукской волости Ошского уезда около 200 десятин².

Подобно владениям светских феодалов, земли вакфных учреждений также раздавались в обработку дехканам. Насколько позволяют судить неполные данные, собранные начальниками уездов по присоединении Кокандского ханства, в бывшем Ошском уезде, например, обрабатываемых ненаселенных вакфных земель (т. е. земель, которые сдавались в краткосрочную аренду или обрабатывались служителями вакфных учреждений и поденщиками), принадлежавших только мечетям и медресе этого уезда, было всего лишь полторы тысячи десятин³. Основная часть из них сдавалась в краткосрочную аренду, а немногим более 50 дес., которыми владело 26 мечетей, обрабатывалось муллами. На них

¹ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. I, приложение 1, стр. 30—33.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 60—61.

³ Там же, д. 22507, л. 54—68. Согласно статистическим данным поземельно-податных ком-й, всего в Ошском уезде на 51 вакфное ненаселенное владение прих-сь 2798 дес. 530 саж. Земли, т. е. 1% общей пл-и заснятых в уезде земель. Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. V, стр. 34.

велись собственные вакфные хозяйства¹. Так, вакф мечети Абдрахима в г. Оше в 2 танапа земли обрабатывался муллой Хисамуддин Абдрахметом, 7,5 танапов вакфной земли мечети Имамбая в Кашгар-Кишлаке обрабатывал сам мулла Мат Мусса Мухаммед. Наиболее крупные вакфные участки, обрабатываемые служителями мечети, находились в Джана Наукат-Кишлаке: вакф мечети Ста-Арык (48,5 танапа) обрабатывался муллой Абдурасуль Уста Бадалем, вакф мечети Джамы (63,25 танапа) — муллой Асабдулла Розыковым, вакф мечети Мумынбая (37,5 танапа) — муллой Абдусаид Масайдом, вакф мечети Абдураим Ходжи (43 танапа) — муллой Тохтаматом. Но в этих хозяйствах, судя по тому, что доход мечетей не превышал 5 чарьяков, обрабатывалась не вся вакфная земля, а лишь отдельные небольшие участки².

В Кокандском ханстве соединение крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием нашло выражение в широко распространенной чековой форме землепользования. Феодал или хан, орошая определенную земельную площадь, обычно ограничивался проведением магистрального канала. Но чтобы сделать землю пригодной для обработки, необходимо было приложить еще много труда по выравниванию участков и созданию оросительной системы, проведению полевых (*шахов*) и отводных (*кулаков*) арыков и т. д. Для эксплуатации земли весь массив делился на небольшие наделы — *чеки*³ и раздавался *дехканам* для

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54—68.

² Там же.

³ Термин *чек* (*чак*) имеет три основных значения: 1) участок общинной земли, перераспределяемой периодически соответственно выставленным хозяйством парам волов (*кошам*); 2) мера земли 24 × 18 кв. локтя (*гязь*);

обработки. Чековые наделы имели место как на государственных землях, так и на землях феодалов и вакфных учреждений. Видимо, земли в чек могли раздаваться и целым обществам, например, оседающим киргизам, что нашло отражение в топонимике. Так, в Ассакинской волости был кишлак Янги-Чек Кызыл-Аяк¹. В одной из васик на продажу участка земли в местности Карван продавцом является киргиз Курбан Калыкбаев из «рода» (общины?) Тубан-Чек².

Приведение надела-чек в пригодный к обработке вид было сопряжено с большими трудностями, о которых дает представление письмо жителей к Гулихан-Чек в администрацию Маргеланского уезда. В 70-х годах XIX в. Мулла Иса Аулие по приказанию хана роздал крестьянам «пустолежащие земли, над которыми они трудились в течение многих лет, стараясь сделать их годными к обработке, что и было достигнуто неимоверными усилиями, и таким образом они обзавелись хозяйством, насадив деревья, построив дома и т. п.»³.

3) земельный надел, выдаваемый на определенных условиях феодалом дехканину для обработки. Мы рассмотрим последнее значение, так как первые два известны по соответствующей литературе. См.: Гейнс А. К. Управление Ташкентом при кокандском владычестве... стр. 441—442; Маев Н. Азиатский Ташкент... стр. 271; К вопросу о землевладении в Туркестанском крае. «Туркестанские ведомости», 1885, № 26—29; Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 199—200.

¹ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. I, приложение 1. *Кызыл-аяк*, как известно, одно из семи основных подразделений группы *кесек*, входящей в состав *ичкиликов*.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 94.

³ Там же, л. 2.

Крестьянам, чеки которых требовали больших затрат труда, предоставлялись некоторые льготы¹. Кыпчакский феодал Хотамкул, скупив за бесценок полузаброшенные земли в к. Сузак, оросил их с «помощью» сузакцев и «роздал даром в чеки населению с одним лишь условием: платить харадж и танап» в пользу его медресе, освобожденного ввиду высоко-го служебного положения Хотамкула (андижанский батыр-баши) от государственных налогов². Несмотря на «даровую» раздачу земель, некоторые чеки Хотамкула, ввиду их труднообрабатываемости, остались даже неразобранными³. Чтобы чеки не пустовали, феодалы шли на предоставление дехканам на первых порах небольших льгот, вплоть до обеления части надела. Так, при каждом чеке вакфных земель Ошского медресе Алимбека-дадхи (к. Алимбек-Чек) было по 2 танапа, не облагаемых податью⁴. По-видимому, эти два танапа и являлись компенсацией за тот труд непосредственных производителей, который был необходим для того, чтобы сделать чек пригодным к обработке.

Земли Чуртанлык и Байсакал, являвшиеся вакфом медресе Мусульманкула (к. Чуама, Андижанский вилайет), были розданы в чеки крестьянам с условием выплаты лишь хараджных и танапных податей в пользу медресе⁵, которое имело следующую обелительную ханскую грамоту: «... Мусульманкул-минбаши построил на собственные средства

¹ Наливкин В. Положение вакуфного дела... стр. 13.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 11—12.

³ Там же, л. 11—12.

⁴ Там же, л. 3—6.

⁵ Там же, д. 34221, л. 34—35.

медресе в местности Минтут и для благоустройства его пожертвовал в вакф ему арык с землями в местности Куркурау и еще арык в местности Байсакал, почему и поставляются все в известность, что подати танапные, хараджные, за венчание (*никахана*) и сборы за разделы наследства (*тариране*) оставляются в пользу вакфа и никто не должен с этого вакфа ничего требовать. 1269/1852—1853 г.»¹

Лучшие чеки могли выступать как ханские земельные пожалования за службу. В одном из документов, адресованных из ханской канцелярии курукчию Мухаммеду Садику, читаем: «... О достопочтенный! Их величество, выказав милость, дали участки-чак благородным махрамам². Всего 30 чак, каждый на 5 семей»³.

Размеры чеков были различны в каждом отдельном случае и иногда, вероятно, зависели от количества имевшихся в хозяйстве пар волов (*кошей*).

В 1875 г. маргеланский бек издал следующее распоряжение: «Начальствующим лицам да будет известно: в Акбар-Абаде проведены нами семь арыков. Каждому лицу, выстроившему на земле, орошаемой семью арыками, дом или курганчу, даю в пользование по четыре танапа земли. 1292 г.»⁴

Иногда чеки достигали нескольких десятков танапов. В к. Алимбек-Чек к концу XIX в. на одно хозяйство приходилось в среднем около 15 дес. орошаемой земли⁵,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34221, л. 18 (19).

² *Махрамы* — всадники из эскорта хана.

³ *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 146.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 231, л. 11.

⁵ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. I, прил-е 1, стр. 18—19.

в к. Акбар-Абад-Чек — по 3,5 десятины¹. Из двух кишлаков Иса-Аулие-Чек (один в Шариханской, другой в Кулинской волости Маргеланского уезда) в первом на одно хозяйство чек приходилось около 10 дес.², во втором — 1,6 дес. орошаемой и 1,2 дес. богарной земли³.

Если первоначально чековые дехкане и пользовались кое-какими льготами, то с течением времени, по мере улучшения условий обработки участка, землевладелец стал взимать определенную плату за право пользования землей, т. е. земельную ренту, которая называлась *ир-хаки*, иногда *замин-хаки*⁴. Уже к 1877 г. дехкане к. Алимбек-Чек платили за землю ошскому медресе Алимбека 437 руб., к 1894 г. — последнему году пользования медресе доходом с вакфных земель кишлака, — эта сумма возросла до 1 500 руб. в год при сумме государственного налога в 3 139 р. 72 к.⁵

Таким образом, чековая форма землепользования давала возможность феодалу, обеспеченному постоянной рентой с дехкан, не заводить собственного господского хозяйства.

Виды землевладения и формы землепользования, как и вся система административного устройства Кокандского ханства, вполне соответствовали интересам господствующего класса. Основной формой эксплуатации служила издольщина, выступая иногда юридически в виде аренды.

¹ Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. II, приложение 1, стр. 22—23.

² Там же, вып. I... стр. 48—49.

³ Там же, стр. 30—31.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... стр. 199.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54; д. 33514, л. 14; Мат-лы для стат. описания Ферг. обл., вып. I, приложение 1, стр. 19.

В Кокандском ханстве ведущей формой ренты (с амляковых земель — полностью присваивалась государством, а частновладельческих, общинных и вакфных земель — уступалась частично государством землевладельцу) являлась рента продуктами. В кочевых районах Киргизии большое место занимала отработочная рента. С середины XIX в. практикуется рента деньгами, свидетельствующая о проникновении капиталистического влияния и развитии товарно-денежных отношений. Однако следует отметить, что если для земледельческих районов Ферганы постепенный переход от натуральной ренты к денежной являлся признаком определенных социально-экономических сдвигов, то у кочевников это не оказывало существенного влияния на экономику, а вело лишь к усилению налогового гнета.

В Кокандском ханстве насчитывалось фантастическое число налогов и повинностей — только по закону 32¹, самыми тяжелыми из которых являлись поземельные.

Основной поземельный налог — *харадж* взимался в размере 1/5 валового дохода с посевов на искусственно орошаемых землях и 1/10 посевов богары. Иногда размер хараджа возрастал до половины урожая. Так, кокандский правитель Ибрахим-парваначи, ставленник бухарского эмира, в 1258/1842—1843 г. увеличил харадж до 50% урожая².

В системе взимания налогов не придерживались никаких правил и таксы. На практике сборщики творили произвол,

¹ Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям в Фергане в XVI—XIX вв. (Автореф. канд. дисс.). Ташкент, 1963, стр. 8.

² Гаройб-и сипах, рукоп. ИВ АН Узб. ССР, № 5408, л. 28-а. См.: Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям... стр. 9.

и поборы в пользу сборщиков налога и администрации (*кепсень, даруга*) иногда превышали налог.

Тяготы основного налога усугублялись практикой отдачи хараджа на откуп (*иджара*) серкерам и амлякдарам. Для получения на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку, выдававшим соответствующее удостоверение или грамоту, а население данного района оповещалось особым указом, в котором перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. В архиве кокандских ханов сохранился ряд списков со сведениями об откупах по Маргеланскому и Араванскому бекствам. Так, в списке от 1290/1873—1874 г. приводятся данные по Аравану, Мунка-Таю, Тепа-Кургану, Кара-Кургану с указанием имен откупщиков, количества собранного зерна, сколько и кому зерна отпущено и отметки задолженности каждого откупщика¹.

Нередко между откупщиками хараджа и землевладельцами возникали споры, для разрешения которых обращались даже к ханам. В 1280/1863—1864 г. Сеид Султан-хан постановлением на имя казиев, Сарымсак-ходжи Серкербая и аксакалов Шариханского вилайета приказал разобрать дело между потомками Ишана Тюрю Ходжа Каляна и Серкером Суфиджаном «о 239 чайреках зерна»².

С заменой натурального сбора хараджа на денежный устанавливались наиболее высокие рыночные цены. В этом отношении интересно письмо маргеланского бека Султан Мурада к сборщику податей Мухаммед Алим Серкеру с приказанием собрать аминов и аксакалов Джуйбара

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 196.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34710, л. 11 (10).

и установить цену на пшеницу. Здесь же упоминалось, что аксакалы обращались уже к нему с просьбой установить цену на пшеницу в размере 11 танга (видимо, за чарьяк), но он им не дал на то согласия¹.

Хараджные записи (*дафтары*) велись ежегодно. С кочевников, занимающихся наряду со скотоводством и земледелием, харадж мог взыскиваться скотом и деньгами. С десятины или хирмана обычно брали по 3 барана². С алайских киргизов, занимающих летовки и зимовки по р. Кызыл-Су (отделения кадырша, кыпчак, частично найман, тейит) ежегодно собиралось около 600 руб. хараджа³.

Вторым основным поземельным сбором был танапный налог (*танабана*), взимаемый с огородных и садовых культур в зависимости от занятой площади. Танапные дафтары составлялись муфтиями один раз в три года. Эта подать в последний период Кокандского ханства взималась обычно деньгами и называлась поэтому еще *танап-пули*. Танапный налог приносил довольно большой доход государству. По сведениям А. Л. Куна, с Ошского бекства поступало в казну 6 тыс. тилла, с Аравана — 500 тилла, с Науката — 800 тилла и т. д.⁴

Наиболее обременительным налогом с кочевников был *зьякет* (*саваим-зьякет*, *алал-зьякет*). Несмотря на то, что по ша-

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 197.

² Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1, стр. 535; Валиханов Ч. Ч. Соч., т. I, стр. 377; Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, стр. 158.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63—64.

⁴ Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. Военный сборник, 1876, № 4, стр. 441.

риату зякет определялся в размере 1/40 с поголовья скота, пасшегося на государственных землях, его сбор отличался полной бесконтрольностью и произволом чиновников. Зякет взимался обычно весной, когда выгнанный на джайлоо скот несколько нагуливал и начинал приносить приплод¹.

Если во время откочевок на джайлоо киргизы иногда и могли уклониться от зякета, то при возвращении на зимовки и к пашням с них взимали налог в большем размере. Бугинские манапы писали Колпаковскому, объясняя свою покорность ханским сборщикам: «Наши готовы дать им по барану со двора, лишь бы прозимовать благополучно и иметь весной возможность приступить к пашням»².

Для сбора зякета выезжали отряды зякетчи с вооруженной охраной, достигавшей иногда нескольких сот человек³. Однако с течением времени кокандские власти стали менять метод сбора зякета, в отдельных случаях перепоручая его местным киргизским феодалам, которые основную тяжесть налогов перекладывали на плечи трудящихся масс. Этому способствовало и то, что зачастую баи вносили подать сразу за весь род, а затем взыскивали его в двух- и трехкратном размере с подчиненной букары. Таким образом, налог-рента государству поступал не непосредственно от производителей, а от баев, пользователей государственной земли, которые определенную долю присваивали себе. К тому же некоторые феодалы являлись представителями государства: сборщиками податей, военными и административными чиновниками

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 23.

² ЦГА Казах. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 516, св. 25, л. 28.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 18, л. 242; ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 7, д. 180, л. 8.

и получали свою долю ренты через государство в виде жалования и наград. Отдельные представители феодальной киргизской знати официально освобождались от налога, как, например, семейство дадхи Сарымсака из рода багыш¹.

В последние годы Худояр-хан стал вводить порядок сбора зякета в денежной форме, причем оценка обычно завышалась по базарным ценам крупных городов². Нередко сумма зякета определялась произвольно, без какого-либо учета скота. Начальник Маргеланского уезда доносил Военному губернатору Ферганской области: «При взыскании зякета с кочевников бывшего Маргеланского бекства, ныне уезда, в мусульманское время хотя и считали скот у киргизов, но правительство, встречая большое затруднение в определении числа скота, вследствие разбросанности кара-киргизов по разным ущельям и злоупотреблений зякетчи, взыскивало от 8000 до 10000 руб. Эти цифры вошли в норму («ульпан»), которую рода должны были вносить»³. Среди киргизов Маргеланского бекства зякет распределялся следующим образом⁴:

Таблица 3

Наименование родов и отделений Киргизы ичкилик	Сумма зякета в руб.
1. Найманского рода. Найман.	2400
2. Тейитского рода. Тейит.	1600
3. Отд. Тейитского рода (Мирза Кул-бий): а) буйга;	все — 700

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 47, 48, 59.

³ Там же, л. 63.

⁴ Там же, л. 65.

Наименование родов и отделений Киргизы ичкилик	Сумма зякета в руб.
б) уйгур; в) чучук;	
г) сарыбай; д) акчал; е) алтемир; ж) чал-тейит.	
4. Туялясского рода. Туяляс: а) ургу, отд. туялясского рода; б) канглы-бурешаш.	все — 1600
5. Киргизы Араванского района: а) мангит; б) сукалак; в) кук-ятык; г) ирке-кашка; д) тюляган; е) улуг-хатын.	400 800 1000 200 400 200
6. Алайские киргизы: а) хадырша; б) кыпчак; в) часть тейит и найман.	все — 1 200
ИТОГО	10 500

Помимо общегосударственных налогов, киргизы выплачивали особую ренту за пастьбу скота на огороженных ханских землях — «заповедниках» — курук, которыми ханы объявляли наиболее ценные выгоны. В архиве кокандских ханов сохранилась форма отчета, по которой *курукчи* (сторожа-объездчики) должны были отчитываться в полученных за пастбища деньгах: «...По ежегодному обычаю (кочевники) из некоторых обществ тюрок, кыпчаков и киргизов прикочевали и поселились в тугае, чтобы пасти скот. По милости

их величества государя моего и с согласия помянутых обществ я собрал с них деньги, взяв с них по 4 танга с каждой сотни баранов. Получилась такая-то сумма...»¹.

Как уже отмечалось выше, дехкане, обрабатывавшие земли феодалов и вакфов, помимо несения налогового бремени должны были выплачивать ренту землевладельцу за право пользования землей (*ир-хаки, замин-хаки*). Причем в зависимости от условий землепользования дехкане выступали или как издольщики с правом наследования земельного участка (*каранда*), или как краткосрочные арендаторы (*нимкора, чайрикеры*)². Нимкора арендовали лишь земельный участок, обрабатывая его своими силами и орудиями, обычно за 1/2 доли урожая. Чайрикеры, помимо земли, получали скот, зерно и сельскохозяйственные орудия, выплачивая землевладельцу большую долю урожая (до 3/4), вкладывая в землю лишь свой труд.

Арендные сделки могли совершаться и в денежной форме. Так, 250 танапов казенной земли в к. Балыкчи в последние годы ханства и в первое время после присоединения к России сдавались в краткосрочную аренду по 40 коп. за танап сверх хараджа³.

Нередко непосредственные производители брали землю в обработку уже из вторых или даже третьих рук, т. е. выступали в качестве субарендаторов. Этому способствовала и дифференциация крестьянства, выделение богатых хозяйств и увеличение количества безземельных дехкан, пополнявших ряды батраков, сезонных и поденных рабочих.

¹ Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 150.

² Наливкин В. Положение вакуфного дела... стр. 16.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 74.

В связи с этим со второй половины XIX в. начинает развиваться отходничество. Основную массу отходников составляли бесхозяйственные и малохозяйственные крестьяне, мизерные участки которых не обеспечивали прожиточного минимума¹. Однако крайне незначительный удельный вес хозяйств с применением наемного труда говорит об абсолютном преобладании еще старых производственных отношений и методов эксплуатации.

Все еще имела место трудовая повинность (*ашар, мердикор*), главным образом по сооружению и поддержанию крепостных стен, оросительных систем, по изготовлению кирпича, сбору топлива для ханов, беков и т. д.²

К ашару, как к феодальной повинности, прибегали, например, при организации работ по орошению земли. В ашаре должны были принимать участие все слои населения, однако, во-первых, богатый мог откупиться или вообще уклониться от участия в работах и, во-вторых, участок бедняка не мог идти ни в какое сравнение с размерами участка бая. Доля труда, затраченная на ашаре, равномерно распределялась на всю орошаемую землю, следовательно, и на землю феодала, не принимавшего участия в работах. Добавочный труд, затраченный бедняками на орошаемые площади, принадлежащие феодалу, можно рассматривать, по- существу, как форму отработочной ренты³.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 47, 55.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 64, док. 328; *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 147—148.

³ *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.; Л., 1962, стр.135.

Однако следует отличать эксплуататорский, обязательный ашар, устраивавшийся по повелению хана или феодала, от старого обычая добровольной взаимопомощи, к которому прибегали все слои населения. С течением времени оба вида ашара стали исчезать: его или заменил особый налог (например, ашар по сбору топлива для хана и беков был заменен налогом *панджйак*¹), или он нашел свое выражение в особой плате за труд — «либо в форме материальной, либо трудовой компенсации»².

Специфическая черта местного феодального землевладения — отсутствие крупного господского земледельческого хозяйства — объясняет преобладание эксплуатации в виде издольщины и отсутствие такой формы внеэкономического принуждения, как юридически оформленное крепостничество.

Различные виды эксплуатации, особенно в кочевых районах, маскировались оболочкой патриархально-родовых отношений. Киргизская феодально-родовая знать не нуждалась в законодательном санкционировании привилегий, она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции.

Основная масса кочевников, обладавшая хозяйственной самостоятельностью, несла трудовую повинность в пользу своих феодалов путем пастьбы скота и уходом за их хозяйством, что достигалось фактическим правом феодала распределять пастбища, защитой интересов зависимой общины от других общин, во внешней охране, в соответствии с «обычаями» и т. д. Обедневшие бесскотные или малоскотные

¹ *Троицкая А. Л.* «Заповедники» - курук кокандского хана... стр. 148.

² *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 367.

кочевники эксплуатировались как батраки или же им предоставлялся во временное пользование скот с условием возвращения его с приплодом. Такой вид «взаимопомощи» — *саан* всегда был связан с обязательной работой бедняка на феодала, являлся типичной эксплуатацией, замаскированной патриархально-родовыми пережитками. В основном в пользу феодалов шли такие поземельные сборы, как *туякат*, *чоп ооз*, взимаемые с каждого чужеродца-скотовладельца за пользование пастбищами или при прогоне скота через пастбищную территорию общины.

Одной из доходных статей феодалов служили различные подношения, известные под названием *союш*, *чыгым*, *салык*, *журтчулук*, *тарту*, *кошумчи* и др.¹

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что вынуждены были отметить и представители царской администрации. Командующий войсками Западно-Сибирского военного округа писал, что «между манапами и народом существуют постоянный разлад и несогласие»². Классовая борьба носила стихийный характер, ей были присущи локальность и неорганизованность. Это объясняется слабым развитием производительных сил, живучестью патриархально-родовых пережитков. Экономический, политический и национальный гнет кокандских феодалов вызывал вооруженные восстания, в которых наряду с киргизским населением принимали участие узбекские и казахские трудящиеся. Особенно крупным явилось

¹ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения в Киргизии... стр. 142—149; Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 60—64.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 908, д. 12, л. 2.

народное восстание 1873—1874 гг., непосредственным поводом к которому послужили непомерный налоговый гнет и насилие сборщиков податей¹. Все это привело к ослаблению Кокандского ханства и, в конечном итоге, способствовало его ликвидации.

С вхождением Киргизии в состав России начинается новый этап в развитии земельных отношений — изменяются категории землевладения и формы эксплуатации, создаются условия для возникновения и развития капиталистических отношений.

¹ *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 47—85; *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX в. Фрунзе, 1961, стр. 75—101.

اول موجودا بودی تسبیح سیدان آرون و
 زینک کتیران کجیک ری بیلیت آه بولونک
 مع قوغاندی وایسنی اده و تاشی تیرت میرزا
 کلکلی ذوقدیکویری ایله بنزلار اول
 مع لار غنومونی قدیق سنلار در واقع کورک
 اول موضع لار غنومونوی ویرلر یا معنی
 حکرلر مهوره اش قیدلر لیس قوغاندی قوغاندی
 ۱۲۸۰
 مع لار اولو بوغوریه حاجت بوغوریه لیس قوغاندی

در موضع باجان از مواضع در سنه ۱۲۸۰ کرا

کتیر کتیر زینک کتیران آرون و تسبیح سیدان آرون و زینک کتیران کجیک ری بیلیت آه بولونک
 مع قوغاندی وایسنی اده و تاشی تیرت میرزا کلکلی ذوقدیکویری ایله بنزلار اول
 مع لار غنومونی قدیق سنلار در واقع کورک اول موضع لار غنومونوی ویرلر یا معنی
 حکرلر مهوره اش قیدلر لیس قوغاندی قوغاندی ۱۲۸۰ مع لار اولو بوغوریه حاجت بوغوریه لیس قوغاندی

ВЫВОДЫ

Изучение аграрного вопроса в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России позволяет сделать ряд выводов, способствующих правильному пониманию общественно-экономических и политических отношений в Киргизии рассматриваемого периода.

1. Вся территория Южной Киргизии после завоевания Кокандом становилась, на основании положений шариата, государственной собственностью. Кочевья киргизских племен были оставлены за ними в пользовании или закреплялись ханскими документами и распоряжениями беков на правах постоянного или условного владения. За право пользования землей киргизы должны были выплачивать налоги и нести различные государственные повинности. Обрабатываемые земли закреплялись во владение и пользование местного оседлого населения в результате наделения государством, на основании купчих крепостей или ханских пожалований.
2. На территории Южной Киргизии получили распространение все категории феодального землевладения, имевшие место в Кокандском ханстве: а) государственные земли (амляк), б) «удельные» земли ханов (хасс), в) частновладельческие земли (мильк), г) общинное землевладение (замини джамоат), д) земли духовных учреждений и лиц (вакф).
3. Значительную часть земельной площади в Южной Киргизии составляли пастбищные территории, считавшиеся амляковыми землями. Однако право регулирования

пастбищепользованием было захвачено феодально-родовой знатью, что ставило рядового скотовода в непосредственную зависимость от эксплуататоров.

4. В оседло-земледельческих районах все большее развитие получало частное землевладение — милък. Сохранение института тарханства (освобождения от налогов) вплоть до вхождения Киргизии в состав России свидетельствует о наличии больших льгот у феодалов-землевладельцев. От земель феодалов следует отличать частновладельческие земли мелких производителей — крестьян. Они также назывались милък, но не имели никаких привилегий и облагались всеми государственными налогами.
5. О наличии общинных земель говорят как архивные источники, так и известия русских авторов — путешественников и чиновников. Общинный характер землевладения выражался не в периодических переделах, а в общности пользования отдельными земельными угодьями и оросительной сетью, в определенной зависимости каждого члена общины от интересов коллектива (отчуждение земли лишь с согласия всех членов общины и т. д.).
6. Довольно распространенным видом землевладения был вакф. Вакфный фонд пополнялся за счет всех категорий земель в результате пожертвований, купли участков и даже насильственного захвата. Беззастенчиво эксплуатируемые многими и непостоянными владельцами хозяйства дехкан на вакфных землях деградировались, разрушалась оросительная система, в результате плодородные земли превращались в пустоши.
7. Формы землепользования можно охарактеризовать как общинные на пастбища и выгоны и индивидуальные —

на обрабатываемые, главным образом орошаемые, земли. Пастбища подразделялись на используемые несколькими родо-племенными объединениями и на используемые только отдельными аилами или общинами. Общинная форма пользования пастбищами была более выгодна байским хозяйствам, имевшим возможность расширять свои стада за счет маломощных бедняцких хозяйств, что вело к еще большей дифференциации в среде кочевников.

8. Специфической особенностью феодального хозяйства в Киргизии (как и во всей Средней Азии) являлось отсутствие земледельческого, основанного на барщинном труде, господского хозяйства. Соединение крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием нашло выражение в широко распространенной чековой (надельной) форме землепользования, которая обеспечивала феодалу постоянную земельную ренту.
9. Соотношение между рентой государству и долей ренты в пользу землевладельца определялось видами землевладения и условиями землепользования. С амляковых земель рента полностью присваивалась государством, с частновладельческих, общинных и вакуфных земель частично уступалась государством землевладельцу.
10. Ведущей формой ренты была рента натуральная. В кочевых районах известное место занимала отработочная рента, нередко маскировавшаяся пережитками патриархально-родовых отношений. С середины XIX в. некоторое распространение получает денежная рента, свидетельствующая о зарождении товарно-денежных отношений. Однако на экономику кочевников это пока не оказывало существенного влияния и вело лишь к уси-

лению налогового гнета. Тяжелое положение крестьянства усугублялось многочисленными дополнительными поборами в пользу ханских чиновников и особой платой феодалу-землевладельцу за право пользования его землей.

11. Усиление экономического, политического и национального гнета порождало классовую борьбу и вызывало неоднократные массовые выступления трудящихся. Однако классовая борьба носила стихийный и зачастую локальный характер, что объясняется слабым развитием производительных сил, разобщенностью скотоводческих хозяйств и живучестью патриархально-родовых пережитков.
12. Вхождение Киргизии в состав России повлекло за собой разрушение отсталых форм натурального хозяйства под воздействием более развитой экономики России, способствовало вовлечению ее в орбиту капиталистического развития.

Публикуется по:

В. М. Плоских Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. — Фрунзе: «Илим», 1965.

Handwritten text in a rectangular frame, likely a manuscript page. The text is written in a cursive script, possibly Arabic or Persian, and is organized into several lines. The text is dense and appears to be a continuous passage.

62

63

Handwritten text on the right side of the page, continuing from the main text. It is written in a cursive script and is organized into several lines. The text is dense and appears to be a continuous passage.

Handwritten text at the bottom center of the page, possibly a signature or a note.

**ОЧЕРКИ
ПАТРИАРХАЛЬНО-
ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ЮЖНОЙ
КИРГИЗИИ
(50—70-е годы XIX в.)**

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию социально-экономических отношений, характера землевладения, форм землепользования и эксплуатации кочевого и оседлого населения Южной Киргизии в их единстве и взаимосвязи.

Для большинства среднеазиатских народов дореволюционного периода, в том числе и киргизского, были характерны патриархально-феодальные общественно-экономические отношения. Однако в понятие патриархально-феодальные отношения нередко без достаточной дифференциации и конкретного обоснования вкладывается общий смысл отсталости социально-экономических отношений и форм быта.

Марксистская концепция закономерности смены общественно-экономических формаций в то же время признает неравномерность этого процесса, специфические черты развития отдельных стран и регионов в разные исторические эпохи. Маркс и Энгельс подчеркивали особенности социально-экономического развития стран Востока, для определения которого первоначально был принят специальный термин «азиатский способ производства»¹.

На отсталость социально-экономического развития азиатских стран неоднократно обращал внимание и В. И. Ленин.

¹ Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и сельскохозяйственную общину. «Народы Азии и Африки», 1965, № 2—3.

Он, в частности, дважды цитирует тезис К. Маркса об основных эпохах развития человечества, где наряду с античным, феодальным и буржуазным выделяется и *азиатский способ производства*¹.

При разработке программы партии по аграрному вопросу В. И. Ленин прямо указал на наличие в России специфических азиатских отношений: «Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распорядков, частью феодальных, частью азиатских, не может произойти буржуазный переворот в земледелии»² (*Курсив наш. — В. П.*).

X съезд партии, проходящий под руководством В. И. Ленина, отметил наличие у ряда народностей России, и в первую очередь Средней Азии, *патриархально-родового быта*³. «Патриархальное хозяйство, — уточняет в одной из своих работ В. И. Ленин, — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»⁴.

Пережитки первобытно-общинной формации, проявляющиеся в патриархальном укладе, стойки не только при феодальных отношениях, но и, как доказал В. И. Ленин, при развитии капитализма, как было в России⁵. В дореволюционной Киргизии патриархально-общинный уклад играл существенную роль в социально-экономической

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 1, стр. 136; т. 26, стр. 57.

² Там же, т. 16, стр. 254.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954, ч. I, изд. 7-е. М, 1954, стр. 559—560.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 43, стр. 158.

⁵ Там же, т. 36, стр. 296; т. 43, стр. 158; т. 45, стр. 279—280.

и общественной жизни народов как кочевых скотоводческих, так и оседлоземледельческих.

Вопрос о патриархально-феодальных отношениях у народов Средней Азии, в том числе и Киргизии, неоднократно привлекал внимание советских историков¹. Большой вклад в его разработку внесли Б. Д. Джамгерчинов, вскрывший политические и экономические предпосылки вхождения Киргизии в состав России, С. М. Абрамзон, обосновавший сохранение патриархального уклада у кочевников Средней Азии и Казахстана, С. И. Ильясов, исследовавший формы собственности на землю в дореволюционной Киргизии, К. У. Усенбаев, рассмотревший общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Н. А. Кисляков, проанализировавший патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства, и др.

О характере патриархально-феодальных отношений кочевых народов на страницах периодической печати в середине 50-х годов велась научная дискуссия. Выявлению сущности патриархально-феодальных отношений была посвящена и Ташкентская научная сессия в феврале — марте 1954 г. Тем не менее эта проблема до последнего времени все-сторонне так и не выяснена; ученые не пришли к единому мнению о формах земельной собственности и об основном средстве производства у кочевников, о кочевой общине и по другим важным вопросам. Как уже отмечалось

¹ См.: *Плоских В.* Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. В кн.: Наука Киргизстана юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

в историографии Киргизии¹, все с большей настойчивостью выдвигается проблема как теоретического обобщения и осмысления накопленного исторического материала, так и конкретного исследования отдельных вопросов социально-экономического развития кочевых и оседлых народов Средней Азии. Требуя непосредственного изучения соотношения общего и особенного в историческом развитии азиатских стран, о чем свидетельствует вновь развернувшаяся широкая дискуссия об азиатском способе производства².

Социально-экономические и общественные отношения народов Киргизии середины XIX в. были пестры и специфичны, они существенно отличались от отношений других народов, как Запада, так и Востока, но вместе с тем имели с ними много общих черт. Основным способом производства и общественной формацией здесь был феодализм, но со своими особенностями исторического развития, присущими только азиатским странам: государственной собственностью на землю, сохранением кочевых и земледельческих общин, родоплеменным делением кочевников, восточной деспотией и пр.

В настоящей работе, опираясь на архивные источники и литературные материалы, была сделана попытка вскрыть

¹ Шерстобитов И. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). Фрунзе, 1963, стр. 130.

² См.: Афанасьев О. А. Обсуждение в Институте истории АН СССР проблемы азиатского способа производства. «Советская этнография», 1965, № 6; Данилова Л. В. Дискуссия по важной проблеме. «Вопросы философии», 1965, № 12; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.

сущность патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения ее в состав России, обосновать положение о господстве феодализма (как общественной формации), в сильной степени переплетенного патриархально-родовыми пережитками, специфическими чертами азиатского способа производства, причем настолько значительными, что они позволяют охарактеризовать общественно-экономические отношения как патриархально-феодальные.

Название работы указывает на то, что круг вопросов, в ней разбираемых, не претендует на всестороннее исследование темы и ограничен рассмотрением лишь отдельных основных положений. Упущены, в частности, вопросы отношений в быту, формы классовой борьбы внутри киргизского общества. Они могут стать предметом специального исследования. Нуждается в дальнейшей разработке и тема в целом, особенно в связи с расширением хронологического диапазона.

ЮЖНАЯ КИРГИЗИЯ

50 —70-х годов XIX в.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КИРГИЗОВ В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ

Подчинение киргизов Кокандским ханством

Обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу в конце XVIII в. произошло не без активного содействия киргизов. Они принимали самое деятельное участие во всех междоусобных столкновениях правителей городов Ферганы. В середине XVIII в. киргизский феодал Кувад-бий из племени кушчи выступает ближайшим союзником и сподвижником кокандского правителя Ирдана-бия в его завоевательных походах. Это был равноправный союз. Киргизский феодал являлся самостоятельным правителем, киргизы были независимы и поддерживали то одну, то другую политическую группировку. После нарушения этого союза Кувад-бий участвует в политических событиях Кашгара 50-х годов¹.

¹ *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 20-й, вып. 2, 1914—1915. Ташкент, 1916., стр. 45.

Влиятельным и самостоятельным правителем примерно в это же время выступает также предводитель ичкиликов Ходжи-бий, которому (по одному из источников) были подчинены «200 тыс. людей орды бурутов (*киргизов.* — В. П), рассеянных от Бухары до Востока»¹.

С 60-х годов XVIII столетия Ирдана-бий усиливает свои притязания на все киргизские земли. Он повел свои войска на г. Ош. Против него выступил Ходжи-бий во главе подразделения адигине и монголдор, однако безуспешно². Разрозненные и постоянно враждовавшие друг с другом киргизские племена не могли противостоять все возрастающей силе более централизованного государства и постепенно подпадали под власть Кокадского ханства.

По свидетельству И. Г. Андреева, племенное объединение курама, в состав которого входили и киргизы, кочевавшие за р. Чирчик, в 80-х годах XVIII в. уже признавало свою зависимость от Нарбуты-бия³.

Кокандское владение при Нарбуте-бие заметно расширяется территориально и настолько усиливается политически, что «с китайской стороны именуется ханом», — писал

¹ Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков, Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. М.: «Живая старина». СПб., 1894, вып. III—IV, стр. 434.

² Петров К. И. Очерки феодальных отношений в Киргизии XV—XVIII веков. Фрунзе, 1961, стр. 67, 109.

³ См.: Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.). Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII. М.; Л., 1939, стр. 92—128.

побывавший там в это время «странник поневоле» Филипп Ефремов¹.

В одном из расширенных изданий своей работы Ф. Ефремов отмечал, что киргизы к 80-м годам XVIII столетия в основном были независимыми: Коканд только «смежен» с их владениями, хотя г. Ош уже числился в составе ханства².

При Нарбуте-хане, сообщает автор рукописи «Мунтахабат-таварих», была предпринята попытка подчинить киргизов Кетмень-Тюбе. Однако поход ханского главнокомандующего Хан-Ходжи не увенчался успехом³. В начале XIX в. эту же цель поставил Алим, новый кокандский правитель, официально принявший титул хана.

Алим-хан посылает в горы на покорение киргизов своего полководца Ирис-Кул-бия, но и этот поход оказался безрезультатным⁴.

¹ Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. СПб., 1786, стр. 175.

² Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибету и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811, стр. 103.

³ Рукоп. перевод В. А. Ромодина. Выражаю признательность В. А. Ромодину за любезное предоставление возможности ознакомиться с рукописными переводами сочинений кокандских авторов, подготавливаемых к изданию (Средневековые источники по истории Киргизии).

⁴ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1880, стр. 118.

В 20-х годах XIX столетия Кокандское ханство достигает наивысшего расцвета и могущества. На это время и падает завершение им подчинения киргизов.

В 1821 г. Омар-хан отправляет в Кетмень-Тюбе хакима Наманганского вилайета Сеид-Кул-бека. Используя междоусобицы киргизских феодалов и натравив кутлук-сеидов на сарыбагышей «для вразумения и наказания»¹, кокандцы неожиданным ночным нападением сломили сопротивление киргизов, часть из которых, однако, сумела бежать в горы. Произведя страшные опустошения в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных, — сообщает В. Наливкин, — Сеид-Кулбек с триумфом вернулся в Коканд, где был щедро награжден ханом².

Произведя страшные опустошения в долине Узун-Ахмата в форме грабительских походов, которые совершали ханы. Добыча, захватываемая ханами во время таких набегов, фактически носила характер дани с «зависимых» племен. В перерывах между набегами киргизы были вполне самостоятельными и независимыми. Тем не менее кокандские ханы считали их своими подданными. Мир-Иззет-Улла, проезжавший в 1812 г. по Кокандскому ханству, писал, что Алим-хан принял против киргизов «строгие меры», и с тех пор они «находятся в подчинении повелителя Коканда»³.

Завоеванию Кокандским ханством киргизов, как отмечает Б. Д. Джамгерчинов, способствовала не столько сила

¹ Мунтахаб-ат-таварих. Рукоп. перев. Ромодина В. А.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства... стр. 119.

³ Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по английскому и французскому переводам Ю. А. Соколова. Тр. САГУ, вып. 78. Исторические науки, 1958, стр. 47.

Коканда, сколько соперничество и вражда между собой киргизских родоплеменных объединений, почти полное отсутствие среди них единства и организованности¹.

Южные киргизы, являвшиеся одним из основных кочевых народов Кокандского ханства, отличались воинственностью по сравнению с окружающим населением, что неоднократно подчеркивается в источниках того времени. В определенные периоды они добивались господствующего положения в ханстве, поддерживали угодных им претендентов на ханский престол и выдвигали своих ставленников.

А. Вамбери, совершивший в 1863 г. по поручению венгерской Академии путешествие в Среднюю Азию, писал о киргизах, что они «по своему воинственному характеру употребляются той или другой политической партией для низвержения противников»². В собственных же высокогорных кочевьях, в частности на Алае, киргизы чувствовали себя автономно, нередко не считались ни с распоряжениями кокандских чиновников, ни с волей ханов. Для кокандских правителей киргизы представляли собой существенную силу и в том отношении, что владели горными проходами основного торгового тракта из Коканда в Кашгар. Это обстоятельство вынуждало кокандских ханов считаться с южными киргизами и всевозможными уступками покупать их подданство и содействие³.

¹ *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966, стр. 44.

² *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 1867, стр. 318.

³ Военно-статистический сборник, вып. III. СПб., 1868. «Туркестанский сборник», т. 30, стр. 135.

Н. Северцов, побывавший в 60-х годах в Коканде, отмечал, что южные киргизы, в отличие от северных, представляли в ханстве не данников, «а вместе с кипчаками и горными сартами господствующее племя и ядро военной силы»¹. Активные военные действия ханов по отношению к южным киргизам привели бы к немедленному разрыву всех отношений Коканда с Восточным Туркестаном, что особенно отразилось бы на торговле. И кокандские ханы вынуждены были покупать «добровольное подданство и содействие» киргизов дорогой ценой².

Скобелев при завоевании Кокандского ханства писал, что киргизы Алая отличались воинственностью и часто выступали против ханов. Относительная подчиненность киргизов даже при сильных ханах обуславливалась лишь зависимостью их от базаров в предгорных кыштаках и расположением зимовок в доступных для кокандских войск местах³.

Ханы, как правило, ограничивались отдельными грабительскими набегами. Киргизы в ответ нередко нарушали нормальное течение торговой жизни в ханстве. Они перекрывали основные торговые артерии и делали небезопасными купеческие сношения Коканда с Кашгарией.

Для того чтобы держать киргизов в зависимости, ханы умело использовали их межплеменную разобщенность, постоянные феодальные усобицы.

¹ Северцов Н. Этнографические заметки о Зачуйском крае. Изв. РГО, т. I, ч. 2, 1865, стр. 147—148.

² Там же, стр. 151.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 137.

Участие кокандского хана Мадали на стороне Джангира, одного из потомков правящей некогда в Кашгаре династии, за овладение им престола привело к более близкому соприкосновению кокандцев с киргизами.

С 20-х годов XIX в. начинается усиленная экспансия кокандских ханов в северные районы Киргизии. Однако зависимость северо-киргизских племен от Коканда выражалась лишь в периодической уплате налогов. Находясь в неприступных горных ущельях, киргизы активно участвовали в дворцовых переворотах, поддерживая, смотря по обстоятельствам, разных претендентов на ханский престол.

В изгнании среди таласских киргизов 35 лет ждал кокандского престола один из его претендентов — Шир-Али. Здесь у него, по некоторым источникам, от двух жен-киргизок родились сыновья, двое из которых — Худояр и Малля-хан — впоследствии стали ханами¹. В 1842 г. Шир-Али при поддержке киргизов отправился в поход на Кара-Су, в Наманганский вилайет. Здесь его восторженно встретил отряд вооруженных киргизов под командованием Сейдали-бека.

В это время столица Кокандского ханства, захваченная бухарцами и управляемая их ставленником Ибрагимом-парваначи, изнывала под тяжким бременем новых налогов. Насилия и грабежи бухарских отрядов вызвали всеобщее недовольство населения.

Шир-Али, по словам кокандского историка Мухаммед-Хакима, прибыл в Фергану с многотысячным войском

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 10361, л. 5—6; Павлов Г. История Туркестана в связи с историческим очерком сопредельных стран (Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана). Ташкент, 1911, стр. 92.

«из киргизов, кипчаков и казахов», изгнал бухарские гарнизоны, был торжественно встречен в Коканде и провозглашен ханом¹.

Сейдали-бек, показавший себя талантливым военачальником, становится главнокомандующим. Один из крупных киргизских феодалов Наманганского вилайета, Юсуп, предоставивший Шир-Али при походе на Коканд крупный вооруженный отряд, был возведен в чин тысяцкого (*мин-баши*)². Главную политическую роль в ханстве стали играть киргизы, особенно из рода Кырк-Огуз во главе с Юсупом, и кипчаки³.

Однако вскоре слабovolный хан попадает под влияние властного кипчакского предводителя Мусульманкула и меняет свою ориентацию. На первое место выдвигается кочевая кипчакская знать. Тогда против хана и его окружения создается сильная оппозиция обойденных властью оседлых узбекских феодалов. Усиливаются противоречия между феодалами и кочевым населением из-за предгорных земель. Обостряется аграрный кризис⁴.

Восстания киргизов

Первым, наиболее крупным в Кокандском ханстве, было восстание в 1845 г. ошских киргизов, не получивших обещанных ханом привилегий. В этом году на политической арене вырисовывается образ крупного киргизского феодала Алымбека. «Ведающий, — по словам английского посланника

¹ *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 209.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... стр. 154.

³ *Павлов Г.* История Туркестана... стр. 92—93.

⁴ *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 210.

в Коканде Муллы Абдал Маджида, — управлением киргизами»¹, Алымбек впоследствии неоднократно выступает одним из главных лиц Кокандского ханства.

На подавление восстания направляется главнокомандующий кокандскими войсками Мусульманкул. Он жестоко расправляется с киргизами. Множество пленных было отправлено в Коканд, сам же Мусульманкул остался в Оше «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»².

Алымбек, один из руководителей восстания, преследуемый своим врагом — Тилля из рода найман, бежит на Тянь-Шань³.

Во время отсутствия в столице Мусульманкула созревает заговор представителей антикипчакской группировки во главе с исфаринским хакимом Сатыбалды-датхой и алайскими феодалами. В день прибытия в Коканд пленных повстанцев сын бывшего кокандского хана Мурад-бек с отрядом своих сторонников киргизов врывается в урду и провозглашает себя ханом. Шир-Али «заставили испытать напиток мученичества». Однако Мусульманкул быстро возвращается в Коканд и разбивает находящийся здесь небольшой отряд (100—200 человек) киргизов; лишь немногим из отряда удалось спастись⁴.

Мусульманкул, убив законного претендента на престол, старшего сына Шир-Али-хана, 22-летнего Сарымсака, и,

¹ См.: Ромодин В. А. Примеч. к соч. В. В. Бартольда. Соч., т. II, стр. 288, прим. 31.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства... стр. 161.

³ Валиханов Ч. Ч. Соч. в 5 томах, т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 373.

⁴ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства... стр. 162.

обойдя среднего Маллябека, возвел на престол 16-летнего Худояра, при котором в качестве регента сам стал управлять ханством¹.

В связи с этим почти все киргизские племена, как южные, так и северные, перестали признавать власть нового хана. Они стали выступать против кокандских наместников, разорять пограничные крепости и, как подчеркивалось в одном из источников, «начали с тех пор действовать самостоятельно»².

В 1858 г. вспыхивает новое крупное восстание ошских киргизов. Восставшие под руководством Алымбека и Хасанбия поддерживают нового претендента на кокандский престол — брата правящего хана — Малля-бека. К ним присоединяются и кипчаки, оттесненные от власти окрепшим Худояр-ханом³.

Постепенно восстание распространилось по всему ханству, и когда Малля-бек подошел к Коканду, жители отворили ему ворота. Худояр-хан вынужден был бежать в Бухару⁴.

Малля-бека провозглашают новым ханом. Алымбек в связи с этим выдвигается в число влиятельных дворцовых

¹ *Нурекин А.* Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 год. «Туркестанские ведомости», 1842, № 35.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 14, л. 515; Сведения о дикокаменных киргизах. Зап. РГО, кн. 5. СПб, 1851, стр. 141.

³ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... стр. 188. Об активном участии Алымбека в захвате власти упоминается и в рассказе Муллы Хали-бая Мамбетова, записанном в 1885 г. и опубликованном вскоре Н. Веселовским. См.: *Веселовский Н.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. СПб., 1894, стр. 5.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 25, л. 5 — 6.

сановников. Он становится правителем (хакимом) крупнейших областей ханства — Наманганского и Андижанского вилайетов, возглавляет отряды ханских войск. В 1860 г. Малля-хан направляет его в поход через Куртку в Чуйскую долину для того, чтобы воспрепятствовать продвижению русских, занявших к этому времени северную кокандскую крепость Пишпек. С этой же целью выступил и ташкентский правитель Канаат-ша, назначенный ханом главнокомандующим соединенными войсками.

Известность и влияние Алымбека были велики не только в Южной, но и Северной Киргизии. По дороге к нему присоединялись отряды киргизов из Андижанского вилайета, Кетмень-Тюбе, Куртки и других мест, и вскоре численность их возросла до 12 тыс. человек¹.

Кокандские войска посылались для удержания территории Чуйской долины в ханском владении, что не отвечало интересам киргизов. Во время решающего Узун-агачского сражения между кокандскими и русскими войсками киргизские отряды фактически участия в нем не принимали, в чем немалую роль сыграло и личное соперничество Канаат-ша и Алымбека-дадхи. Канаат-ша обвиняет предводителя киргизов в измене. После их возвращения Малля-хан признал Алымбека виновным в поражении и вынес ему смертный приговор. Однако Алымбеку удалось бежать в горы к своим землякам киргизам. Все его имущество в Коканде было конфисковано².

¹ Тарихи-Шахрухи. Рукоп. перев. В. А. Ромодина.

² Ювачев И. Курбан-Джан-Дахта — кара-киргизская царица Алая. «Историч. вестник», 1907, № 12.

تشیخ الکرکلی علی بن ابی اسحاق
زید بن محمد

عبدالله بن محمد

نجف مبداء نیک رست و محاد برتر فرودت یکا ندر

عبدالله بن محمد

سوز تو کیم برونده فدایک خاین و مکر منک قلیت فدایو پو پو

عبدالله بن محمد

و شد و نشانی با تان بر کونکل و بر جان بولوغت بیجان او جن زود

عبدالله بن محمد

همه ایلاته فراموش کردید سپهر او شایخ تو غریب کون

عبدالله بن محمد

فیبی پار دیلمه یک اتفاق لار بر لار ایست کر بولوب ر بارین

عبدالله بن محمد

Handwritten marginal notes in Persian script, likely commentary or additional text related to the main content.

Алымбек начал готовиться к новому восстанию. Вскоре обремененные тяжелыми налогами поднялись почти все алайские киргизы, в первую очередь племена адигине и монгуш. Однако сил для организации сопротивления кокандским войскам оказалось мало, и Алымбек вновь вынужден был перебраться в Центральный Тянь-Шань. Здесь его поддержали сарыбагышские манапы Умбеталы, Адыл и Торогельды. Попытка хана примириться с ними не увенчалась успехом, а высланный карательный отряд в глубине киргизских кочевий был почти полностью истреблен¹.

Из сообщения Дюгамеля военному министру (июнь 1861 г.) видно, что Алымбек был намерен объединить киргизов «от Иссык-Куля до Мало-Бухарской равнины» и сделаться независимым правителем всего киргизского народа². Дюгамель дал соответствующее распоряжение начальнику Алатавского округа Колпаковскому о поддержке в случае надобности дружественных отношений с Алымбеком. Идея поддержки восстания киргизов против кокандского хана была встречена одобрительно и российским императором, так как, во-первых, это способствовало бы ослаблению ханства, во-вторых, благоприятствовало безопасному продвижению русских торговых караванов через Киргизию в Восточный Туркестан.

В это время тяжелое положение Малля-хана усугубляется обострением отношений с Бухарой из-за пограничной крепости Ура-Тюбе — этим многолетним «яблоком раздора»

¹ *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии XIX века, стр. 182, 183.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 25, док. 116. См.: *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии XIX века, стр. 183.

двух соседних государств. Нарастает недовольство и внутри ханства, усиливается борьба феодальных группировок. Среди приближенных хана зреет заговор. Его возглавляют киргизско-кыпчакские феодалы. Некоторые источники указывают на Алымбека, как на главную фигуру в организации заговора.

В первых числах марта 1862 г. крупные киргизско-кыпчакские феодалы Хадыр-бек, Шадман-ходжа, Худай-Назар-датха, Дуст-Мехтар и Мад-Ибраим-Мирза-баши ночью ворвались в ханский дворец, убили Малля-хана и возвели на престол его племянника Шах-Мурада¹. Алымбек становится высшим правительственным чиновником — кокандским визирем. Однако вскоре в результате происков Алымкула — главнокомандующего войсками, — он пал жертвой межфеодального соперничества. Во главе алайских киргизов, крупного племени адигине, становится жена Алымбека Курбанджан-дадха. Позже ее в звании дадхи признали и кокандские ханы.

Для возвращения утраченной власти Худояр-хан, как нередко поступали другие среднеазиатские правители, обращается за помощью к соседнему, в частности, бухарскому хану. Тот охотно вмешивается во внутренние распри Кокандского ханства. Придворный бухарский историк Мирза Абдалазим Сами пишет, что эмир Бухары Музаффар, приглашенный на помощь Худояр-ханом, войдя в Коканд, «был вознагражден исполнением своего заветного желания»². Он рассылал

¹ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, стр. 193.

² *Мирза Абдалазим Сами.* Тарих-и салатин-и Мангитийа. (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой. М., 1962, стр. 59.

в окрестности Коканда отряды, доходил до Терек-Даванского перевала, лежащего на торговом тракте в Кашгар, попутно захватывая имущество и скот у кочевников, главным образом у кочевавших здесь киргизов, чему в немалой степени способствовало усиление, по словам бухарского историка, «гнусного обычая гнета и насилия»¹. «Народ... — писал Мирза Абдалазим Сами, — стонал под его (эмира. — В. П.) властью... и дело дошло до того, что люди отвернулись от него и изгнали его»². Изгнание кокандского хана и поддерживающих его бухарских отрядов произошло не без помощи киргизов и кипчаков, выступивших под водительством Алымкула и Сарымсак-бая (из таласских киргизов рода найман)³.

Дюгамель в сообщении министру предлагал воспользоваться благоприятным моментом и продвинуть российские границы в глубь Средней Азии, ибо «кокандцы не могут рассчитывать на сочувствие и помощь кочевого народонаселения, т. е. на киргизов разных родов, которых они ожесточили против себя своими поборами и притеснениями»⁴. Однако это предложение русским правительством принято не было.

Крупное восстание алайских киргизов против засилия кокандских наместников началось, согласно этнографическим данным, в 1867 г. под руководством Садыка Серкера.

¹ *Мирза Абдалазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа...*, стр. 57.

² Там же, стр. 57, 60. Следует отметить, однако, что в книге допущены хронологические смещения, хотя общее направление рассуждений автора соответствует исторической действительности.

³ *Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства*, стр. 195.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 26, док. 64. См.: *Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века*, стр. 192.

Повстанцы захватили наиболее значительное на Алае кокандское укрепление Кызыл-Курган, убили ханского наместника Кул-Дахту, но не смогли выстоять против присланного карательного отряда кокандцев. Восстание было подавлено, а его руководители, в том числе и Садык-Серкер, жестоко казнены¹.

Весной 1871 г. начались волнения среди сохских киргизов, главной причиной которых явилось непомерное налогообложение населения местным правителем. О размахе вспыхнувшего восстания говорит тот факт, что на его подавление Худояр-хан вынужден был послать около 2 000 воинов-сарбазов².

История взаимоотношений киргизов с кокандским ханством дает все основания согласиться с объективной оценкой современника, что «история Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз»³.

Неорганизованные, часто локального значения, выступления, возглавляемые, как правило, представителями родоплеменной знати и феодалов, не могли закончиться победой народа, хотя восстания и принимали временами огромный размах. Всем им было присуще монархическое направление. Смена же на престоле одного хана другим, будь он узбек или ставленник киргизов (как было с Шир-Али, Малля-ханом,

¹ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 49.

² Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, т. II. В Кокандском ханстве. СПб., 1876, стр. 96.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6896, л. 2. Рапорт туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана военному министру Милютину.

Мурад-беком), не изменяло природы феодального государства, методов и форм эксплуатации и положения трудящихся масс. Восстания вспыхивали вновь и вновь. И так продолжалось на протяжении всей истории взаимоотношений киргизов с Кокандским ханством. Нужны были новые исторические условия, более зрелое революционное самосознание народа, а это могло прийти лишь с появлением более высокой формы организации труда, с более мощным развитием производительных сил, чем при существовавшем феодальном способе производства с господствовавшими патриархально-феодальными отношениями.

Национально-освободительное движение 1873—1876 гг.

За всю историю Южной Киргизии XIX в. наиболее значительным было антикокандское движение 1873—1876 гг., приведшее к ослаблению ханства и, в конце концов, к его падению.

Восстание началось весной 1873 г. на юго-востоке Ферганы и на Алае. Ханские налогосборщики — зякетчи, прибывшие в кочевья киргизов, втрое увеличили размеры обычного налога и стали силой взимать его с населения. Киргизы воспротивились такому произволу и решительно отказали в зякете. Они задержали налогосборщиков, и все награбленное отобрали¹.

Худояр-хан послал для усмирения киргизов войска. Карательные отряды захватили в плен 270 повстанцев

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 58, док. 476, л. 177—178. Рапорт и. д. начальника военно-народного управления Туркестанского края военному министру.

и отправили их в Ассаке. Здесь они были казнены с варварской жестокостью — посажены на кол¹.

Однако основная масса повстанцев (в источнике названо 20 тыс. кибиток киргизов и 10 тыс. кибиток кипчаков, т. е. примерно 150 тыс. человек) успела откочевать в горы и «объявила себя врагами хана». Началась длительная и упорная борьба². Вскоре пламенем восстания занялся весь юг Кокандского ханства. В июне 1873 г. повстанцы заняли Узген, являвшийся одним из главных укреплений на пути к Алаю, и захватили хранившуюся здесь ханскую казну³. К восставшим стало присоединяться земледельческое население кыштак и городов.

И. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в рапорте военному министру писал: «Волнение между кочевниками нашло в себе отголосок и в среде оседлого народонаселения, недовольного жестокостями и чрезмерными поборами хана»⁴.

Без боя были взяты Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие крупные населенные пункты. Войска, направленные на подавление восстания, недалеко от Тюре-Кургана потерпели первое крупное поражение. Повстанцы заняли один из основных по величине и значению городов ханства — Андижан⁵. Вся Южная Киргизия фактически выпала из-под

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 58, док. 541, л. 326. Из письма киргизов начальнику Ходжентского уезда.

² Там же, док. 276, л. 177—278; док. 541—л. 326.

³ *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 65

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, л. 154.

⁵ Там же.

контроля Худояр-хана. На западе Ферганской долины восстали киргизы родов: мундуз, кушка, багыш, басыз (каманы) и кара-багыш, захватившие г. Ханабад. Во главе их стоял Мамыр. Восставших киргизов родов кутлук-сеид и найман в районе Намангана возглавлял Мулла Исак Хасан-Оглы, происходивший из киргизского рода бостон племени ичкилик. Впоследствии он прославился как претендент на ханский престол под именем Пулат-хана¹.

Однако разобщенность и неорганизованность повстанцев привели к тому, что ханские войска, направляемые в главные очаги восстания, стали постепенно одерживать верх и жестоко расправляться с попавшими в плен. Сотни людей были казнены².

Однако волнения продолжались. В апреле 1874 г. восстали кара-кульджинские киргизы, к концу июля — чаткальские. В разных районах ханства возникают все новые и новые очаги восстания. В письме кокандских киргизов начальнику Ходжентского уезда с просьбой оказать помощь восставшим названо 132 500 кибиток недовольных родов, готовых начать и поддерживать выступление³. Несомненно, что в их числе были не только киргизские, но кипчакские отделения, а также роды кочевых узбеков.

Стремление киргизов освободиться из-под тяжелого ига кокандского господства наблюдается также в неоднократных прошениях к русским властям о принятии их в подданство. С такой просьбой киргизы Чаткала обратились еще

¹ Подробнее о нем см.: *Корытов Н. П.* Самозванец Пулат-хан. «Ежегодник Ферганской области», вып. 1, т. 1. Новый Маргелан, 1902.

² *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 66—69.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 8.

в 1864 г.¹ Аналогичные прошения киргизы направляют в 1872 и, особенно часто, в 1873 гг.² Не дожидаясь положительного решения вопроса, киргизы начинают самовольно массами перекочевывать в российские пределы. В 1873 г. только из окрестностей Андижана в Токмакский уезд перешло 1 700 кибиток³.

Худояр-хан, ссылаясь на дружественный договор с Россией, потребовал возвратить беженцев в пределы Кокандского ханства и назвал в письме откочевавшие роды: баймундуз, кушчи, найман, киргиз-кипчак, кара-багиш и др.⁴

Связанный договором с ханом туркестанский генерал-губернатор, боясь «заражения духом восстания» подданных России киргизов, распорядился выпроводить беженцев в Кокандское ханство (о чем в начале декабря и уведомил Худояр-хана)⁵.

Свое освобождение от кокандского гнета киргизы связывали с Россией. Стремление южных киргизов войти в состав России диктовалось как их желанием воссоединиться с северокиргизскими племенами, так и экономическими интересами. Но тщетно они обращались в дальнейшем к туркестанским властям с просьбой о принятии их в подданство, так как на данном этапе царское правительство вполне устраивало зависимое и в то же время полусамостоятельное положение Кокандского ханства, и оно не собиралось

¹ *Серебренников А. Г.* Материалы по истории завоевания Туркестанского края, 1864. Ташкент, 1914. т. XVII, ч. 1, стр. 200—201.

² *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 74—76.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 58, л. 368-369; док. 566, л. 322.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 12.

⁵ Там же, л. 8.

портить отношений с ханом из-за киргизов. Царизм не стал помогать киргизам еще и потому, что в это время усилилось недовольство со стороны Англии успешным продвижением России на юг. А царское правительство не хотело иметь новых дипломатических осложнений с Англией¹.

Против дальнейших территориальных приобретений России в Средней Азии решительно выступал министр иностранных дел Горчаков². Он выражал волю Александра II, еще в 1871 г. указывавшего туркестанскому генерал-губернатору Кауфману, что «ходатайство кокандцев подчиниться России, — если таковое последует, — необходимо отклонить»³. Эта осторожность в немалой степени объяснялась тем, что «нельзя было сделать ни шагу, чтобы не расшевелить английских дипломатов... чтобы не расстрожить Ост-Индийскую империю, сыпавшую деньгами, обещаниями и агентами во все ханства», — отмечали современники⁴.

В связи с этим, после отклонения просьбы киргизов о присоединении к России Кауфман направил Худояр-хану свое поздравление по поводу подавления восстания: «Для меня было весьма приятно узнать, что смуты и беспорядки в подвластной Вам стране, как кажется, совсем прекратились. Искренне желаю, чтобы не повторялось подобное положение дел»⁵.

¹ См.: *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), гл. IV, М., 1965.

² *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии, т. III, СПб., 1906, стр. 423.

³ *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 84.

⁴ *Терентьев М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 218.

⁵ *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 85.

Високопревосходнаго
Бергтавнгоумнаго, Ве-
умнаго Тойсдапа, Нин-
нопаратора Александра
Николаевича, Савинбергскаго,
изъ Високопревосходнаго,

249

и прора, и прора, и прора,

Handwritten signature in Cyrillic script.

Почтенному моему Дядю
Варнаментову Курмарову
Кавказскому Улеу-атуну.

Handwritten text in Arabic script.

Милости прошу моему

Handwritten text in Arabic script.

менному Дядю, и

Handwritten text in Arabic script.

потрудитесь. Мне очень

Handwritten text in Arabic script.

мне, оно Франк-Франк

Handwritten text in Arabic script.

Аллага спавенно моего

Handwritten text in Arabic script.

Српому Дядю моему Дядю

Handwritten text in Arabic script.

Српому гонимому роду

Handwritten text in Arabic script.

Кавказскому, и прора

Handwritten text in Arabic script.

Ваше, оно и прора

Handwritten text in Arabic script.

Франка Кавказского оно

Handwritten text in Arabic script.

и прора, и прора

Handwritten text in Arabic script.

Српому Дядю моему

Handwritten text in Arabic script.

и прора, и прора

Handwritten text in Arabic script.

и прора.

Handwritten text in Arabic script.

1865

1865

Handwritten signature

Однако в следующем, 1875 г., волнения разгораются с новой силой. Начало им было положено выступлением киргизов во главе с уже известным Муллою Исак Хасаном-Оглы, назвавшим себя Пулат-ханом. Недовольство Худояр-ханом охватило все слои населения. Отряды, посылаемые на подавление мятежа, стали присоединяться к восставшим. Вскоре в руках повстанцев были крупнейшие центры ханства — Ош, Наманган, Андижан, Асаке, Маргелан и др. Положение становилось критическим. Худояр-хан обратился за помощью к Туркестанскому генерал-губернатору. Но было уже поздно. Восставшие приближались к столице. Под прикрытием казачьего взвода во главе со Скобелевым Худояр-хан бежал к Ходженту под защиту царских войск. Повстанцы вошли в Коканд. Представителями феодальной знати, воспользовавшимися восстанием в своих интересах, на ханский престол был выдвинут слабохарактерный сын Худояр-хана Наср-Эддин, игравший роль марионетки. Основным руководителем восстания Пулат-хан был заключен в тюрьму, но сумел бежать к своим сторонникам-киргизам на Чаткал.

Постепенно Наср-Эддина признали ханом и царские власти. Однако трудящееся население, и особенно киргизы, продолжало борьбу против ненавистной династии и поддерживавших ее царских войск. Отряды повстанцев приблизились к Ходженту, где ранее нашел убежище Худояр-хан.

Широкий размах восстания серьезно встревожил туркестанскую администрацию и заставил представителей царизма перейти к активным действиям. По просьбе Наср-Эддина было активизировано продвижение карательных отрядов в глубь ханства. Но недовольство ханами поднимало все новые слои населения. И вот в руках восставших —

Коканд. Новый хан по следам своего отца бежит в Ходжент¹. Попытки царских властей восстановить на престоле Наср-Эддина встретили упорное сопротивление. Жестокие действия карательных отрядов заставили теснее сплотиться восставших киргизских, кипчакских, узбекских и таджикских трудящихся для оказания им отпора.

Однако силы были явно на стороне дисциплинированных и хорошо вооруженных правительственных отрядов. Слабо организованные полчища повстанцев, постоянно предаваемые примкнувшими к ним на первых порах феодалами, терпели поражение. Открытое послание Пулат-хана, возглавлявшего восстание, к туркестанским властям с просьбой заключить мир не было принято. Царизм решил ликвидировать ханство как самостоятельное государство. 7 февраля 1876 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в прокламации к местным жителям объявлял: «Весь Кокандский народ как оседлый, так и кочевой принят в Российское подданство, и земли, ими занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи»².

Если на первом этапе восстания против кокандских ханов киргизы связывали свое освобождение от ненавистного ига с Россией, с присоединением к ней, то после активной поддержки царскими войсками ханов, сначала Худояра, затем Наср-Эддина, борьба против ханского деспотизма естественно вылилась в выступления и против поддерживающих его царских войск. Поэтому и после объявления приказа о ликвидации Кокандского ханства и присоединения его на правах области к Туркестанскому генерал-губернаторству,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 64, л. 93.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 6.

борьба против царских карательных отрядов, направляемых для подавления восстания, продолжалась. Особенно упорной она была в горных районах кочевого киргизского населения.

Прекращению вооруженной борьбы местного населения не помогали и меры, предпринимаемые войсками, порою неуместно жестокие. Военная экспедиция, приуроченная к зиме, должна была, по словам ее организатора Скобелева, произвести среди восставших киргизов такой «погром», который бы сделал невозможным «это главное орудие газата (*газавата*. — В. П.) продолжать попытку к наступлению»¹. Однако первые походы не принесли желаемого результата. «Даже материальный ущерб, нами причиненный, — писал Скобелев, — менее тяжко отозвался именно на кочевом населении Ике-Су-Арасы — кипчаках и кара-киргизах, которые заблаговременно бежали частью к Узгену, частью на левый берег Дарьи»².

По следам бежавших киргизов, разоряя брошенные зимовки, сжигая кыштаки оседлых жителей, шел отряд полковника Закомельского. На пути попадалось брошенное имущество, оставшие женщины и дети. Наконец, был достигнут и противник, «несколько вооруженных кара-киргиз, которые порублены», — доносил Закомельский³. Между кыштаками Караянтак и Кайрабат каратели встретили отряд вооруженных повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены», — цинично заявлял завоеватель Ферганы Скобелев⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и 715, оп. 1, д. 67, док. 202, л. 69.

² Там же, л. 87—88.

³ Там же, л. 150.

⁴ Там же.

Восстание и на этом втором этапе было всеобщим и народным, хотя в отдельных местах феодалы пытались направить его в русло монархического движения за нового хана, за отделение в самостоятельное государство или даже под протекторат зарубежных стран ислама, в частности Афганистана¹. Клерикальная и панисламистская направленность выступлений отдельных феодалов вносила местами реакционную струю в общий ход восстания, однако не меняла в целом его природы как народного и национально-освободительного.

Движение 1873—1876 г., начавшееся как антиханское, на последнем этапе, когда ханы бежали под защиту царского оружия и русские войска стали занимать один город за другим, переросло в антицарское. Особенно активным оно было на юге Киргизии. Генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман официально вынужден был признать, что на последнем этапе завоевания Кокандского ханства «борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить»². «Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы, — писал Кауфман. — Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и узнали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств!»³.

¹ См.: Песня о киргизском феодале Абдулла-беке, приверженце Пути-хана, составленная одним из его сподвижников. «Абдуллабек жонундо ыр». Рукоп. фонд. Отд. обществ, наук. АН Киргиз. ССР, № 1566.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, док. 261, стр. 319—324.

³ Там же.

Массовые народные волнения, особенно со стороны кочевых киргизских племен, которые были направлены не только против непомерного налогообложения, но и в меньшей степени за личную свободу, подтачивали устои восточной деспотии и ханской власти и способствовали в конечном счете падению Кокандского ханства. Присоединение Южной Киргизии к России объективно сыграло прогрессивную роль в жизни киргизского народа. В крае началось разложение патриархально-феодалных отношений, сюда проникают и начинают развиваться элементы более передового по сравнению с феодализмом капиталистического способа производства. Но самое главное его прогрессивное значение заключается в том что киргизский народ стал приобщаться к революционной борьбе российского пролетариата. Создавались предпосылки широкого фронта революционных сил для общего выступления против самодержавия, за национальное и социальное освобождение.

Обращение к политической истории Кокандского ханства приводит к выводу, что киргизско-кипчакские племена пользовались в ханстве большим влиянием. Активное участие киргизов в политической жизни Кокандского ханства способствовало экономическому сближению кочевого и оседлого народов, что в свою очередь вело, с одной стороны, к феодализации кочевого общества, с другой — способствовало некоторому сохранению патриархального уклада у самого земледельческого населения, растущего за счет перехода части кочевников к оседлости.

ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Скотоводство

Основной отраслью хозяйства у киргизов в середине XIX в., как и раньше, было экстенсивное кочевое скотоводство, требовавшее обширных пастбищ. Горно-пересеченный рельеф Киргизии, слабый торговый обмен с соседними народами вели к тому, что разводился скот, сравнительно неприхотливый к пище, однако способный удовлетворять основные потребности населения. Побывавший в начале XIX в. в Южной Киргизии Мир-Иззет-Улла подчеркивал, что киргизы владеют большим количеством лошадей и овец¹.

Экономическое благосостояние семьи кочевника да и его политическая роль определялись в хозяйстве поголовьем скота. *«Кан болмоктон бек болгун, кадырын болбойт малдан сон — будь хоть ханом, хоть беком, но без скота ты не сохранишь своего влияния»*, — гласит народная киргизская пословица².

По своим масштабам и значению в хозяйстве Киргизии первое место занимало овцеводство³. Овцы являлись главным источником продуктов питания, сырьем для нужд хозяйства, служили эквивалентом товарообмена.

По удельному весу и той важной роли, которую лошади выполняли в хозяйстве, большую роль в жизни кочевников

¹ Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство... стр. 47.

² Киргизско-русский словарь. Составитель Юдахин К. К. М., 1965, стр. 125.

³ Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, стр. 19; Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 54.

играло и коневодство. Во-первых, при кочевом образе жизни киргизов лошади были необходимы в хозяйстве как средство для быстрого передвижения. Во-вторых, в условиях частых феодальных междоусобиц сохранить было легче более подвижное богатство, наиболее подвижный скот. В-третьих, в периоды джутов (зимнего массового падежа скота от бескормицы, главным образом во время гололедицы) лошади сравнительно легче добывали корм и гибли не в таком большом количестве, как овцы и рогатый скот.

Существенное место в кочевом хозяйстве занимал рогатый скот мясо-молочного направления. Верблюды разводились лишь для транспортировки грузов, поэтому их было немного. В качестве примера рассмотрим состояние скотоводства в Шахристанском аиле Ура-Тюбинского вилайета, населенного в основном кочевыми киргизами¹. Там в 70-х годах на 87 хозяйств приходилось: баранов — 1211, крупного рогатого скота — 227, лошадей — 195 и верблюдов 58 голов². В то же время отдельные байские хозяйства имели тысячи голов скота. Братья бай-Пайшенбе (из памирских таджиков) владели от 5 до 10 тыс. голов скота, обслуживаемого батраками — таджиками и киргизами³.

На Алае и в горах Памира разводились яки, постепенно вытеснявшие здесь другие виды рогатого скота⁴.

¹ *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964, стр. 15.

² Там же, стр. 122.

³ *Искандеров Б. И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. II., Тр. АН Тадж. ССР, Ин-т истории, т. XXXIX. Душанбе, 1963, стр. 221.

⁴ *Чихачев П.* Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. Зап. РГО, кн. 3, СПб., 1848, стр. 20 — 21;

Киргизы разводили именно тот вид скота, который мог в течение круглого года находиться на подножном корму, что отвечало требованиям кочевого животноводческого хозяйства. «При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, — отмечал К. Маркс, — земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»¹.

Ведение скотоводческого хозяйства определялось навыками. Кочевали в силу географических условий вертикально, т. е. в горы, по традиционно выработанному годовичному циклу. Хозяйственным распорядком предусматривалось постоянное пребывание скота в наиболее благоприятных климатических условиях. Для дальних перекочевок айлы объединялись в большие общины колонны.

Весной, начиная примерно с середины марта, кочевники располагались на весенних стойбищах у южных склонов гор, первыми освобождавшихся из-под снега. Со второй половины мая и до сентября скот находился на летних высокогорных пастбищах — жайлоо, где в изобилии были сочные травы и спасительная прохлада.

Жайлоо, как правило, были неравноценны. Скот богачей обычно летовал высоко в горах, где находилась главная, большая летовка *чон жайлоо*. Скот бедняков летовал на склонах ближайших гор — *боксо жайлоо*. Наиболее привлекательными были дальние пастбища высокогорных долин. Так, на Алай стекались почти все ферганские киргизы,

Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк припамирских стран. Вестник РГО, т. XXII, 1886, стр. 101.

¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. т. XIX, ч. II., стр. 230.

«просторно раскидывая вдоль него свои аулы», — сообщал на одном из заседаний Русского географического общества Д. Л. Иванов после своей поездки по югу Киргизии¹.

Перекочевка с пастбища на пастбище совершалась медленно, с перерывами, чтобы это отрицательно не отражалось на упитанности скота. Лучшие пастбища с высокой травой использовались для крупного рогатого скота. Потом на них, а также на пастбищах с крутыми склонами пускали овец и коз. На новые участки переходили по мере стравливания пастбищ. Правильное использование пастбищ являлось целой наукой, и накопленные навыки выполнялись из поколения в поколение. Недаром в киргизской народной поговорке сказано: *«Жаман койчу жайытын бар кундо туготот — дурной пастух овец в один день стравит свое пастбище»*².

Киргизы очень высоко ценили Памиро-Алай, изобилие пастбищ и питательность травы, на котором, по их словам, «совершенно изнуренную лошадь откармливали менее, чем в 20 дней», где «овцы весьма часто ягнятся разом двумя ягнятами»³.

По отдельным сведениям, летом на Алае собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов⁴.

Ко второй половине лета кочевание достигало высшего пункта кругооборота — линии вечных снегов. Затем скот перегоняли в обратном порядке на осенние пастбища — *куздоо*, которые обычно использовались ранее как весенние.

¹ Архив ГО СССР в Ленинграде, разр. 65. оп. 1, д. 46, л. 43.

² Киргизско-русский словарь, стр. 217.

³ *Чихачев П.* Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи, стр. 20.

⁴ *Волконский А.* От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. «Вестник Европы». 1894. № 7, стр. 133.

С наступлением холодной погоды, примерно с начала ноября, переходили на зимние стойбища — *кыштоо*, которые служили скоту естественным укрытием от непогоды.

С зимними пастбищами киргизы бережно обращались, экономно их использовали. Травостой сохраняли с осени, чтобы зимой скот мог добывать корм из-под снега. Поэтому наиболее удобными для зимних пастбищ были склоны гор, легко очищаемые ветрами от снега¹. Здесь же сооружались примитивные глинобитные жилища и открытые заграждения для овец из камня, глины, камыша — *короо*.

Суровые зимы, особенно с резкой переменной погодой, тяжело сказывались на экстенсивном кочевом животноводстве. Страшным стихийным бедствием был *джут*, когда глубокие снега, затянутые ледяной коркой после кратковременной оттепели, скрывали травяной покров, вызывая тем самым массовый падеж скота. В связи с этим южные киргизы на зиму делали небольшие заготовки сена для поддержания лошадей и отчасти маточного поголовья. Это могли позволить себе только состоятельные хозяйства. Основная же часть скота круглогодично оставалась на подножном корме.

Зимовки были точно определены, и пользование зимними пастбищами строго соблюдалось. В материалах о юридических «обычаях» отмечалось, что киргизы и казахи летом живут более вразброс (*тарау*), зимой более скученно. Ближе не сходятся из-за могущего возникнуть недостатка в траве и смешения скота².

¹ *Ошанин В. Ф.* Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, т. XX, вып. 1881, стр. 47.

² *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. ПО.

صراط

عبدالرسول
بای
جای

از برای شوهر چراغ افروز و زوایب دست و قیام طهارت بوقت
حاجت نمیند کند که حق شوهر بزرگ است قال رسول الله صلی الله
علیه و آله حق الزوج علی المرأة کحق علیکم فی بیع حق الزوج فقد ضیع
حق الدعا و بیهمة زنایه واجب و از دست که آداب شوهر را
نکوه و در انداک از بی شوهر خون ریخد آید زن آنها را بزبان
بلبلد پاک کند حق شوهر از این پر شده است و دوام با شوهر لطف
و خوش روی کند و بخت شوهر خود در نیت دهد بر سر و چنانچه
اجازة شوهر از خانه بیرون نیاید اگر چه پدر مادرش در حاجت
شروع باشد معتبر است یا از رحم الراجحین

ع

Скот каждого рода и племени помечался особым клеймом — тамгой. К сожалению, сведения о тамгах очень отрывочны и относятся в основном к северным киргизам¹, тем не менее имеются отдельные упоминания и о тамгах южных киргизов, таких как *кушчу*, *жети-уруу*, *багыш*, *кытай*².

Мета скота была необходима, чтобы предупреждать столкновения и недоразумения в случаях, когда смешивался скот разных общин. Тамги являлись традиционными и неизменными в течение длительного времени. При дроблении родов, отпочковывании от основного рода отдельных групп тамга рода сохраняла основную форму, лишь несколько видоизменялись ее отдельные элементы.

Киргизские родовые тамги требуют специального исследования. Их изучение способствовало бы выявлению как родственности отдельных племен, их преемственности и дробления, так и соотношений общественного и личного в собственности на скот у кочевого населения.

У южных киргизов скотоводство являлось основной отраслью производственной деятельности. Однако трудно говорить о чисто кочевом хозяйстве в середине XIX в. Многие киргизы уже фактически были оседлы и в широких масштабах занимались земледелием.

¹ *Радлов В. В.* Aus Sibirien, 1, s. 534, *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, приложение, стр. 7—8.

² *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков, Большой Орды и кара-киргизов... стр. 456.

اوشبوانیک دیوینک لایق لطف و احسان و فیض و کرم شد و دست محمد اذین و ابر قوزی

بانی منارا و خط و بازار بای حبیج و خط و مال بای محمدی و خط و طوق و خوزه محمدی آفوندا و خط

و اسپر نغسل و خط و محمد موسی ملاینا و خط و تزیل ایاغ فتنه نقاشی لاریخ بولونجی و دیوین

بکاره بلیق و ذره کسین شول خصصه و تو نوخ خصه یاز ریز که ندایا فان مخر بنیده

بز لار امیک وی بیق نقاشی لار نامه لار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر

ای قویوب ایدی دست امیک تپی مل عملی بولوب و راتا و با بالار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر

قولغان و شیق لار بنیامیر بار ندایا فان کتبا و روسیه اض بولغان بنیامیر لار بنیامیر

غده اقباله و ک انجیان با کینه غرض قیلد و ک لار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر لار بنیامیر

مرفغان غدا بلع بولوب و ک مرفغان با کینه غرض قیلد و ک ملاجی بوق دیدر و بنده اوش او یا بنیده

مذکور سینه و اوم مذکور امیک وی لیک نقاشی لار فانه ویران بولوب با وطن بولوب پسران

بولوب نقاشی سبب خدمت لار بنیامیر و غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز

غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز غده یاز

Handwritten notes in the top right margin, partially illegible.

Large handwritten notes on the right side of the page, written vertically.

Земледелие

Киргизы издавна занимались земледелием, хотя и довольно примитивным по сравнению с земледелием оседлых народов. Под пашни преимущественно использовались поливные участки даже в столь высокогорных районах, как Алай. А. П. Федченко, побывавший в Алайской долине в 1871 г., подчеркивал, что киргизы засевали здесь «пшеницу *ляльми*, т. е. яровую, но поливаемую из арыков, ячмень и просо». Встретил он и поля люцерны («дженушки»), которую культивировали с недавнего времени, но довольно успешно¹.

У киргизов преобладала паровая система полеводства.

Главными посевными культурами были просо, ячмень, пшеница². У зимовок сеяли немного кукурузы³, в очень ограниченном количестве — хлопок⁴, разводили тутовые деревья⁵, и даже лен — *выгыр*, правда, только ради семян⁶.

На одном месте они обычно 2—3 года подряд сеяли зерновые культуры, затем на 1—2 года оставляли эту землю под мар. Очередность культур севооборота была пример-

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950, стр. 372.

² Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 30, л. 42; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915, стр. 130 — 131.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34052, л. 3.

⁴ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, т. 1 ч. II. СПб., 1875, стр. 91.

⁵ Иванов Г. Путь от Андижана до Нарына. «Туркестанские ведомости». 1873, № 9.

⁶ Краузе И. Заметки о медицинских и некоторых промышленных растениях в Средней Азии. В кн.: Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М., 1872, стр. 268.

но следующая. В первый год сеяли просо (*таруу*). После жатвы сразу же высевалась озимая пшеница. На второй год снимался урожай озимой пшеницы. В третьем году производили яровые посевы льна, ячменя. Никаких удобрений на поля, за редким исключением, не вносили¹. В скученных оседло-земледельческих районах недостаток земли старались компенсировать привозимыми из города удобрениями².

Земледельческие работы проводились вручную, тем не менее на некоторых участках добивались высоких урожаев. У оседло-земледельческого населения очистка ирригационной системы, взрыхление почвы, поднятие паров, работы в садоводстве и пр. велись простым кетменем; имевшие тягловый скот использовали соху — *омач*³.

Взрыхление земли (вспашка) в некоторых горных районах, как например в Нарыне, нередко велось обычными лопатками — *курек*. К этому способу прибегал, как сообщается в этнографических записях П. П. Иванова, наиболее бедный люд, не имевший ни рабочего скота, ни даже деревянной сохи — *буурсун*⁴.

После посева основная масса киргизов откочевывала со скотом на летние пастбища. На месте оставались несколько членов семей, наемные батраки или же зависимые соседи, которые должны были присматривать за посевами. Их называли *жатакчы* — бедняк, вынужденный из-за отсутствия

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 35052, л. 3.

² *Батраков В. С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. Тр. САГУ. История. Новая серия, вып. 9. Гуманитарные науки, кн. 8. Ташкент, 1955, стр. 135.

³ *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения... стр. 69.

⁴ Архив ЛОИНА, р. II., оп. 6, д. 32, л. 82, 99.

скота проводить и лето на зимовке, а также *аштыкчы* — человек, обязанный следить за посевами бая и поливать их.

Ко времени созревания урожая мужчины спускались к своим полям для его сбора, оставляя на это время скот под присмотром женщин и детей¹.

Жатва производилась серпом — *орок*. Зерно обмолачивалось прогоном скота на току (*кырман*) по разложенным снопам². Иногда использовался для этой цели деревянный каток.

С окончанием работ по сбору урожая у киргизов был связан обряд — *чеч* или *чечкор*. После обмолота и провеивания зерно сгребали в кучу и очерчивали ее кругом. Наверх зерна клали кусок глины или семь камней и втыкали семь колосьев. Хозяин забивал на кырмане жертвенную овцу, и ее кровью обрызгивали зерно, лопаты, ток. Мясо шло на угощение. И только после этого зерно засыпалось в мешки — *кан*. Обряд совершался с причитаниями — *бата*, принесением жертв покровителю земледелия — *Баба-Дыйкану*³.

В кочевых скотоводческих районах земледелие являлось подсобной отраслью хозяйства. Но для разоряющихся киргизов, для бедноты оно и там постепенно превращалось в основное занятие. Это нашло отражение и в киргизских эпосах. К. К. Юдахин приводит следующее выражение: «*Куу дуйно жыйып, мал кутуп, не муратка жетейин? Андан*

¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 808, д. 1, л. 113.

² *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов, стр. 70—71.

³ *Баялиева Т.* Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов. В кн.: Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 119—120.

коре мен эми аштыкчы болуп кетейин — Собирая богатства и разводя скот, чего я достигну? Лучше я теперь стану земледельцем»¹. Однако при первом же улучшении материального положения такие киргизы вновь стремились перейти к скотоводству. Возьмем характерный пример из поземельно-податного обследования киргизских хозяйств. Так, в 50-х годах XIX в. обедневшие киргизы родов монгол и наймам купили у жителей кишлака Сузак большой массив полузаброшенной пустоши. Для занятия земледелием они расширили два имевшихся арыка и вырыли три новых — Ямадыр, Бадалбай и Джигда. Тем не менее даже к 90-м годам из 31 хозяйства только 10 имели усадьбы, а 21 хозяйство — лишь заборы и хлевы для скота².

В соседней местности Кампыр-Рабат земледелием занимались киргизы рода тейит. Но и здесь даже во второй половине XIX в. усадьбы имели только 2 хозяйства из 21. По сведениям поземельно-податного комиссара, почти все киргизы-земледельцы по традиции на лето уходили со скотом в горы³.

Земледелие было преимущественно поливным, даже в самых высокогорных районах. «Виденные мною поля, — писал неоднократно А. П. Федченко о земледелии у киргизов Алая, — все оби, т. е. орошаемые»⁴.

¹ Киргизско-русский словарь, стр. 85.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 77.

³ Там же, л. 79.

⁴ Изв. РГО, т. VIII, 1871, № 1; «Туркестанские ведомости», 1871, № 35; Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II, 1873, стр. 398.

Проведение арыков и создание оросительной сети было делом коллективным. Каждая юрта айла или рода в таком случае выставляла по одному рабочему. Для их прокормления делались раскладки между юртами или хозяйствами на необходимое количество баранов. Также распределялось обложение деньгами, необходимыми для приобретения рабочего инвентаря (кетменей и пр.)¹.

Чистка центральных магистральных каналов была делом столь важным, что производилась в присутствии беков или даже хана. Когда воды было мало и ее нельзя было поднять естественным путем или посредством плотин, употребляли специальное водоподъемное сооружение, называемое у киргизов *чыгыр*, у бухарцев — персидским колесом².

В документах кокандского времени упоминаются кайрачные земли. Они свидетельствуют, что киргизы в какой-то мере осваивали неполивные земли — *кайрак* (ляльми), на которых засеивали только яровые хлеба — богару³. По *васике* — купчому документу — 1268 (1851—1852) г. одна киргизская община продала феодалу Алымбек-бию Саидбиеву кайрачный участок в районе Узгена⁴. Упоминания об обработке неполивных земель встречаются и среди описания границ вакфных участков. В документе (*вакф-наме*) от 1279 (1862—1863) г. при перечне земельных участков встречается «общая земля, «засеиваемая под дождь (*ляльми кайрак*)

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 775—776.

² *Костенко Л.* Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.

³ *Марков.* Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 17.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10.

обществ Букара, Даукат-бий, Аруин, Юкти и Сарыбаба»¹. По документу 1287 (1870—1871) г. при определении границ пожертвованного в вакф участка в местности Кутарма, близ Науката, названы «поля ляльми, засеваемые отделением Атка»².

Занятие киргизов-скотоводов земледелием, постоянные зимовки и постройки на них говорят о том, что хозяйство киргизов уже в этот период в отдельных районах было скорее полукочевым, чем кочевым. Об этом имеются и прямые указания в работе В. и М. Наливкиных, проводивших несколько лет среди местного населения Наманганского уезда³, членов поземельно-податных комиссий по обследованию хозяйств⁴ и в других источниках.

В долинных районах Южной Киргизии земледелие издавна являлось основным занятием оседлого населения. Под влиянием земледельческой таджикско-узбекской культуры земледелие получает все большее распространение и становится основным занятием и у оседающих киргизов.

По данным 70-х годов, в киргизском аиле Шахристане с населением 429 человек засевалось 420 пудов пшеницы, 360 — ячменя, 7 — клевера и соответственно снималось урожая: 2498, 1672 и 350 пудов 113.

В середине XIX в. был уже целый ряд очагов земледелия, преобладающим населением которых были киргизы.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 3 (1). Здесь и далее в скобках указывается лист оригинала, перед ним — его перевод.

² Там же, д. 34961, л. 5.

³ *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерки быта женщины оседлого туземного населения в Фергане. Казань, 1886, стр. 15.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36687, л. 28.

Это кишлаки на юго-востоке Ферганской долины: Бостон, Кара-Багыш, Хан-Абад и др.¹; в долине Еки-Су Арасы (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) более 20 кыштаков² и т. д.

Приведем образец одного из писем киргизов, свидетельствующий о давнем занятии их земледелием:

«Мы, жители обществ Буджун-Баджан и Кара-Булак, все родом киргизы. С незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы поселились в указанных местностях еще в ханские времена. И так как в этих местностях земли оказались пригодными для обработки, то, поселившись на них, и начали обрабатывать таковые. Эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер. И вот на этих землях поселились наши деды и отцы и понастроили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжают, а занимаются специально земледелием»³.

Примитивное земледелие оседавших киргизов первоначально удовлетворяло лишь насущные нужды семьи. Низкая производительность труда, недостаток рабочего скота и сельскохозяйственных орудий не могли обеспечить ему устойчивого и интенсивного развития. Значительно на более высоком уровне стояло земледелие у недавно оседлого узбекско-таджикского и отчасти киргизского населения районов древне-земледельческой культуры Ферганы, причем, сравнительно неплохих успехов достигло выращивание

¹ Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения... стр. 122—123.

² ЦГА Узб. ССР. ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 35—36; д. 33355, л. 70—80.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7023. Распросная карта долины Еки-Су Арасы.

здесь не только зерновых, но технических культур. В период Кокандского ханства в Фергане получило распространение также хлопководство¹. Первые более или менее приемлемые статистические данные мы имеем, правда, с 1877 года, но они отражают состояние и за предшествующий период:

Сведения об урожаях хлопка по Ферганской области за 1877 г.

Уезд	Снято хлопка	
	пудов	фунтов
Андижанский	50 604	39
Кокандский	290 645	32,5
Чустский	14 091	11¾
Ошский	6 234	35
Наманганский	67 050	—
Маргеланский	118 140	25
Исфаринский (бывш.)	6 395	25

В. Наливкин, касаясь экономической политики кокандских ханов, отмечал, что период правления в Коканде Оморхана был связан с массовой экспроприацией киргизских земель². Она была роздана феодалам или ее могло выкупить у хана и само киргизское население. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае шла в основном о пахотных или пригодных и доступных для обработки долинных землях. Кокандская колонизация не распространялась в горы — места коренных кочевий киргизов. Здесь дело ограничивалось возведением укрепленных крепостей, таких как Дараут-Курган. Кызыл-Курган, Суфи-Курган и др. В них

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23344, л. 48.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, стр. 37.

располагались гарнизонные отряды, сборщики налогов — зякетчи, имелись, мечети, кузни, торговые лавки и базары¹.

Кокандцы, как правило, не заводили возле крепостей своих пашен, но в то же время не препятствовали киргизам распахать земли и заниматься земледелием, поскольку пахотные земли привязывали кочевников к определенным местам, что в свою очередь облегчало взимание с них налогов и усиливало их зависимость от хана. «Кокандцы это ясно сознавали, — подчеркивал Н. Северцов, — и дорожили киргизскими пашнями у своих укреплений... а потому и не заводили своей, сартовской оседлости. Кроме гарнизона в крепостях были немногие торговцы, ремесленники, огородники и то отчасти из гарнизонных сарбазов: и вся эта небольшая сартовская колония занимала (под садики и огороды) ничтожные клочки земли, менее 10 десятин, как, например, у Пишпека»².

Специфической особенностью земледельческого хозяйства Киргизии являлось сочетание сравнительно крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием, отсутствие крупного земледельческого хозяйства, основанного на барщинном труде. Так, после ликвидации Кокандского ханства все частновладельческие

¹ Эта же картина характерна и для северных районов Киргизии. Ср. этногр. материалы Иванова П. П. Архив ЛО ИНА АН СССР, ф. II, оп. 6, д. 31, л. 97; *Северцов Н. А.* О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-Куля. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 105.

² Поземельное устройство Ферганской области, ст. 122. См.: *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане. Тр. Таш. ГУ им. В. И. Ленина. Новая серия, вып. 216. Исторические науки, кн. 44. Ташкент, 1963, приложение 5.

земли — *мильк* и земли духовных учреждений и лиц — *вакф*, которые были заселены крестьянами и общинами, были отведены им в надел в бессрочное пользование¹. За прежними владельцами остались лишь так называемые незаселенные земли, обрабатываемые землевладельцами или сдаваемые ими в краткосрочную аренду.

«Земли ненаселенные, — по сообщению начальника Кокандского уезда, — постоянных определенных доходов не имеют и эксплуатируются непосредственно самими учреждениями (*вакфами*. — *В. П.*) разными способами по условию с арендаторами или чайрикерами, если они удобны к обработке»².

В результате на территории бывшего Кокандского ханства не осталось ни одного сколько-нибудь крупного феодального владения, основанного на постоянном труде типа барщины. Всего по статье частных владений, которые не были заселены крестьянами, поземельно-податными комиссиями выделялось 75 феодальных хозяйств³. Одним из крупнейших землевладельцев в Ферганской области был некий Махмуд Алибай, имевший в Джалья-Кудукской волости Ошского уезда около 200 дес.⁴ Но они не обрабатывались барщинным трудом. Основная часть сохранных вакфных земель сдавалась владельцами для обработки в краткосрочную аренду. И лишь 26 мечетей, на которые

¹ Северцов Н. О русских пос-х к югу и западу от Иссык-Куля, стр. 105.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 73—74.

³ Данные суммированы по кн.: Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, вып. I—V. 1897—1912 гг.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 60—61.

приходилось 50 дес., вели собственные вакфные хозяйства, обрабатываемые муллами¹.

Все это свидетельствует об отсутствии значительных земледельческих хозяйств собственно феодалов, что, однако, не исключало наличия крупных землевладельцев на территории Южной Киргизии, владевших в ханское время тысячами танапов земли.

Степень развития основных отраслей хозяйств населения Средней Азии к середине XIX в. — животноводства у кочевых и земледелия у оседлых народов — сравнительно высоко оценивалась современниками: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуются с нашей стороны какого-либо вмешательства, — писал в 1865 г. завоеватель Средней Азии генерал Черняев, — земледелие и скотоводство находятся здесь на высшей ступени развития»².

На территории Южной Киргизии дальнейший рост земледельческой культуры шел не столько за счет интенсификации труда, сколько в направлении количественного увеличения и расширения посевов в связи с колонизацией края и переселенческой политикой царизма. Еще долгое время, можно сказать вплоть до Октябрьской революции, скотоводство продолжало оставаться экстенсивным, а земледелие слаборазвитым и очень трудоемким процессом.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54—68.

² Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е гг. XIX в. М., 1963, стр. 52.

Домашние промыслы и торговля

Необходимым звеном натурального хозяйства являлось домашнее производство. Переработка сырых материалов хозяйства составляла основу домашнего промысла, или, по выражению В. И. Ленина, домашней промышленности¹.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни киргизов определяло характер их промыслов и ремесел. Домашнее производство служило в основном целям удовлетворения нужд, натурального хозяйства. Орудия труда были очень просты, техника — малопроизводительная, требовавшая больших затрат физического труда и времени.

Уходя своими корнями в древность, домашние промыслы продолжали бытовать вплоть до XX столетия. Лишь со второй половины XIX в. в связи с проникновением элементов капиталистических отношений отдельные промыслы начинают постепенно отделяться от сельского хозяйства, превращаясь в самостоятельное ремесло, определенное В. И. Лениным как производство изделий по заказу потребителя за денежное или натуральное вознаграждение², приобретая мелкотоварный характер.

Сравнительно широкого развития у киргизов достигло изготовление предметов быта и обихода из животноводческого сырья. Из шерсти, обычно овечьей, катали войлок, шедший на халаты, головные уборы, обувь. Войлоком покрывали юрты.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, стр. 328.

² Там же, стр. 329.

Техника производства войлоков была архаична и очень трудоемка¹.

Широко славились узорные войлоки. Орнамент вкатывался из цветной шерсти, либо наносился путем аппликации или мозаики. Особенно ценился белый войлок, изготовлявшийся, из белой верблюжьей шерсти.

В XIX в. приобрели известность ворсовые и шерстяные ковры южно-киргизского производства². Их делали только, женщины, совершавшие весь процесс, «начиная со стрижки и кончая пряжей и окраской в различные цвета»³. Лучшие ковры поставлялись ханскому двору в Коканде⁴.

Высокую оценку киргизским коврам дал один из дореволюционных исследователей А. Фелькерзам, писавший, что «ковровое производство в Андижанском и Ошском уездах находится исключительно в руках киргизов», преимущественно племени ичкилик. Автор называет киргизских мастеров «в полном смысле художниками в ковровом производстве», чьи изделия «принадлежат к числу лучших в Средней Азии»⁵.

¹ См.: *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 22—40.

² *Ромм А.* Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М.—Л., 1941, стр. 30; *Уметалиева А. Д.* Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966.

³ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области... стр. 171.

⁴ *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов... стр.75

⁵ *Фелькерзам А.* Старинные ковры Средней Азии // «Старые годы» июнь, 1915, стр. 19, 23.

Существенное значение в кочевом быту киргизов имела обработка шкур животных и изготовление из кож зимней одежды, предметов домашнего обихода, кожаной посуды, конской сбруи и т. п. Для удобства и красоты кожаным вещам придавали оригинальную форму, наносили орнаментированные украшения.

Обязанности мужчин и женщин в обработке животноводческого сырья, как правило, разграничивались. Свежеванием животных, изготовлением сбруи и обуви занимались мужчины. Женщины обрабатывали шкуры мелких животных, шили одежду, делали предметы утвари, разрисовывали кожи¹.

В байских хозяйствах для выделки кож и изготовления кожаных изделий приглашали специальных мастеров, использовали труд бедных родственников. Если работа была сложная, плата производилась натурой в виде подарков (шерстью, скотом, продуктами) или простого угощения.

Универсальным передвижным жилищем кочевников являлась юрта. Среди киргизских мастеров ценились специалисты по деревянным каркасам для юрт. Техника их изготовления в XIX в. описана Г. Загряжским² и осталась в своей основе неизменной и до настоящего времени³. Мастера-деревообделочники — *джыгач уста* делали сельскохозяйственные орудия местного типа: сохи — *буурсун*, волокуши — *чигне*, седла — *ээр*, различную домашнюю утварь.

¹ *Антипина К. И.* Особенности материльной культуры... стр. 127.

² *Загряжский Г. С.* Быт кочевого населения долин рек Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 31.

³ *Бурковский А. Ф.* Из истории техники обработки дерева у киргизов Уч. зап. истфака КГУ вып. 3, 1954, стр. 88.

Наиболее искусные занимались производством музыкальных инструментов. Все делалось вручную, без каких-либо специальных приспособлений. Тем не менее отдельные изделия киргизских мастеров-деревообделочников представляли собой настоящие художественные шедевры.

Среди южных киргизов существовала известная специализация мастеров-деревообделочников¹. Работы по дереву выполнялись мужчинами. Женщины занимались лишь плетением простых и художественных циновок из жесткой степной травы — *чий*.

Издавна известно было у киргизов и кузнечное дело. Производство металлических изделий достигло ювелирного искусства. Киргизские кузнецы — *темир-уста* изготавливали как простейший сельскохозяйственный инвентарь и орудия труда (кремень, серпы, топоры, ножи, подковы), так и оружие (клинки и боевые топоры — *ай-балта*, фитильные ружья — *кара-келте*, *баран-мылтык*)².

«Большая часть кара-киргизов, — читаем в одной из докладных записок 1853 г., — имеют одинаковое с кокандцами вооружение, не считая киргизской *ай-балты* (топора на длинной рукоятке), именно: пики, сабли и ружья с фитилями»³.

Оружие киргизы частично покупали, частично изготавливали сами, «сами делают порох, но не хвалятся его добротностью», — отмечали побывавшие в 40-х годах XIX в. в Средней Азии топографы Воронин и Нифантьев⁴.

¹ См.: *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... стр. 144.

² См.: *Бурковский А. Ф.* Из истории техники металлического производства у киргизов, вып. V, 1958.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 14, л. 515.

⁴ Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 150—151.

Многие мастера металлического производства были одновременно и кузнецами, и слесарями, и ювелирами. Это отчасти вызывалось характером ювелирного производства: железные изделия покрывались тонким слоем серебра, позолотой. Большим художественным вкусом и национальной самобытностью отличались женские украшения, изделия из цветного камня, украшения для мужских поясов, седел, сбруи и пр. Мастера-ювелиры — *зергер* владели такими довольно сложными техническими приемами, как аппликация, зернь, штамповка, гравировка. Из рук искусных мастеров выходили народные музыкальные инструменты темир-комуз¹.

Довольно сложное кузнечное ремесло и тонкое ювелирное мастерство отличались своеобразной профессиональной замкнутостью и традиционностью.

Господство натурального хозяйства и ограниченность в связи с этим потребностей населения в ремесленных изделиях тормозили развитие ремесленного производства. Лишь изредка отдельные ремесленники работали на сторону, удовлетворяя заказы богатых скотоводов или выполняя мелкие заказы рядовых потребителей.

Свои изделия ремесленники нередко подносили в виде подарка — *тартуу* баям и феодально-родовой знати, получая вознаграждение по усмотрению дарополучателя². Это была и примитивная форма обмена, и своеобразная форма эксплуатации.

¹ *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... стр. 133—142.

² *Рыскулбеков М. Р.* Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии. Тр. Киргиз. пед. ин-та, сер. историч., вып. 2, 1950, стр. 45.

Имеются сведения о том, что в некоторых кишлаках были свои постоянные кузнецы, которым за работу при сборе урожая выделялась специальная часть зерна. Таким же образом это делалось в отношении кишлачных аксакалов, мулл, цирюльников и пр.¹ Эта раздача зерна с урожая в пользу лиц, необходимых для общества, являлась остатком патриархальщины. Она практикуется не по шариату, отмечали современники, а по введенному обычаю².

В условиях натурального хозяйства и патриархально-феодалных отношений основная цель домашних промыслов и ремесла заключалась не в получении меновой, а в создании лишь потребительной стоимости. Непосредственными производителями товары обменивались или продавались не в целях обогащения и прибыли, а для приобретения тех предметов быта, которых у них в хозяйстве не было, или для выплаты налогов в денежных знаках.

В Киргизии до присоединения к России не было фабрично-заводской промышленности, имелось лишь ремесло, в целом продолжавшее носить характер домашнего производства, не отделившееся окончательно от скотоводства и земледелия.

Число крестьян, занимавшихся ремесленным производством в отдельных местах, было довольно значительным. Так, по сведениям 1878 г., на 87 киргизских хозяйств аила Шахристан Ура-Тюбинского вилайета приходилось 49 ремесленников³. Имеются отдельные указания на то,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13.

² Там же, л. 1—3.

³ *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения... стр. 122.

что в Оше — единственном городском центре Киргизии того времени — ремесленное производство было объединено по типу средневековой цеховой организации¹.

Отдельные бедняки-киргизы занимались горнорудными промыслами, добывали в горах Алая, Чаткала и других местах золото, свинец, олово. Киргизы Ура-Тюбинского вилайета заготавливали в горах лес и выжигали уголь для продажи в город². О продаже угля киргизами рода багыш на базарах упоминается в фольклорных материалах двух южных киргизских певцов — Нурмолдо и Мусы³.

В Киргизии в очень ограниченных размерах занимались разработкой каменного угля. По распоряжению Худояр-хана каменный уголь доставлялся в Коканд из районов ныне действующего рудника Таш-Кумыр⁴. Открытые с помощью киргизов угольные копи Сулюкты стали разрабатываться с 1868 г. и удовлетворяли первоначально потребности только Ходжента⁵. Добывали киргизы и свинец близ Андижана и Ура-Тюбе, у северных отрогов Тянь-Шаня, и сбывали его и Коканде⁶.

¹ *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 22.

² *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения... стр. 93.

³ *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа во второй половине XIX в. и начале XX века. Фрунзе, 1967, стр. 209.

⁴ *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ *Вельяминов-Зернов В. В.* Торговое значение Кокандского ханства для русских. 1854. Рукоп. фонды отд. редких книг б-ки им. А. Навои в Ташкенте, стр. 31.

Основная продукция кочевников в середине XIX в. являлась не столько предметом продажи, сколько обмена.

Роль всеобщего эквивалента выполняли не деньги, а скот, в частности бараны. Своих денежных знаков киргизы не печатали, но пользовались деньгами соседних среднеазиатских ханств — монетами и серебряными слитками (ямбы).

Основным видом торговли в кочевых районах Киргизии была разъездно-монетная торговля, которую вели главным образом приезжавшие купцы¹. Торговый оборот киргизов в кокандских укреплениях по сравнению с разъездно-меновой торговлей непосредственно в киргизских кочевьях составлял незначительный процент².

Из Ферганы и Кашгара в киргизские кочевья шли торговые караваны, которые везли товары, имеющие большой спрос: халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и другие мелкие вещи в обмен на скот и животноводческое сырье: шкуры, масло, кошмы и т. д.³

В неопубликованной рукописи Г. Е. Грумм-Гржимайло подчеркивается значение торговли для киргизов: «Бедность памирских киргиз отчасти объяснялась тем, что среди них не были, по крайней мере до 1887 г., распространены промыслы, и все, в чем они нуждались, не говоря уже об одежде и обуви, им приходилось приобретать в обмен на живой скот, главным образом на баранов⁴.

¹ *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1965, стр. 16.

² Там же, стр. 22

³ *Иванов Д. Л.* Орографический очерк Памира. Стеногр. отчет заседания РГО, апрель 1884 г. Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 46, л. 57.

⁴ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 22. Высказывание Г. Е. Грумм-Гржимайло о том, что среди памирских киргизов отсутствовали промыслы,

Имеются сведения, что киргизы не являлись пассивными и торговле, а и сами занимались ею¹. Еще Мир-Иззет-Улла отмечал, что в Кашгар «пригоняется для продажи, обычно киргизами, большое количество лошадей»².

У оседлого населения Кашгара ощущался заметный недостаток в скоте, особенно овцах и лошадях, которыми их снабжали «киргизы из окружающей Кашгарию горной полосы» и даже Ферганы³. Киргизы закупали у кашгарцев кошмы широкою тесьмой, веревки для юрт, яркендскую мату, сандуфи, ткани и пр.⁴

На состояние торговли киргизов некоторое положительное влияние оказал транзитный торговый путь через Алай, проходящий из Центральной Азии в Среднюю и далее на запад. Но он не был решающим. Г. Генс писал, что «в Уше (г. *Ош*. — *В. П.*) проходящие караваны тюков своих даже и не развязывают: торговли тут никакой не бывает»⁵. Однако налаживанию торговых связей этот путь в известной мере способствовал. К тому же, по сообщению Мир-Иззет-Уллы,

не совсем верны. Основные нужды натурального хозяйства они удовлетворяли сами, частично перерабатывая продукты животноводческого сырья. См.: *Абаева Т. Г.* Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, стр. 52.

¹ *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 84.

² Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство... стр. 44.

³ *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1879, стр. 20.

⁴ *Бурхан-уд Дин.* Каттаган и Бадахшан. Перев. с перс. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и др. под ред. с предисл. и примеч. проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1316, стр. 159; *Абаева Т. Г.* Очерки истории Бадахшана, стр. 89.

⁵ *Генс Г.* Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар и Ташкент. Составлено Г. Генсом по рассказам татарина Муфтазы Феиз-Уддин-Марзян. Зап. РГО, кн. X. СПб., 1855, стр. 349.

в Оше проходили крупные ежегодные ярмарки, на которых производился обмен товаров окрестных кочевников и паломников-мусульман¹.

Киргизы занимались проводниками караванов, погонщиками скота и понемногу втягивались в торговлю.

Значительным тормозом в развитии торговли являлись феодально-родовая раздробленность и постоянные междоусобицы. В первой половине XIX в. купцы часто жаловались на опасность торгового пути через Киргизию, поборы и произвол мелких феодально-родовых правителей, каждый из которых брал столько, сколько сам «рассудит взять»². Влияние патриархальных отношений заметно сказывалось на внутренней «торговле» среди киргизов, завуалированной специфической патриархально-родовой формой. Она проявлялась в виде подношения даров и отдаривания подносящего³. Подарок — *тартуу* состоятельным лицам, соседу, баю, бию скакунов, ценных мехов, искусных предметов ремесленного производства вознаграждался отдариванием с учетом ценности *тартуу*, но нередко и ниже его стоимости. Если в первом случае происходил своеобразный обмен в условиях отсутствия внутреннего рынка, то во втором — завуалированная форма эксплуатации богатым более бедного, зависимого соседа или «родственника».

¹ Бунаков А. В. Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией. Рукоп. 1939, Архив ЛОИНА АН СССР, р. II, оп. 6, д. 16, стр. 90—91.

² Архив ЛО АН ССР, ф. 1, оп. 1 (1827), д. 8, л. 112. Донесение семипалатинского купца 1-й гильдии Степана Попова.

³ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 85.

Простой обмен был распространен среди беднейших слоев оседлого населения. И во второй половине XIX в. он был самым примитивным. «Два раза в неделю, — описывает начальник Ошского уезда рацион питания семьи среднего достатка, — обязателен плов, причем мясо, сало и рис приобретался не на деньги, которых у сельского жителя нет, а каждый раз в обмен на несколько пригоршней пшеницы или кукурузы»¹.

Развитию торговли и экономических связей с соседними народами, а также внутри Киргизстана препятствовало и отсутствие удобных дорог. Одиночные караванные тропы и горные перевалы были доступны лишь выючному транспорту. Строительство первой колесной дороги в Алай через перевал Талдык к Иркештаму и далее в Кашгар было предпринято туркестанскими военными властями лишь в конце XIX в.

Таким образом, основу хозяйственного уклада у киргизов составляло кочевое и полукочевое скотоводство, у оседлого узбекско-таджикского и частично киргизского населения — поливное земледелие. Промыслы и ремесленное производство, охота, торговля были неразвитыми и носили вспомогательный, подчиненный характер в натуральном хозяйстве. Все это и способствовало живучести патриархально-родового уклада, хотя в целом общественные отношения были феодальными.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 56.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

ВЕРХОВНЫЙ СОБСТВЕННИК ЗЕМЛИ

Вся захваченная кокандскими ханами земля киргизов согласно мусульманскому праву, которым руководствовались среднеазиатские правители, становилась государственной собственностью, и единственным ее полновластным распорядителем делался хан.

У киргизов право собственности на землю, пишет один из первых исследователей поземельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев, отсутствовало «в силу мусульманского права, по которому все земли стран, завоеванных силою оружия или подчинившихся добровольно, составляют собственность государства»¹.

В мусульманских странах право полной собственности юридически принадлежало лишь государству как представителю всего класса феодалов. Верховным собственником являлся хан, и только с его разрешения могло осуществляться юридически оформленное частное и общинное владение землей².

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 22.

² *Торнау*. Особенности мусульманского права. СПб., 1892, стр. 51; *Ростиславов М. П.* Очерк видов земельной собственности и поземельный

С установлением ханского господства, — подчеркивали исследователи поземельных отношений Ферганы, — «все земли были объявлены государственной собственностью, и желающие получить их в частное владение должны были покупать у казны... На имя уполномоченных были составлены особого рода купчие крепости, которые хранятся до сих пор»¹.

Понятие государственной собственности на землю нашло свое отражение в обычном праве кочевников (*адат*) и в представлении оседлых жителей. «Согласно киргизскому обычаю, — отмечается в материалах комиссии А. И. Гомзина (1869 г.), — вода и земли есть собственность государства, которое в правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа. Правовоззрение оседлого населения, хотя кое-где слабо и отстаивало нерушимость прав пользования подданных, однако не отрицало и права государства, как вотчинников»².

На вопрос, кому принадлежит земля, первые исследователи поземельных отношений Туркестанского края до его присоединения к России отвечали: «Земля есть собственность государственная». Это положение вытекало из мусульманского права, обычаев и практики земельных отношений. «Такой взгляд, — записано в докладе указанной комиссии

вопрос в Туркестанском крае. Тр. третьего международного съезда ориенталистов, СПб., 1879—1880, стр. 5; Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954, стр. 133.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская, область. Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 29.

² Савицкий А. П. Поземельный вопрос в Туркестане (в проектах и законе 1867—1886 гг.). Тр. ТашГУ, новая серия, вып. 216. Исторические науки, книга 44. Ташкент, 1963, стр. 33.

Гомзина, был не только мертвой буквой письменного права, но и живым, постоянно применявшимся правилом обычая»¹. К нему апеллировали при спорах за землю.

Один из кокандских авторов упоминает, в частности, о таком факте. Когда казахские племена (подданные Коканда) перекочевали в глубь Чаткальских гор, используемых как летние пастбища животноводами Ферганы, то по требованию последних Омар-хан направил для выдворения казахов, войско².

Право государства как верховного собственника земли подчеркивалось и в ханских документах. «Летние кочевья (*джайляу*), — говорится в документе маргеланского правителем (хакима) Султан Мурадбека, выданном алайским киргизам в 1204 (1867—1868) г., — составляют государственное имущество, но свободны для пользования без запрета для всех киргиз одинаково»³. В ханском документе, выданном в свое время одному из казахских родов, прямо указывалось:

«Так как вся земля принадлежит хану, то он и дарит ее в пользование конградцам»⁴.

В ходе исследования способа производства в странах Азии, «восточных деспотий» К. Маркс пришел к выводу о феодальной по своему характеру государственной форме собственности: «Государство здесь — верховный

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, д. 89—93.

² См.: *Набиев Р.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966, стр. 15.

³ *Покровский Г. В.* и *Стогов Н. И.* Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1903 г. Стат. обзор Ферганской обл. за 1911 г. Скобелев, 1914, стр. 107—108.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 42, л. 269.

собственник и земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общественное владение и пользование землей»¹.

Право государства как верховного собственника земли определяет уплату государству ренты, совпадающей с налогом. «Если не частные земельные собственники, — пишет К. Маркс, — а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»².

Государственное право на землю, пишет А. И. Гомзин, подтверждалось взиманием налогов, «ибо обоснование податей в мусульманском государстве не есть потребность государства, а — его права и преимущественно права на земли»³.

Хан, будучи верховным собственником, распределял во владение и пользование как обрабатываемые пахотные территории оседлого населения, так и пастбищные районы кочевого населения. «Назначение зимовок и летовок со стороны ханов в ордах, — подчеркивается в материалах Гомзина о праве государства, как верховного земельного собственника, — указывает на существование этого же принципа

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354,

² Там же.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 2, д. 3, л. 89—93.

и в киргизском населении»¹. Так, после захвата территории Киргизии Кокандским ханством отдельные киргизские феодалы и целые общинно-родовые объединения начали обращаться к хану с просьбой о закреплении за ними земель, прежде принадлежавших им. С такой просьбой в 1231 (1815—1816) г. обратился к хану Бекназар Раимбеков от имени своих «родственников» — киргизов рода Иса Мирза Бадаева. Эти родственники прежде владели на основании киргизского (родового) семейного начала данными землями. Из документа, выданного Омар-ханом, видно, что встречный иск на эти же земли был предъявлен другим родом во главе с Байбута Токтомышевым. Документ, скрепленный печатями Кокандского хана Сеид Мухаммед Омар-хана, казиев и муфтиев определял, что «3/5 — частью описанной земли должен владеть Бекназар Раимбеков, со всем от него исходящим родством, а 2/5 — Байбута на тех же условиях»².

Интересен в этом отношении документ, выданный Малля-ханом после занятия им Кокандского престола киргизам рода кутлук-сеид в 1276 (1859—1960) г.: «Киргизы кутлук-сеид с своими родовичами занимали ур [очище] Кара-Тюбе. От разных притеснений кокандских властей вы разошлись по разным сторонам. В настоящее время, опять собравшись вместе, желаете быть нашими подданными, потому вам предоставляется занимать местность Кара-Тюбе на прежнем основании, и никто препятствий делать вам не будет»³.

На правах верховного собственника хан монопольно распоряжался всеми землями. Он их дарил и конфисковывал,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 2, д. 3, л. 89—93.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1—2, 29, 62 (32).

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12800, л. 15.

жертвовал в вакф и продавал независимо от того, были они в данный момент свободны или находились во владении частных лиц и общин. Из заявления ичкиликских киргизов рода кочкор видно, что они владели урочищем Кашка-Су еще до подчинения кокандцам. Несмотря на это, в 1283 (1866) г. по распоряжению хана часть их пастбищ (1/8 площади урочища) была передана во владение постороннему нойгутскому бию¹. В 1291 (1874—1875) г. Худояр-хан пожертвовал в вакф мазару Хазрет-Аюпа в Джалал-Абаде около 6 тыс. танапов земли, принадлежавшей нескольким частным лицам и даже общинам².

Таким образом, в Киргизии в период кокандского господства обрабатываемые земли оказались закрепленными за населением: а) на основе давности владения и пользования, б) ханскими пожалованиями, в) жертвованиями в вакф, г) купчими крепостями. Пастбища были оставлены в пользовании занимавших их родоплеменных групп. В результате, в верховной собственности государства оказались весьма разнообразные и сложные категории землевладения: казенные и лично ханские земли, частные владения феодалов и дехкан, земли общин и владения духовных учреждений.

Как подчеркивал В. И. Ленин, капитал застаёт «... средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и клановое, и общинное, и государственное и т. д.»³.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36161, л. 21—2.

² Там же, д. 34325, л. 2—3(5), 25.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 27, стр. 138.

مذاهب بگو که با امام پیغمبر و امام علی علیه السلام مذاهب پیغمبر و مذهب
 بگو که داشت بگو که مذهب امام علی علیه السلام مذاهب بگو که داشت بگو که با او
 پیغمبر و او پیغمبر مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب پیغمبر رسول الله
 و محمد رسول الله مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب با بنی هاشم
 خلیل الله مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب بنی نوح بنی الله و شیخ
 و نوح بنی الله مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب بنی شیبان بنی الله و
 شیبان بنی الله مذاهب بگو که داشت بگو که با امام صفی الله آدم صفی
 الله مذاهب بگو که داشت بگو که پیغمبر و پیغمبر مذاهب بگو که
 بیکسان و میکانیل مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب پیغمبر ائمه و غیر
 ائمه و غیر ائمه مذاهب بگو که داشت بگو که مذهب همه ائمه ائمه و
 همه ائمه ائمه مذاهب بگو که داشت بگو که الی اراده الله تم میان الله تم و
 میان همه ائمه ائمه بگو که اگر کسی از ائمه پیغمبر و هر کارخانه

والله اعلم بالحق

Выделение и характеристика земельных институтов в мусульманских странах, в том числе и в Средней Азии, представляют большую трудность в связи с тем, что ни нарративные, ни документальные источники их не перечисляют и специально не классифицируют, а учение мусульманского законоведения лишено исторической конкретности. Поэтому классификация современными исследователями форм землевладения в странах Ближнего и Среднего Востока, в государствах Средней Азии имеет довольно значительные расхождения¹.

Схематично структуру землевладения в Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, по нашему мнению, можно представить в следующем виде: а) государственные и ханские земли, б) частновладельческие земли, в) владения общин, г) земли духовных учреждений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

В период господства Кокандского ханства в Киргизии основную часть земельной площади составляли земли государственные (на правах владения).

Фонд государственных земель включал все обрабатываемые территории и пастбища, которые не были распределены между населением на правах владения и находились

¹ Ср.: Дембо Л. И. Земельный строй Востока. Л., 1927, стр. 6; Захедер Б. Н. История восточного средневековья. Курс лекций. М., 1344, стр. 75—76; История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент. 1950, стр. 233—234; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л., 1960, стр. 233—283; Мухтаров А. Очерки истории Ура-Тюбинского владения... стр. 57—71; Махмудов И. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966, стр. 33—68; История Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1967, стр. 611—620.

в полном и прямом ведении государства. Они назывались *мамлякат*, *амляк*, *замини-мамлака* и другими терминами. Будем называть их по общепринятой средне-азиатской терминологии — амляковые земли.

Обрабатываемые амляковые земли находились в пользовании непосредственных производителей. Их право основывалось исключительно на постоянном пользовании земель при выплате всех налогов и несения соответствующих государственных повинностей. «Все вообще земли: пустопорожные и невозделываемые как удобные, так и неудобные, принадлежали государству, — писал один из исследователей поземельного права Кокандского ханства, — землями этими согласно шариату имел полное право пользоваться каждый безразлично, с обязательством действительной обработки их и платы за них в казну подати (*харадж и танан*). Затем, перестав пользоваться этой землею, он тем самым, опять на основании шариата, передавал ее в достояние государства»¹.

Заброшенные пахотные земли обычно становились общими пастбищами, нередко даже не прежних, а новых землепользователей. Так, земельный участок около 140 дес., находящийся в конце Янги-Арыка в Ошском уезде, оказался спорным. На него претендовали киргизские роды Ардай, Тюлекен и Ходжи из Аюкчата. Сначала он был пахотным и, видимо, принадлежал кому-то на правах владения, но потом арык разрушился и землю забросили. Эта земля пошла под пастбище, и население стало считать ее казенной и свободно пользоваться².

¹ «Туркестанские ведомости», 1885, № 20—21.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, я. 3—8.

Крестьяне амляковых земель юридически являлись как бы наследственными арендаторами. Их права землепользователей приравнивались либо к найму — *иджара*, либо к договору — *мюзориет*¹ и могли в любое время быть прекращены волей государства. В то же время практически участки государственной земли переходили из поколения в поколение по наследству, от одного пользователя к другому, предпочтительно к сыну, но никак не к дочери, которая не могла наследовать прав отца².

Переход по наследству документально не оформлялся. Никаких актов на владение землями и садами ни у киргиз, ни у сартов нет. Переходит же все потомственно, доносил находящийся в Чимкенте помощник управляющего населением центральных областей в 1866 г.³

Из фонда обрабатываемых земель ханы выделяли земли во временное пользование (типа бухарского *танхо*) и в полное владение своим феодалам, а также конституировали духовным учреждениям в вакф. Так, в 1242 (1826—1827) г. Мадали-хан пожаловал в полное владение киргизским батырам Худайбердию, Джанышбаю, Байбута-Батыру и др. земли в местности Кара-Бура и Кафга⁴.

Но такие акты носили преходящий характер и были не чисты. Например, землями кишлака Яр-Мазар в Маргеланском вилайете, по заявлению жителей, «пользовались то джигиты хана или бека, то доходы с них передавались в пользование какого-либо отдельного лица пожизненно».

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 135.

² Там же, л. 136.

³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, г. св. 892-а, л. 808.

⁴ ЦГА Узб., ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 31.

В последние годы Худояр-хан передал эти земли, т. е. право на доход с них, одному карию, обязанному ежедневно читать коран в честь «бывших и нынешних» ханов¹.

Как только истекал срок временного пожалования, земли снова превращались в амляк. В связи с этим нередко были случаи, когда с кишлака, переданного ханом в пользование какому-либо сановнику, налог взимался дважды: ханским сборщиком и феодалом. Первый считал, что подати должны поступать в казну, второй же продолжал требовать их в свою пользу. О том, что так было, свидетельствуют жалобы дехкан и скотоводов на двойные поборы. Например, *амин* (староста) к. Кыргыз-Курган (Наманганский вилайет) жаловался хану, что с его селения требуют сборы и ханский курукчи² Мухаммед Садик, и ханский военачальник (*бахадурбаши*) Мулла Турди Али, которому был пожалован тугай их селения³. Второй пример. По свидетельству курукчи и жителей Мирза-Абада, кишлак прежде являлся государственным, и доходы с него собирались в казну. Позже он перешел во владение Насруллы-бека, и налог с жителей стали требовать, наряду с ханским, бекские сборщики⁴.

Получавшие ханские пожалования не были частными собственниками земли, они являлись лишь ее условными владельцами и имели только право полностью или частично собирать в свою пользу подати с крестьян этих земель. Но за давностью такие условные владения тяготели

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 22770, л. 3.

² *Курукчи* — объездчик ханских «заповедных» земель — курук.

³ *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III. Л., 1955, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 145.

к превращению в наследственные частные владения (мильк). Отчуждать непосредственным производителям государственные земли было нельзя¹.

Юридические отчуждения амляковых земель ограничивались волею хана и были условными, так как каждый последующий правитель вправе был подвергнуть ревизии документ, выданный его предшественником, и даже аннулировать его.

В начале правления Худояр-хана 52 киргиза Маргеланского вилайета купили за 180 тилла² орошаемый массив государственной земли. На нем основали селение Кызыл-Аяк. Тем не менее позже, используя в качестве предлога их «ссору с араванским беком», хан приказал изгнать киргизов, земли провинившихся присоединить в казну³.

Первоначально продажа доходных государственных земель была строго ограничена и осуществлялась только в общегосударственных интересах. Даже ханы при продаже амляковых земель должны были обосновывать ее необходимость в специальном актовом документе — васике⁴. Возьмем, к примеру, документ за 1260 (1844) г. Доверенный хана парваначи Каримкул Тагрикулибаев продал за 50 тилла два участка казенной земли киргизам Андижанского вилайета Юргасары Акюкбаеву, Ирназарбию Карабутоярову

¹ Шах-Уль-Фераид: «Амляк же частные лица не имеют права ни завещать в чью бы то ни было пользу, ни обращать в вакфы, ни отдавать в залог, ни заявлять на таковую иска». См.: *Ростиславов М. П.* Очерк видов земельной собственности... стр. 6.

² *Тилла* — кокандская золотая монета в 3 р. 64 к. по курсу 60-х годов XIX в. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12740, л. 5—6.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22694, л. 2—3.

⁴ *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане, стр. 31.

и др., всего 19 человек). Продажа была обоснована в васике тем, что деньги необходимы «для содержания и вооружения ханского войска»¹.

Впоследствии же не только ханы, но и их виднейшие сановники, более или менее свободно отчуждали государственные земли. Так, Алимкул, возведший на престол Султан Сеида, оформил «с разрешения хана» своему медресе в Кара-Су целый кишлак Кара-Шах, подати с которого прежде поступали в казну².

В 1292 (1875) г. андижанский бек Наср-Эддин (сын Худояр-хана) «изволил милостиво подарить своему многоуважаемому родственнику мулле Мухаммед Кули-Ахунду Хальмирзабаеву один участок казенной необработанной земли», который, как сказано в документе, «отныне будет принадлежать, названному моему родственнику и сделался его собственностью по шариату»³.

Непрочность прав владения усугублялась межфеодальными уособицами, дворцовыми переворотами. Даже продажа земли, оформленная купчей крепостью и скрепленная ханской печатью, при новом правителе могла быть нарушена. В 1281 (1864—1865) г. Сеид Султан-хан и Мулла Алимкул выдали жителям местности Уйлук и Алайлук (Андижанское бекство) документ, в котором сказано: «Наш дед (Шир-Алихан), имеющий место в раю, продал означенную землю (*Бузак-Ульды и Каирманди-Мазар. — В. П.*) жителям Уйлука и Алайука для продовольствия и надобности войска ислама за триста тиллей». Документ был выдан в подтверждение

¹ ЦГА Киргиз. ССР, ф. и. 38, оп. 1, д. 37, л. 9.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34336, л. 2(3).

³ Там же, д. 22737, л. 2(3).

распоряжения прежнего хана и приказывал, «чтобы никто не стеснял (*жителей. — В. П.*) относительно упомянутой земли»¹. Однако после дворцового переворота в пользу Худояр-хана документ его предшественника и соперника Сеид-Султана был аннулирован. Как позже вспоминали жители, «луговая земля с камышами, называемая Булак Ульды, действительно была отобрана Худояр-ханом от жителей местности Уйлук и Алайык... документ же, выданный Шир-Али-ханом в продаже им этого луга, от них был отобран автобачием и им же уничтожен»². Наряду с непрочностью прав частного владения одновременно наблюдается картина все большего тяготения государственных амляковых земель к частновладельческому — мельковому. Амляковые земли давнего наследственного пользования постепенно приобретают права мельковых вплоть до того, что в отдельных случаях государственные земли стали отчуждаться и непосредственными производителями. Юридически продажа амляковой земли оформлялась как переуступка одного пользователя другому не самой земли, а лишь результатов затрат личного труда, вложенного в землю. В Бухарском ханстве в связи с этим «ввиду возникших недоразумений от смешения понятий о купле-продаже на земли с понятием переуступки прав пользования, казиям приказано было писать на документах не слово «земля», а «*ускенази*» — произрастания»³. Поэтому в среднеазиатских актовых документах на куплю-продажу земель мы совсем не встречаем слово «амляк». Речь идет лишь о продаже произрастающих на ней продуктов — уске-

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23024, л. 15.

² Там же, л. 9.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 136.

нази (ускуне)¹. Продавалась якобы не сама земля, а лишь «права на возделывание ее»².

Встречались даже факты передачи государственных земель в вакф непосредственными производителями, лишь юридически пользующихся ими. При составлении отчета Туркестанский генерал-губернатор П. Хомутов отмечал, что в среднеазиатских ханствах «право заповедания вакуфов под влиянием духовенства распространилось на простых поселян, владевших землями казенными»³.

Как уже отмечалось выше, государственными землями считались и пастбища, если они не были переданы специальным указом в чье-либо владение. В частности, высокогорными отгонными пастбищами Алая пользовались как государственными свободными землями не только киргизы, постоянно там кочевавшие, но и скотоводы ближайших районов Ферганской долины.

Места летовок никем не оспариваются и приходящие на летовку не ссорятся... — сделал заключение в результате обследования Алая поземельно-податной комиссар Краснослободский. — Население не считает себя вправе именовать

¹ Ср.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1954; *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л., 1954, стр. 38 и примеч. 1; *Мирзаев К. М.* Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1956, стр. 5; *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане, стр. 41.

² *Ростиславов М. П.* Очерк видов земельной соб-ти... стр. 6—7.

³ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в области Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 г. — 25 марта 1881 г. СПб., 1885, стр. 239.

земли Алайской долины своею собственностью, но удостоверяет, что земли эти искони, фактически, потомственно состояли в пользовании Акбуринской, Булакбашинской, Кашгар-Кишлакской, Куршабской, Ошской, Наукатской волостей Ошского уезда, а также Кара-Суйской волости Андижанского уезда и Араванской волости Маргеланского уезда»¹.

Однако практически регулирование пастбищепользованием было сосредоточено в руках феодально-родовой знати в лице баев, биев и аксакалов.

Наиболее ценные государственные земли не были в таком свободном пользовании населения. Они строго учитывались, как правило, сдавались в краткосрочную и наиболее прибыльную аренду. В Кокандском ханстве такими строго учитываемыми землями были ханские «заповедники» — *курук*, представлявшие собой ценные пастбищные земли, чаще удобные зимовки, сдаваемые за высокую арендную плату во временное пользование². Имелись специальные чиновники, которые следили за сохранностью государственных земель, стремились не допускать их незаконного использования. Один из чиновников — *курукчи* Мулла Иш Мухаммед доносил в ханскую канцелярию о предотвращении им не-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 212

² *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра... По определению В. В. Бартольда, в монгольскую эпоху словом «курук» в Средней Азии обозначалось все заповедное и запрещенное, куда был закрыт доступ посторонним: участки земли, составляющие частную собственность, или чаще собственность государя, дворец государя (*Бартольд В. В.* Соч., т. IV, М., 1966, стр. 384). В отдельных бухарских документах государственная земля называлась термином *курук-кул*. (Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1, стр. 70—71).

законного присвоения государственных земель: «В (кишлаке) Иштансалды, между кишлаками Ак-Тауком и Чимбаем, имеется около двадцати двух джуфта (176—198 га) государственной земли без хозяев (необрабатываемой). Пять-шесть человек фукара селения Ак-Таука хотели продать за тысячу танга (200 руб.) часть тех земель, находящихся в окрестностях (их кишлака), но испугались и не продали. Я с точностью установил, что земля та государственная (*замани мамлака*)»¹.

В непосредственном ведении казны осталась также сравнительно небольшая площадь обрабатываемых земель, которые правительство считало более выгодным сдавать в краткосрочную аренду — так называемые казенные земли. С ними тесно переплетались лично ханские владения.

Частные, или личные земли ханов, практически были трудно отделимы от владения казны, казенных имуществ. После ликвидации Кокандского ханства в ханской канцелярии не было обнаружено никаких списков, на основе которых можно было бы сделать разделение казенных и лично ханских земель, так как «при ханах право частного владения правителей ничем не отличалось от вотчинного их права, и все имущество, не исключая принадлежащих находившимся в ханстве обывателям, считалось собственностью хана», — дает ответ военный губернатор Ферганской области на запрос канцелярии туркестанского генерал-губернатора «о разыскании ханских имуществ и вакуфных документов»². Практически почти невозможно было отделить частные

¹ Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана..., стр. 129.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 327, л. 9.

владения правителей от вотчины¹. Просто лучшая часть государственных земель находилась непосредственно во владении и пользовании ханов².

Источником образования казенных и ханских земель явились орошение (по указанию хана) земель *мево́т* — «мертвых», конфискация земли у опальных лиц, получение таковой по наследству и т. д. Обозначались в документах они терминами *замини-подшохи*, *замини-амири*, у местных законоведов также — *замини-султони*³. В документах Кокандского ханства «удельные» (коронные) земли хана назывались *хасс* или *мири*⁴. Это были «царские», «эмирские» земли, которые, по определению А. А. Семенова, «были в нашем смысле слова казенными землями и в известной степени кабинетскими, применяя сюда терминологию поземельного устройства бывшей Российской империи»⁵.

Изредка, например, среди перечня пожертвованных в вакф земель или продаваемых участков, встречается название «казенная земля». Так, в вакф-наме Худояр-хана, определявшего землю и лавки в пользу медресе своей матери Хаким-аим, среди границ вакфного земельного участка значится

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 327, л. 7—13.

² *Чикаев Х. Ф.* К аграрному вопросу и положению дехкан в Кокандском ханстве. Тр. Узб. Гос. ун-та, новая серия, № 39, Самарканд, 1947, стр. 1—11.

³ *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Тр. САГУ, сер. II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 7, 40.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX в. Предварительный обзор. Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. II (V). Восточный сборник Л., 1957, стр. 193.

⁵ *А. А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства... стр. 40.

«казенная земля Хала-Кум» в районе г. Коканда¹. Но таких земель было немного. После присоединения Кокандского ханства к России оказалось, что казенных земель во всем Маргеланском уезде, одном из крупнейших вилайетов ханства, насчитывалось лишь 2162 танапа².

Отсутствие статистических данных затрудняет определение казенных и удельных земель ханов, которые были разбросаны по всей территории государства. Частичное представление о расположении ханских земель дают следующие материалы. После присоединения Коканда к России последний хан — Наср-Эддин обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой, чтобы за ним оставили его личные земли, находящиеся в Андижанском, Кокандском, Исфаринском и других уездах. Эти земли, как писал Наср-Эддин, были куплены им или подарены ему его отцом Худояр-ханом и оформлены казиями документально³. Часть земель *хасс*, доходы с которых шли непосредственно на нужды хана, находились в Маргеланском вилайете, в районе Ер-Масчит⁴.

Но на территории Киргизии таких земель, по всей вероятности, было немного. В многочисленных просмотренных

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34533, л. 1.

² Их разрозненные участки находились в различных кишлаках: в Сурух-тепе — 12 танапов земли, в Ак-тепе — около 20, в Курган-тепе — 200, в Рамадане — 50, в Калгаче — около 500, в Бек-Абаде — 15, в Арале и Ганнят-тепе — 1000, в Дариль-Амане — 120, в Аулиэ-Чеке — 10, в Мирза-Абаде — 6, в Кызыл-Аяке — 19 (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22518, л. 17).

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22911, л. 2.

⁴ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 193.

документах мы лишь однажды встретили упоминание, что в местности Мады, близ Оша, находились поля, принадлежащие хану¹. Известно, однако, что во многих местностях Худояр-хан имел великолепные сады, где проводил все свое время². В Киргизии, в районе Джалал-Абада (ныне курортные места), было три таких фруктовых сада, один из которых (6 дес. 592 саж.) принадлежал лично Худояр-хану, второй (3 дес. и 1 019 саж) — его сыну Наср-Эдину и третий (6 дес. 1 998 саж.) — брату хана, Мурадбеку³.

Мильк

В Южной Киргизии, главным образом в оседло-земледельческих районах, значительное место имело частное землевладение (*мильк, мюльк, мамлюк*).

Юридическое право на частное землевладение могло быть получено только от верховного собственника — государства — орошением с согласия правителя пустошей, если земля была необрабатываемой, и куплей у государства уже обработанного участка. Право на мильк всегда (и при купле и при орошении) должно было быть закреплено документальной ханской грамотой, скрепленной государственной (ханской) печатью. Мильк являлся бессрочным владением, действительным на все время пользования землей, но в то же время он не был вечным, так как уничтожался с фактическим прекращением землепользования, с завоеванием

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, л. 78—79.

² *Диваев А.* Последние дни Худояр-хана. Отдельный отиск из «Туркестанских ведомостей», 1916, № 20, стр. 3.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 73.

земель другим государством и даже просто по воле хана как верховного собственника.

Владелец милька обязан был платить налоги и нести соответствующие государственные повинности. Но при известных обстоятельствах мильк мог быть полностью или частично освобожден от налогов — «обелен» (специальным распоряжением хана).

Мильки свободно отчуждались и передавались по наследству. В первом случае это документально удостоверялось, во втором — проходило механически. Деление земель на государственные (мамлякат, амляк) и частновладельческие (мильк, мамлюк) по мусульманскому законодательству и местной практике, как сообщается в материалах комиссии Гомзина, «касается лишь фактического владения государства или лица, а не права собственности того или другого»¹.

В зависимости от того, кому принадлежит земля и каковы формы ее эксплуатации, мильки подразделялись на феодальные, обрабатываемые зависимыми крестьянами — землепользователями, и дехканские — владения непосредственных производителей.

Рассмотрим подробнее источники образования частновладельческих земель. Еще в начале XIX в. наманганский хаким Саидкул-бек по распоряжению Омар-хана распродал все искусственно орошаемые, надо полагать, вновь завоеванные земли. В результате этого, у кочевников остались лишь горные пастбища². Факты купли киргизскими феодалами земель у ханов отмечаются уже после подчинения их Кокандом. В 1210 (1785) г. кокандский правитель (судя по дате,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 133—135.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, стр. 37.

Нарбута-бий) продал четверем братьям Дживибаяевым из племени багыш «в потомственное их владение» обширный земельный массив Джергетал¹.

Узгенские киргизы рода кара-тейит Каландар-бий, Софил-Батыр, Ханджар-Куват-батыр, Бури-бий, Арзу Мухаммед Али-бий, Минбаткул бий Кутды-батыр и др. имели документ — васику на куплю у Алим-хана земель в окрестностях узбекского кишлака Паламан (Маргеланский вилайет)².

Одним из основных источников образования мильков являлось также орошение необрабатываемых государственных земель, для чего первоначально необходимо было получить согласие властей. По мусульманскому праву полагалось: «Кто возделывает пустые поля с разрешения начальника — получает право собственности на них»³.

Орошение новых земель, как правило, требует больших затрат труда или средств. Строительство ирригационных сооружений было под силу лишь феодалам, общинам и государству. Они и были инициаторами орошения новых земель, поэтому естественно, что за ними закреплялись эти земли. Таким путем образовалось обширное земельное владение известного киргизского феодала (в это время хакима Андижанского вилайета) Алымбека-дадхи. Пять тысяч кошей (около 1 600 дес.) земли, орошенной по его приказу в местности Чин-Абад, перешли после этого из разряда государственных земель в частновладельческие⁴.

¹ *Айтбаев М. Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962, стр. 60.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 8.

³ Хидая. Комментарии мусульманского права, т. IV. Ташкент, 1893, стр.103.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

В одном из заявлений киргизов рода басыз указывается, что они потомственно владели землями в Яссакинской волости Андижанского уезда, причем на правах орошения прежде богарных земель. С 30-х годов XIX в. «благодаря Чичкан-бию, проводившему арык за свой счет, она стала поливной», — пишут заявители, — и перешла на основании этого во владение Чичкан-бию и его «родственников»¹.

Орошенная по приказанию Худояр-хана киргизами рода Муллы Мухаммед-Шариф-Ахунда местность Поканачаб в Араванском бекстве была затем оформлена в вакф медресе Утамбая Минбаши², который и стал фактическим землевладельцем вновь орошенного массива. Киргизы, сделавшие все оросительные работы, остались лишь наследственными землепользователями, хотя во время поземельно-податных исследований они показали, что «земли все в даче (*новая поземельно-податная единица*. — В. П.) составляют мильк», их владение, а право медресе основывается лишь на взимании с них налога-хераджа, что подтвердил и управляющий вакфом — *мутавалий*³.

В условиях орошаемого земледелия вода приобретала большую ценность и земля была главным средством производства только в соединении с оросительной водой. Поэтому в понятие частного владения — милька входило как право на землю, так и право на воду. Большая ценность воды вела к тому, что она могла быть отчуждаема и даже отделена от земли (очередность полива). В различных частях Туркестанского края имелись такие местности, как Ходжентский

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 65, л. 295—296.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34736, л. 14.

³ Там же, л. 40—41.

уезд в Самаркандской области и Шахимарданская оросительная система в Фергане, где торговля водой отдельно от земли составляла широко распространенное явление¹.

Документы из Ура-Тюбе фиксируют мильк и вакф не на землю, а на воду, причем, имеются записи как общих, так и частных владений. В журнале регистрации документов ханского времени под № 8 зарегистрирован документ частного владения водой многими лицами: «Махмет Шериф-бай — 1 вода, Наамет-Бай — 1 3/4 воды, Нур Мухамет — 1/2 воды, Мамырбай — 3/4 воды, Исмат-бай — 1/4 воды, Намаз Караулбеги — 1/4 в., Абдулла — 1/4 в., Махмет Алибек — 1 1/4 в., — Умурбай — 1/4 в., Махмет-Кулбай — 1/2 воды и Халь Назарбай — 1/2 воды»².

Интересна запись документа от 1248 (1832—1833) г., оригинал которого был выбит на камне: «Мильк на 1 1/4 воды на камне в Басманды, 1-й сарай в городе и мельница»³.

Отличительную черту мильковых земель составляло то, что они могли являться предметом гражданских правоотношений, быть отчуждаемыми. Купля-продажа, аренда производились обычно в денежной форме. Однако в ранние периоды ханства, а на окраинах государства и позднее имела место и меновая торговля.

В архивах хранится целая серия документов на куплю-продажу и пожертвования в вакф земель киргизами. В 1249 (1833—1834) г. некий Нурмухаммед купил около 150 кошей у жителей кишлака Мамай. Позже 1/3 часть этой земли была

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Орошение в Туркестане. СПб., 1911, стр. 54.

² ЦГА Узб. ССР. ф. и. 1, оп. 14, д. 26, л. 12.

³ Там же, л. 13.

продана киргизам рода багыш¹. Киргизы Борубаев, Куаткеев, Эшботоев и Байсеитов в том же году продали участок земли около 150 кошей за 20 тилла Мулле Мир Мухаммеду Каримову². В другом документе, о 30 кошах земли в местности Калтуг, багышские киргизы «Диван и Ташбек Кулыбековы, Бекпулат Ишимбеков в здравом состоянии и добровольно, согласно шариату, объявили, что они вышеописанное имущество со всеми угодьями продали окончательно за 5 тилла Ирыс Мухаммеду Бек Келдыбаеву. 1266 (1849—1850) г.»³.

В 1852 г. участок земель, засеваемый 20 чариками семян, был продан Казакбаем Буджиевым Курманбаю и Ашмамбаю Тубиевым, Наркузью и Арпабеку Конокбаевым «за 1 тилла и 8 тенег в полную собственность»⁴.

Приобретение киргизами земель в частное владение было связано с отходом их от скотоводства и обращением к земледелию. Поверенные киргизов из Куршабской волости Ошского уезда писали в конце XIX в., что с куплей ими орошенных и неорошенных (кайрачных) земель киргизы основали пять больших кишлаков с тремя мечетями и с этого времени «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Та же картина, сообщали поверенные, наблюдалась и у киргизов Узгенской и Яссинской волостей Ошского уезда, с которыми они имеют «некоторое дальнейшее родство»⁵. Здесь был

¹ ЦГА Узб. ССР. ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 15.

² Там же, л. 26 (27).

³ Там же.

⁴ ЦГА Узб. ССР. ф. и. 1, оп. 11, д. 1003, л. 10—13.

⁵ ЦГА Узб. ССР. ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 4—6.

представлен 1 перевод шести купчих крепостей киргизов¹, причем по их заявлению «подобные документы имеются у нас у каждого и всех»². Как следует из донесений Мухаммеда Садика-курукчи Худояр-хану, все земли кишлака Мирза-Абад перешли по купчей крепости во владение Насруллы-бека³. Об общем размере земельного владения жителя г. Оша Парманкула Агалука можно судить по тому, что он в начале XIX в. имел восемь арыков, лишь один из которых орошал более 1 300 танапов земли⁴.

Крупными землевладельцами выступали и духовные феодалы, также приобретающие земли в частное владение. В 1255 (1839—1840) г. Сейдали-хан Ишан Валихан-Тюринов купил за 50 тилла у Хаджира Токсабы Бекмырзабекова участок земли близ Джалал-Абада⁵. В 1281 (1864—1865) г. Сейдали-хан Тюря, Тюря-хан-Тюря и Валихан Тюринов за 45 тилла купили у нескольких обществ — Тани, кишлаков Тамаша-Кишлак, Минг и Чуча — земельный массив в Балыкчинском районе местности Файзы-Абад⁶.

Приведем перевод одной из купчих крепостей-васики на продажу киргизом-земледельцем своего пахотного участка.

«Одна вода земли находится в местности Джай-Терек Ренджитского общества Наманганского уезда. С запада прилегает к большой дороге, с востока — частью к недви-

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10—11.

² Там же, л. 6.

³ *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 145.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33590, л. 6.

⁵ Там же, д. 34227, л. 4 (12—13).

⁶ Там же, л. 16 (22—23).

жимости Мулла Худояр Ахуна, часть к недвижимости Маш Киргиза и частью Бек Киргиза, с юга — к недвижимости Исен-Пула Бай Киргизова и с севера — к саю.

1296 год в месяц сафар (1878 г). Киргиз Курманбай Тохтаров согласно шариату объявил, что он вышеописанное имущество со всеми угодьями продал окончательно за 9 1/2 тилла Раимбай Аксакалу Хасанбаеву, и деньги получил сполна. Печать казия Мулла Абдурахмана. Свидетели: Умар-Узакй Мамбетали-бий, Аланбай-бий, Мамабай и др. Печать Мулла Абдурахмана казия»¹.

Существование купли-продажи вело, с одной стороны, к концентрации больших земельных площадей в руках феодалов, с другой — к разорению непосредственных производителей дехкан-землевладельцев.

О наличии у киргизских феодалов крупных земельных владений свидетельствуют также сохранившиеся в XX в. наименования кишлаков и урочищ, которые были сделаны в честь прежних феодалов-землевладельцев. Так, кишлак, основанный на орошенных землях Алымбека-дадхи, назывался Алымбек-чек, кишлак Бадальбай-чек получил название по имени феодала Бадальбая, кишлак Яркинбай-чек — феодала Яркинбая (Джаркинбая).

По признакам налогообложения частновладельческие земли делились на «обеленные», пользовавшиеся налоговым иммунитетом — *мильки хурр*, или *мильки халис* (а также *мильки хурри-халис*), и облагаемые государственными налогами — *мильки херадж* и *мильки ушр*.

Частновладельческие земли *мильки хурр* представляли категорию временно привилегированных земель, с которых

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 74(51).

правительство «сняло свое право передачею его через продажу какому-либо лицу»¹. Налоговые привилегии могли иметь и земельные ханские пожалования, которые закреплялись специальной грамотой с печатью хана, освобождающей от всех податей.

В 1282 (1865—1866) г. кокандским ханом (судя по дате, Сеид-Султаном) было пожаловано по «линии тамлик», т. е. в мильк, наследственное владение, придворному киргизскому феодалу Шах-Мирзо-Дадхе пастбище. Пожалование пастбища определялось в частное владение феодала, причем владение обеленное: «дадхи, бии и фукара племени должна считать это и пастбище вне товарищества (считать) частью других мильки халис упомянутого дадхи»².

Приведем пример одной из ханских жалованных грамот — *инойт-наме* на освобождение от налогов земли *мильки хурр*.

«Слово отца воителей за веру Саид Мухаммед Али Богадур-хана ... Так как древние молельщики и истинные благожелатели, благородные и знатные Ишан-Мирза Даниил и дети Мирза Аюб, Мирза Масрул, Мирза Абдулла, Мирза Шакир, Мирза Исраил, Мирза Каландар и Мирза Якуб, имея грамоты хана, с давних пор по настоящее время были свободны от уплаты податей, то мы со своей стороны, придерживаясь прежнего порядка, упомянутых лиц вместе с чайрикерами их освободили от уплаты хераджа и танапных сборов. Почему начальники и сборщики податей с. Чар-кус и др. должны считать их свободными от всех повинностей,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. 7(9), 11.

не требовать с них ни гроша денег или зерна, хлеба и не обходить их хирманы. 1242 (1826—1827 г.)»¹.

Шир-Али-хан признал за неким Мауляно Мир Абди Рахимом орошенные им около 1 500 дес. земли в районе кишлака, Кара-Бута как мильк хурр, освободив его с наследниками от всех податей и повинностей².

Из прошения Магомет Омар Нияз-Батырова губернатору Ферганской области от 27 августа 1884 г. видно, что его отец — Нияз Магомет Багадуров еще при Мадали-хане (1822—1842 гг.) оросил в местности Акбаш пустопорожнее пространство, на котором позднее был основан кишлак Нияз-Батыр, а заслуги на государственной службе Нияз-Батыр, как указывал его потомок, «пользовался той землей на праве мильк хурр»³.

Обеление, как правило, являлось своего рода ханским пожалованием. Оно ревизировалось со сменой правителя и обязательно должно было быть подтверждено каждым новым ханом, который всегда мог ликвидировать привилегии, данные предшественником. Поэтому имели силу лишь грамоты, скрепленные печатью правящего хана. Так, обеление частного владения (замани мильки хурр) Нияз-Батыра, к примеру, было подтверждено целым рядом кокандских ханов: Мадали-ханом, Худояр-ханом, Малля-ханом и Сеид-Султан-ханом.

Наряду с временным и преходящим правом на освобождение от налогов имелись и более прочные права на обеленные владения. Они основывались не на ханских пожалованиях,

¹ ЦГА Узб. ССР, д. 34994, л. 2(1).

² Там же, д. 33542, л. 2, 26.

³ Там же, д. 23483, л. 1—2.

а на купле у государства уже обеленных земель — *мильк хурр*, когда государство как бы вперед взимало все подати с земли и выдавало «свидетельство на полную беспошлинную собственность означенными землями»¹. В этом случае государство как бы оставляло за собой от 2/3 до 3/4 проданной земли, зато переходящая к землевладельцу 1/3 или 1/4 участка становилась землей, свободной от налогов — *замини мильк хурр*.

Местные законоведы следующим образом объясняли членам комиссии Гомзина процесс образования обеленных частновладельческих земель. Когда ханы, посылая большие отряды на войну, расходовали все деньги, и им не на что было содержать свои войска, они казенную землю в соответствии с шариатом делили на три части: одну часть оставляли хозяину, и две отбирали в казну для продажи. Оставшаяся у владельца 1/3 часть земли становилась необлагаемой и называлась *мильк хурр*². Для обеления же земель, которыми землевладелец уже владел (на правах облагаемого милька), требовалось возвратить в казну такую часть земли, которая соответствовала в процентном отношении налогу с урожая (хераджу в 1/5 часть)³, потому что приобретение права мильк уже требовало определенных затрат. Так, из документов архива кокандских ханов видно, например, что дехкане кишлака Гуре-гепе в течение 90 лет пользовались амляковой землей, выплачивая в пользу государства 1/3 урожая. Затем за 58 «откупили вышеупомянутую землю», которая, следова-

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 13242, л. 1—2; Ср.: Ростиславов М. П. Очерк видов земельной собственности... стр. 7—8.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 86—88.

³ Там же, л. 136.

тельно, превратилась уже в мильк и подлежала с этого времени обложению налогом в размере $1/5$ урожая¹.

В последние годы Кокандского ханства заметно сокращается количество освобожденных от налогов земель — мильк хурр. «Ханы, вообще нуждающиеся в увеличении своей казны, особенно в позднейшее время, — писал П. Хомутов, — не были, по-видимому, щедры на раздел казенных доходов со своими сановниками посредством мюльковых пожалований»². Уже при последнем правителе Кокандского ханства Худояр-хане мильковые привилегии фактически потеряли всякое значение и большинство земель мильки хурр или мильки халис было обложено податями. У потомков прежних мильковладельцев осталось лишь множество документов, действительных и подложных (установлено комиссией Ф. Гирса), на основании которых они предъявляли свои претензии³.

Определяя общее количество мильков, П. Хомутов исходил из следующего: в двух южных уездах Сыр-Дарьинской области и в двух отделах Зеравшанского округа насчитывалось более 52 тыс. дес. орошенной земли, на которую простирались мильковые претензии, что составляло не менее $1/8$ части всех обрабатываемых земель. Следовательно, примерно такое же соотношение распространялось и на всю оседлую территорию края⁴. Большинство представленных

¹ Троицкая А. М. Архив кокандских ханов... стр. 205.

² Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора... стр. 233.

³ См.: Савицкий А. П. Поземельный вопрос в Туркестане... стр. 121.

⁴ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора... стр. 233.

документов по мильковым землям основывалось на праве оживления – орошения новых земель, пустошей, частично на купле у государства и лишь немногие мильки основывались на ханских пожалованиях.

ОБЩИННЫЕ ЗЕМЛИ

Вопрос об общинных землях в Средней Азии изучен далеко недостаточно, хотя к нему постоянно возвращаются исследователи аграрных отношений оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого населения¹.

Большинство исследователей рассматривает общинные земли как государственные или частнофеодальные, находящиеся лишь в пользовании общин. В основном к таким землям относят пастбищные территории, выгоны и т. п. Однако, в середине XIX в. в Кокандском ханстве и, в частности, на территории Южной Киргизии существовали общины-землевладельцы, чье право на земли было аналогично мильку, источником владения которых являлись орошаемые общими силами пустоши, купля земель у государства и всевозможные ханские раздачи земли целым обществам. Такое общинное

¹ *Петрушевский А. П.* Земельные и аграрные отношения в Иране XIII — XIV веков. М.; Л., 1960, стр. 274—277; *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX начале XX века. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. LXXIV. М.; Л., 1962, стр. 120—161; *Брегель Ю. Э.* Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961, стр. 91—117; *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 102—118; *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963, стр. 19—61, 340—354; *Шахматов В. Ф.* Казахская кочевая пастбищная община. Алма-Ата, 1963.

землевладение закреплялось документально и имело право на отчуждение, но только с согласия всех общинников.

На основании косвенных данных Е. А. Давидович пришла к выводу, что неразделяемость земель деревни является свидетельством существования общины или хотя бы ее стойких пережитков даже на территории самого развитого поливного земледелия. «На это намекает, — пишет она, — в первую очередь специфика юридических сделок по продаже или другим видам отчуждения «карья». Термином этим называлась деревня с относящейся к ней землей»¹.

Материалы, выявленные нами в архиве, главным образом актового характера, позволяют убедиться, что у киргизов имели место не только отголоски старых общинных отношений, но и сами землевладельческие общины (*джамоат*).

В одном из источников читаем: «Земли родовые приобретались преимущественно кочевниками завоеванием и отданы ханами целым родам за заслуги. Земли эти обложены были десятиной урожая в пользу государства и закреплялись за родами ханскими документами (васиками) с показаниями в них границ владений надела, количества арыков и проч. На документах этих каждый новый хан должен был ставить свою печать». Земли отдавались также «на правах общинного владения с целью заселить. Пустынные для проездов места же покупались обществами для расширения своего хозяйства»². Местное население так, в частности, сообщало о землевладении общин: «Земли, где сеется сухой хлеб

¹ Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ, наук, 1961, № 1, стр. 37—38.

² «Туркестанские ведомости», 1885, № 20—21.

обработаны обществом, проведена обществом вода, которые владелись по жребию, — владеются обществом»¹.

В общинное владение оформлялись не только обрабатываемые пахотные земли, но и пастбища. Один из путешественников по Фергане, Е. Марков, писал, что ханы считали себя обязанными выдавать ярлыки на арыки, летовки и зимовки киргизов, причем и летовка и зимовка непременно обозначались в одном и том же ярлыке, так как одна без другой они теряли всякое значение².

В 1287 (1870—1871) г. три общины — Казиляр, Таз, Инаят купили у Султан-Мурадбека (правителя Маргеланского вилайета) за 500 танга «несколько участков земли: пахотные поля, кайраки, летовки, зимовки и ключи, находящиеся в Верхнем Наукате»³.

Подобные акты закреплялись документально, продажа земли оформлялась васикой, скрепленной ханской печатью.

На грамоты ссылались, например, киргизы рода мундуз, отстаивая свое право владения местностью Юлбарс⁴. В прошении киргизов рода мамыт о сохранении за ними прежних владений — 150 кошей земли в местности Марал-Кул (близ Аравана) — сказано, что они имеют «от хана на эту землю документ (*инойат-наме*), по которому земля представлена всем в полное владение»⁵.

До конца XIX в. Иса Гадай Мирзаев имел «вместе с родственниками, киргизами Багышевской волости, васику на все

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 88.

² Марков Е. Фергана. «Русский вестник», 1893, № 11, стр. 18—19.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33647, л. 1.

⁴ Там же, д. 23297, л. 5

⁵ Там же, д. 23070, л. 27—28, ф. и. 23, оп. 1, д. 248, л. 5.

земли, орошаемые из Беш-батман-арыка на 20 тыс. танапов выданную Магомет Омар-ханом и 1231 (1815—1816) г.»¹

Ханы награждали землями целые общины из своих приверженцев, поддерживавших их в периоды смут и междоусобиц. Владение такими наделами было непрочным. Смена хана, захват власти его противником могли стать причиной ликвидации таких владений. Например, Малля-хан, которого вместо Худояр-хана возвели на престол киргизы и кипчаки², подарил в 1277 (1860—1861) г. одной из кипчакских общин урочище Арал в Чустском уезде³. Однако кипчаки владели урочищем самое непродолжительное время, лишь в годы правления Малля-хана. Возвратившийся на престол Худояр-хан приказал снова отобрать урочище в казну⁴.

Общинное землевладение носило подворно-участковый характер пользования пахотными участками и коллективный — пастбищами и выгонами. В одном из официальных документов 1869 г. отмечалось, что «у киргизов бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные не распространяется после первого раздела»⁵. В рассматриваемый период общины существенно отличались от общин первобытного строя. Они все еще

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1—2, 29.

² В 1858 г. Малля-хан с помощью коч-в: киргизов, кипчаков, тюрков, кара-калпаков — сверг своего брата Худояр-хана и правил до 1862 г., пока не был убит бывшими своими сторонниками — киргизом Алымбеком и кипчаком Алимкулом. См. *Бартольд В. В.* Извлечение из «Тарихи-Шахрохи». Зап. Вост. Отд. Русск. археолог, об-ва, т. XI, 1897—1898, стр. 107, 109; *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, стр. 169, 193 и др.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22566, л. 8 (9).

⁴ Там же, л. 12 — 13.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

носили в себе черты патриархальности, но были пронизаны уже и классовыми отношениями. По словам С. М. Абрамзона, «если патриархальные установления, нормы, обычаи и традиции пронизывали едва ли не все стороны социально-экономической и семейной жизни, то, в свою очередь, и классовые отношения проникали во все поры патриархального уклада, приспособливая, видоизменяя и используя присущие ему отношения и воззрения в интересах господствующей феодальной верхушки»¹.

Наследственное землепользование, без периодических переделов вело ко все большему обособлению участков в частные владения. Мы наблюдаем картину постепенного обособления частного владения и закрепления его уже документально как милька. Идет закономерный процесс разложения общин.

Обратимся к вышеприведенному документу о переходе и прежде государственных земель кишлака Гург-Тепе в частновладельческие — мильк.

Первоначально земля была куплена у хана за 58 тилла всем обществом. В течение последующих 30 лет участки общей земли, находившейся в частном пользовании, а фактически уже во владении отдельных лиц, неоднократно перепродавались. Рассмотренный документ является прошением жителей к хану о выдаче им взамен общей купчей грамоты нескольких васик для каждого землевладельца в отдельности на его участок². Это наглядный пример того, как происходил

¹ *Абрамзон С. М.* Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов средн-х республик и Казахской ССР. VII Международный конгресс антроп-х и этног-х наук (Москва, август, 1364). М., 1964, стр. 3.

² *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов., стр. 205.

переход от общинного землевладения (в результате его разложения) к частному. Та же тенденция заметна и в другом документе — заявлении киргизов волости Куля, Маргеланского уезда. «В бытность правления Худояр-хана киргизами в количестве 52 человек была приобретена от него пахотная земля за 180 тилла, — писали заявители, — в чем имеется у нас у каждого документ, выданный худоярханским помощником»¹.

Земли, купленные общиной, затем были разделены на частные владения согласно внесенным паям и закреплены составленными на основании общей купчей казийскими документами.

Возьмем, к примеру, владение киргизами рода тейит урочищем Кур-Чавай в Ичкиликской волости. По документу от 1258 (1842—1843) г. «киргизам рода тейит, перечисленным в документе родоначальника, принадлежит земля Чавай в границах: с запада отчасти степями Кара-Кишлак, отчасти общественными землями рода юлмаш, отчасти пустопорожными землями Сары-Бель, с юга — Кара-Кум и Ходжа-Бильмес, с востока — Бильнимча и уроч. Таркуль, с севера — всецело хребтом Гаузань». У киргизов кроме общего документа имелись грамоты по купле и продаже участков в пределах урочища Чавай. Права же владения, пользования и распоряжения нормировались «местным обычаем»².

Процесс разложения общинного и обособление частного землевладения шел, видимо, поэтапно. Первой выделялась из общины феодально-родовая знать, захватывая лучшие общинные земли в частное владение. Юридически это

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 2, д. 22964, л. 3.

² ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243.

оформлялось как добровольное обособление с согласия членов общины, на что составлялись соответствующие грамоты, заверяемые свидетелями и казиями. Приведем характерный документ за 1254 (1838) г. о закреплении большого массива прежде общинной земли в районе г. Оша во владение некоему Муллабаю Ахун-Нарботобаеву.

«В местности Мады — часть земли, орошаемая из ключей Карасу, граничит с запада — полями хана, с востока Имимм часть прилегает к полям, принадлежащим отделению бакал, часть прилегает к полям, принадлежащим отделению юваш, с севера — к арыку Мады, с юга — арыком Юваш. Месяца Махаррама 1254 г. Мы, нижеподписавшиеся киргизы Мулла Тойчи Курбанбиев, Таракчи и Конгур Ниязбековы (всего 44 чел. — В. П.)... удостоверяем, что из вышеупомянутой в границах земли часть таковой с поливами из арыка Юваш с 11 очередными поливами из арыка этого же имени принадлежит Нарбото Абдаазимбаеву, Самулу Хусайнову, Муллабаю Нарботобаеву, Гайит-биби Балдышанховой, Мулла Кыргыз Али Абдраманбаеву, Маат Кариму, Мулла Шаназарову, Юсуп Али Суванкулову и Мирзе Алиму Абдушукурову, а мы в свою очередь удостоверяем, что из числа принадлежащей нам земли половинная часть таковой с пятью очередными поливами принадлежит Муллабаю Ахуну Нарботобаеву, против чего мы никаких претензий не имеем. В чем и дали сей документ в присутствии казиев, приложивших на оном печати»¹.

Общинное землевладение, носящее на себе следы патриархальности, уже исторически отживало, уступая место частному землевладению.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22534, л. 78—79.

Наблюдается картина и отчуждения общинных земель — (продажа их частным лицам и обществам, сдача в аренду, конституирование в вакф). Однако, продажа была стеснена правом соседа и необходимостью согласия общества. «У киргизов этот прием — писал Гомзин, — стеснен более, чем у сартов»¹. Когда киргизский феодал Куватбек в первые годы после присоединения Ферганы к России попытался закрепить за своим медресе в Узгене 150 танапов земли, администрация отказала ему, мотивируя тем, что «земля, на которой построено медресе, состоит в нераздельном пользовании многих общества, причем пай Куватбека... пока из общего числа земли Джангир-Арыка не выделен»².

Отчуждение общинных земель не членам общины обычно оформлялось с согласия всех общинников. Документом от 1281 (1864—1865) г. доверенные от нескольких общин (Тани, Таш-Кишлак, Минг, Чучан) «по доверенности со стороны остальных лиц их обществ» продали за 45 тилла принадлежавший им в Балыкчинском районе земельный массив — потомкам Валихан-Тюри³. После тяжбы в 1273 (1856—1857) г. за землю (в местности Мады), которая прилегала «к полям Бабахана Мула Кыргыз Алиева... к полям Алымбека дадхи Хасанбиева... к полям отделения Бакал... к полям отделения Каляр... к полям отделения Тонгуз-баши» киргизы общины (идет перечисление более 70 фамилий), получив со спорящей стороны 48 кирпичей черного чая, «решением остались довольны и, — как сказано в документе, — земля

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп, 22, д. 31, л. 93.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23876, л. 2, 5, 6.

³ Там же, д. 34227, л. 16.

осталась за сартами»¹. В 1278 (1861—1962) г. община (*джамоат*) киргизов рода бостон в местности Куршаб (Андижанский вилайет) двумя вакфными документами передала все свои земли (около 50 дес.) в вакф обители (*ханаке*) Ша Рахматуллы-Ишана². Киргизы рода карабагыш в 40-х годах продали часть своих земель в районе Джалал-Абада обедневшим киргизам рода тейит, переселившимся из Ичкиликской волости³.

В начале 70-х годов один из ханских чиновников — Закирья Серкер — по поручению Маргеланского бека Султан-Мурада купил для его медресе «у ошских сартов отделения Шейхляр, Ишасчи и Худжа Даггуз-баш и у киргиз родов Бакал, Юваш и Джури всего 4 тыс. танапов пахотной земли⁴. Обедневшие кочевые киргизы родов монгол и найман купили в 50-х годах XIX в. у сузакцев полузаброшенные земли, восстановили запущенные и провели новые арыки, перестали кочевать и перешли к оседлости. Поселившись на этих местах, «они начали заниматься почти исключительно земледелием, из года в год все более и более приобретая навыки и умения»⁵.

Наряду с куплей-дарением земли существовала и арендная форма сделок. По поводу спора в 1865—1866 гг. из-за пастбищ в местности Исан-Арча между киргизским родом орвин и феодалом Шах-Мирзой эшик-агаси правитель Маргеланского вилайета писал: «Вы (*род орвин. — В. П.*)

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, л. 73—74.

² Там же, д. 34764, л. 35— 6 (15—16).

³ Там же, д. 33355, л. 74.

⁴ Там же, д. 23088, л. 23.

⁵ Там же, л. 76—77.

на протяжении 20 лет на эти Ареста не заступали и не сдавали в аренду — (поэтому) ничего не предпринимайте зря»¹. Как видно из этого документа, сдача в аренду приравнивалась к непосредственному землепользованию, и если владельцы долгое время не пользовались землей и не сдавали ее в аренду, то лишались права владения.

Возможность гражданско-правовых сделок на общинную землю, выделение частных владений и отчуждение земельных участков общинниками вели к разложению общинного землевладения, появлению частных землевладельцев, хотя землепользование пастбищами еще долгое время продолжало оставаться коллективным.

Вакф

Вакф (киргиз. — *вакып*) по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного заведения или духовного лица. Учреждаемый, по определению шариата, с благотворительной целью, на развитие образования, в пользу бедных, вакф рано отошел от своей начальной основы и превратился в источник дохода и богатства духовенства. Главными предметами обращения в вакф служили: земля, торговые лавки, мельницы, деньги, скот и пр. имущество. Вакф оформлялся заверенным казием документом — *вакф-наме*, в котором указывались предмет и условие завещания, распорядитель вакфа-*мутавалий* и порядок распределения доходов².

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1. д. 1057, л. (8).

² Хидая, т. II., кн. XV. «О вакуфах».

По мнению населения, записанному членами поземельной комиссии Гомзина, обращение земли в вакф влекло за собой передачу права сбора податей от правительства к учреждению, в пользу которого совершается жертвование. Поэтому конституировать в вакф могли лишь государство («всякие земли») и частные лица, владельцы мельков как обеленных (мельк-хурр), так и облагаемых налогами (мельки хаир хурр), но после утверждения правительства. По мнению комиссии, «общества своих земель не жертвуют»¹. Однако последнее положение распространялось лишь на общины, являющиеся пользователями государственных, амляковых земель. Общины-землевладельцы могли свободно отчуждать земли и определять их в вакф.

Многочисленные вакфные документы ханского времени, хранящиеся в оригинале и переводах туркестанских чиновников в фондах Ферганского областного правления, довольно подробно характеризуют этот весьма распространенный в Средней Азии институт феодального землевладения.

О количестве вакфов в Кокандском ханстве говорит следующий факт. К 1 июля 1887 г.² в Ферганское областное правление было предъявлено свыше 5,5 тыс. вакфных документов на выделение более 9 тыс. отдельных имуществ³.

Туркестанской администрацией, державшей курс на ликвидацию вакфов, были отобраны для проверки и исследованы лишь «достаточно авторитетные» документы — с ханской

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22. д. 3, л. 93.

² Крайний срок, установленный Российским Государственным Советом для признания представленных документов действительными.

³ Материалы для статистического описания Ферганской области. вып. 1, стр. 25.

печатью или с обелительными, освобождающими от налогов, ханскими грамотами (*ярлык, иноят-наме*)¹. Таковых оказалось, около 600 документов (т. е. 1/9 часть). По ним было выделено 561 вакфное владение, что составило в общей сложности более 80 тыс. дес. в основном орошаемых земель. Из них на территории, впоследствии вошедшей в состав Киргизской ССР, было выделено около ста вакфов с общей площадью примерно в 16 тыс. дес. обрабатываемой земли². Если принять во внимание число непризнанных документов (почти 90% *вакф-наме*), то общее количество вакфной земли было несравненно большим.

Распространенность вакфов в Кокандском ханстве объясняется тем, что фонд вакфных земель пополнялся в результате пожертвования всех сословий, от ханов до мелких феодалов, а также за счет крестьян-землевладельцев.

¹ Для исследования документы, написанные в большинстве подтаджикски, переводили на русский язык, протоколировали результаты опроса населения и мутавалиев, земельные участки наносили на планы, и все это рассматривалось общим присутствием поземельно-податного отделения Ферганского областного правления.

Сомнения в подлинности ряда ханских документов высказали еще первые туркестанские чиновники после присоединения Кокандского ханства к России. В 1877 г. начальник Ошского уезда представляет в Ферганское областное правление оттиски поддельных печатей, «найденных будто бы сыном Сарымсака-хаджи». Среди них малая печать Худояр-хана 1279 (1862—1863) г., Ходжи бека Казы 1242 (1826—1827) г. Муллы Азымдат-казы 1285 (1868—869) г. и др. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 25—26). Для нас подложность отдельных грамот не снижает их ценности, поскольку составлялись они по подобию и образцу подлинных и отражали существовавшую в то время систему поземельных отношений.

² Выборка произведена по кн.: Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, Вып. I—V.

Определение земель в вакф ханами и феодалами обуславливалось стремлением привлечь к себе влиятельные слои духовенства¹, в связи с чем особенно крупные пожертвования выделялись в ханстве в период смут и междоусобиц².

Хан, как верховный распорядитель всех земель государства, передавал в вакф наряду с землями личного удела (*хасс* или *мари*) государственные земли, равно как владения отдельных частных лиц — мильки или общинные земли. Так, Омар-хан отвел в вакф обители (*ханаке*) Хазрет Ишана Халифы неорошенный массив государственной земли, определив, что из р. Сох должен быть выведен арык и указал размеры этого арыка³.

Худояр-хан передал в вакф медресе Утамбая Минбаши всю местность Накаиачаб в Араванском бекстве. По ханскому приказу, киргизы «рода» Мухаммед Шариф Ахунда «оживи-

¹ А. Н. Куропаткин, посетивший Кашгар в 70-х годах, одной из причин ослабления власти и влияния Якуб-бека считал то, что его перестало поддерживать мусульманское духовенство, так как «вакуфные земли, никогда прежде не платившие никаких податей, при Якуб-беке были обложены хераджем и танапом наравне со всеми другими». *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1870, стр. 45.

² Худояр-хан при вторичном занятии престола, в 1862 г., пожертвовал в вакф медресе и ханаке Моргуф-хан-Тюря Шейх-уль Ислама кишлак Таш-Булак в Наманганском вилайете. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 2—4 (5). Пулат-хан, являясь лишь претендентом на ханский престол (1876), раздавал своим сторонникам грамоты, освещавшие их от налогов. Вакф медресе Алимкула, облагаемый при Худояр-хане налогами, был освобожден им от податей в казну (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34336, л. 2—3, (6).

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34694, л. 160.

ли» неорошенную часть местности и получили за это право пользования отведенной в вакф земель¹.

Но в основном жертвовались уже обрабатываемые и нередко заселенные земли.

Во время своего регентства Алимкул с «разрешения» Сеид Мухаммед-хана оформил в вакф своему медресе, построенному в кишлаке Кара-Су, государственные земли кишлака Кара-Шах с обрабатываемой площадью в 600 дес.²

Наряду с общегосударственными землями, но гораздо в меньшей степени, кокандские правители обращали в вакф и земли своего личного «удела». Омар-хан выделил в вакф построенному по его инициативе медресе Джамии в Коканде из государственных земель два кишлака Султан-Абад и 4/5 своих личных земель в вилайете Шарихан, местности Таш-Тепе³. Мадали-хан даже специально приобрел участок земли в 250 кошей на арыке Найман, чтобы пожертвовать его в вакф⁴.

Однако основным источником пополнения вакфного фонда были частновладельческие земли (мильк), принадлежащие как феодалам, так и непосредственно производителям — крестьянам.

Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что из 5,5 тыс. вакфных документов, представленных в Ферганское областное правление, ханской печатью было скреплено (т. е. вакфных завещаний, составленных с ведома или по желанию

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34736, л. 14, 40—41.

² Там же, д. 34336, л. 2—3, 6.

³ Там же, д. 34533, л. 3.

⁴ Там же, д. 34756, л. 1—2.

хана) лишь 600. Следовательно, остальные документы указывали на частный или общинный характер пожалований в вакф.

Во время частых в Средней Азии конфискаций вакфное имущество являлось по сравнению с частным владением более устойчивым¹, и некоторые феодалы, договорившись с духовными лицами, «превращали свои владения в вакуффы»², оговаривая в грамоте за собой и наследниками право на заведывание вакуфом, т. е. фактическое распоряжение доходами с него. Это так называемый семейный наследственный вакф — *вакф-авлод*. Уступкой части доходов в пользу религиозного учреждения феодал стремился избежать ханских налогов и сохранить за собой основную часть ренты³.

¹ Правда, неприкосновенность вакфа, определенная шариатом, также была относительной, и вакфы, и ханские налоговые льготы были в силе только после утверждения ханом. Так, в ходе массового избиения по распоряжению Худояр-хана кипчаков в октябре 1851 г., их лидер Мусульманкул был казнен, все имущество кипчаков конфисковано. Пострадал также вакф Мусульманкула, в частности в местностях Чуртанлык и Байсакал он и имел прежде ханскую грамоту «иноят-наме». И только впоследствии сын Мусульманкула Абдурахман, когда стал приближенным хана, «в 1283 г. возобновил документ на участок земли в даче Байсакал». (ЦГА Узб. ССР, ф. и., 19, оп. 4, д. 34221, л. 15 (16), 18 (19), 22 (23), 34—36).

Худояр-хан отобрал также заброшенные земли у ходжентского медресе Шахибека-парванчи и, зачислив их в разряд государственных, раздал для обработки населению (в *чеки*). Когда же мутавалии пробовали возражать, Худояр-хан пригрозил им повешением. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, 34979, л. 12—13).

² *Ильясов С. И.* К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, вып. 1, 1955, стр. 149.

³ В таких вакф-наме обычно указывалось, что «мутавалием вакфа — сам жертвовател, который распоряжается доходами вакфа по своему усмотрению, после жертвователя должность мутавалия переходит в род

Таковыми вакфами-авлодами выступают владения влиятельных кокандских сановников кипчака Хотамкула (окрестности кишлака Сузак)¹, киргиз-кипчака Алимкула (кишлак Кара-Су Андижанского вилайета)² и известного южнокиргизского феодала Алымбека-дадхи (вакф Ошского медресе).

В 50-х годах XIX в. Алымбек-дадха построил в г. Ош медресе, соперничавшее с знаменитым медресе Джами в Коканде. Ошское медресе не уступало по величине вакфа ханским. Оно пользовалось доходом почти двух тысяч десятин земли (основной массив составляли земли кишлака Алымбек-Чек с курганчами Юз и Турсумал) и более сотен торговых лавок, мельниц и пр. Как видно из журнала поземельно-податного отделения Ферганского областного правления³, Алымбек, закрепив за собой в результате орошения массив государственной земли в 5 тыс. кошей, затем роздал их для обработки населению⁴ и в 1276 (1859) г. оформил в *вакф-авлод* (наследственным вакфом) своему медресе в г. Ош⁵.

старшего, потомка его». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34337, л. 2—3, Аналогичные документы см.: д. 34364, л. 2; д. 34336, л. 2.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 3—4, 12, 15, 25.

² Там же, д. 34337, л. 2—3.

³ Подлинник вакфного документа обнаружить не удалось, но известно, что он был зарегистрирован в делах канцелярии Ферганской области под. № 449.

⁴ Ко времени проведения работ поземельно-податной комиссии в кишлаке Алымбек-Чек значилось 62 хозяйства на 1307 дес. 40 саж. земли, из которой обрабатывалось лишь 831 дес. 190 саж. См.: Мат-лы для статистического описания Ферганской обл., вып. 1, приложение 1, стр. 18. По данным 1893 г. обрабатываемой вакфной земли за медресе Алымбека числилось — 819 дес. 1990 саж. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33337, л. 39.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

Потомки Алымбека согласно вакфному документу выступали его преемниками как мутавалии и неустанно увеличивали размеры земель своего вакфа. Так Абдулла-бек, сын Алымбека-дадхи, купил и пожертвовал в вакф Ошского медресе ряд торговых лавок и участок земли (около 14 танапов) в г. Ош¹. В одном из вакф-наме сказано: «Медресе из жженого кирпича в г. Оше. Медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий... Два участка земли по Ошскому саю, один около другого... (*идет описание границ земельных участков.* — В. П.). В месяц Зиль Каада 1292 г. Абдуллабек-дадха, сын Алымбека Парваначи Хасанбиева, заявил, что упомянутые земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалием вакфа — сам жертвователь, а после него — потомство, вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток делится на 10 частей: 1 мутавалию, 3 мударису, 1 имаму, 1 муэдзину, сторожу и цирюльнику, 4 в пользу учащихся»².

Но в вакф жертвовали свои земли не только крупные феодалы. Имеется достаточно примеров передачи в вакф земель мелкими землевладельцами, непосредственно производителями-крестьянами. Архивные документы свидетельствуют о наличии отдельных вакфных участков среди земель киргизских кишлаков. В пределах одного кишлака Кара-Багыш (Андижанский вилайет), населенного киргизами родов тейит и карабагыш, было четыре таких вакфных участка. Два из них (5 дес.) закрепил в вакф за своей мечетью киргиз из карабагыш Бай Мухаммедбай, один участок (более 23 дес.) был определен Тюрю-хан Тюрей в вакф андижанской

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 2—5.

² Там же, л. 3 (2).

мечети своего отца и один участок (3 дес.) был пожертвован киргизом Рахимкулом приходской киргизской мечети рода тейит¹. В селении Джигда-Могол, основанном киргизами родов могол и найман на купленной у жителей селения Сузак земле, из семи вакфных владений шесть (первоначально около 70 дес.) принадлежало узгенскому медресе Араббая, а один (около 2 дес.) — школе (мектеб-хана) соседнего кишлака Хан-Абад².

Оформление в вакф земель непосредственными производителями-дехканами объясняется наряду с религиозными мотивами стремлением обеспечить покровительство более сильного сюзерена, способного оградить крестьян от произвола налоговщиков. С передачей таким лицом своей земли в вакф право владения ею переходило к вакфному учреждению, а прежний землевладелец стремился лишь к закреплению за собой прав частичного распоряжения доходами выступая в роли мутавалия, или прочного наследственного пользователя земель. В связи с этим при обследовании вакфов в Ферганской долине один из мутавалиев заявил вакфно-податной комиссии: «Вакфному установлению принадлежит не только херадж со всех описанных вакфов, но и сами земли составляют собственность медресе, и население не имеет права их продавать; вакфное же установление может отобрать от населения земли и отдать их другим»³.

В отдельных случаях можно предположить, что переход крестьянских мильков в вакф, хотя юридически и оформлялся

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 76—78; д. 34327, л. 35 (25).

² Там же, л. 78.

³ Там же, д. 34979, л. 13.

добровольно, на самом деле был вынужденным¹. Этот вывод можно сделать даже из самой формы вакфных грамот. В вакф-наме иногда указывалось, что вакфоучредитель желал бы отказаться от пожертвования, но казнями отступление от прежнего заявления не признавалось, а учрежденный несколько ранее вакф считался законным. Такая форма документа встречается даже при оформлении ханских пожертвований. В одном ханском вакф-наме читаем: «Жертвователю пожелал отказаться от пожертвования, но казий, знавший различные толкования шариата о вакфах, сделал постановление, которым вакф признан чистым и законным»².

Непосредственные производители-дехкане передавали в вакф, как правило, не излишки земель, а обычно участок, доставляющий необходимое и единственное средство к существованию. В вакф-наме киргизской общины (*джамоат*) из рода бостон, передававшей все свои земли (около 500 дес.) в вакф ханаке Ша Рахматуллы Ишана, говорится: «Объяснение границ участка земли в местности Куршаб Карасуйского района: с запада — берег большого сая, с юга — арык общества Бостон, с востока — часть земли общества Бостон и земля общества Сакалак, с севера — земля общества Бостон.

В месяц Джумади-эль-Авваль 1278 г. (1861.— В. П.) Мулла Манас Сакландыев, Юлдаш Иноятов (*и др., больше 30 чел.* — В. П.)... с благотворительной целью и в здравом

¹ Ср.: Подобные факты из практики земельных отношений закавказских народов в кн.: Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 245—246.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 4.

рассудке заявили, что означенную землю и земли, находящиеся в их владении, они жертвуют в вакф в пользу ханаке Ша Рахматуллы-Ишана. Доход с вакуфа употребить на довольствие проживающих в ханаке лиц. Мутавалием должен быть Ша Рахматулла-Ишан, а после смерти — его наследники». На полях документа позже был приписан еще один участок земли, «находящийся в местности Кукчулук, границы: с запада — Ак-Джар, с юга — Батой, с востока — степь, с севера — арык Джури»¹.

Вторым документом жители рода бостон той же общины жертвовали в этом же году и остальную землю в вакф на вышеприведенных условиях².

Определение поземельно-податной комиссией в 1890 г. прав местного населения на земли киргизов рода бостон, оформивших двумя документами свои земли в 1278 (1861) г. в вакф ханаке Ша Рахматуллы, показано, что «все земли дачи Багиш-Бостон... (с) курганами есть вакфная земля», но «жертвователи сохранили за собой право собственности на эти земли», уплачивая вакфному учреждению 1/5 часть с собираемого урожая³. Это означает, что оформив свои земли в вакф, киргизы продолжали ими пользоваться, но налоги стали выплачивать не в ханскую казну, а духовному учреждению.

Таким образом, мелкие землевладельцы и даже целые общины попадали под власть мусульманских религиозных учреждений, крупных духовных феодалов, чтобы использовать

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 35 (15).

² Там же, л. 36 (14).

³ Там же, л. 44, 45.

их далеко не бескорыстное покровительство и оградить себя от ханских налоговщиков.

Одним из источников пополнения вакфного фонда следует признать и куплю земель вакфными учреждениями у частных лиц и общин. Когда один из жителей селения Кашгар-Кишлак пожертвовал в вакф 1/4 своего земельного участка, мутавалий купил у землевладельца оставшиеся 3/4 участка и зачислил их в вакф¹. При пожертвовании духовному учреждению в вакф денег чаще всего ставили условие купить на эти деньги землю. Так, некий Мухаммед Юсуфбай передал в вакф сузакской мечети участок земли и 15 тилла деньгами, которые мутавалий должен был согласно условиям вакфного документа «давать надежным лицам на проценты² и, если найдется хорошая земля, то он должен на эти деньги прикупить землю в вакф»³.

В 1283 (1866—1867) г. некто Алимбиби Абдрахманова продала мутавалию в вакф одной из мечетей г. Ош участок земли на арыке Паст за 20 тилла⁴. За год до этого Мухаммед Азимбай Сатыбалдиев продал за 17 тилла в вакф «участок

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34973, л. 15 (16—17).

² Несмотря на формальное запрещение шариатом взимать процент с ссужаемых мусульманами денег, ростовщичеством, как видно, занимались даже духовные учр-я, что подт-ся многими вакфными док-ми. В 1289 (1872—1873) г., к примеру, некий ходжентец Мулла Мир Камиль Мехтер пожертвовал на содержание своей мечети и медресе в вакф одну тысячу тилла с условием, что мутавалий «деньги эти должен отдавать благонадежным лицам на проценты». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 3254, л. 3.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34391, л. 2 (3).

⁴ Там же, д. 34973, л. 116 (117).

земли со всеми водами и дорогами»¹. В 1288 (1871—1872) г. «Байбек-Суфи и Урумтай Бек-Алиевы из рода койбка общества Ирке-Кашка» продали в вакф ошской мечети Алимбая за 64 тилла участок пахотной земли в местности Арча-Мазар².

Можно было привести и множество других примеров, все они подтверждают одно — стремление вакфных учреждений округлять и неустанно увеличивать свои владения. И если «благочестивые мусульмане» не проявляли инициативы к добровольному пожертвованию своих владений, духовные учреждения могли эти земли покупать в вакф.

В районах орошаемого земледелия, где ценность земли определялась наличием оросительной системы, вода, как уже говорилось, нередко выступала самостоятельным предметом гражданско-правовых сделок, поэтому не случайно водопользование нашло свое отражение и в вакфных документах. Вакфу уже упоминавшегося Ша Рахматуллы Ишана принадлежали: «одна очередь воды в 1/16 часть... протекающая из арыка кишлака Паулган от артели туземца Тоша Рахматулова, которой орошаются вакфные земли в течение одних суток; одна очередь воды из арыка кишлака Паласан с утра до полдня от артели Катоба; одна очередь воды из того же арыка от артели туземца Алим-Назарбая, считая очередь с утра до полдня; одна очередь из того же арыка от артели Баба Назар аксакала с рассвета до полдня; еще одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Халык Назара с рассвета

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34801, л. 1—2 (4).

² Там же, д. 34937, л. 129 (130).

до полдня и одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Рузыкулова — с рассвета до полдня»¹.

В стремлении к расширению вакфов духовенство использовало любые средства, не останавливаясь перед насилием и подлогами. Так, влиятельный Ша Рахматулла присоединил к одному своему вакфному участку в местности Ганда-Булак все окрестные земли, никогда не бывшие вакуфом, вписал их в документ, который был скреплен печатью Худояр-хана².

Насильственное присоединение к вакфам дехканских земель вызывало протесты непосредственных производителей и длительные тяжбы. Известно, например, что спор между дехканами и медресе Сеид-Кулыбека за земли по Янги-арыку в районе Оша шел несколько лет³.

В Кокандском ханстве не было централизованного органа управления духовенством. Вакфное имущество считалось владением отдельных религиозных учреждений и лиц и подлежало контролю только со стороны верховных казиев или специальных ханских уполномоченных. Акад. В. В. Бартольд называет некоего Ай-ходжу, которого Худояр-хан в 1862 г. назначил ташкентским шейх-уль-исламом, а «с должностью шейх-ал-ислама в Ташкенте было связано заведывание вакуфами, причем ему были подчинены все мутавалии»⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 32.

² ЦГА Узб. ССР, ф.и. 1, оп. 14, д. 231, л. 3—4.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23088, л. 4, 23, 24; *Наливкин В.* Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской области, т. III, 1905, стр. 16.

⁴ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II. ч. 1, стр. 351.

На территории Южной Киргизии имел многочисленные вакфы (в частности, все земли кишлака Таш-Булак, в бывшей Киргиз-Курганской волости Наманганского уезда)¹ Магруф-хан-Тюря, который будучи шейх-уль-исламом, вероятно, контролировал вакфы Южной Ферганы.

Контроль, главным образом, выражался в установлении прав владения и управления вакфным имуществом, определении подлинности вакфных завещаний и разрешении спорных вопросов, а иногда в регулировании размера ренты на вакфных землях².

В зависимости от категории земель, из которых образовывались вакфы, ставился вопрос и об обложении их податью.

Налоговыми льготами пользовались лишь феодалы, на дехкан вакуфных земель они не распространялись. Почти весь прибавочный продукт вакфных крестьян шел на обогащение духовенства, которое нередко кроме доходов с вакфов пользовалось доходами с многочисленных частных владений.

Тяжелые условия издольщика, не заинтересованного в расширении производства, продуктами которого он все равно не в состоянии был воспользоваться; расточительство мусульманским духовенством дохода с вакфных земель³

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 2—4 (5).

² Улемы, казии, мутавалии бывшего Кокандского ханства писали губернатору Ферганской области: «...по шариату с давних пор 1/5 часть урожая вакфных земель подлежала мечетям и медресе — порядок, установленный и утвержденный по делам вакфов бывшими владельцами края». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 140.

³ Не удовлетворяемые медленным поступлением доходов, служители мусульманского культа иногда даже продавали вакфные земли, несмотря на запрещение шариата. («Передача или продажа обращенного к вакф предмета незаконна» — Хидая, т. II, стр. 147). Мутавалий одного анди-

и полная их неспособность вести рентабельно хозяйство — вели к тому, что вакфные хозяйства приходили в упадок, оросительная система разрушалась и некогда цветущие оазисы становились землями мевот — «мертвыми».

Ко времени присоединения Туркестанского края к России, по некоторым данным, «вакфные земли более чем наполовину лежали впусе»¹.

Все вакфы Южной Киргизии находились в оседло-земледельческих районах и состояли, главным образом, из орошаемых земель. Из 3391 дес. 240 саж. вакфной земли, выделенной поземельно-податной комиссией во второй половине XIX в. в Ошском уезде, неорошенных пахотных земель — богары (но также расположенной в районах оседлого земледелия) было только 114 дес. 2000 саж.² Однако в исключительных случаях вакфом могли быть и наиболее ценные выгоны. Например, ходжентскому медресе Шахибека парваначи принадлежали пастбища около селения Тамаша-Кишлак³.

В кочевых районах Южной Киргизии не было такой развитой и широко распространенной, как в оседло-земледельческих районах, формы частного землевладения — мильк, отсутствовали постоянные религиозные учреждения —

жанского медресе продал два вакфных участка земли, «как пришедшие в негодность и бездоходность» за 90 (!) тилла. См.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 341199, л. 6—8. Дело в том, что по шариату вакфное имущество могло быть продано лишь в случае, если переставало давать доход.

¹ Проект всеподданнейшего отчета... стр. 239.

² Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. V, приложение № 1.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 12—13.

мечети, не говоря уже о медресе, не было соответственно и условий для распространения здесь вакфного землевладения. Вакфы под влиянием духовенства возникают лишь с первыми признаками оседлости: появлением усадебных участков и жилых строений. Так, в урочище Алчали-Булак (в районе Джалал-Абада) киргизы рода тейит имели небольшие запашки, но к оседлости окончательно еще не перешли. Здесь вакф отсутствовал¹. А в соседнем кишлаке Кампыр-Рабат 21 хозяйство (18 из рода тейит, 2 — карабагыш и 1 — кипчак) занималось земледелием, причем два землевладельца имели жилые строения и усадьбы, три зимовали в юртах постоянно на одном месте, а шестнадцать откочевывали в ближайшие предгорья. На лето все хозяйства откочевывали со скотом на джайлоо, однако в кишлаке уже появился вакфный участок более чем в 2 дес., закрепленный за приходской мечетью киргизов рода тейит².

Рассмотрение форм землевладения в Киргизии середины XIX в. показывает, что они носили, в основном, черты феодализма, с теми специфическими особенностями, которые были характерны для целого ряда стран Востока и которые отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Во-первых, это государственная форма земельной собственности, во-вторых, различные категории феодального землевладения, и, в-третьих, наличие кочевых и земледельческих общин и сохранение общинного землевладения.

¹ ЦГА Узб. ССР. ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 18.

² Там же, л. 78—79.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ

Пастбищные территории Южной Киргизии являлись государственной собственностью и находились в пользовании кочевников, выплачивавших налоги и несущих соответствующие повинности.

Киргизы кочевали общинно-родовыми подразделениями, «группами (тап тап) из большего и меньшего числа кибиток»¹ Кочевую ячейку В. Ф. Шахматов определяет как пастбищно-кочевую общину, члены которой «были объединены между собою родством и соседством и правом совместного владения и пользования одними и теми же пастбищами из сезона в сезон, из года в год, регулируемого обычным правом»².

В общественно-экономических отношениях кочевников довольно ярко проявлялись черты патриархально-родового уклада, выразившиеся в наличии пастбищно-кочевой общины, сохранении родственных многосемейных общин,

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... стр. 110.

² Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, стр. 45.

в остатках родоплеменной организации¹. С идеологической стороны патриархально-родовая система воззрений освещала устои существовавшего социально-политического порядка².

Южные киргизы составляли два крупных племенных объединения: отуз-уул и ичкилик, распадавшихся на целый ряд родов (*уруу*), которые в свою очередь делились на более мелкие подроды, называвшиеся *урук*, *бир-атанын*, *балдары*.

Киргизские роды и более мелкие их деления по своему составу не были однородными, тем более обязательно родственными. Нельзя найти ни одного киргизского племени, рода и родового подразделения, пишет Б. Д. Джамгерчинов³, в состав которого не входили бы элементы иноплеменного происхождения, даже племен соседних народов — узбеков, казахов, алтайцев и др. Достаточно было представителю одного рода перекочевать к другому, как он становился членом этого нового рода⁴. Если в род вливалась более или менее крупная единица, то, сохраняя свое прежнее название как коренное, она в то же время принимала название того рода, в который вошла. Отдельные хозяйства, переходящие в другой род, постепенно утрачивали свое прежнее родовое название. Постоянно образовывались новые роды,

¹ *Абрамзон С. М.* Патриархально-общинный уклад и пути его изживания... стр. 4.

² *Аманалиев Б.* Доисламские верования киргизов. В кн.: Религия, свободомыслие, атеизм. Фрунзе, 1967, стр. 29—30.

³ *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 27.

⁴ *Загряжский Г.* Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости». 1873, № 10.

отпочковываясь от основного и группируясь вокруг известного батыра или бия¹.

Родоплеменные объединения в рассматриваемое время имели ярко выраженное классовое содержание и являлись в руках феодализирующейся верхушки органом подчинения и управления народом. В то же время продолжали сохраняться такие признаки родовой общности, как общий боевой клич — *ураан*, боевое знамя — *туу*, общеродовая тамга, кровная месть, выкуп — и др.

Патриархальность общественных отношений скрепляла и старое обычное право, провозглашавшее: «*Эрдин бир журту — оз эли, бир журту — кайыны, бир журту таекеси — у молодца первая родня — его племя, вторая родня — родня его жены, третья родня — родня матери*»².

Каждый киргиз должен был знать семь своих предков по мужской линии — «*жети ата*», если он их не знал, его презрительно называли *кул* — раб³.

Пастбищно-кочевая община, аил состояли примерно из 5—15 хозяйств, в редких случаях — больше⁴. На данной стадии развития община уже являлась преимущественно соседской, сельской, основанной на территориально-экономической общности. В то же время имели еще место и основанные на родственной связи патриархальные семейные

¹ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 107.

² Киргизско-русский словарь, стр. 270.

³ Там же, стр. 77.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

общины, состоящие из нескольких десятков человек¹. У феодально-родовой знати айлу принадлежали слуги, невольники и их потомки². К. К. Юдахин определяет аил как группу юрт близких, родственников и их припущенников и приводит пример из киргизского фольклора, говорящий о патриархальности и однородности аила: «*Арпа чыкпайт таш жерге, айыл болбойт башка элге — ячмень не родится на каменистом месте, не станет (пришелец) соаульцем в чужом роду*»³.

Хозяйство общин было почти целиком натуральным, в него только начинали проникать элементы товарности, связанные с товарообменом.

Члены пастбищно-кочевой общины были объединены общностью пастбищ, общими производственными интересами, связанными с цикличностью сельскохозяйственного процесса, общностью быта, традиций. Каждый член общины считал своей обязанностью охранять стада своей группы, оказывать соседу материальную помощь в организации больших торжеств и трудовую — во время сельхозработ, нести ответ за поступки любого из членов общины. Несоблюдение этих норм рассматривалось как нарушение обычаев и строго осуждалось.

Обычай и традиции, в частности совместная охрана стад и территорий, оказание материальной, трудовой помощи

¹ Ср.: *Ильясов С. И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии. В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в до-октябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 47.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

³ Киргизско-русский словарь, стр. 36.

и другие отношения, поддерживаемые силой патриархальности пастбищно-кочевой общины использовались феодалами в условиях постоянных междоусобиц как фактор эксплуатации трудящихся масс. Внутри общины имелся уже известный «дуализм»: при коллективном освоении пастбищ каждый член аильной общины вел индивидуальное хозяйство, основанное на частной собственности на скот.

Общинный характер пользования пастбищами у южных киргизов подтверждается материалами первых исследователей земельных отношений в Туркестане, многочисленными свидетельствами современников, этнографическими материалами и результатами поземельно-податных статистических обследований, проведенных в конце XIX— начале XX вв.¹

М. Н. Николаев в записке о землевладении оседлого и кочевого населения Туркестанского края писал: «Киргизы пользуются для пастьбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделениям совокупно, следовательно — порядком общинного пользования»². И как бы в подтверждение этого находим в фольклоре: *«жайыты малдын бир болуп,*

¹ Целью статистического обследования было определение территории, занимаемой местным населением под кочевое скотоводство, выявление земельных излишков и закрепление ранее существовавшей формы землепользования. Поэтому данные конца XIX — начала XX вв. при отсутствии статистических материалов за кокандский период с известной оговоркой могут быть привлечены для характеристики земельных отношений и более раннего периода, тем более в кочевых районах. Сами члены статистических партий, проводившие работу, отмечали, что *«в порядке землепользования пастбищами до сих пор почти в чистом виде царят прежние общинно-родовые традиции»* (Курсив наш. — В. П.). См.: Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 113.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

*жамаалаш айыл консун деп — пусть пастбище будет общим, пусть расположится аулом рядом»*¹. К выводу, что у местного населения «самая распространенная форма пользования есть общинная», — пришла и комиссия Гомзина, считавшая, что «у киргизов она представляется самую чистую, у сартов, живущих в больших городах, — наиболее видоизмененною интересам богачей, ограниченною и стесненною участковым видом»². Статистики Ферганской области зафиксировали двойственный характер землепользования у киргизов: «с одной стороны, остатки скотоводческого родового быта, сохранившиеся в наиболее чистом виде в пользовании пастбищами, с другой — почти полная индивидуализация культурных угодий»³.

В зависимости от характера землепользования у кочевников можно выделить три вида земель: летние пастбища, зимние пастбища и культурные угодья. Общее соотношение летних и зимних пастбищ на юге Киргизии было примерно одинаковым. По данным статистических обследований, на кочевые районы Ферганской области приходилось 560 тыс. квадратных верст летних и 551 зимних пастбищ, на которых располагалось около 28 тыс. хозяйств, главным образом киргизских. Под культурными угодьями было занято всего лишь около 9% призимовочной площади⁴.

¹ Киргизско-русский словарь, стр. 224.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 29.

⁴ Данные взяты из стат. сборников и суммированы: материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области; материалы по киргизскому землепользованию, Андижанский уезд; то же, Наманганский уезд.

Наиболее общими и свободными являлись летние пастбища, особенно отдаленных высокогорных районов, таких как Алай, Памир.

Алайскими кочевьями как летними пастбищами пользовались в основном киргизы Ферганы¹. В отношении землепользования пастбищами Алая земельно-податный комиссар Краснослободский писал, что какие-либо границы тут трудно определить, так как «приходящие в июне месяце занимают места в долине, дней через 7—10 переходят на новые места в той же долине, потом поднимаются к перевалам, числа с 10 июля начинают спускаться вниз, делая остановку на 4—6 дней, направляясь к выходу с летовок. Таким образом, каждый из прибывших в течение лета со своими стадами обойдет долину Алая и ее окрестности»².

Однако, несмотря на такие массовые и, казалось бы, совершенно свободные перекочевки, местность, на которой кочует род одно поколение или даже несколько лет, подчеркивал Н. Аристов, считается уже принадлежностью этого рода³. В верхнюю часть Алая прикочевывали, например, киргизы подразделений монгуш и адигине, зимовки которых располагались в окрестностях Гульчи и Оша, в нижней части кочевали ичкилики, зимовавшие в Маргеланском вилайете. Из всех киргизов только частично найманы и тейиты зимовали в Центральном Алае (Баш-Алай) в окрестностях Дараут-Курган и ущельях Кок-Су⁴. Если летом на Алае

¹ Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, л. 43. Сообщение Д. Л. Иванова.

² ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 206.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 29.

⁴ *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 199—200.

собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов, то на зимовках их оставалось совсем немного; так, в окрестностях Дараут-Кургана зимовало лишь до 150 семей киргизов рода найман¹.

О свободном использовании пастбищных территорий прогоняемым торговым скотом есть сообщение в опросных материалах, собранных в 1866 г. управляющим населением левого фланга Туркестанской области: «Проходящие караваны пользуются пастбищными местами бесплатно и для своего вьючного и для прогоняемых гуртов скота»².

Исследователи алайских киргизов писали в отношении землепользования: «...пастбища находились в общем и полюбовном пользовании всех киргиз на Алае и между отдельными зимовками и частями их, далее между тубами, коленами и родами, право пасти скот на тех или иных пастбищах в известное время года распределялось и устанавливалось естественным путем»³.

Однако наиболее ценные летние пастбища были более четко разграничены, что нашло отражение и в обычном праве кочевников. Именно поэтому Н. И. Гродеков писал: «У каракиргизов никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род. Можно просить: «у меня нет летовки, позвольте быть вашим соседом (*конгсылыш*). Но при отказе нельзя ничего сделать, ибо какое право можно иметь на чужую летовку? (*браунинг яйлаунда несе бар*)»⁴.

¹ Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары. Стр. 133.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 775—776.

³ Покровский Г. В., Стогов Н. И. Алайские аульные общества... стр. 111.

⁴ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской... стр. 111.

Это же подтверждается и другими исследователями. А. К. Гейнс указывал, что у киргизов «при недостатке земель в одном роде, нуждающиеся в ней обращаются об отводе земель в другой род и обыкновенно получают отвод»¹.

Земельные споры разрешались между киргизами на основании существующих обычаев.

При решении спора, например, за зимовку (кыштоо) основным доказательством ее принадлежности кому-либо было наличие на ней кургана или арыка. Если же таких сооружений на зимовке не имелось, то спор решался довольно архаичным методом: представлением присяжных свидетелей «из числа почетных людей» в доказательство своей правоты. «И какую стороною будет более свидетелей представлено, той предоставляется право на зимовку», — отмечали туркестанские чиновники².

В случае недостатка зимовок, например, при выпадении глубокого снега, хозяйства или роды могли свободно перекочевывать на другие свободные места, или делиться пастбищами между собою. Капитан Медынский писал: «Случается, что киргизы Большой Орды заходят на зимовки кара-киргиз, и наоборот, и споров не возникает, а во время суровой зимы киргизы и кара-киргизы делятся между собой удобными местами, насколько это бывает возможно»³.

Отдельные родовые группы, составляющие общины, в свое время распределили между собой наиболее ценные пастбища, и это распределение, освещенное давностью,

¹ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, т. II. СПб., 1898, стр. 420—421.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 776.

³ Там же, л. 776

получило признание со стороны других общин. «Чужаки» могли перекочевывать на обособленные земли лишь с разрешения данной общины и на ею поставленных условиях¹. Размер обособленных территорий не зависел от количества хозяйств или величины стада, а «определялся в свое время случайно, при захвате земель различными родовыми и хозяйственными группами населения», — писали статистики².

С середины XIX в. стала укрепляться обособленная форма пользования землями и частью летними пастбищами отдельными общинами. Однако, даже в конце XIX— начале XX вв. землепользование все еще не было упорядочено, что, исходя из объяснений дореволюционных исследователей поземельных отношений, происходило, во-первых, под влиянием родовых связей населения, во-вторых, по необходимости, вытекающей из самого местонахождения этих земель (через которые пролегал единственно доступная дорога на другие площади), в-третьих, в виде компенсации за использование одной общиной земель другой общины³.

Несмотря на то, что внутри родов поземельные отношения как бы определялись родовым и кочевым бытом киргизов, когда «земля, — по словам Аристова, — почитается принадлежностью рода, который ею пользуется»⁴, неизменно растет внутренняя дифференциация пастбищно-кочевых общин, возрастает роль богатой верхушки в земельных

¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 212.

² Там же. С. 221.

³ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, С. 212.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 29.

отношениях. К тому же феодальная родоплеменная знать выступала и в качестве административных чиновников Кокандского ханства — начальниками киргизских родов, аксакалами айылов, кыштаков¹. Киргизы, как отмечал Г. Е. Грум-Гржимайло, «как-то само собой группировались вокруг богатейших, которые в конце концов третировали их как слуг и управляли ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения и не проявились резко. Эти же богачи всегда занимали должности аксакала, минбаши и др.»² Так как руководителями пастбищепользования были управители родов — бии, то и лучшие места занимали, естественно, феодалы. Они захватывали большие земельные площади в соответствии с наличием больших табунов и гуртов скота. По сведениям киргизского бия Курпетая Даулеткулова, информатора собирателей материалов правовых отношений кочевников, у киргизов время и маршруты кочевков указывались богатыми³. Это же подтверждается и более поздними этнографическими данными, собранными, А. Убукеевым: «*Ар бир айылдын озунчо жайыттары жана жайлоолору бар болучу. Аларды айылдын баш кишилери башкаруучу эле. — Каждый айыл имел свои выгоны и пастбища. Ими распоряжались главы айылов*»⁴.

На большую роль биев в пользовании пастбищами, в частности, указывают и фольклорные материалы,

¹ См.: Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, стр. 70.

² Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк припамирских стран... стр. 100.

³ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... стр. 110.

⁴ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 93.

к примеру: «*Айылды жамаат кондурбай, кербенди жолго журдурбой — аулам рядом селиться не позволял, караваны по дороге не пропускал*»¹.

В 1866 г. управляющий населением левого фланга Туркестанской области капитан Медынский сообщал в комиссию по составлению проекта «Положения об управлении в киргизских степях и Туркестанском крае», что при занятии зимовок родом или отделением, места для айлов распределялись управителем рода — бием, исходя из численности скота в айле. Для тех айлов, которые прежде имели много скота и занимали большую зимовку, но по каким-либо причинам обеднели, бий отводил на зимовке уже меньше места. Освободившиеся при таком наделе пастбища передавались айлам, у которых скота прибавилось, причем во всех случаях при занятии зимовки прежде всего устанавливалась на лучшее место юрта управляющего айлом аксакала и бия, а потом уже распределялись места для остальных юрт¹.

Такая система регулирования пастбищепользования, распределения земельных площадей, устраивала феодалов, поскольку создавала условия для безграничного увеличения собственного поголовья скота. Численность скота феодала возрастала в связи с усилением эксплуатации рядового кочевника и уменьшением скота у последнего. Соответственно, за счет этого сокращения пастбищепользования рядового кочевника увеличивалось количество пастбищ в пользовании феодала. Общинная форма землепользования не ограничивала возможности обогащения феодала и вполне соответствовала его интересам.

¹ Киргизско-русский словарь, стр. 224.

Производственное значение зимовок с течением времени возрастает. Более состоятельные хозяйства, в первую очередь феодальная родо-племенная знать, устраивают примитивные сооружения для зимнего загона скота — короо, заготавливают сено, обрабатывают отдельные участки под пахоту. Застройка феодалами (а они имели большую хозяйственную возможность) зимовок помещениями, распашка полей и постоянность пользования ими способствовали более прочному закреплению территории за этими феодалами. По обычному праву кочевников давность пользования одной и той же зимовкой давала феодалам преимущество в поземельных спорах¹. Путешественники и исследователи быта местного населения неоднократно отмечали постоянность пользования зимовками. В частности, А. К. Гейнс писал, что киргизы «летуют в различных местах, а зимуют постоянно на одних и тех же»². Супруги Наливкины, хорошо знавшие жизнь и быт местного населения Наманганского уезда, подчеркивали, что у киргизов зимовки с находящимися на них запашками всегда постоянные³.

Зимние пастбища были предметом довольно четкого разграниченного пользования. Как сообщал начальник Маргеланского уезда, зимние пастбища были разделены между отдельными киргизскими хозяйствами или небольшими аилами (5—20 хозяйств), и такое владение закреплено обычаями и документами много лет назад⁴. Киргизы кишлака

¹ Мат-лы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 213.

² Гейнс А. К. Собрание литературных трудов... стр. 420—421.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения в Фергане. Казань, 1886, стр. 78.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 5984, л. 5.

Чавай (Ичкиликская волость) во время проведения ревизии Туркестанского края заявляли, что у них пастбищных полей немного, и поэтому окрестные урочища «имеют каждое своих владельцев»¹. В доказательство прав на владение землей у чавайцев был ханский документ от 1258 (1842—1843) г. Имеются факты (правда, исключительные в своем роде) закрепления отдельных пастбищ за частными лицами. Так, приводившийся выше документ ханского пожалования пастбищ в районе Науката киргизскому феодалу Шах-Мирза-дадхе свидетельствует о существовавшем закреплении пастбищ в частном владении². Однако подобные примеры единичны и не повсеместны. Как правило, зимовками и пашнями, которые находились в общественном владении, пользовались самые мелкие хозяйственные единицы. У киргизов, писал Аристов о поземельных отношениях Семиреченской области, это — «аулы (естественные, а не административные), состоящие из близких родственников, ведущих общее хозяйство, т. е. пасущие свой скот в одних общих стадах и имеющих общие пашни»³.

Пользование киргизов пахотными землями первоначально носило неурегулированный характер («пашет, кто где хочет») — форма, которая сохранилась в некоторых отдаленных волостях Киргизии, например, в Ляйлякской и Найманской, до XX в.⁴

¹ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. 9.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

⁴ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 112.

Пригодные для земледелия общинные участки могли быть свободно заняты под пашню или сад любым членом общины. «Пахотные земли считаются общим достоянием рода, и пользование открыто для всех родовичей, занимающихся хлебопашеством», — писал П. И. Хомутов¹. Но право на раздачу необработанных земель под пахоту оставалось за общинами.

А. Миддендорф, посетивший Фергану в конце 70-х годов XIX в., считал, что у кочевников хозяйство начинается на общинных землях, на которых они занимаются и пахотой, «захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается возделывание на них хлебов», а с проведением оросительных сооружений, устроенных целым обществом, «тотчас же начинается разделение сообща устроенной оросительной области на частные, интенсивно обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в прочное личное владение»².

Проведение арыков и создание оросительной сети, как правило, было непосильно для отдельных хозяйств и являлось делом коллективным. От каждой юрты выставлялся рабочий. Между кибитками делалась раскладка на необходимое количество баранов, собирались деньги для покупки кетменей и прочего инвентаря³. Орошенный массив делился соразмерно затраченному труду на участки, которые переходили в наследственное подворно-участковое пользова-

¹ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора... стр. 224.

² Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 466.

³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 775—776.

ние¹. Это нашло отражение в правительственном документе туркестанской администрации: «Право пользования землей приобретает характер частный или личный только по соразмерности с силою труда, приложенного к земле, устройством необходимого орошения, расчисткой и обработкой под хлебопашество или же занятия почвы под засадку деревьями»². Подкрепляло его и обычное право, согласно которому проведший арык и оросивший им определенную площадь земли получает возможность пользоваться этою землей³.

Несмотря на общие работы по проведению арыков и созданию ирригационной сети, баи имели преимущество в пользовании водой, арыки назывались их именами и т. д. Уже первые исследователи земельных отношений местного населения подчеркивали, что у киргизов «пахотные земли совершенно неправильно захвачены родами биев, манапов и прочих, имевших власть издавна, а бедный класс, действительно обрабатывавший земли, не пользуется ими»⁴. Не имея скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, бедняки вынуждены были идти в услужение

¹ «Поселенцы, явившиеся впервые на известное место, или киргизы-кочевники, сажаясь на пашню, сперва приступают к проведению арыков, на что каждым из поселенцев затрачивается известная рабочая сила, сообразно которой земля делится на части, кои и разделяются по жребию». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 33, л. 93. См. также ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 35. «Право на землю имеют только лица, принимавшие участие в проведении арыков и пропорционально силам каждого». *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов... стр. 420—421.

² Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора... стр. 227.

³ *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской... стр. 104.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

к баям и обрабатывать на издольных началах (*ортюк*) их пахотные участки. В результате оказывалось, что «многие члены аульных обществ не имеют ни скота, ни пользуются землей самостоятельно, а обрабатывают часто ее из доли у своих одноаульцев»¹.

Подтверждение этому мы находим во многих источниках. «Хлебопашеством занимаются почти все черные киргизы... — писал один из исследователей середины XIX в. — Бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение к богатым, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков»². Киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, сообщал Н. А. Северцов, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам³.

Наряду с орошаемыми землями, распределявшимися в подворно-участковое пользование, киргизы накануне вхождения в состав России распахивали и богарные земли, которые на первом этапе находились в общинном владении и пользовании, что подтверждается рядом купчих крепостей (васик) и вакфных документов. По васике за 1268 (1851—1852) г., одна киргизская община в Узгенской волости продала киргизскому феодалу Алимбек-бию Саидбиеву общий участок кайрачной земли, который «с запада граничит Чокуртом, с юга Кошбозом, с востока пашнею, с севера большой дорогой»⁴. Упоминание о богарных землях можно

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 149, д. 33517, л. 1.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (2), л. 15.

³ Северцов Н. А. О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля, стр. 105.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10.

встретить среди описываемых границ вакфных документов. По вакф-наме от 1279 (1862—1863) г. на границе пожертвованного в вакф участка была «общая земля, засеваемая под дождь (*ляльми-кайрак*) обществами Букара, Даукарт-бий, Аруин, Юкти и Сарыбаба»¹. По вакфному документу 1287 (1870—1871) г., среди границ пахотного участка в местности Кутарма, близ Науката в Ошском уезде значились с севера «поля ляльми, засеваемые отделением Атка»².

Таким образом, пользование богарными пашнями носило преимущественно общинный характер, лишь постепенно уступая подворно-участковой форме. Даже к концу XIX — началу XX вв. пользование богарой не было столь однообразно, как, например, на поливных землях, и все еще носило известную долю неурегулированности³.

Юридически каждый член киргизской аильной общины мог свободно поднять любой участок неорошенной общинной земли, который в связи с этим поступал в его личное пользование. Но тут-то, подчеркивали авторы статистических материалов, у бедняков-землевладельцев и происходили столкновения с интересами богатых скотоводов⁴. Статистическое обследование киргизских хозяйств конца XIX — начала XX вв. (его данные могут быть приняты и для более раннего времени в связи со стабильностью форм землепользования) показало, что земледелие более развито именно в тех группах хозяйств, которые «скотоводчески более зажиточны».

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34965, л. 3 (1).

² Там же, д. 34961, л. 5.

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд, стр. 30.

⁴ Андижанский уезд, стр. 40.

Пользуясь помощью издольщиков, крупные скотоводы обычно создавали довольно большие, хотя и носящие экстенсивный характер, земледельческие хозяйства. Увеличение байской запашки росло также за счет богарных земель, которые стали постепенно закрепляться в подворно-участковое пользование. «Каждый хозяин может поднимать целинные земли по адырам и увалам, не испрашивая чьего-либо разрешения; правом этим пользуются, разумеется, только наиболее сильные, обеспеченные рабочей силой и инвентарем хозяйства, беднота же довольствуется небольшими посевами на полипных землях», — писали статистики¹.

Итак, переход киргизов от скотоводства к земледелию шел в байско-феодалных хозяйствах за счет привлечения рабочей силы бедноты, а в бедняцких — в результате разорения скотоводческих хозяйств и вынужденного занятия земледелием.

С процессом оседания кочевников образуются отдельные группы хозяйств, связанные между собой лишь чисто экономическими интересами. О развивающихся территориальных связях свидетельствует замена широко распространенной «родовой помощи» помощью соседей с последующей компенсацией за работу (угощение, ответная помощь или какое-либо вознаграждение), возрастающая практика аренды, купли и продажи земли и другие институты феодальных отношений.

В заключение следует подчеркнуть, что дробление и смешение родов при пастбищном пользовании, обращение к земледелию вели к ослаблению кровнородственных связей

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд, стр. 30.

и развитию территориальных. В чисто кочевых же хозяйствах еще долгое время продолжали сохраняться наряду с развивающимися феодальными патриархально-родовые или общинные взаимоотношения.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

В долинных районах Южной Киргизии земледелие издавна являлось основным занятием оседлого узбекско-киргизского населения. Дехкане выступали пользователями государственных, частно-феодальных, вакфных земель, обрабатывали находящиеся в их владении мильковые и общинные земли.

Общинное землевладение и землепользование, свидетельствующее о патриархальном укладе в Южной Киргизии, в середине XIX в. было еще довольно распространено. Оседло-земледельческой общине, как и кочевой аильной, но гораздо в большей степени, был присущ «внутренний дуализм»: общинное земле- и водопользование сопровождалось парцеллярной обработкой земли и частным присвоением результатов труда¹.

Обрабатываемые пахотные земли повсеместно находились в индивидуальном пользовании дехкан; арыки, выгоны, леса — в общинном.

В период Кокандского ханства и вплоть до 80-х годов XIX в., т. е. до начала деятельности поземельно-податных учреждений Туркестанского края, все необрабатываемые территории, в частности земли Ташкентского уезда, находились «в общинном пользовании в самом широком значении

¹ *Абрамзон С. М.* Патриархально-общинный уклад и пути его изживания... стр. 4.

этого слова». Их эксплуатировали не только жители одного какого-либо кишлака, «а все жители известного рода или колена, сидящие в разных пунктах оседлости» и находящиеся в самых различных районах¹. Пастбищами коллективного пользования самых различных общин служила, например, высокогорная долина Алая, которой «с искони, потомственно но фактически» пользовалось оседлое население Ферганы².

Землепользование более ценными и близлежащими выгонами, как правило, было более упорядоченным. Такими выпасами обычно владели отдельные кишлаки, и пасты скот, принадлежащий другим кишлакам, на них обычно не разрешалось. Однако и здесь можно было встретить примеры общего пользования выгонами жителей не только одного селения, но даже нескольких кишлаков. Так, еще в конце XIX в. в Исфаринской волости урочищами Ганзак, Саары-Саад и Хауз-Хана владело и пользовалось население кишлаков Курук, Лянгар и Гузак³; в Джанджольской волости более 200 дес. выгона сообща использовали жители Науката-Верхнего, Науката-Среднего и Науката-Нижнего⁴; в Куршабской волости 3028 дес. 70 саж. выгона принадлежало населению кишлака Джуры-Чек.

Поземельно-податное обследование Хан-Абадской дачи Джалал-Абадской волости показало, что жители соседних

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Поземельно-податное дело. СПб., 1910, стр. 91.

² ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 204.

³ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. IV. Кокандский уезд, стр. 196—197.

⁴ Там же.

кишлаков, в частности кишлака Джигда-Могол¹, пользовались не только выгонами этой дачи, но даже землями, на которых был снят урожай.

Накануне вхождения Киргизии в состав России коллективное пользование и владение не только пастбищными, но и богарными землями было широко распространенным явлением.

На общность владения и пользования богарными пашнями указывает, например, определение границ жертвуемого в вакф в 1279 (1862—1863) г. участка: «С юга (граничит) общей землей, засеваемой под дождь (*ляльми-кар*), обществ Букара, Даукатбий, Аруини (?), Юкти и Сарабаба»².

Среди пограничных участков земли кишлака Булак-Баши по вакфному документу 1284 (1867—1868) г. значится «общее имение Мухаммед Садыка Мухаммед Тагирова, Мухаммед-Шариф Турсунбаева»³.

Частный и общинный характер землевладения и землепользования рассматриваемого периода подтверждается определением границ в документе от 1273 (1857—1858) г., разрешающим земельный спор между киргизами и узбеками местности Мады. В документе называются поля, принадлежащие «отделениям Бакай, Каляр, Хожаляр, Тогуз-Баш»⁴.

Киргизы кишлаков Харасан-Хамля, Ахтачи и Кармачи разъясняли в одном из своих писем, что они более полувека засевали кайрачные земли, находившиеся на границах

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 70—80.

² Там же, д. 34965, л. 3 (1).

³ Там же, д. 34974, л. 8 (9).

⁴ Там же, д. 22524, л. 73—74.

Маргеланского и Андижанского уездов (бывших вилайетов). Земли эти, писали они, «засевались исключительно только тремя вышеупомянутыми сельскими обществами». И хотя половина этих земель принадлежала жителям другого селения — Хакента, спора с ними не возникало, потому что сами они земли эти «за дальностью расстояния обрабатывать не могли»¹.

На общинный характер землепользования указывало и почти полное отсутствие поземельных исков между частными лицами и, напротив, наличие множества таких исков между обществами².

Общинное землепользование богарными пашнями начиналось со свободного захвата необрабатываемых земель на срок их пользования и последующего раздела между индивидуальными хозяйствами с учетом их производственной мощности и количества тяглового скота.

Эксплуатация орошаемых земель требовала в первую очередь коллективного устройства оросительной системы и основывалась на совместном поддержании ее в рабочем состоянии.

После проведения магистрального арыка обычно производился раздел пахотных участков, которые поступали в прочное личное пользование. Раздел происходил в соответствии с количеством заложенного труда и в зависимости от выставленного тяглового скота в упряже — *кошей*. В большинстве источников указывается, что с этого времени передел земли уже не практиковался. Однако в отдельных районах

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 2280, л. 1.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

он все-таки имел место. Переделы могли производиться ежегодно или через 3, 5, 10 лет, или по мере надобности¹. В таком случае основанием при переделах земли служило наличие упряжки волов с сохой и мотыгой.

С наступлением весны в год передела каждое хозяйство выставляло в зависимости от своей производственной мощности один или несколько кошей для проведения сельскохозяйственных работ. Чем богаче было хозяйство, тем больше кошей оно выставляло, а значит, больше получало земли. Бедняки нередко вкладчину содержали один кош на два и более хозяйства и, соответственно, меньше получали земли. Раздел происходил при помощи жеребьевки. Владельцы кошей бросали в полу халата доверенного свои метки (*чек, чак*), которые тот раскладывал по участкам. Каждому хозяину доставался участок земли, на который выпала его мета (чек) и который также назывался чеком². Случалось так, что земли одного хозяйства оказывались в двух-трех и даже более местах.

Такая форма землепользования требовала одновременной организации и проведения сельскохозяйственных работ, единства севооборота. Если на богарных полях кочевники и даже оседлые жители сеяли до полного истощения почвы, а затем пахоту забрасывали на несколько лет и выбирали

¹ ЦГА Узб. ССР, ф.и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908. Азиатская часть, 1868, св. 460, д. 6-а, л. 242; *Костенко Л.* Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17; *Маев Н.* Азиатский Ташкент. Мат-лы для статист. Туркестанского края. Ежегодник, 1876, вып. 4, стр. 271; К вопросу о землепользовании в Туркестанском крае. «Туркестанские ведомости», 1885, № 26—29; *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... стр. 199—200.

новый участок, орошаемые земли они делили обычно на три части. Одну из них обрабатывали, а две другие оставляли под пар, устраивали там общее пастбище.

Государство, мельковладелец или духовное учреждение раздавали свои земли для обработки и в пользование крестьянам, прибегая к системе чеков. Происходило это обычно следующим образом.

Феодал или хан, орошая определенную земельную площадь, как правило, ограничивался проведением магистрального арыка. Но, чтобы сделать землю пригодной для обработки, необходимо было приложить много труда по выравниванию участков и созданию оросительной системы, проведению полевых (*шахов*) и отводных (*кулаков*) арыков и т. д. Для эксплуатации земли весь массив делился на пацеллярные наделы — чеки — и раздавался дехканам для обработки. Видимо, земли таким образом могли раздаваться и целым обществам, например, оседающим киргизам, что нашло свое отражение в топонимике. Так, в Ассакинской волости был кишлак Янги-Чек Кызыл-Аяк¹. В одной из васик на продажу участка земли в местности Караван продавцом выступает киргиз Курбан Калыкбеков из рода (общины) тубан-чек², а другой — киргиз Халимбек Мурадбеков из рода темен-чек³.

¹ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. II, приложение № 1, стр. 10—11. Кызыл-аяк, как известно, одно из семи основных подразделений киргизов группы кесек, входящей в состав ичкиликов. См.: *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. Киргиз. Археолог-этнограф. экспедиции, т. 1. М., 1956, стр. 168.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 94.

³ Там же, л. 68.

۱۰
 ۱۱
 ۱۲
 ۱۳
 ۱۴
 ۱۵
 ۱۶
 ۱۷
 ۱۸
 ۱۹
 ۲۰
 ۲۱
 ۲۲
 ۲۳
 ۲۴
 ۲۵
 ۲۶
 ۲۷
 ۲۸
 ۲۹
 ۳۰
 ۳۱
 ۳۲
 ۳۳
 ۳۴
 ۳۵
 ۳۶
 ۳۷
 ۳۸
 ۳۹
 ۴۰
 ۴۱
 ۴۲
 ۴۳
 ۴۴
 ۴۵
 ۴۶
 ۴۷
 ۴۸
 ۴۹
 ۵۰
 ۵۱
 ۵۲
 ۵۳
 ۵۴
 ۵۵
 ۵۶
 ۵۷
 ۵۸
 ۵۹
 ۶۰
 ۶۱
 ۶۲
 ۶۳
 ۶۴
 ۶۵
 ۶۶
 ۶۷
 ۶۸
 ۶۹
 ۷۰
 ۷۱
 ۷۲
 ۷۳
 ۷۴
 ۷۵
 ۷۶
 ۷۷
 ۷۸
 ۷۹
 ۸۰
 ۸۱
 ۸۲
 ۸۳
 ۸۴
 ۸۵
 ۸۶
 ۸۷
 ۸۸
 ۸۹
 ۹۰
 ۹۱
 ۹۲
 ۹۳
 ۹۴
 ۹۵
 ۹۶
 ۹۷
 ۹۸
 ۹۹
 ۱۰۰

درنگ از بیرون
 خوشی بی درنگ است

۲۵۷۶

۱
 ۲
 ۳
 ۴
 ۵
 ۶
 ۷
 ۸
 ۹
 ۱۰
 ۱۱
 ۱۲
 ۱۳
 ۱۴
 ۱۵
 ۱۶
 ۱۷
 ۱۸
 ۱۹
 ۲۰
 ۲۱
 ۲۲
 ۲۳
 ۲۴
 ۲۵
 ۲۶
 ۲۷
 ۲۸
 ۲۹
 ۳۰
 ۳۱
 ۳۲
 ۳۳
 ۳۴
 ۳۵
 ۳۶
 ۳۷
 ۳۸
 ۳۹
 ۴۰
 ۴۱
 ۴۲
 ۴۳
 ۴۴
 ۴۵
 ۴۶
 ۴۷
 ۴۸
 ۴۹
 ۵۰
 ۵۱
 ۵۲
 ۵۳
 ۵۴
 ۵۵
 ۵۶
 ۵۷
 ۵۸
 ۵۹
 ۶۰
 ۶۱
 ۶۲
 ۶۳
 ۶۴
 ۶۵
 ۶۶
 ۶۷
 ۶۸
 ۶۹
 ۷۰
 ۷۱
 ۷۲
 ۷۳
 ۷۴
 ۷۵
 ۷۶
 ۷۷
 ۷۸
 ۷۹
 ۸۰
 ۸۱
 ۸۲
 ۸۳
 ۸۴
 ۸۵
 ۸۶
 ۸۷
 ۸۸
 ۸۹
 ۹۰
 ۹۱
 ۹۲
 ۹۳
 ۹۴
 ۹۵
 ۹۶
 ۹۷
 ۹۸
 ۹۹
 ۱۰۰

Приведение надела-чека в пригодное к обработке поле было сопряжено с большими трудностями, о которых дает представление письмо жителей кишлака Гулихан-Чек. Как видно из письма, в 70-х годах XIX в. Мулла Иса Аулие по приказанию хана раздал крестьянам «пустолежащие земли, над которыми они трудились в течение многих лет, стараясь сделать их годными к обработке, что и было достигнуто невероятными усилиями, и таким образом, они обзавелись хозяйством, насадив деревья, построив дома и т. п.»¹

Для поощрения крестьян, чеки которых требовали больших затрат труда, применялись некоторые льготы². Кыпчакский феодал Хотамкул, скупив за бесценок полузаброшенные земли в кишлаке Сузак, оросил их с «помощью» сузакцев и «раздал даром в чеки населению с одним лишь условием: платить херадж и танап»³ в пользу его медресе, освобожденного ввиду высокого служебного положения Хотамкула (он был андижанским батыр-башей) от государственных налогов. Несмотря на «дарову» раздачу земель, некоторые чеки Хотамкула, ввиду трудности их обработки, остались даже неразобранными⁴.

Чтобы чеки не пустовали, феодалы шли на предоставление дехканам на первых порах небольших льгот, вплоть до освобождения их от податей. Так, на каждый чек вакфных земель Ошского медресе Алымбека-дадхи (кишлак Алымбек-Чек) приходилось по два танапа земель, не облагаемых

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 3460, л. 2.

² *Наливкин В.* Положение вакуфного дела... стр. 13.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34134, л. 11—12.

⁴ Там же.

податью¹. По-видимому, эти два танапа и были своеобразной компенсацией за труд непосредственных производителей.

Земли Чуртанлык и Байсакал, являвшиеся вакфом медресе Мусульманкула (кишлак Чуама Андижанского вилайета), были розданы в чеки крестьянам с условием выплаты лишь хераджных и танапных податей в пользу медресе², которое имело следующую обелительную ханскую грамоту: «Мусульманкул-минбаши построил на собственные средства медресе в местности Минтут и для благоустройства его пожертвовал в вакф ему арык с землями в местности Куркурау и еще один арык в местности Байсакал, почему и поставляются все в известность, что подати танапные, хераджные, за венчание (*никахана*) и сборы за разделы наследства (*тариране*) оставляются в пользу вакфа, и никто не должен с этого вакфа ничего требовать. 1269 (1852—1853) г.»³.

Лучшие чеки раздавались ханами в виде земельных пожалований за службу. В одном из документов, адресованном из ханской канцелярии к курукчию Мухаммеду Садику, читаем о пожаловании ханом своим кавалеристам — телохранителям (*махрамам*) «всего 30 чак, каждый на 5 семей»⁴.

Размеры чеков были различны в каждом отдельном случае и иногда зависели, вероятно, от количества имевшихся в хозяйстве пар волов (кошей), но определялись и распоряжениями хана или феодалов, раздающих земли в чеки для обработки. В 1875 г. маргеланским беком было

¹ ЦГА Узб. ССР, ф.и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34291, л. 34—35.

³ Там же, д. 34221, л. 18 (19).

⁴ *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 146.

издано следующее распоряжение: «Начальствующим лицам да будет известно: в Акбар-Абаде проведены нами семь арыков. Каждому лицу, выстроившему на земле, орошаемой семью арыками, дом или курганчу, даю в пользование по четыре танапа земли. 1292 г.»¹.

Иногда чеки достигали нескольких десятков танапов. В кишлаке Алымбек-Чек к концу XIX в. на одно хозяйство приходилось в среднем около 15 дес. орошаемой земли², в кишлаке Акбар-Абад-Чек по 3,5 дес.³ В двух кишлаках под одним названием Иса-Аулие-Чек (один в Шариханской, другой в Кулинской волостях Маргеланского уезда) на хозяйство — чек приходилось в первом: около 10 дес.⁴, во втором — 1,6 дес. орошаемой и 1,2 дес. богарной земли⁵.

Как уже отмечалось, первоначально чековые дехкане пользовались кое-какими льготами, с течением же времени, по мере улучшения условий обработки участка, землевладелец начинал взимать с них плату за право пользования землей — феодальную ренту, которая называлась *ир-хаки*, иногда *замин-хаки*⁶. Уже к 1877 г. дехкане кишлака Алымбек-Чек платили за земли Ошскому медресе Алымбека 437 руб. К 1894 г. — последнему году пользования медресе доходом с вакфных земель кишлака — эта сумма возросла

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 231, л. 11.

² Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. I, приложение № 1, стр. 18 — 19.

³ Там же, вып. II, приложение № 1, стр. 18 — 19.

⁴ Там же, стр. 48 — 49.

⁵ Там же, стр. 30 — 31.

⁶ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов.... стр. 199.

до 1 500 руб. в год при сумме государственного налога 3 139 руб. 72 коп.¹

Таким образом, чековая форма землепользования давала возможность феодалу, обеспеченному постоянной рентой, не обзаводиться собственным, господским хозяйством.

В кокандский период уже можно обнаружить первые следы организации товарного сельскохозяйственного производства. Отдельные наиболее предприимчивые дельцы организуют торговые предприятия, основанные на реализации продуктов земледелия. Ю. Соколов приводит пример хозяйства ташкентского купца Мирзы Хасана. Он пишет, что земельные угодья квартала (*махалли*) города ежегодно подлежали переделу между его жителями, причем каждый получал равноценные участки пахотной земли в зависимости от числа кошей.

Мирза Хасан, представив на время раздела достаточное количество своевременно закупленных воловых упряжек, получил участок общинной земли, достаточный для разбивки сада в 500 фруктовых деревьев и закрепил его за собой, так как земля, засаженная фруктовыми деревьями, длительное время не изымалась и не подлежала переделу. Но в этом случае землевладелец лишился права на получение другого участка.

Садовник-перс Мирзы и два его работника ухаживали за садом, собирали и сушили урожай (вместе с семьей Мирзы Хасана). Полученные сухофрукты становились товаром,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54, д. 33514, л. 14; Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. I, приложение № 1, стр. 19.

который хозяин, являясь караван-башой, продавал в российских городах¹.

Такие хозяйства были единичны, не характерны для среднеазиатских ханств, но они уже появлялись как первые ласточки товарно-производственного земледельческого хозяйства и, вероятно, организовывались также в Южной Киргизии.

Подворно-участковый характер пользования орошенными участками в кокандский период был повсеместно выявлен позже поземельно-податной комиссией. Его подтверждают и архивные источники. Приведем один из документов о поземельно-податном обложении урочища Улан-Булак с курганчами в Багишевской волости Наманганского уезда: «Земли, вошедшие в границы плана этой дачи, находятся в подворно-участковом владении 67 семейств киргиз родов кытай и туман-чыкты (отделение этого рода, носящее также самостоятельное название «тушка-готар»), имеющих здесь в пределах плана свои зимовки. Эти 67 семейств — потомки тех трех киргизских семейств (из них одной семьи рода туман-чыкты и двух семейств рода кытай), которым издавна принадлежали все эти земли. Много лет тому назад все эти земли были поделены между тремя семействами киргиз, а затем земли, принадлежащие каждой из этих трех семей, делились и наследовались потомками первоначальных их владельцев»².

¹ Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965, стр. 118—119.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34053, л. 4.

Подворно-участковое землепользование и индивидуальное землевладение создавали возможность не только для наследования, но и для перепродажи отдельных участков, сдачи их в аренду жителям как данных кишлаков, так и других селений. Сведения, приводимые К. К. Паленом, говорят о том, что в среднем до 50% земель каждого кишлака находилось во владениях жителей других селений¹.

Такое положение укоренилось издавна и сохранялось после присоединения Туркестанского края к России.

Житель дачи Бай-Махалла Урмат-бай Субанкулов имел, например, землю во многих кишлаках по 74 купчим документам (васикам)².

В районах становления интенсивного земледелия общность пользования пахотными землями все больше уступает место подворно-участковому землепользованию и индивидуальному землевладению. Однако общины продолжали оставаться территориальными объединениями, тем более, что некоторые виды земель, в частности пастбища и выгоны, все еще находились в коллективном пользовании. Территориальная и экономическая общность обуславливалась возможностью проведения и поддержания оросительной системы, а также водопользованием лишь на общинном принципе. И если община в густонаселенных и многоводных районах в отношении собственно землепользования нередко теряет свое значение, то в отношении водопользования она еще долго его сохраняет. Один из представителей местного насе-

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Поземельно-податное дело...стр. 32.

² Там же.

ления заявлял в связи с этим членам ревизии Туркестанского края: «Не ищите вашей поземельной общины в здешних селениях. Вы найдете ее не в земле, а в воде»¹.

Поскольку вопросы земле- и водопользования в районах орошаемого земледелия неразрывны, остановимся на характере водопользования.

До XIX в. Фергана представляла собой разбросанные клочки оазисов, не связанные между собой ни экономической, ни политической общностью². Только с образованием Кокандского ханства ирригационное строительство стало государственным делом. В это время здесь проводятся основные магистральные каналы. Первое крупное сооружение — канал Янги-арык — был прорыт в 1819—1822 гг.³

В ханском архиве сохранилось несколько однотипных списков с перечнем арыков Кокандского ханства и именами обслуживающих их мирабов, которые назначались ханами обычно из воинских частей, находившихся в данных районах⁴.

В Маргеланском уезде числилось 7 мираб-башей с тремя помощниками, которые распределяли воду по главным арыкам⁵. Кроме того, в каждом селении был специальный человек, распределяющий воду по полям, устанавливающий

¹ *Гирс Ф.* Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край... СПб., 1884, стр. 373.

² *Батраков В. С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины... стр. 118.

³ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... стр. 30.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов.... стр. 205.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 62.

очередность полива и поддерживающий арыки в рабочем состоянии. Назывались они арык-аксакалами или кок-башами¹.

Право водопользования, так же как и землевладения, закреплялось ханской властью специальными документами, на что имеются указания и в киргизском обычном праве².

Об этом же свидетельствуют и документы царской администрации Туркестана в первые годы после ликвидации Кокандского ханства. «Главная система арыков, — писал в объяснительной записке о состоянии Маргеланского уезда в 1882 г. его начальник, — распределяет свою воду на поля по очередям, установившимся или ханскими грамотами, или обычаем, или же, наконец, правами известного общества, вытекающими из затрат, употребленных на устройство арыков»³. При распределении поливов не обходилось и без столкновений. Как видно из спора между двумя киргизскими родами бутан и чулай (в районе Ляйляка), обе стороны в доказательство своих прав пользования водой предъявили документы ханских времен на один и тот же арык⁴. Из документов по водопользованию архива кокандских ханов сохранилось несколько указов Худояр-хана в отношении очередности полива в районах Кара-Курпа и местности Ер-Масчит. Например, документ от 1291 (1874—1875) г. был выдан мастерам, изготавливавшим клей и жившим на землях Мухаммед Алимбека (сына Худояр-хана). Им разрешалось

¹ *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины... стр. 168 — 169.

² *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... стр. 105.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 62.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф.и. 19, оп. 1, д. 14034, л. 2, 5, 12.

один раз в 11 дней делать запруду и пользоваться водой для полива своих посевов и наполнения бассейнов питьевой водой¹.

Город Ош, страдавший в маловодье от недостатка воды, имел специальную ханскую грамоту, на основании которой ему предоставлялось право при необходимости потреблять всю воду р. Ак-Буры. Когда это случалось, нижележащие по течению реки кишлаки бедствовали без воды². В архиве кокандских ханов имеется ряд челобитных с жалобами на недостаток воды для питья и поливов, например, от жителей окрестностей Хуканд-Кишлака Маргеланского бекства и др.³

Особая ценность оросительной воды в условиях поливного земледелия нашла свое отражение как в практике отчуждения воды независимо от земли, ею орошаемой⁴, так и в указанном праве отчуждения даже отдельных очередей полива⁵.

В некоторых районах, где особенно остро чувствовался недостаток в воде, право мильк выступало даже не как

¹ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов.... стр. 205.

² *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины... стр. 173.

³ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов.... стр. 205.

⁴ «По благоприятному толкованию закона, право на воду может существовать независимо от права на землю. Право это может быть приобретено независимо от земли, по наследству или путем отказа, иногда бывает, что кто-либо, продавая землю, оставляет за собой право на воду». Хидая, т. IV, стр. 116.

⁵ Некий Султан-Саид Ходжа Ишанов, владелец земли в кишлаке Искабат, «половину очереди из 12 очередей воды означенной выше земли вместе с относящейся к ней землей со всеми ее угодьями... пожертвовал в посмертный вакф для чтения корана». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 35003, л. 1 (2); См. также д. 34764, л. 32.

право владения землей, а выражало лишь право владения известным количеством воды, от которого зависела площадь обрабатываемой земли¹.

Согласно мусульманскому законоведению — *шариату* и обычному праву кочевников — *адату*, арыки принадлежали тем, кто их провел². Это право давало возможность феодалам, организовавшим работы по проведению оросительных систем, считать вновь орошенные земли своими владениями, оно закрепляло за ними преимущество в распределении поливов.

Киргизские феодалы, захватывая земли в верховьях арыков, прорытых силами общин, сосредоточивали в своих руках распоряжение очередностью поливов, что ставило в зависимое положение бедняков-земледельцев (*джатаков*), участки которых располагались ниже земель феодалов.

Рассмотренные формы землепользования оседлого населения показывают, что наряду с феодальными чертами в них имелся и элемент патриархальности. Парцеллярное подворно-участковое пользование орошаемыми пахотными землями сочеталось с коллективным, в рамках одной или даже нескольких общин, использованием выгонов и пастбищных территорий. В Южной Киргизии отсутствовали крупные феодальные, барщинного типа, земледельческие хозяйства, но чековая и другие формы землепользования позволяли феодалам присваивать прибавочный продукт крестьян иным путем, используя как экономическое, так и внеэкономическое принуждение.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 13245, л. 22.

² Хидая, т. IV, стр. 103; *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... стр. 104.

IV

ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

СИСТЕМА НАЛОГОВОГО ГНЕТА

Одна из основных задач феодального государства заключалась в организации системы налогового гнета, эксплуатации трудящихся. Своеобразием управления и налоговой системы в ханстве являлось предоставление местным органам власти особой самостоятельности и независимости от центральной администрации и хана. Правители местных округов, писал в середине XIX в. В. В. Вельяминов-Зернов, «пользуясь титулом кушбека в значительных пунктах и хакима — в местах менее важных, получают право брать себе доход и распоряжаться почти неограниченно во вверенных им землях, за то обязаны посылать ежегодно известную сумму денег в казну»¹. Объем власти каждого из сановников определялся степенью его личного влияния при ханском дворе².

В административном отношении южно-киргизские племена после завоевания их Кокандским ханством были приписаны к ближайшим Маргеланскому, Андижанскому,

¹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Торговое значение Кокандского ханства... стр. 11—12.

² *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX вв.). М., 1958, стр. 195.

Наманганскому вилайетам и г. Коканду. Алайские и памирские киргизы подчинялись андижанскому наместнику.

В податном отношении территория ханства делилась на участки, во главе которых стояли серкеры. В различные периоды их было разное количество. А. Дмоховский называет более 20 поземельно-податных участков¹. Серкер контролировал деятельность сборщиков поземельных налогов — *амлякдаров*, которые были ему подотчетны. Сам он отчитывался перед беком или ханом в зависимости от местоположения поземельно-податных единиц. Помимо налоговых функций, серкеры несли и административно-управленческие обязанности. Некоторые из них, несмотря на то, что находились на территории бекств, ставились непосредственно ханом и были подотчетны лично ему².

Обособленными поземельно-податными единицами, расположенными на территории Киргизии и подчинявшимися непосредственно Коканду, являлись: серкерство в Сохском бекстве — районы Кызыл-Кия и Сох, где кочевали киргизы родов бостон, думар, нойгут и др.; серкерство в районе Узген и пр.³ Налоги, поступавшие в государственную казну, носили название *хасаги*; налоги, взимаемые беком в местную казну, — *бийлык*⁴.

¹ Дмоховский А. О реорганизации общественного, поземельного и податного устройства Ферганской области. «Туркестанские ведомости», 1884, № 43—46.

² Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине. «Военный сборник», 1876, № 4, стр. 438.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7008. Карта Ферганской области, составленная в 1876 г.

⁴ Кун А. Очерк Кокандского ханства. Изв. РГО, т. 12, отд. 1. СПб., 1876, стр. 65.

В период междоусобиц зависимость беков от центральной власти ограничивалась обычно содержанием ханской свиты и преподнесением подарков хану во время посещения им бекств¹. Один из кокандских сановников рассказывал Н. Северцову о жизни феодалов при Худояр-хане: «...бекам и датхам вольготно, делают при нем, что хотят, что хотят хану и из податей вносят, а то себе берут»².

Правители крупных округов раздавали небольшие города и селения своим ставленникам, которых в зависимости от пожалованного владения величали титулом бека, дадхи и аксакала³. Чтобы выделить сыну или приближенному определенный доход, беки образовывали даже новые территориально-административные единицы. Так, из Маргеланского бекства, управляемого Султан-Мурадбеком, братом хана, было выделено селение Араван с несколькими близлежащими кишлаками для малолетнего сына бека, который становился его самостоятельным правителем⁴.

Почти полная независимость от центральной власти в вопросах поземельно-податного обложения в отдельных административных единицах вела к тому, что, несмотря на существующую регламентацию размеров феодальной ренты — налога государством, взывание налогов практически осуществлялось в каждом районе по усмотрению местных

¹ Кун А. Очерк Кокандского ханства. Изв. РГО, т. 12, отд. 1. СПб., 1876, стр. 65.

² Северцов Н. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860, стр. 80.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Торговое значение Кокандского ханства... стр. 12.

⁴ Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 33.

властей¹. Характеризуя налоговую систему в Бухаре, которая была аналогичной с системой податного обложения в соседнем Кокандском ханстве, А. П. Семенов писал, что, несмотря на предписания шариата, придерживание определенных размеров поземельных и поимущественных налогов, полнейшее отсутствие какой бы то ни было шкалы жалования или заработной платы налоговосборщикам сводило на нет шариатские нормы и вносило полнейший произвол в сбор налогов и «кормление» чиновничества за счет трудящихся².

Анархичности сборов способствовала и широко развитая откупная система — *иджара*, о которой говорят как многочисленные архивные, так и нарративные источники³.

С середины XIX в. кокандские ханы стремятся как-то урегулировать сборы в государстве и точнее определить свой доход. Они вводят податные росписи по каждой области — так называемые *дефтеры*, которые сосредоточивались у чиновников, занимающихся финансовыми делами хана.

Налоговые дефтеры в Кокандском ханстве переправлялись из серкерств в бекские правления, а из отдельных бекств поступали непосредственно в Коканд. В частности, все дефтеры из бывшего Ошского серкерства сдавались в Маргелан, а из Булакбашинского бекства — в Коканд⁴. Часть деф-

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 11, д. 774, л. 274—280.

² Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Тр. САГУ, сер. II. Ташкент, 1929, стр. 10—11.

³ См.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 1, л. 9; ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 14; Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изв. АН Узб. ССР, серия обществ. наук, 1957, № 3, стр. 38; Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 196.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 18.

теров Ошского серкерства была позже собрана надворным советником А. Куном¹, и сведения из них использованы им в «Очерке Кокандского ханства»². Дефтеры, сосредоточенные в Коканде, были просмотрены туркестанским чиновником Н. Н. Пантусовым³, который на их основе написал ценные своими фактическими сведениями статьи о податях и повинностях последних лет Кокандского ханства⁴.

Из описей дефтеров Чимионского бекства, например, видно, что дефтеры велись ежегодно и по отраслям хозяйства. Здесь имелись сведения о количестве танапов в Чимионском бекстве, о размерах хераджа с хлопка Вуадильского и Кептер-Ханинского серкерств, список лиц, освобожденных от танапной подати⁵.

Ханская система налогообложения была принята туркестанской администрацией в первые годы после присоединения Коканда к России. «При составлении танапных записей во вверенном мне уезде за 1876 г., — рапортовал начальник Кокандского уезда военному губернатору Ферганской области, — я руководствуюсь тем способом, который практиковался при мусульманском владычестве»⁶. В связи с этим данные на конец 70-х — начало 80-х годов XIX в.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 20.

² Изв. РГО, т. 12, отд. 1. СПб., 1876.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 12.

⁴ *Пантусов Н. Н.* О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16; он же. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Там же, 1876, № 17.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35.

⁶ Там же, д. 22513, л. 4.

вполне могут служить определенным показателем размеров налогообложения в Киргизии накануне ее вхождения в состав России, и широко нами использовались.

В Кокандском ханстве при государственной собственности на землю рента и налог, как правило, совпадали. Ведущей формой ренты являлась рента продуктами. В статье о Кокандском ханстве, написанной на основании расспросных сведений 40-х годов XIX в., говорится, что ханские доходы состоят преимущественно из сбора продуктов в натуре, часть которых хакимы области расходуют на продовольствие войскам, а остальное поступает в распоряжение *саркар- и инака* — хранителя ханских запасов¹.

Продуктовая рента, по словам К. Маркса, благодаря натуральному характеру хозяйства, «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом в застойных общественных отношениях, как это наблюдается, например, в Азии»². Но, являясь основной, рента продуктами не была единственной. С середины XIX в. практикуется денежная рента, как превращенная форма натуральной ренты. Однако следует отметить, что если для земледельческих районов Ферганы постепенный переход от натуральной ренты к денежной был признаком определенных социально-экономических сдвигов, свидетельством зарождающихся товарно-денежных отношений, то у кочевников это пока не оказывало существенного влияния на экономику и вело лишь к усилению налогового гнета. К тому же следует учитывать, что официальное

¹ Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Зап. РГО, 1849, кн. III, стр. 208.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

определение ренты-налога в деньгах¹ в большинстве случаев означало лишь исчисленную в деньгах на основании официальной таксы² стоимость взимаемых натурой продуктов.

Величина ренты определялась не столько размерами дохода крестьянина, сколько условиями внеэкономического принуждения в данной, конкретной обстановке. И чем примитивнее форма земельной ренты, тем в более грубой форме это принуждение выступает. Размер феодальной ренты определялся социальной политикой феодального государства, степенью произвола отдельных феодалов, местными патриархально-феодальными традициями, большое значение которых подчеркивал К. Маркс.

Как уже отмечалось, в оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих районах в основе феодальных отношений лежала собственность на землю. Владевший землей имел экономическое и политическое господство. Экономической формой реализации права собственности являлись обложение трудящихся налогами и всевозможными повинностями, а также земельная рента. Владение землей было главным средством эксплуатации, а земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. Централизованной формой выражения земельной ренты служил налог.

¹ См., напр.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 329, оп. 1, л. 2-а, л. 1—2. Танапные записи по Наманганскому уезду за 1876 г.; ф. и. 329, оп. 1, д. 4-а, л. 9—12. Хераджные записи по Наманганскому уезду за 1879 г.; ф. и. 300, оп. 1, д. 268, л. 101, 103; Хераджная запись кокандского уездного управления за 1876 г. и др.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 28112. Справочные цены по Ошскому уезду за 1876 г.

В Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, существовало большое количество налогов и повинностей¹, самыми тяжелыми из которых были налоги со скота и поземельные.

ЗЯКЕТ

Основным видом эксплуатации киргизского населения и в скотоводческих, и в оседло-земледельческих районах являлось взимание верховным собственником налога — централизованного выражения земельной ренты. Анонимный автор «Изложения преданий о происхождении киргизского народа» (записанных между 1854—1860 гг.) сообщал, что с южных киргизов Каратегина, Турфана, Кашгара власти собирают «дань за право пользования землями», киргизы к западу от Иссык-Куля, хотя и считаются кокандскими подданными, «готовы ныне же сделаться независимыми... — одна только причина — кочевые места этого рода (*сарыбагыш*. — В. П.) привязывают их к местности»².

Наиболее обременительным сбором с кочевников был *зякет* — налог за право пасти скот на государственной территории. Мусульманским законодательством он был строго определен в размере 1/40 части скота³, на практике его сбор отличался полной бесконтрольностью и произволом

¹ Их перечень см.: *Джуванмардиев А.* К земельно-водным отношениям в Фергане в XVI—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963, стр. 8—14; *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX века. Фрунзе, 1961, стр. 9—10.

² ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 1, д. 586, л. 9—10.

³ См.: Хидая, т. 1, кн. 1. О зякете, стр. 69—84.

чиновников. Современники отмечали, что сбор этой подати «сопряжен в Кокании с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно двадцатой части стад своих»¹.

Официальная регламентация зякета в Кокандском ханстве была следующая: за каждую сотню баранов полагалось 1/40 часть, рогатого скота — 1/30, лошадей — 1/40 (если же было более 40 лошадей, то за каждую лишнюю лошадь брали по 40 коп.), за 5 верблюдов — одного барана².

Ханские сборщики налогов никогда строго не придерживались инструкций и взимали сборы произвольно, к тому же занижая размеры фактически собранного налога в отчетах вышестоящим органам.

Зякет взимали в натуральной форме, обычно баранами. Но во второй половине XIX в. все чаще стали практиковать сбор зякета деньгами. «Мусульманским правительством между жителями Ошского уезда, — доносил в одном из рапортов начальник Ошского уезда, — для взимания *саваим-зякета* с лошадей и верблюдов около 10 лет тому назад введен был порядок, что за каждую лошадь и верблюда хозяин обязан платить по 40 коп.»³

По принятой Худояр-ханом расценке, зякет с баранов взыскивался по расчету с каждого причитающегося казне взрослого барана 4 руб.⁴, малого и среднего барана — 3 руб.,

¹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии... стр. 209.

² *Пантусов Н.* Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 59.

⁴ В г. Ош 4 руб. стоил в середине 70-х годов самый крупный курдючный баран. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 28112, л. 130—134.

большого козла — 1 руб., малого козла — 1 руб. 20 коп., с 5 верблюдов — один двухлетний верблюд или большой баран, т. е. 4 руб.¹

Оценка скота обычно завышалась, приравнивалась к базарным ценам крупных городов. В то же время практически с любой отары в казну всегда брали только больших баранов².

Непомерные поборы вызывали протесты, выразившиеся в откочевке киргизов в неприступные горы и в вооруженном отпоре кокандцам. Кокандский автор рукописи «Холасат улахвал» был свидетелем, как после очередного сбора зякета посланцы ташкентского правителя Мирзы Ахмеда решили произвести дополнительный сбор, «стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество». Это возмутило жителей. «Тогда отряд кочевников, — пишет кокандский историк Абу Убейдулла Мухаммед, — численностью 200 всадников со своим старшиной Худайбергенем во главе напал на сборщиков зякета. Сборщиков захватили, раздели догола и по одному развели по аулам»³. Когда однажды, вспоминает автор, отряд кокандцев вышел для сбора зякета с киргизов Чуйской долины «старшины илатие (*племени*. — *В. П.*) и плательщики зякета подняли восстание, уничтожили весь отряд и убили самого Худайберды Диванбеги» — начальника налогового отряда⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 47—48.

² Там же.

³ *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 35.

В то же время покорение восставших сопровождалось новым произволом и насилиями. В виде контрибуции с покоренного населения взимали дополнительные сборы, которые назывались *аманпули* — буквально «деньги за пощаду»¹.

Так, после подавления кокандцами очага восстания в 1874 г. на юге Киргизии, хан обложил особым сбором тех, кто принимал участие в восстании, что послужило новым толчком к массовым откочевкам киргизов в неприступные горы².

Русские современники отмечали, что в районах, которые недавно оказали сопротивление ханским войскам, и у родов и племен, возвращенных из бегов, победители брали все, что им нравилось³.

Однако в отдельных случаях киргизы отстаивали свои интересы. Например, управляющий местным населением левого фланга Туркестанской области сообщал в своей записке в 60-х годах, что кокандцы первоначально наложили на киргизов и казахов зякет по 3 барана с сотни. Киргизы объявили, что этого количества они не дадут. Тогда налог был сбавлен до 2,5 барана с сотни, но киргизы и в данном случае не согласились. Кокандцы стали было настаивать, но «последовало общее возмущение киргиз, окончившееся тем, что ханское правительство ограничилось двумя баранами со ста»⁴.

¹ *Мирза Абдалазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа...* стр. 110 и примеч. Л. М. Епифановой, стр. 156.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, док. 306, л. 270.

³ *Обозрение Кокандского ханства...* стр. 209.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

Если при откочевке на джайлоо киргизы иногда могли отстаивать свои интересы, то при возвращении на зимовки и к пашням они вновь попадали в район, контролируемый войсками, и вынуждены были выплачивать налоги в еще больших размерах. Объясняя, к примеру, свою покорность ханским сборщикам, бугинские киргизы писали Колпаковскому: «Наши готовы дать им по барану со двора, лишь бы прозимовать благополучно и иметь весной возможность приступить к пашням»¹.

Зякет взимался обычно весной, со второй половины апреля, когда выгнанный на пастбища скот прибавлял в весе и начинался приплод². Для сбора налога зякетчи выезжали с вооруженными отрядами, иногда довольно значительными, как было, например, в 1845 г., когда Мусульманкул пошел собирать зякет во главе целого войска³.

Войско разбивалось на небольшие отряды — от 50 до 300 человек⁴. Отряды направлялись непосредственно в кочевья. Собранные ими бараны перегонялись в города, и там беками продавались торговцам⁵. Для укрепления своего непрочного положения кокандцы восстанавливают и усиливают пополнением гарнизона крепости, разбросанные в киргизских кочевьях А. П. Федченко, посетивший Кокандское

¹ ЦГА Казах. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 516, св. 25, л. 28.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 23.

³ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худояр-хана. Тр. Вост. Отд. русск. археол. о-ва, ч. II., вып. 1, 1856, стр. 345.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7., год 1858, д. 180. л. 8; *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства... стр. 36.

⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 780.

ханство в 1871 г., в своей корреспонденции сообщал, что в последние годы кокандцы сочли за нужное маленький заброшенный курган на Алае значительно расширить и поселить в качестве начальника кочевавших там киргизов Исмаила Токсобу со значительным числом джигитов, «тогда как прежде все ограничивалось приездом людей от Ошского и др. секерств для сбора зякета»¹.

Чтобы привлечь на свою сторону киргизских феодалов и тем самым обеспечить более спокойный сбор налогов, кокандское правительство в последние годы своего существования стало изменять методы взыскания зякета, в отдельных случаях перепоручая его сбор представителям местной феодально-родовой знати. Система распределения налогов при новом методе, например, видна из рапорта заведующего кочевым населением Чимкентского уезда от 1865 г.: «Старший бий распределял на подведомственных биев, бии на тугачей, тугачи на старших джигитов и таким образом последнее ответственное лицо управляло только 20—30 кибитками, т. е. тремя и четырьмя аулами, в которых также были старшины, отплачивавшиеся за аул, распределяя требуемое с них количество денег не по кибиткам, а по количеству скота и кошей»². При новой практике налогообложения киргизские феодалы иногда вносили подать сразу за всю подвластную группу, а затем произвольно взыскивали ее в двух- и трехкратном размере с подчиненной букары. Таким образом, налог-рента государству поступал не непосредственно от производителей, а через феодалов, которые присваивали немалую часть собранного.

¹ Федченко А. П. Из Кокана. «Туркестанские ведомости», 1871, № 3.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 1, л. 78.

На кочевников Маргеланского бекства обычно налагался зякет размером в 8—10 тыс. руб. «Эти цифры, — доносил начальник Маргеланского уезда в 1877 г., — вошли в норму (*ульпан*), которую роды должны были вносить»¹.

Всего зякета с кочевого населения Маргеланского и Ошского бекств, по сведениям А. Л. Куна, поступало в казну 3 500 тилла, из района Науката — 800, Шарихана, Ассаке и Узгена — 800 тилла. В общей сложности в Кокандском ханстве с кочевого населения собиралось зякета в казну 47 350 тилла².

ХЕРАДЖ

С урожая земледельческих культур взysкивались налоги, иногда обозначаемые общим термином *мал-у джихат*³. Основная тяжесть поземельного налога херадж ложилась на плечи оседлого населения южной территории Киргизии. Но херадж взимался и с зерновых культур, высеваемых кочевниками. Только алайские киргизы, кочевавшие по р. Кызыл-Су, отделений кыдырша, кипчак, частично найман и тейит, ежегодно выплачивали, помимо налога со скота, еще 600 руб. (русского исчисления 70-х гг. XIX в.) хераджа⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63.

² Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 441.

³ Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям в Фергане... стр. 9.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63—64.

Размер хераджа определялся в 1/5 валового сбора зерновых¹. В прежнее, мусульманское время, доносил начальник Маргеланского уезда в Ферганское областное правление, с хлебов собирался херадж в размере 1/5 части урожая².

А. Миддендорф сообщал, что государственные подати в Кокандском ханстве взымались натурой, в зависимости от урожая, и «эта доля большей частью составляла 1/5 сбора»³.

В таком же размере херадж собирался и с вакфных земель: «Почтительнейше докладываем вашему превосходительству, — писали представители кокандского духовенства военному губернатору Ферганской области, — что в прежние времена с вакфных земель мулл взымалась 1/5 часть (херадж) на основании нашего шариата. Прежние, бывшие наши ханы и хакимы также делали распоряжения по шариату о взимании с вакфных земель 1/5 части (херадж)»⁴. О таких размерах хераджа (1/5 часть собранного урожая) свидетельствуют и многие русские путешественники и востоковеды⁵.

Однако величина хераджа не была постоянной и колебалась от 1/10 до 1/2 доли с урожая. В связи с этим в документальных источниках слово «херадж» можно встретить в сочетании с терминами «сулс» (одна треть), «руб» (одна

¹ Наманганский округ Кокандского ханства (из показаний одного выходца в 1871 г.). «Туркестанские ведомости», 1871, № 29; *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства... стр. 38.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 10.

³ *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины... стр. 352.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 22; л. 140.

⁵ См.: *Хорошихин А. П.* Заметки о Кокане. Ж. «Русский инвалид», 1869, № 75—76; *Пантусов Н.* О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

четверть), «хумс» (одна пятая), «дахе ду» (две десятых), «ним-ни» (половина) и т. д.¹ Одна десятая часть взыскивалась обычно с богарных посевов, так называемых земель «ляльми»². Иногда минимальный натуральный налог в размере 1/10 части взимался со вновь орошаемых участков еще не окрепших хозяйств, видимо в целях их поощрения или в результате каких-либо особых заслуг землевладельца.

Так, херадж с земель, орошенных киргизами «рода Мухаммед Шафир Ахунда» в 1268 (1851—1852) г., первоначально взыскивался лишь в размере десятой части дохода, который по распоряжению хана составил вакф медресе Утамбая Минбаши в Маргеланском вилайете³. Во время кокандского господства оседлое население Таласской долины платило подать в размере десятой части с урожая хлебов. Сбор налога производился серкером, который обязан был иметь список хлебопашцев и наблюдать как за сеном, так и за уборкой хлеба, чтобы правильнее определить размер урожая, с которого должен был взиматься херадж⁴.

Поземельный налог, взыскивавшийся в размере 1/10 валового дохода урожая, назывался также налогом *ушр* (буквально — «десятина»)⁵. Размер хераджа целиком зависел

¹ Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям в Фергане... стр. 9.

² Пантусов Н. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36694, л. 90; д. 34736, л. 14.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

⁵ Хидая, т. 1, стр. 107; Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 133; Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства... стр. 22; Петрушевский И. П. Очерки по истории

от воли и желания правителей. Так, Ибрахим-парваначи, ставленник бухарского эмира, после взятия им Коканда в 1258 (1842—1843) г., увеличил размер хераджа до 50% с урожая сельскохозяйственных культур¹.

Абу Убейдулла, автор рукописи по истории Кокандского ханства, говоря о притеснениях ташкентского правителя Мирзы Ахмеда, указывал, что он налог с пашен увеличил в 2,5 раза, а в некоторых местах — в 3 и 4 раза².

При сборе налогов строго не придерживались никаких правил. На практике сборщики творили произвол, поборы в пользу администрации иногда превышали размеры самого налога. Злоупотреблениям способствовали и архаичность налогового сбора.

Херадж взимался с полевых культур: пшеницы, риса, джугары, ячменя, гороха, кунжута, моркови, лука, проса, табака, конопли, хлопка³. Сбор этот производился следующим образом. Каждый землевладелец после уборки урожая ссыпал в кучу на хирмане зерно и не имел права притрагиваться к нему, пока не будет определен херадж. Серкер являлся на хирман в сопровождении мирзы, ведущего хераджную запись, и аксакала. В первую очередь отделялся один

ф-ных отношений... стр. 267—268. Следует оговориться, что А. Л. Кун ошибочно называет налог в 1/5 часть налогом ушри. См.: Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 439.

¹ Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям в Фергане... стр. 9.

² Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства... стр. 36.

³ Пантусов Н. О податях и повинностях... «Туркие ведомости», 1876, № 16.

гальбур (*калбыр* — мера, равна 25 фунтам) в пользу имама приходской мечети. Затем решетом, мерою, называемой *фараг*¹ (иногда большими плетеными корзинами — *сабад*), серкер делил урожай на 5 равных частей. Одна из пяти куч перемерялась той мерой, которой определялся херадж, и это число записывалось в дефтеры. Из оставшихся 4/5 определенная доля шла в пользу сборщиков налогов, это так называемая *кипсень*², — по одному фарагу серкеру, мирабу, аксакалу, общественному кузнецу и один *гальбур* — мирзе. Иногда кипсень мираба отдавался в пользу военных лиц, стражников, которые сразу же и собирали его на хирмане³. Если хозяин не выдерживал и прикасался к хлебу до выделения хераджа, то подвергался наказанию, а весь урожай мог быть конфискован и поступал в казну⁴.

В отдельных случаях сбор хераджа производился старостами, аксакалами, биями, баями, что, конечно, не уменьшало, а, напротив, увеличивало бремя налогового гнета. Новые посредники не забывали и себя. Так, жители кишлака Ичкан, населенного киргизами и узбеками, в письме военному губернатору Сыр-Дарьинской области в 60-х годах жаловались на избранного ими в ханское время налогосборщика бия Ниамина Сукмуллу. После сбора податей и повинностей

¹ *Фараг (параг)* — мера зерна в 2 гальбура — несколько пудов зерна. Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 194.

² *Кипсень* — подать в пользу сборщиков налогов. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13. Рапорты начальников Кокандского и Маргеланского уездов военному губернатору Ферганской области, 1876 г.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 2, л. 47—48.

он обычно пересылал их по назначению в Коканд. Эта же система сохранилась и в первые годы после присоединения к России — «бий Ниамин сбор податей производил в том же порядке и в том же количестве, как и прежде», в получении податей расписок не выдавал и повинности эти не сдавал, «а обращал тоже в собственность»¹.

Тяготы основного налога усугублялись практикой сдачи хераджа на откуп (*иджара*), который совершался с торгов за суммы, нередко превышающие размеры налога. Начальник Маргеланского уезда в 1876 г. писал, что «при отдаче с торгов в мусульманское время хераджа арендная сумма с известного района возвышалась даже от 1/3 против действительной цифры ожидаемого сбора»². При несоответствии размеров налогового обложения и арендной платы, даже при кажущемся убытке для откупщика, арендаторы выигрывали за счет произвольного увеличения размеров хераджа, в результате долговых опутываний беков или придворных, поскольку они же являлись поставщиками товаров для бекских и ханских дворов³.

Откупщики сбора налогов, главным образом хераджа, назывались амлякдарами⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12791, л. 121.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 10—14.

³ Бахти Мухаммед Курбаши, например, был одновременно и откупщиком правительственных обложений по городу Маргелану и управителем хозяйства маргеланского бека Султана Мурадбека. *Троицкая А. Л.* Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л., 1960, стр. 278.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... стр. 195. Она же. «Заповедники» — курук... стр. 149.

Абу Убейдулла Мухаммед (Ишан-Ходжа Кары Ташканды) упоминает некоего Мухаммеда Карим-калла из Маргелана: «Это был человек, который брал на откуп (*иджара*) хлебные сборы (*галла*) и хераджи кишлаков»¹.

Для получения на откуп сбора хераджа обычно подавали прошение хану или беку, которые затем выдавали соответствующее удостоверение. Население данного района оповещалось особым указом с перечислением количества зерновых, сданных в аренду или на откуп. В архиве кокандских ханов сохранился ряд списков со сведениями об откупах по Маргеланскому и Араванскому бекствам. Так, в списке от 1290 (1873—1874) г. приводятся данные по Аравану, Мунка-Таю, Тепе-Кургану, Кара-Кургану с указанием имен откупщиков, количества собранного зерна, сколько и кому зерна отпущено и с отметками задолженности каждого откупщика².

Для примера приведем документ от 1288 (1871—1872) г., которым маргеланский правитель Султан Мурадбек объявляет о сдаче в аренду сбора хераджа в местности Авваль.

«Достойному доверия Бахти Мухаммеду курбаши. Да будет объявлено, что, сделав арендой (*инджара*) зерновые (продукты земли) урожая местности Авваль в 1250 чарьяков³ пшеницы, 200 чарьяков риса, 850 чарьяков джугары, 150 чарьяков моркови, 220 чарьяков головок (джугары), 44 чарьяка льна, 10 чарьяков маша, всего 2724 чарьяка зерновых

¹ Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства... стр. 38.

² Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 195.

³ Чарьяк (*чайрек*) - мера веса около 4,5 пуда. См.: Пантусов Н. Весы и меры в Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1874, № 33.

(продуктов земли) отдали нам. Согласно аренды спрошу с вас. Вы же, поставив амлякдаром Ахун-бека Амина, спросите с него. Постановив таким образом, вручили нам. Считайте (эту аренду) утвержденной и установленной обязательно»¹.

Как видно из документов архива кокандских ханов, сбор хераджа являлся предметом неоднократных торговых сделок, и его аренда в ряде случаев перепродавалась по нескольку раз.

Определенное представление о налоговом обложении в Киргизии накануне вхождения в состав России дают сведения за 1876—1877 гг., когда херадж собирался еще по старой ханской системе и в прежнем количестве.

Выборка из ведомостей начальников уездов Ферганской области о хераджном сборе за 1876 год².

Продукты	Урожай, пудов	Херадж, пудов
Шалы	76987	15397
Пшеница	187162	37432
Зыгыр (лен)	27675	5535
Ячмень	24900	4980
Просо и конок	-	-
Кукуруза (маке джугору)	272200	54440
Джугара	-	-
Гуза (неочищенный хлопок)	5000	1000
Кокнар (мак неочищенный)	2212	442
Морковь и лук	8387	1677

Хераджные записи велись ежегодно. Налог собирался с каждого хозяйства, т. е. поземельно-податной единицей

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 195.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1-3, 10-13, 37—40.

был отдельный двор, однако в общих хераджных дефтерах отражалась обычно сумма налога со всего кишлака.

Если хозяин становился неплатежеспособным, за него обязано было вносить то общество, к которому он принадлежал. Так, Абу Убейдулла пишет, что после введения Мирзой Ахмедом повышенных податей казахи и киргизы, чтобы выплатить налоги, вынуждены были продавать целиком урожай, весь рабочий скот. Если же и этого не хватало, то долги, записанные в налоговых списках-дефтерах, взыскивались с общины, к которой относился недоимщик¹.

Именно в связи с тем, что к круговой поруке при ханах прибегали лишь в крайних случаях, введение ее после присоединения края к России вызывало недовольство местного населения. Комиссия Гирса, ревизировавшая край, поэтому сочла главным недостатком проводившихся поземельно-податных работ в Фергане именно то, что податной единицей было сделано сельское общество, а не отдельный двор².

С заменой натурального хераджа денежным налогом последний определялся по наиболее высоким базарным ценам. В этом отношении интересно письмо маргеланского бека Султан Мурада к сборщику податей Мухаммед Алим Саркару с приказанием собрать аминов и аксакалов Джубара и установить цену на пшеницу. В письме упоминалось, что аксакалы обращались уже к нему с просьбой установить цену в размере 11 танга, но он им не дал на то согласия.

¹ Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства... стр. 36.

² Савицкий А. П. Закон 1886 года и поземельно-податное устройство Ташкентского уезда. Тр. Ташк. ГУ, новая серия, вып. 194, историч. науки, кн. 13, 1962, стр. 36.

Видимо, цена показалась недостаточно высокой, и бек приказывал вновь обсудить этот вопрос¹.

В хераджных дефтерах Кокандского уездного правления за 1876 г. наряду с количеством налога в натуре представлена справочная, «тарифная», цена и сумма причитающегося налога, уже исчисленная в деньгах. Приведем для иллюстрации фрагмент из хераджного дефтера².

Сельхозпродукты	1/5 часть урожая, подлежащая сдаче в казну, пуд.	Базарная справочная цена за пуд, руб.	Деньги, подлежащие сдаче в казну, руб.
Пшеница	182	0,65	118
Ячмень	55	0,40	22
Зыгыр	13	0,85	11
Просо	46	0,30	13
Табак нюхательный	16	1,35	21
Табак курительный	24	0,90	21

С Ошского бекства (г. Ош и 20 приписанных к нему селений) собиралось 24 тыс. батманов зерна, с Аравана и 8 приписанных селений — 13 тыс., Науката и 4 селений — 18 тыс.³ Всего по Кокандскому ханству в последние годы собиралось 707,5 тыс. батманов, что в переводе на деньги при средней стоимости батмана от 1 р. 50 коп. до 2 руб. составляло примерно 1,5 млн руб.⁴ Однако, указывал собрав-

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 197.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 268, л. 101.

³ Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 441. Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 37.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 142; там же, л. 141, 144 и др.

ший эти сведения А. Л. Кун, особенно полагаться на приводимые данные не следует, потому что сборщики налогов «доставляют подати своим бекам и хан не имеет с них подробных сведений. Вычисленные данные доставлены ханскими мирзами, которые, конечно, не показали всего сполна»¹.

По официальным данным, хераджный сбор в Ферганской области в 1876 г. составил 1 020 333 руб., в 1877 г. — 937 986 в 1878 г. — 1 074 460 руб.²

Время и размер хераджного сбора в Кокандском ханстве не были строго определены. При сдаче хераджа на откуп деньги нередко брали вперед, в связи с чем и откупщики могли потребовать плату налога с непосредственных производителей в любое время. Управляющий местным населением Туркестанской области сообщал в 1865 г.: «Во время владычества кокандцев при взимании подати не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати»³. Беки и ханы могли произвольно определять размер налога, и «зьякетчи или саркар во что бы то ни стало обязаны были доставить требовавшуюся сумму»⁴. Все это вело к развитию ростовщичества. В архиве сохранился ряд долговых расписок, свидетельствующих о передаче права сбора налогов в руки ростовщиков. Все они однотипны и примерно следующей формы: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальству за общества денег — 800 тиллей, ныне они с согласия общества (пользуются) следующими хераджами с жителей»⁵.

¹ Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 25.

² «Туркестанские ведомости», 1881, № 43.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 113.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 779.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 142; там же, л. 141, 144 и др.

Поэтому с присоединением края к России несколько ростовщиков обратились к управляющему местным населением с просьбой о предоставлении им возможности собрать с населения долги. «Сборщики подати и хераджа с жителей деревень Курбан, Багустан, Сиджан-Наней, Бурчусала, Уч-Курган, Ушллау, Чинабат, Кош-Кызыл, квартала Сибзара г. Ташкента и Газалкина: Халмухаммед, Мухаммед-Керим, Мирзабий, Атажан, Мухаммед-Рауф, Куза, Ниязмухаммед и Мусагалий жалуются, что они при кокандском управлении кокандскому начальству внесли за общества впредь подать: 1-й Халмухаммед и Мухаммед-Керим — 126 тиллей, 2-й Мирзабий — 150 тиллей, 3-й Атажан — 60 тиллей, 4-й Мухаммед-Рауф — 36 тиллей, 5-й Куза — 21 1/2 тиллей, 6-й Ниязмухаммед — 50 тиллей и 7-й Мусагалий — 38 тиллей, а потому просят распоряжения его превосходительства о взыскании им с упомянутых жителей удовлетворения»¹.

С кочевых киргизов, которые наряду со скотоводством занимались и земледелием, херадж мог взыскиваться также скотом. По словам Радлова, кокандцы собирали у киргизов херадж по 3 овцы с гумна². Это подтверждает и Ч. Валиханов: «Херадж есть сбор хлеба, с десятины (*кирман*) берут по 3 барана»³. Налог с земледельческих культур — от каждого гумна по 3 барана, пишет М. Венюков, назывался также *харареля*⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 112.

² *Бартольд В. В.* Соч., т. I, ч. 1. стр. 535.

³ *Валиханов Ч. Ч.* Соч., т. 1, стр. 377.

⁴ *Венюков М.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб, 1868, стр. 158.

ТАНАП И ДРУГИЕ ВИДЫ НАЛОГОВ

С огородных и садовых культур налог брался в зависимости от занятой площади и назывался *танабана* (танап)¹. Первоначально он взимался натурой, но уже в последние годы ханства — в денежной форме и назывался поэтому еще *танап-пули*².

Танапные списки составлялись муфтиями один раз в три года. Заполнение танапных дефтеров проходило следующим образом. Предварительно бекство или серкерство делилось на участки, которые контролировали муфтии. В Маргеланском бекстве было 8 таких участков. На обязанности муфтия лежало определение в танапах земельной площади, занятой под сады и огороды. При муфтиях находились мирзы для записывания числа танапов по культурам³, и несколько человек для содействия муфтию при измерении танапов. По представлении муфтиями записей копии с них, скрепленные беками, выдавались серкерам, которые и собирали по ним танапную подать⁴.

¹ Назван по ед-е из-я земельной площади, в Фергане равной 1/6 га.

² *Вельяминов-Зернов В. В.* Сведения о Кокандском ханстве... стр. 119; *Пантусов Н. Н.* О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

³ В описи дефтеров Чимионского бекства имеются отдельные записи «О количестве танапа с Чимионского бекства» (1870), «О количестве земли под клевером в серкерствах Чимиона, Халь-Миана, Вуадиля и Кептерхана» (1871); «Запись о количестве земли, засеянной дынями и табаком» (1873) и др. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 36—37; См. также: *Пантусов Н. Н.* О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16; *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, т. II., приложение, стр. 53.

В архиве кокандских ханов сохранилось около 10 тананых списков, большинство из которых относится к Маргеланскому бекству. В некоторых из них упоминаются лица, участвовавшие в составлении дефтеров. Так, в списке района Минг-Тепе-Ош Маргеланского бекства на обороте свитка написано: «Мулла Хаким Ходжа муфти, Исам аддин юзбаши, Юсуф юзбаши и Ахунд Баба сделали обмер танапам»¹. Ряд тананых дефтеров первых лет деятельности русской администрации хранится в фонде Ферганского областного правления. Они с достаточным основанием могут быть привлечены для характеристики тананного обложения накануне вхождения Киргизии в состав России, так как списки составлялись по принципу, перенятому у ханских сборщиков². Так, начальник Ошского уезда, представляя военному губернатору Ферганской области ведомость о количестве тананов в уезде с показанием цифры денег, взимаемых с каждого танапа, доносил, что «подать эта в таком же размере взималась с населения при бывших ханах и осталась неизменною в настоящем году»³.

Для наглядности формы подобных списков приведем выдержку из свода тананых записей по Наманганскому уезду за 1876 г.⁴

Как видно из дефтеров, подать с винограда составляла 2 руб. с танапа, с клевера — 1 руб., с фруктовых деревьев —

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... стр. 203.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22513, л. 4.

³ Там же, л. 42.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 329, оп. 1, д. 2-а, л. 1—2, 5—7.

2 руб., с не фруктовых — 50 коп. Приведенные расценки полностью соответствуют сведениям Н. Н. Пантусова¹.

Кишлак	Виноград		Клевер	
	количество танапов	подать, руб.	количество танапов	подать, руб.
Киргиз-курган	26	52	41	41
Кичик-Таш-Булак	20	41	325	325
Катта-Таш-Булак	20	40	221	221
Наукент	24	48	69	69
Янги-Курган	56	112	132	132
Яр-тепе	76	152	59	59
Курома	6	12	42	42
Хан-Абад	79	158	515	515
Кипчакские курганчи	4	8	186	186
Кара-Тепе	14	28	85	85

Танапный налог приносил довольно большой доход государству. В последние годы в ханскую казну поступало с Ошского бекства 6 тыс. тилла, с Аравана — 500, Науката — 800, всего по Кокандскому ханству — 131 672 тилла², т. е. около 500 000 руб. Цифру в «50 000 червонцев» приводит и А. П. Хорошхин³. По официальным данным туркестанской администрации, в Ферганской области танапа собрали

¹ См.: *Пантусов Н. Н.* О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

² *Кун А. Л.* Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 441.

³ *Хорошхин А. П.* Заметки о Коканде. «Туркестанский сборник», № 23, стр. 187.

в 1876 г. 240 679 руб., в 1877 г. — 257 181, в 1878 г. — 238 509 руб.¹

Кроме рассмотренных основных налогов, в Кокандском ханстве существовало множество других, в той или иной мере связанных или не связанных с пользованием земельными угодьями налогов и повинностей. «Собирали со всего, с чего было возможно, — писал А. Миддендорф. — Были обложены сбором: камыш, хворост, колючки. Наконец, установили налог на право пользования водой каналов, проведенных трудами того же населения, с которого взимали этот налог².

Налогом на топливо — *панджйак* — облагались все земли, как находящиеся в ведении казны, так и частновладельческие, на которых имелись заросли колючки — *янтака*. Панджйак взыскивался натурой или деньгами, иногда даже скотом, коврами и т. д.

Материалы архива кокандских ханов дают довольно подробный материал о налоге панджйак³. Население могло собирать топливо лишь с разрешения и в присутствии ханских чиновников, устанавливающих размеры податей. Так, если размеры панджйака с местности Лаклак-хана выражались постоянно в 730 арбах топлива, то когда Мулла Иш Мухаммед увеличил этот налог еще на 500 арб, жители вынуждены были согласиться и с этим⁴.

Когда чиновник своевременно не являлся, то населению грозила участь остаться без топлива, и оно вынуждено было

¹ «Туркестанские ведомости», 1881, № 42.

² Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... стр. 208.

³ См.: Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук... стр. 141—146.

⁴ Там же, стр. 141—142.

писать хану челобитные, кланяться серкеру или курукчи, давать взятки и всячески унижаться¹.

При обложении панджйаком определялось общее количество арб с данной местности, затем производилась раскладка по селениям, а внутри селений — по хозяйствам. Курукчи вели подробные записи, которые затем хранились в ханской канцелярии.

Панджйак приносил довольно большую прибыль ханской казне. Только в одном из ханских донесений приводятся, например, следующие сведения о собранных деньгах по панджйаку: «Иш Мухаммед — 6 000 танга, Ата Назар — 2 000 танга, Сахир Берди — 900 танга, Артук-бай — 4 500 танга, Мухаммед Разин — 3 000 танга, Мулла Мухаммед Али — 1 600 танга, Таш Мухаммед — 800 танга»².

О существовании в отдельных районах особой платы за воду — *хаки-оби* (*суу-пулу*) говорят многочисленные архивные документы. Трудно судить о конкретных размерах этого налога, но уже одно то, что в документах он фигурирует под различными названиями — *галат*, *херадж*, *малуджахат*, *аваризат*, *ихраджат*³, говорит о его распространенности и неразрывной связи с другими поземельными налогами.

Налог уляу-пули взыскивался с каждого хозяйства на военные расходы⁴. В период крупных военных действий кокандцев с каждого рода киргизов, смотря по его

¹ См.: Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук... стр. 142.

² Там же, стр. 144.

³ Материалы по истории Ура-Тюбе. Сб. актов XVII—XIX вв. Составление, перевод, предисловие А. Мухтарова. М., 1963, стр. 9.

⁴ Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости, 1876, № 17.

численности и богатству, взыскивалось сверх зякета от 500 до 1000 тилла¹.

После бегства Худояр-хана сторонники возведения на престол нового хана Абду-Керима, видную роль у которых играли киргизские феодалы Омарбек-дадха, Абдуллабек, Хасанбек и др., направили киргизам родов сары-тейит, найман, кипчак послание, в котором повелевали «всем родам уплатить зякет согласно шариату для расхода на газат (священную войну) и приказывали немедленно выслать «кыл-куйрук» (ополчение)»².

Бурдаки-зякет взымался с баранов, откармливаемых для зимнего убоя в размере 2,5% их оценочной стоимости³.

Хансалык — денежный сбор с каждого двора⁴. Иногда он назывался *тютун-пули*⁵, *хана-пули*⁶, *уй-пули*, *дудий*, *уй-ина*⁷. *Хансалык* взыскивался только в экстренных случаях, в зависимости от состояния хозяйства — от 20 коп. до 1 руб. 80 коп.⁸

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 8, л. 12. О тер-х «кыл-куйрук» и «кый-куйрук» см.: *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов... стр. 104. Автор пишет, что первый термин известен как «народное ополчение», а второй — «имеет значение отказа от пред-я хану народного ополчения».

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 28 — 29, 43.

⁴ «Туркестанские ведомости», 1871, № 9.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

⁶ *Джуванмардиев А.* К земельно-водным от-м в Фергане... стр. 9.

⁷ *Пантусов Н. Н.* Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости», 1876, № 17; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

Тарикана — сборы за разделы наследства в размере 1/40 стоимости имущества (если он проводился не по духовному завещанию)¹.

Неурегулированная феодальная повинность *никахана* в последние годы Кокандского ханства обрела форму государственного налога, берущегося с девушки, вступающей в брак, в размере 10 танга, а с вдовы — 5 танга².

Специальными грамотами ханы могли жаловать отдельным лицам как налоги, так и подати. В 1284 (1867— 1868) г. Худояр-хан выдал грамоту потомку Тюрю-ходжа Ишану Ходжа Калянуну о праве на доход с земель по арыку Ябу в местности Асаке. И, кроме того, указал, что «все пользующиеся водой арыка Ябу должны уплачивать этим ходжам *никахану* и *тарикану*»³, т. е., помимо налогов с земель, ханы передавали этим потомкам сеидов и право на сбор *никаханы* и *тариканы*.

Наряду с перечисленными, было распространено множество других сборов и повинностей. Кроме основных, уже нами рассмотренных, современники называли еще следующие: *теги-джай* — сборы за торговое место, базарный доход; *луката* — вымороченное имущество; *таразы* — за весы; *кеми-пули* — за переправу; *тамеки-пули* — за табачные плантации; *намак-пули* — пошлина за вывоз солей с копий. Нововведениями Худояр-хана были: *херадж-ати* —

¹ Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости, 1876, № 17; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 162, л. 72.

² Там же. Никахана и тарикана в Кокандском ханстве были в ведении не у казиев, как в других, среднеазиатских ханствах, а у государства. См.: Троицкая А. Л. Сагира... стр. 278.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34710, л. 2 (1).

херадж с кочевников; *карагай-пули* — за вывоз леса с гор на базар; *дыляль-пули* — маклерские за куплю и продажу на базаре; *кок-пули* — за луга; *суу-пули* — за воду, проведенную с гор арыками¹.

В последние годы существования Кокандского ханства налоговая система была так изоциренно развита, что, по меткому определению А. Л. Куна, «оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего»².

Налоги в Киргизии первой половины и третьей четверти XIX в. имели, главным образом, вид натуральных сборов, но с середины века, как уже отмечалось, ханы все чаще обращаются к денежной их форме. Однако все еще продолжает существовать наиболее примитивная форма ренты — трудовая — *ашар*, *мердекори* — которая выступает уже как повинность, главным образом, по сооружению и поддержанию государственных оросительных магистралей, возведению крепостных стен и дорог, изготовлению кирпича, сбору топлива и т. д.

Приведем только один пример. Осенью 1870 г. Худоярхан сам выехал в Шарыхан «чтобы провести новый арык для пользы народа», — как писал К. В. Струве — русский посланник в Коканде. Арык начинался к северу от Андижана из р. Сыр. На его строительство съехались почти все беки «с довольно многочисленными контингентами мердекеров (работников) для производства земляных работ»³. Сам Худоярхан говорил Струве: «Этот арык, который на

¹ ЦГА Узб. ССР, ф.и. 715, оп. 1, д. 64, док. 398, л. 59—60.

² Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 439.

³ Посольство в Кокан. «Туркестанские ведомости», 1870, № 16.

долгое время передаст мое имя благородному потомству, сооружен соединенными силами всего кокандского народа, благодаря мирным отношениям наших последних годов с Россией»¹.

Безвозмездный труд на государственных работах в ханстве использовался в широких масштабах. Рабочие сгонялись со всех концов. В случае отказа от работ, неявок, виновных наказывали палками, иногда даже забивали насмерть, могли живыми зарывать в землю².

НАЛОГОВЫЙ ИММУНИТЕТ ФЕОДАЛОВ

Поскольку верховным собственником земли в Кокандском ханстве выступало государство, то рента целиком и должна была бы присваиваться государством, вноситься в казну. Но государство выступало как орган феодалов во главе с ханом, и рента соответственным образом распределялась между представителями правящего класса. Конкретное подтверждение этому — сохранение института тарханства, наличие всевозможных льгот и привилегий у феодалов как кочевых, так и оседлых народов Киргизии первой половины XIX в.

В восточном средневековье лица, имевшие тарханные грамоты, освобождались от уплаты в казну всех податей и повинностей, не делили с правителями добычи, захваченной на войне, не привлекались к ответственности за совершенные ими преступления, т. е. фактически были совершенно независимыми. В Кокандском ханстве наличие тарханной

¹ Посольство в Кокан. «Туркестанские ведомости», 1870, № 16.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 111.

грамоты означало лишь полное или частичное освобождение от налогов. Списки лиц, освобожденных от налогов — *дефтери-тархани*, имеющиеся в архиве кокандских ханов, наглядно свидетельствуют, что правом налогового иммунитета пользовались только феодалы, оно не распространялось на непосредственных производителей — крестьян.

Освобождая феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства, верховный собственник земли. Нередко хан уступал ренту феодалу не целиком, а лишь какую-то ее часть, обычно в качестве компенсации за услуги, примерную службу, в результате продажи. В таком случае часть ренты продолжало получать государство в виде налогов, а часть присваивалась феодалами. А это, в свою очередь, влекло к усилению гнета непосредственного производителя и еще большему увеличению ренты в пользу феодала за счет кабальных условий сдачи земли в аренду и т. д.

В результате, наряду с основной, централизованной формой ренты, возникает и децентрализованная рента — уступление государством (продажей, дарением, пожалованием) феодалу права на часть или на всю ренту. Соотношение между рентой государству (налогом) и долей ренты в пользу землевладельца определялось видами землевладения и условиями землепользования, наличием у феодала полного или частичного налогового иммунитета. С амляковых земель рента полностью присваивалась государством, а с частновладельческих, общинных и вакфных — частично уступалась государством землевладельцу.

Обеление владений феодалов санкционировалось специальными правительственными грамотами *инойт-наме*, *мубарак-наме*, *патта*.

Освобожденные от налогов феодальные владения, определяемые в вакф, и пожертвования ханов обычно не облагались податью. Но так как налоговый иммунитет сохранялся лишь в годы правления данного хана, владельцы крупных вакфов старались заручиться обелительными грамотами каждого правителя. Вакфное учреждение Ша Рахматуллы Ишана имело грамоты от многих ханов на все свои земли без определения их границ и размеров, что потворствовало всевозможным злоупотреблениям вакфовладельцев. Например, в одной из грамот сказано: «От Сеид Султана Мухаммед-хана. Да будет известно всем сеидам, ишанам, должностным лицам, хакимам, что я из уважения к Ишану Ша Рахматулле освобождаю все его земли от всяких повинностей, так что никто не вправе как от него лично, так и от хлебопашцев его требовать каких бы то ни было податей. Никто из смертных не должен навещать поспевший хлеб для взимания хераджа, салов его и других вакфов, не подлежащих обложению пошлиной. Распоряжением этим должны руководствоваться раз навсегда, не требуя от Ишана других дипломов. В 1280 г. хиджры»¹. Используя такую грамоту, Ишан Ша Рахматулла мог покупать или другим путем присоединять земли к своему вакфу, которые тем самым механически освобождались от налогов.

В 1279 (1862—1863) г. Шахрух-ханом был выдан документ на имя Ша Рахматуллы с указанием селений и местностей вакфа:

«Да будет известно всему духовенству, казиям, должностным лицам и жителям селений: Чемиона, Вуадиля, Паласана, Паулгана, Яны-Кургана, Джурака, Китхана, Зильча

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 38.

и Ляйляк-хана, что из уважения к ишану...» и т. д., что налоги с упомянутых селений должны идти в пользу духовных учреждений Ша Рахматуллы Ишана. В каждом отдельном селении налог собирался имевшимся там сборщиком или аксакалом, а потом должен был сдаваться ишанскому посланцу. Среди перечисленных налогов были: «херадж, танап, зякет, никохана, тарикана и деньги с танапов дыни». «...Все начальствующие лица, аксакалы и другие лица, до кого это касается, не утаивая ничего, должны отдавать вышесказанные доходы поставленному ишаном человеку, не сопротивляясь воле ишана, которому оказывать должное уважение»¹.

Таким образом, население вакфных кишлаков попадало в налоговый отношении в зависимое положение к Ишану. Возможно, в связи с упоминанием зякета и кочевое население сдавало налог Ша Рахматулле, а может быть, этот зякет был лишь налогом с торговцев. Зависимость вакфных крестьян в этом случае выражалась лишь экономически — в выплате налогов «человеку Ишана», но через «своего» аксакала или сборщика. Фактически таким крестьянам было безразлично, в чью пользу идет собираемый с них налог: государству - казне или Ишану. Именно поэтому непосредственной власти над личностью зависимых в налоговом отношении крестьян Ишан, видимо, не имел. В какой-то степени это подтверждается тем, что, когда потребовался ремонт вакфной мельницы, Ишан вынужден был для привлечения к работам крестьян составить специальный ханский документ следующего содержания. Ярлык Шахрух-хана от 1279 (1862—1863) г.: «Да будет известно Алты-Арыкской

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 33.

местности, духовенству, аксакалам и другим, что в местности Копчигаи есть одна вакфная мельница Ша Рахматуллы Ишана, принадлежащая к вакфной ханаке, которую вы обязываетесь отремонтировать на свои средства... Повеление это исполнить беспрекословно»¹.

Возможно, правда, что в окрестностях мельницы не было вакфных селений или земель (что мало вероятно), возможно, документ адресовался кочевым киргизам. Однако пока на эти вопросы трудно ответить.

Наиболее общую тарханную грамоту на освобождение земель Ишана от всех налогов вторично выдал в 1280 (1863—1864) г. Сеид Султан: «Да будет известно всем сеидам, ишанам, должностным лицам, хакимам, что я из уважения к ишану Ша Рахматулле освобождаю все его земли от всяких повинностей, так что никто не властен как от него лично, так и от хлебопашцев его требовать каких бы то ни было податей»². Этот документ давал почти безграничную возможность увеличивать землевладения Ша Рахматуллы, к чему, кстати, он и стремился.

В кокандский период вакфы могли освобождаться от налогов как «на вечные времена», так и на один год, хотя все равно каждый новый год, тем более со сменой ханов, требовались новые грамоты или подтверждение старой. В связи с этим в отдельных документах нередко можно встретить строки: «Приказано всем, чтобы податей не взыскивать и *ежегодно* на это особых грамот не требовать», — сказано в грамоте Худоярхана «об освобождении от всяких податей

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 33.

² Там же, л. 34.

хераджной, танапной, никахана, харбуза-пули вакуфных двух вод Сандалия-ходжи в местности Батыр-Абад»¹.

Правда, некоторые вакфы пользовались налоговым иммунитетом и без соответствующих грамот, но как только возникала угроза, что местные чиновники могут начать претендовать на налог с вакфов, представители вакфных учреждений обращались непосредственно к ханам за обелительными грамотами. Так, при жизни влиятельного кипчакого феодала Хотамкула, помощника хакима (правителя) Андижанского вилайета, не мог быть даже поставлен вопрос о налогах с его вакфа в кишлаке Сузак (ввиду высокого служебного положения вакфовладельца). Но возможность налогообложения стала реальной, когда запашка возросла, а Хотамкул был убит. Тогда от медресе к Худояр-хану были направлены выборные почетные старики селения с просьбой освободить вакфную землю от податей, и хан выдал обелительную грамоту иноят-наме².

Установившееся в литературе мнение, что все вакфы не облагались налогами, не подтверждается нашими материалами. Практически только часть вакфов пользовалась налоговым иммунитетом (*ак-вакф*), хотя не на все из них имелись соответствующие ханские грамоты. Хан мог и не освободить обеленный предшественником вакф от податей в казну. Так, заняв вторично престол³, Худояр-хан тут же приказал, например, собирать налог с вакфных земель Алимкула, своего

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34227, л. 4 (14).

² Там же, д. 34194, л. 11—12.

³ Худояр-хан дважды изгонялся своими соперниками: в 1858 г. родным братом Малля-ханом (1858—1862 гг.), в 1863 г. феодалами, посадившими на престол малолетнего Сеид-Мухаммед-хана (1863—1866 гг.).

политического противника¹. Алимкул, став регентом при Сеид Мухаммед-хане, в свою очередь обложил налогом кишлак Тар-Булак, пожертвованный перед этим Худояр-ханом в вакф медресе и ханаке Маргуф-хан Тюря-шейх-уль-ислама². Облагавшиеся вакфы назывались черными (*кара-вакф*).

Некоторые вакфы не полностью облагались налогами (*вакф-кадресе*). Часть урожая с таких вакфов (обычно 1/10) собиралась в государственную казну, а часть шла в виде доходов религиозному учреждению. Таким вакфам в Кокандском ханстве был кишлак Яр-Мазар, жители которого «оплачивали в вакф доход только 1/10 часть хераджа». Он, как доносил позже начальник Маргеланского уезда, «принадлежит к разряду так называемых кадресе, половина доходов с которого идет в вакф, а половина в казну». По сведениям начальника уезда в Ферганской области, таких вакфов было немало³.

Налоговым иммунитетом и правом на ренту пользовались не только феодалы, владевшие орошаемыми земельными массивами, но и феодалы кочевого населения. В частности,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34364, л. 2, 5, 14, 15.

² Из рапорта начальника Наманганского уезда военному губернатору Ферганской области. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22509, л. 33. По другим сведениям, вакф был обложен налогами по распоряжению самого Худояр-хана, недовольного одним из потомков Тюри-Ходжи. Показания жителей селения Таш-Булак поземельно-податной комиссии. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34730, л. 17.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22770, л. 1—3.

семейство дадхи Сарымсака из киргизского рода багыш в кокандский период было официально освобождено от налогов¹.

Обеление частных вакфных владений, освобождение от налогов феодалов означало, что государство полностью переуступило право на ренту феодалу. В ханском приказе (*фирмен-и али*) от 1253 (1837—1838) г. сказано, что хан обеляет владение Ишана Накиба, в связи с чем его крестьяне освобождаются от государственных налогов: «В местности Дах-Манора двадцати одного чайрикера убежище сеидского достоинства Ишана Накиба мы освободили от всех личных и официальных обложений»². В этом смысле следует рассматривать и пожалование ханом в 1839 г. нескольких киргизских семей в районе Ура-Тюбе частному лицу: «Из (местности) Туби (?) пять киргизских семей (и) еще шесть других таких же семейств отсюда нами милостиво пожалованы убежищу сеидского достоинства Турахан-накибу. Не имейте (к ним) никакого касательства»³.

Следовательно, все налоги непосредственные производители теперь в виде ренты должны были выплачивать не государству, а феодалам.

Такие документы пестрят неоднократными напоминаниями о необходимости прилежного несения феодальных повинностей и выплаты ренты в пользу феодалов. «Необходимо, чтобы земледельцы (*корандахо*) доставляли (кази Абулхайру) плату за упомянутые воды и не противоречили»⁴; «каждый,

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

² Материалы по истории Ура-Тюбе... док. 40.

³ Там же, док. 41.

⁴ Материалы по истории Ура-Тюбе, док. 5.

кто на правах земледельца (*ба расми корандаги*) орошает упомянутыми водами посевы, пусть платит за это согласно правилу»¹. В ханском указе от 1246 (1830—1831) г. о пожаловании кишлака Кизил-Пилол Турахану-Чархи и Зибапари-хафизу старосты кишлака обязывались «быть ответственны (за поступление) своего хераджа в зерне в установленных размерах» в пользу упомянутых феодалов².

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КРЕСТЬЯН МЕСТНОЙ ФЕОДАЛЬНО-РОДОВОЙ ЗНАТЮ

С середины XIX в. все большее распространение получает издольная форма эксплуатации, основанная на арендных сделках. Феодалы-землевладельцы предпочитали уже не раздавать свои земли в наделы-чеки дехканам в наследственное пользование, а сдавать их в краткосрочную аренду или сразу непосредственным производителям, или, чаще, через откупщика-посредника. Аренда закреплялась письменными документами, скрепленными казиями в присутствии нескольких свидетелей. Земли феодалами сдавались в аренду обычно в конце каждого года при условии выплаты больших задатков, а иногда полной арендной платы вперед за целый год³.

Арендные сделки уже с непосредственным производителем схематично выражались в следующем соотношении: земля, семена, рабочий скот, орудия производства, личный

¹ Материалы по истории Ура-Тюбе, док. 8.

² Там же, док. 36.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 74.

труд. Стоимость каждого из этих компонентов земледелия оценивалась в равной мере — $1/5$ часть урожая¹. Чем больше компонентов требовалось издольщику, тем большую долю урожая он должен был отдать в виде арендной платы. Так, если издольщик арендовал лишь землю, то выплачивал $1/5$ часть урожая, арендовал землю и зерно — $2/5$, землю, зерно и скот — $3/5$. Если же он вкладывал лишь свой труд в обработку земли, то получал обыкновенно $1/5$ долю с урожая. Все расходы по удобрению, если таковые вносились, и государственные подати несли в равной мере издольщик и землевладелец. Налог государству взимался до распределения доходов между феодалом и арендатором².

В отдельных районах нередко только за право пользования землей издольщик вынужден был платить от $1/4$ до половины урожая, как было, например, в районах Оша³. Издольщик, получавший от землевладельца только участок и выплачивавший от $1/5$ до $1/2$ урожая за пользование землей, назывался *нимкора* (или *тинк-шарик*)⁴.

Вакфные земли медресе Мовляви в Наманганском уезде сдавались в аренду «только на 1 год за $1/4$ урожая»⁵. За половину урожая сдавался вакфный участок в $1/4$ танапа мутавалием вакфа мечети Кыргыз-бай в Ошском уезде⁶. Вакфные земли медресе и мечети Хазрет Магаз-Джабаля

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 37—38.

² Там же, л. 48, 58—59.

³ Там же, л. 58—59; д. 22507, л. 54—68.

⁴ *Наливкин В.* Положение вакуфного дела... стр. 16.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 23120, л. 5.

⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 60.

в Нижнем Уч-Кургане Маргеланского уезда, по протоколу опроса мутаваля, обрабатывались по договоренности с издольщиком на условиях: «семена, скот, пища и одежда чайрикера, а с урожая он получает $\frac{3}{5}$, а $\frac{2}{5}$ идет в пользу мазара и медресе Хазрет Магаз-Джабаля»¹.

Одиннадцать киргизов и два узбека, имевшие свои небольшие земельные участки в Базар-Курганской волости, уже в первые годы после присоединения Ферганы к России арендовали 202 танапа (из 1 200 танапов) у муллы Ишанхана ходжи Ишанова с условием выплаты владельцу $\frac{1}{5}$ части урожая². Казенные земли в Маргеланском вилайете в ханское время сдавались в аренду дехканам на условиях выплаты $\frac{1}{3}$ части урожая³.

О натуральных размерах арендной платы и доходах феодалов дают представление материалы Ошского уездного правления в первые годы после вхождения Киргизии в состав России.

Мечеть Мадали-Суфи, например, свои 50 танапов земли сдавала за 30 чарьяков зерна, мечеть Мулла-Мат-Юсуфа в Халфа-кишлаке — 12 танапов земли за 2 чарьяка зерна в год. Медресе Пиратбая в кишлаке Булакбаши 1 500 танапов земли и 21 торговую лавку сдавало в аренду не только за натуральную, но и денежную оплату. Медресе имело дохода 228 руб. и 20 чарьяков продуктами⁴.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 34736, л. 26.

² Там же, д. 23481, л. 40.

³ Там же, д. 22518, л. 12.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 34736, д. 22507, л. 54—67.

В последние годы ханства натуральная плата за право пользования землей все чаще уступает место денежной ренте, которая являлась простым изменением формы натуральной ренты. Так, из 300 танапов земли, отобранной в 1871 г. Худояр-ханом у 24 балыкчинских жителей, 250 танапов сдавалось в краткосрочную аренду по 40 коп. с каждого танапа сверх хераджной подати в 1/5 часть¹.

34 танапа вакфной земли и 71 торговая лавка медресе Алымбека-дадхи приносили доход на сумму 319 руб. Кроме того, постоянные арендаторы (*чекчи*, *каранда*) кишлака Чинабад (точнее, Алымбек-чек) выплачивали медресе за право пользования землей еще 437 руб.² Мечеть Кыргыз-Алыбая сдавала свои 5,5 танапов земли за 15 руб. в год. Медресе Джамии, как видно из донесения начальника Маргеланского уезда, имело с вакфных земель кишлака Таш-Тепе 400 чарьяков пшеницы, 600 — джугары и сверх всего 100 тилла деньгами. Вакфное учреждение предпочитало собирать ренту деньгами, а так как ее брали до снятия урожая, то чарьяк пшеницы оценивался в 1 руб. 50 коп., чарьяк джугары — 1 руб. Таким образом, весь доход медресе за счет кабальных условий аренды значительно возрос и в совокупности с другими источниками прибыли составлял 1 580 руб.³

В ханское время земли и лавки, принадлежавшие только медресе и мечетям на территории Ошского уезда, приносили своим владельцам доход, как и в 1877 г., на сумму около 3 тыс. руб.⁴

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22504, л. 49.

² Там же, л. 50.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22511, л. 39.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54—67.

Однако следует отметить, что денежная аренда распространялась только в оседло-земледельческих районах, а среди кочевого киргизского населения юга Ферганской области она отсутствовала. Даже в начале XX в. статистиками было зафиксировано всего лишь 1—2 случая аренды земли за деньги во всем районе обследования¹.

Наиболее кабальные условия издольщины наблюдались в кочевых районах. Многие члены айльных обществ, писал начальник Наманганского уезда вскоре после присоединения Кокандского ханства к России, «не имеют ни скота, не пользуются землей самостоятельно, а обрабатывают часто ее из доли у своих одноаульцев», обычно отдавая от половины до 2/3 урожая². Бедняки-джатаки, не имевшие скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, вынуждены были идти в услужение к баям, обрабатывая на издольных началах (*ортюк*) их участки. В связи с этим один из первых исследователей земельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев писал: «Трудно сказать, кому принадлежали земли по понятиям киргиз, бедному ли, берущему у богатого для обработки земли рабочий скот и семена и платящему за это 2/3 и 3/4 урожая, или богатому, который давал рабочий скот и семена, платил за труд рабочего 1/4 урожая и редко более»³.

В аренду сдавались не только обрабатываемые земли, но и пастбищные территории. Отдельные общины, владевшие

¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области... стр. 114.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1.

³ ЦГА Узб. ССР, ф.и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

пастбищами, могли сдавать их в аренду. В документе Маргеланского хакима от 1282 (1865—1866) г., определяющем право владения пастбищами в районе Науката за киргизским феодалом Шах Мирзой эшик-агаси, сказано, что прежде этими землями владел род Орвин из племени бору, но так как они «уже 20 лет эти местности не занимали и никому не сдавали в аренду», то потеряли на пастбища всякие права¹.

Чтобы сделать пастбища дополнительным источником дохода, Худояр-хан объявлял наиболее ценные из них «заповедными» (*курук*), за пользование которыми скотоводы должны были вносить арендную плату, в среднем по 4 танга с каждой сотни баранов.

В архиве кокандских ханов сохранилась форма отчета, по которой курукчи должны были отчитываться перед ханом за полученные деньги (за пастбища). «По ежегодному обычаю (кочевники) из некоторых обществ тюрок, кипчаков и киргизов прикочевали и поселились в тугае, чтобы пасти скот. По милости их величества государя своего и с согласия памянутых обществ я собрал с них деньги, взяв с них по 4 танга с каждой сотни баранов. Получилась такая-то сумма»².

В большинстве случаев в аренду сдавались зимние пастбища, в которых часто испытывался недостаток. Для получения разрешения на такие пастбища необходимо было первоначально подать челобитную, что неизбежно сопровождалось злоупотреблением чиновников, взятками. Это вызывало

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. 8.

² См.: *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук... стр. 144.

естественное недовольство и брожение среди кочевников, иногда переходящее в открытое неповиновение¹.

К трудовой повинности в форме ашара прибегали не только ханы, но и феодалы — их чиновники для проведения и расширения оросительной сети на своих землях. «Если он занимает сколько-нибудь значительное служебное положение, — указывал В. Наливкин, — если это, например, хаким вилайета, он без дальнейших разговоров сгоняет народ и заставляет его копать новый магистральный арык»². В результате земли, орошенные таким образом, становились владениями феодала. Кипчакский феодал Хотамкул-дадха, будучи батыр-башой Андижанского вилайета, скупил заброшенные земли в окрестностях кишлака Сузак, (куда приезжал часто по делам службы и нередко подолгу здесь жил)³, оформил их вакфом своему медресе. Затем «при помощи жителей селения Сузака, уширив и углубив арыки, проходящие через эту вакфную землю, тогда же роздал землю эту в чеки безземельным крестьянам»⁴.

Если феодал не мог по каким-либо причинам заставить крестьян нести трудовую повинность в свою пользу и «произвести явного и незаконного давления на народ», он также объявлял ашар, но в этом случае ашар уже выглядел в форме добровольной повинности. Этот феодал, как писал В. Наливкин, «по большей части прибегал к ашару, к помочи,

¹ См.: Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук... стр. 144.

² Наливкин В. Положение вакуфного дела... стр. 16.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 8, 15. Протоколы опроса поземельно-податным комиссаром Койшевским мутавалия медресе и жителей кишлака Сузак.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 11.

آجیلہ نسبتاً پیوستہ منہ بلفہ گوشتیہ وین یا نارال کو پیرناط کہستہ بیج ز یاوا پیادہ مستطاب
 بر سئدہ ایلیج بالادومن الم بیک قاشندہ بیکباؤ برلان بیز لکان اول اوغ یاوشان
 حضرت تار بیک حد حششا بیخشی کیم بولک برلان او زونکر سئدہ پار لغو نکر بو پینچہ بیاز
 لکان حد حشلو ایلیج کسشی لاری برلان کاشلوغ خار پنجه مخلوف برلان لکان اوم ایسکی
 قالا و طور غول لیکوس بز بیاز وسطا او شیدو صیلا . بیاز لکان کسشی لار سئدہ سئد
 آلدننا حتمہ پور طر سئدہ بیخشی بے لار جیلوب حاشلر نی اوقوب حرمیت صیلا
 نکر نی ہم حد حشلو او د صلا رو نکر نی کورد ز یاوا حششا باق اولدق قاپی صیلا
 آلوب کیکلکان توران صیلا بالادومن ایسہ آمان بیوز نکر بو پانچ ز یاوا
 واضح بز سئدہ بالادومن آلوب توران بیخشی ایلیج بالادومن صیلا بیکلکان
 او چون بز سلا روان تو بن جیلک برلان تلاییز او زونکر روان حرمیت لار نکر
 حاشلا حشلی قاپی صیلا و صکارون طاقو بل بیز لکان حط صیلا حشلی
 کبوسب ہم طامع لار و حشلی صلا لوب حاشلی نه صلوغ سئدہ تولیف طامع صیلا حشلی

۲۲۶
 ۲۴

حرمیت ایسہ لک رو نکر نی قلب حط طاب یا یاوا حشلی غول بالادومن حشلی

на которую жители ближайших селений и аулов приглашались в свободное от хозяйственных работ время»¹. Таким образом выполнялись совместные работы по ремонту общей оросительной сети земель кишлака. Ашары обычно устраивались весной, и на них посылались работники от каждого хозяйства, владевшего земельным участком. В ашаре должны были принимать участие все землевладельцы. Те, которые не являлись своевременно или вообще уклонялись, должны были платить недоимки, называвшиеся в соседнем Бухарском ханстве *боксы*².

Пользование оросительной водой, как и проводимые работы, должно было быть всеобщим. Но, во-первых, не все киргизские хозяйства обрабатывали свои участки; во-вторых, участок бедняка не мог идти ни в какое сравнение с размерами участка бая, который, захватывая землю в верховьях арыка, имел возможность регулировать проведение поливов; в-третьих, богатый мог откупиться от работ, оплатив боксу, нанять вместо себя поденщика или вообще уклониться от участия в работах. Доля труда, затраченная на ашаре, равномерно распределялась на всю орошаемую землю, следовательно и на земли феодала, не принимавшего непосредственного участия в работах и захватившего лучшие участки. Поэтому добавочный труд, затраченный рядовыми крестьянами на орошение площади, принадлежавшей феодалу, можно рассматривать, по существу, как форму отработочной ренты.

Однако необходимо отличать эксплуататорский, обязательный ашар, устраивавшийся по велению хана или

¹ *Наливкин В.* Положение вакуфного дела... стр. 16.

² *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодалные отношения... стр. 135.

феодала, от старого обычая добровольной взаимопомощи, к которому прибегали все жители селения. Если первый имел ярко выраженную форму отработочной ренты, то второй не являлся таковой, потому что мог устраиваться всеми слоями населения и проводился на добровольных началах.

Ашар типа взаимопомощи использовался при обработках пашен, заготовках сена, топлива, на стройках и т. д. Но с течением времени ашар стал исчезать, находя свое выражение в особой плате за труд — «либо в форме материальной, либо трудовой компенсации»¹. В пригородах этот процесс шел быстрее, в сельских земледельческих и высокогорных районах — задерживался. «Окучивание дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника, — писали супруги Наливкины о Фергане 80-х годов, — производится обыкновенно особыми рабочими — около городов поденщиками, а в кишлаках по большей части взаимной помощью (ашар)»².

Статистическое обследование кочевых районов Ферганской области второй половины XIX в. зафиксировало 27 742 хозяйства, занимавшихся в той или иной степени земледелием и заготовкой корма для скота, и только 967 хозяйств, прибегавших к помощи в обработке пашен и 347 хозяйств — при заготовке сена. Зато увеличивается количество хозяйств, использующих наемный труд. Например, из 8 875 хозяйств кочевых районов южной Ферганы 1 206 пользовались наемным трудом³. Несомненно, что наем-

¹ *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии... стр. 367.

² *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины... стр. 20.

³ Мат-лы по землеп-нию кочевого киргизского населения южной части... стр. 199; *Ильясов С. И.* Зем-е отношения в Киргизии... стр. 367.

ный труд в какой-то мере применялся и накануне вхождения Киргизии в состав России.

За лето на байских пашнях сезонный рабочий получал ничтожную плату — от 4 до 6 мешков зерна¹. Акад. А. Миддендорф, посетивший Фергану сразу после присоединения к России, подчеркивал, что богачи: манапы, баи из числа самих киргизов обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей, которые работают почти только за один хлеб².

Выделение богатых хозяйств и увеличение количества безземельных дехкан, пополнявших ряды батраков, сезонных и поденных рабочих, вели к зарождению и развитию отходничества. Этот процесс характерен в основном для конца XIX в., но своими истоками он, несомненно, уходит в более ранние времена и в какой-то мере имел место накануне вхождения Киргизии в состав России. Основную массу отходников составляли бесхозяйственные и малохозяйственные крестьяне, мизерные участки которых не обеспечивали прожиточный минимум³.

По донесениям начальника Ошского уезда, в начале 90-х годов громадное количество семей в уезде имело крошечные наделы в 2—3 танапа, которые «не обеспечивают владельцев их и вынуждают искать посторонних заработков»⁴. Превращение мелкого производителя в наемного рабочего, —

¹ Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III. СПб., 1874, стр. 389.

² Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... стр. 350.

³ Для обеспечения средней семьи в 5—6 человек, по подсчетам статистиков, было необходимо иметь не менее 12—18 танапов земли.

⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 47, 55.

указывал В. И. Ленин, — предполагает потерю им средств производства — земли, орудий труда, мастерской и пр. — т. е. его «обеднение», «разорение»¹.

В связи с малоземельем из Ферганы и южных районов Киргизии ежегодно уходило в отхожий промысел на полевые работы в Ташкент, Самарканд, на Сыр-Дарью, отчасти в Семиречье немало обездоленных, лишенных средств производства дехкан². Однако рабочая сила отходников не всегда становилась товаром. Чаще всего большинство из них вновь соединялось с землей на основе кабальной издольной аренды. Развитие зародышевых форм новых отношений задерживалось господством патриархально-феодалных отношений. Крайне незначительный удельный вес хозяйств с применением наемного труда в Киргизии накануне вхождения в состав России свидетельствовал об абсолютном преобладании старых производственных отношений и методов эксплуатации.

Патриархальные отношения, затушевывающие классовые противоречия, заставляли считаться с баем, который называл батрака сыном и требовал, чтобы батрак «не забывал съеденную им соль». В закабалении батрака большую роль также играла не только задолженность хозяину, но и задолженность хозяина батраку: бай систематически но отдавал батраку заработанного, и последний боялся покинуть бая и потерять свои деньги, так как письменно их отношения никак не оформлялись.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, стр. 25—26.

² По сообщению начальника Наманганского уезда, число отходников к концу XIX в. достигло 30 тыс. человек в год (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 91).

В хозяйстве баев, особенно в первой половине XIX в., можно было встретить и использование труда рабов-кулов. Однако рабство у киргизов не получило широкого распространения и носило патриархальный характер. Рабов использовали в домашнем хозяйстве в качестве пастухов. Иногда их женили, и тогда они становились не столько рабами, сколько батраками, работниками в хозяйстве баев. Как видно из сообщения казаха Кантая Бедегиева, он с товарищами в 1834 г. попал в плен к киргизам, но его раненый товарищ «скоро выходился, женился у них и никак остался и живет там поныне»¹.

Известен рассказ пленного кашмирца, бывшего рабом у киргизов в 50-х годах XIX в. Взятый в плен канжутами, он был продан в рабство киргизам. Его хозяин, как рассказывал пленный, «променял меня одному алайскому киргизу на верблюда. Я отправился с новым моим хозяином на Алай через Тагарму и Кызыл-Арт, где меня посылали пасти коров и овец. Становясь стар и слабее, правитель алайских киргизов Тимур, сын Ашнадыра, возвратил мне через 6 лет мою свободу и отослал с некоторыми из своего народа в Кашгар»².

Раб полностью, словно вещь, принадлежал своему хозяину. Рабовладелец мог наказывать его, продавать, выставить в качестве приза. Кул только по желанию хозяина мог быть отпущен на свободу³. В рабов превращали не только

¹ Архив ГО СССР в Ленинграде, ф. 75, оп. 1, д. 1, л. 1—18.

² *Гордон*. Путешествие на Памир. Перев. М. И. Венюкова, приложение к изв. РГО, т. 12, вып. 6. СПб., 1877, стр. 10.

³ *Загряжский Г. С.* Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах им присвоенных. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, 1876, стр. 154.

пленников, но и соплеменников, например, за большие преступления. В рабов обращали убийц или их родственников, не сумевших уплатить кун¹.

Однако в подвижном скотоводческом хозяйстве удержать кула силой было трудно. На отдаленных горных пастбищах раб всегда мог скрыться. Поэтому рабовладелец стремился как-то привязать его к своему хозяйству — женитьбой, наделением хозяйством. Кулов называли родственниками, молодых усыновляли. В этом проявлялся патриархальный характер рабства. Но рабы продолжали оставаться полной собственностью хозяев, распоряжавшихся их имуществом и жизнью².

Одной из форм феодальной эксплуатации, замаскированной патриархальными отношениями, являлось использование в хозяйстве баев труда обездоленных родственников, сирот. Собиратели материалов по казахскому обычному праву, во многом сходному с киргизским, так фиксируют этот процесс: «При большом хозяйстве, многочисленных стадах, киргизы не могут обходиться без рабочих. Часть их дают воспитанные при богатых аулах сироты и бедные родственники, поселившиеся у богатого человека и состоящие под его покровительством. Остальные же нанимаются из числа бедных лиц, не имеющих собственных средств для пропитания себя и семьи»³.

¹ *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреч. обл. стат. комитета на 1898 г. Верный, 1898, стр. 27.

² *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 133—141.

³ *Материалы по казахскому обычному праву...* стр. 274.

Но и став взрослыми, сироты не могли, например, по-рвать со своими «благодетелями», так как считались у них в долгу. Нередко хозяин женил своего батрака на какой-нибудь бедной сироте, жившей и работавшей в его семье. Он выделял молодым у себя во дворе каморку, где они и жили. Каждый работал на прежнем месте, ел вместе с остальными батраками. «Подобная женитьба батрака, — пишут советские этнографы, — давала баю много выгод. Она привязывала к его дому хорошего работника (уход от хозяина, женившего его, считался проявлением черной неблагодарности) и давала возможность сохранить даровую работницу»¹.

Основная масса кочевников, обладавшая хозяйственной самостоятельностью, также несла трудовую повинность в пользу феодалов: пасла скот и ухаживала за их хозяйством. Трудовая повинность обосновывалась тем, что феодал обладал правом распределять пастбища, имел боевую дружину и мог защитить интересы зависимой общины от внешних посягательств.

Местная феодально-родовая знать не нуждалась в юридическом закреплении привилегий. Она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное отношение и соответствующий ему способ производства, — писал К. Маркс о феодализме, — традиция должна играть решающую роль»². В какой-то мере это было

¹ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Тр. Ин-та истор. и археолог. АН Узб. ССР, вып. 6. Ташкент, 1955, стр. 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25. ч. II, стр. 356.

характерно и для киргизов. На старинных патриархальных обычаях зиждился *адат* — закон, определявший сферу правосознания. Требования адата соблюдались всеми членами киргизского общества не столько из-за боязни наказания, сколько вследствие общественного требования сохранять обычаи отцов (*ата-салты*)¹.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации. Подати и повинности, будучи для киргизской бедноты обязательными, иногда внешне выступали как добровольные. «Вообще, манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях, — отмечал, посетивший Киргизию в 1859 г., М. Венюков. — Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»².

Эксплуатация нередко маскировалась под патриархальную форму «родовой помощи». Обедневшим бесскотным или малоскотным хозяйствам феодалы предоставляли во временное пользование скот при условии возвращения его через определенное время с приплодом. Такой вид оказания «взаимопомощи» (*саан*) всегда был связан с обязательной работой бедняка на феодала. «Живущий с баем бедняк, — писали экономисты П. Погорельский и В. Батраков, — получающий право доить для себя несколько овец, ровно столько, чтобы

¹ *Абдылдаев М., Аманалиев Б.* Манапство и ислам. В кн.: Религия, свободомыслие, атеизм, стр. 34.

² *Венюков М.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны, Зап. РГО, кн. 4, от. 2, 1861, стр. 108.

не умереть с голода, вместе со своей семьей выполняет под руководством бая все работы по уходу за скотом. Сам он или его подростки пасут скот, собирают хворост, жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду, кипятит чай или помогает (в лучшем случае) во всех домашних работах женам бая»¹. Трудно согласиться с авторами, как справедливо отмечает К. У. Усенбаев², лишь в том, что саан есть проявление капиталистических отношений в кочевом хозяйстве киргизов³. Наделенные скотом бедняцкие хозяйства рассчитывались с собственником либо натурой, либо своим трудом, т. е. саан выступает здесь как феодальная натуральная и трудовая рента, сильно замаскированная патриархально-родовыми пережитками. Невыполнение бедняком обязанностей лишило его права на дальнейшее получение саана. В отдельных случаях бедняк мог даже привлекаться к ответственности⁴.

Ярко выраженный классовый характер носил и суд. В середине XIX в. в Киргизии основные судебные функции выполняли представители патриархально-феодальной знати, главным образом бии и казии. Суд биев основывался на *адате*, суд казиев — на *шариате*. Если первый имел распространение в основном в кочевых скотоводческих районах, то второй — в оседло-земледельческих.

¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана... стр. 78.

² Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 147.

³ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана... стр. 75.

⁴ Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 59.

Споры между аилами и родами рассматривались биями и родоправителями совместно. Давлетшин писал о характере суда у киргизов Куршаба: «Дела решаются по адату и при разборе... заседают и аульные аксакалы, с которыми судья советуется по существу дела и справляется относительно подобного же рода дел, бывших раньше и состоявшихся по ним решениям»¹. Апеллирующая сторона преподносила биям подарки — *тартуу*, которые рассматривались не как взятки, а как выражение покорности и уважения к суду. Недаром о дореволюционном суде говорилось в народе: «*Малын аябаган доо алат — кто имущества не пожалеет, тот тяжбу выиграет*»². Поэтому немалую статью доходов биев составляли всевозможные штрафы и вознаграждения за разрешение споров — *айып*, *бийлык*³. Айыпы большей частью были весьма значительны. Сами бии объясняли это тем, что «если не взыскивать айыпов, то преступления не уменьшатся, а, напротив, будут увеличиваться»⁴.

В основном в пользу феодалов шли также поземельные сборы *туякат*, *чоп*, *ооз*, взимаемые с каждого «чужеродца» — скотовладельца за пользование пастбищами или при прогоне скота через пастбищную территорию данного

¹ Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и степную область для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901, стр. 41.

² Киргизско-русский словарь, стр. 197.

³ *Айып* — штраф за преступление или личную обиду. Часто поступал биям за разрешение спора. *Бийлык* — вознаграждение биям за разбирательство. См.: Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве. «Туркестанские ведомости:», 1873, № 42; ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 772.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892, л. 772; ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 13—33.

общинно-родового объединения. «Если один род заходит на пастбище другого, то представители последнего получают с пришедших куробаши, т. е. с каждого табуна по одному барану», - говорится в обычном праве¹.

Одной из статей дохода феодалов служили различные подношения, известные под названием *союш*, *чыгым*, *салык*, *журтчулук*, *тарту*, кошумчи и др.²

Повинности, подати и приношения киргизским феодалам выступали в самой различной форме, и обычно не ограничивались ни сроком, ни размером, а нередко обуславливались только желаниями и прихотью феодалов. Некодифицированные и нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались довольно болезненной для хозяйства рядового кочевника своего рода нерегламентированной рентой.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что вынуждены были признать еще представители царской администрации. Командующий войсками Западно-Сибирского округа писал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»³.

Классовая борьба в киргизском патриархально-феодальном обществе нередко переплеталась с межродовой и национально-освободительной борьбой против Кокандского ханства. В межфеодальной родовой борьбе можно проследить

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... стр. 111.

² О них подробнее см.: Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов... стр. 42-149; Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России... стр. 60—64.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 903, д. 2, л. 2.

элементы классового протеста, когда бесправные роды выступали против феодалов господствующих родов. Одной из форм классового протеста являлись самовольная откочевка букары от «своих» феодалов, неуплата государственных налогов и податей, уклонение от несения феодальных повинностей. Классовая борьба носила стихийный характер, ей были присущи локальность и неорганизованность. Это объясняется слабым развитием производительных сил, живучестью патриархально-родовых пережитков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкретно-исторический анализ социально-экономических отношений в Южной Киргизии в 50 — 70-х годах XIX в., накануне вхождения в состав России, показывает, что в основе их были феодальные отношения, переплетенные множеством патриархально-родовых связей. Они образовали ту степень общественного развития, которая может быть охарактеризована как патриархально-феодальная.

Исследование патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии позволяет сделать следующие выводы.

Мы наблюдаем здесь не самостоятельную, качественно новую формацию, а феодальный способ производства со всеми специфическими особенностями, присущими большинству государств средневековой Средней Азии и сопредельных стран Ближнего Востока.

Основные черты экономики этого способа производства, степень его развитости определяются господством мелкого натурального кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого хозяйства, сравнительно низкой производительностью труда, патриархальной связью скотоводства, земледелия и ремесла, разнообразными категориями феодального землевладения, первостепенным значением внеэкономического принуждения непосредственного производителя, наличием всех трех видов феодальной земельной ренты. К специфическим особенностям феодального строя азиатских стран, имевшим место и в Киргизии, относятся: неограниченная власть хана, восточная деспотия, верховная собственность государства на все земли и совмещение в связи с этим ренты

и налога, приспособление феодально-чиновничьего аппарата к эксплуатации непосредственного производителя в основном через государство, широко распространенная пастбищно-кочевая и оседло-земледельческая общины. Право верховной собственности на землю за ханом не исключало в определенной мере и прав феодалов на эти земли. Во-первых, государство было органом феодалов; во-вторых, феодалы нередко обладали налоговым иммунитетом; в-третьих, выступая частными землевладельцами, феодалы использовали экономическое принуждение посредством сдачи земель в краткосрочную аренду; в-четвертых, феодально-родовая знать захватила и «освятила» обычаями право регулировать использование пастбищ.

В то же время здесь не было ярко выраженной частной земельной собственности (факты купли-продажи земельных участков еще не доказывают это). Отсутствовали крупные, помещичьего типа, хозяйства, основанные на барщинном труде. Зависимость непосредственных производителей-крестьян не вылилась в классически феодальную форму крепостничества. Соединение крупного феодального землевладения с мелким частно- и общиннокрестьянским землепользованием нашло свое выражение в широко распространенной надельной (чековой) форме землепользования.

Большую роль в социально-экономическом развитии Южной Киргизии играло сосуществование и близкое взаимодействие кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой культур. С одной стороны, оно стимулировало обмен между ними, с другой — тормозило внутреннее развитие, внутреннее разделение и специализацию труда. Господство в Кокандском ханстве в определенные периоды скотоводческих племен отнюдь не способствовало прогрессирующему

движению экономики, а, наоборот, обуславливало устойчивость в недрах феодальной формации патриархальных отношений. Сохранение родоплеменного деления киргизов, наличие общинного землевладения и землепользования указывает на патриархальный уклад хозяйства. Устойчивость общинного пастбищепользования вытекала из специфики хозяйства — экстенсивного кочевого скотоводства, при котором возникала необходимость коллективного использования пастбищ. Сохранение общин у оседлого населения объяснялось характером орошаемого земледелия, требовавшего широких общественных работ, коллективным использованием выгонов. Рассматриваемый строй, несмотря на родоплеменную структуру киргизского общества, был классовым, антагонистическим.

Централизованная форма феодальной ренты-налога в то же время не исключала и других методов эксплуатации. Внеэкономическое принуждение мелкого производителя государством через разветвленный чиновничий аппарат совмещалось с наличием экономических форм принуждения, выразившихся в расширении краткосрочной аренды, через посредство неэквивалентного обмена, систему откупов, ростовщичество и т. п.

Эксплуатация кочевого киргизского населения местной родоплеменной знатью носила отпечаток патриархальных отношений, маскировалась всевозможными видами оказания «родовой взаимопомощи». В полной мере использовался и фактор морального принуждения. Патриархальный уклад проявлялся в организации семейно-бытовой жизни, в обрядах, традициях, воззрениях.

Подытоживая основные положения работы, можно сделать вывод, что в Южной Киргизии 50—70-х годов при

господстве феодального строя сохранялся патриархально-общинный уклад, а политические, экономические и общественные отношения представляли собой в совокупности патриархально-феодальные отношения.

Публикуется по:

Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). — Фрунзе: Илим, 1968 г. — 67 стр.

**БАКФ
МЕДРЕСЕ
АЛЫМБЕКА**

В период Кокандского ханства на юге Киргизии расширились контакты между кочевыми и оседлыми жителями. Появились новые факторы сближения кочевого скотоводческого хозяйства с земледельческим. Под влиянием узбекского населения киргизские трудящиеся все чаще обращаются к земледелию. В то же время отдельные киргизские феодалы начинают играть все большую роль в общественной жизни государства и становятся крупными землевладельцами. Примером сосредоточения в одних руках крупного скотоводческого хозяйства на Алае и земледельческого в Ферганском оазисе является вакф киргизского феодала Алымбека-датхи, сына Хасанбекбиева.

Будучи придворным сановником, одним из влиятельнейших феодалов Кокандского ханства середины XIX в., Алымбек — предводитель алайских киргизов — располагал значительной властью и богатством. На Алае, служившем как бы его родовой вотчиной, была сосредоточена основная собственность Алымбека — скот. В Фергане он создает очаги земледельческого хозяйства. В г. Оше — ближайшем к Алаю крупном административном центре, Алымбек возводит на свои средства медресе — высшую мусульманскую школу, орошает земельный массив и оформляет его вакфом

своего медресе. Киргизский вакф XIX в. — явление не исключительное, но все же довольно редкое, едва получившее свое оформление. И хотя мы имеем несколько образцов киргизского вакфа, в целом они не характерны для кочевого скотоводческого хозяйства и во всех случаях связаны с земледелием.

Согласно мусульманскому законодательству, вакф — это пожертвование недвижимой собственности в пользу какого-либо мусульманского учреждения (медресе, мечети, кары-ханы и др.) или духовного лица. Теоретически вакф прежнему владельцу не возвращается, его нельзя отчуждать, продавать, нельзя нарушать условия пожертвования¹. На практике эти требования мусульманских канонов далеко не являлись столь неприкосновенными и в конечном итоге были приспособлены для закрепления за феодалами имущества, для охраны его от случайных покушений ханов и способствовали уклонению феодалов от налогообложения.

Несколько слов об Алымбеке. Алайский феодал из племени адыгене² (по другим сведениям — *мундуз*³) Алымбек, сохраняя за собой права на управление алайскими киргизами (и собственно — территорией), поднялся до придворного

¹ М. П. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Тр. III Международного съезда ориенталистов в С-Петербурге, 1876, т. 1. СПб., 1879—1880, стр. 17—23; И. Джалилов. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1960, стр. 12, 17—20.

² Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 422.

³ Мулла Ниязи-Мухаммед бен Ашур-Мухаммед. Тарих-и Шахрухи. (История, владетелей Ферганы). Изд. Н. Н. Пантусовым (на перс. яз.). Казань 1885, стр. 119; В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 353.

сановника, хакима Андижанского вилайета (округа) и начальника г. Коканда, визиря ханства. Активно участвуя в придворных интригах и переворотах, не раз возглавляя восстания алайских и тянь-шаньских киргизов против кокандских ханов, выступая предводителем ханских войск в их противоборстве с царскими войсками в Средней Азии, Алымбек был и в опале и в милости, знал взлеты и падения придворной карьеры.

Неустойчивость материального положения, конфискация имущества и вновь быстрое обогащение вынуждали феодалов приспособляться к существующим условиям и заручаться гарантиями в отношении своих богатств. Эта же задача стояла и перед Алымбеком. С одной стороны, определенное постоянство представляло его кочевое богатство — скот на Алае. С другой — нужно было обезопасить от превратностей судьбы недвижимое земельное имущество, наиболее часто подвергавшееся опасностям конфискации. И свое земельное богатство Алымбек решает закрепить за собой оформлением его в вакф-авлод — наследственный вакф, право распоряжения которым по завещанию оставляется им за потомками.

В конце 50-х годов на берегу р. Ак-Бура в г. Оше Алымбек строит медресе — одно из красивейших сооружений города, соперничавшее, по свидетельству современников, отделкой с ханским медресе. По словам нашего информатора — бывшего работника вакфного отдела г. Оша Д. Зайнабитдинова, медресе в целом представляло квадратное сооружение, размером 40X50 м при общей высоте 5 м. Фасад украшали два 15-метровых минарета. Внутри двора имелось четыре гумбеза, мечеть, айваны, которые в праздничные дни вмещали тысячи верующих. Поскольку медресе

располагалось на противоположной от центра города стороне реки, Алымбек построил через Ак-Буру большой висячий мост. Главным мударисом — духовным наставником медресе — был приглашен известный в свое время ученостью Хаджимат-алам¹.

Согласно архивным документам, медресе было построено из жженого кирпича и отличалось завидной прочностью. Состояло из дарс-ханы, ханаки, 28 келий, где проживало три мудариса и от 80 до 100 учеников-мулл².

К сожалению, документов-оригиналов о строительстве Алымбеком медресе в г. Оше, и учреждении вакфа нам пока разыскать не удалось. Насколько удалось выяснить по архивным источникам, вакфоучредительные документы Алымбека были в свое время переданы на рассмотрение в поземельно-податное отделение Ферганского областного правления, там они значились под номером 449 от 1901 г. В нашем распоряжении оказалось другое дело — из канцелярии туркестанского генерал-губернатора, озаглавленное «Дело по всеподданнейшему прошению муллы Хасан-Бек Алымбекова о восстановлении вакфных прав медресе «Алымбек-чек» в г. Оше, Ферганской области»³. Названное дело рассматривало законность учреждения вакфа. В нем в пересказе приведены и первые документы, служившие юридическим подтверждением прав медресе на вакф. Из дела видно следующее.

¹ Информация Д. Зайнабитдинова. Запись 20 июля 1962 г., г. Ош.

² ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 34947, л. 3; д. 33514, л. 14.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. И-1, оп. 12, д. 647, л. 3—6. Первоначально здесь в качестве приложения фигурировало и вакфное дело № 449 от 1901 г., но позже, сентября 1908 г., оно было вновь возвращено в Ферганское областное правление и где-то затерялось в бумагах.

В 1276 (1859) г. Алымбек пожертвовал в вакф своего медресе участок земли в 5 тыс. кошей (около 1660 десятин) в селе Чин-Абад. Исключением из пожертвования являлись дворовые участки с двумя танапами каждый. Они, как говорилось в вакф-наме, сразу представляли «неотъемлемую собственность их обитателей и должны были считаться свободными от всяких повинностей в пользу вакфного установления — медресе». В этом же вакфном документе упоминалось письменное заявление жителей пяти смежных селений о признании прав Алымбека на жертвуемую землю. Из вакф-наме неясен источник приобретения земель Алымбеком, поэтому поземельно-податная комиссия провела дополнительные дознания. Мутавалий Хасан-бек, сын Алымбека, сообщил, что его отец занял с разрешения хана пустующие земли, оросил их и заселил земледельцами с условием уплаты дохода в пользу медресе. Так было образовано селение Алымбек-чек. Освоенные земли были оформлены в вакф и оказались во владении медресе и в пользовании населения.

Алымбек и его наследники не ограничились оформлением в вакф одного земельного массива. В Ферганское областное правление было предъявлено еще три документа о присоединении к вакфу земель через куплю. Один из документов — от 1277 (1860) г. — содержал заявление семи жителей о том, что они передали Алымбеку право на свои земли за 500 злотых (тилла — ?), после чего земля перешла в вакф.

В данной купчей имеется интересное сообщение, что после получения денег с Алымбека жители «от возбужденного было иска отказались, что подобного рода иск с их стороны и впредь не должен выслушиваться». Другой документ — о 1280 (1863) г. свидетельствовал о продаже 27 жителям

старшему сыну Алымбека — Джаркинбаю — половины описанного в документе участка их земли за 25 золотых (тилла — ?). Третий документ — от 1281 (1864) г. говорил о продаже девятью жителями участка земли в Чин-Абаде, смежного с вакфом Алымбека, управителю вакфа — мутавалию медресе за 2 золотых и 2 халата.

Все названные документы свидетельствовали лишь о пожертвовании в вакф медресе Алымбека земель или орошенных, или купленных феодалом. Специальной ханской обелительной грамоты в поземельно-податную комиссию представлено не было. Это, правда, еще не говорит о том, что ее не было вообще. Но даже и при отсутствии такой грамоты доход с земель, по всей вероятности, полностью поступал распоряжение вакфного учреждения медресе. Он выражался в обыкновенной величине налога — пятая часть с урожая. Именно лишение этой доли медресе после поземельно-податного обследования и сбор налога за 1898 г. в казну вызвал жалобы и прошения мутавалия Хасанбека Алымбекова, которые и явились причиной создания дела.

Итак, из названных документов видно, что Алымбек, проведя магистральный канал, раздает землю мелкими наделами (в «чеки») населению с условием исполнения налоговых повинностей в пользу вакфа¹. Судя по всему, от податей первоначально в чековом хозяйстве был освобожден только дворовый (приусадебный) участок в 2 танапа. Надо полагать, эти необлагаемые участки от каждого двора не были простой благотворительностью могущественного феодала, а служили

¹ По протоколу опроса населения и мутавалия медресе поземельно-податным комиссаром 27 октября 1893 г. и постановления пяти народных судей 18 апреля 1881 г.

определенным вознаграждением, платой за те затраты и тот труд, которые земледелец, получивший чек, вкладывал в действительную обработку земли, т. е. своеобразной компенсацией за работу. Ведь поднятие целины, орошение пустыющих массивов было делом далеко не легким, и не ограничивалось проведением головного канала. Авторитетный знаток истории Кокандского ханства В. Наливкин рисует такую картину «оживления» необжитых местностей в ханское время. Если феодал был влиятельным служебным лицом, то, заручившись разрешением хана и пользуясь своими полномочиями, он заставляет население близлежащих кишлаков и айлов копать магистральный арык. Затем пускается вода, обмежовывается, насколько позволяет арык, площадь будущего орошения, и земля объявляется принадлежностью феодала на правах оживления. Но для земледелия эта площадь еще не готова. Такую землю в аренду брать желающих нет. Необходимы еще большие затраты труда для нивелирования участков, проведения ответвленных арыков. Для этого землевладелец приглашает бедняков селиться на его земле, которую делит на участки-чеки, при этом обещает: «... Мы ничего не будем брать с вас, впоследствии... мы вас не обидим». Бедняки-дехкане селились по участкам, возделывали их, оставаясь таким образом как бы бессрочными арендаторами¹.

Можно предположить, что Алымбек раздал в чеки не очень-то пригодные для земледелия участки, оговорив условие, что два танапа при каждом дворе за обработку земель будут освобождены от налогов. Как правитель

¹ В. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской области, т. III, 1904, стр. 7—9.

области — Андижанского вилайета — Алымбек фактически мог сделать такое распоряжение. И на «оживленных» Алымбеком землях появилось новое селение, названное Алымбек-чек.

По вакфному документу мутавалием вакфа Алымбек назвал себя, а позднее — своих потомков. По сведениям начальника Андижанского уезда, собранным в 1876 г., сразу после присоединения Ферганы к России, видно, что медресе Алымбека-датхи имело доход с большого массива земель. Грамота, выданная (как сказано в «сведениях») Шах-Мурадханом в 1276 (1859) г.¹, фиксировала, что земли медресе Алымбека-датхи находятся при кишлаке Чин-Абад и имеют площадь 10000 танапов, т. е. 1660 дес. или около 1825 га. К 1876 г. под посевами было лишь 5 тыс. танапов², другие 5 тыс. оставались незасеянными, вероятно, под паром.

Как видно из архивных документов, медресе Алымбека в качестве вакфа принадлежало кроме селения еще два курганчи — Юз и Турсумад, происхождение которых остается неясным.

¹ Здесь явный анахронизм. Шах-Мурад был возведен на престол киргизскими и кипчакскими феодалами (некоторые источники называют среди них и Алымбека) в марте 1862 (1278) г. и пробыл у власти всего месяц. См.: *В. Наливкин*. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 193. Однако в литературе встречаются и разночтения. Лэн Пуль Стэнли приводит дату 1275 (1859) г., хотя ее В. Бартольд отправляет на 1278 (1862) г. — *С. Лэн Пуль*. Мусульманские династии. Хронологические генеалогические таблицы с историческими введениями. Перев. с англ. с примеч. и дополн. В. Бартольда. СПб., 1899, стр. 237. И в современной западной литературе в хронологии правления Шах-Мурада существует путаница. Так, М. Холдсворт датирует его 1862—1865 гг. — *М. Holdsworth*. *Turkestan in the Nineteenth century. A. Brief History of the Khonates of Bukhara, Kokand and Khiva*. Oxford, 1959, p.1.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36602, л. 8—9.

دیده
یا آنکه ای در قضیه بی سنا نظر
دشمنها با ما اندازد از کلاه سپهر
زنده ز در و سینه که بی یونان
تا بعد از تو سیر از تو دوری
بهر نظر قضیه که امر بود کلاه
دشمنها با ما اندازد از کلاه سپهر

بسیار بر سر تو بود
آدم که بچه بی حضور است
آدمی اما اعدا را که
مجلسی که در مدراج طوری
بیا که نشیمن بر خاندان جمید
صد شایع خورشید سبالت
یکدیگر را که او بی خاطر
افا بیدین انلاب کلبه پیشانی
یور بود از طرف بدیدم
اینگدین از فرادار میدی
البرودا و سیرت عشق میمان

در زمانه شری دلی بنویسند
به او در آن حق بر منور شدیم
از یکدیگر که دل طوری شدیم
چند شایع به خط و شایع
بزدیم به خط و شایع
اینگدین از فرادار میدی
البرودا و سیرت عشق میمان
فلسف و نه اوله قیوم به باور
دیده
یا آنکه ای در قضیه بی سنا نظر
دشمنها با ما اندازد از کلاه سپهر
زنده ز در و سینه که بی یونان
تا بعد از تو سیر از تو دوری
بهر نظر قضیه که امر بود کلاه
دشمنها با ما اندازد از کلاه سپهر

که بود سر شایع انگار قیاسک دیوانه بود کسان نور دیدیم و بجز کوشش
لا یوم بود و سب حضرت بیان قیلا دیدار نیز حضرت علی عیله ک
بوی نیزه انگار با طاق قسم طاق بود و صبر قیله سب سب سب
یعنی دیدار حضرت علی اندام اولوغ بزرگ بود دیدار کرا کرا
قلا را از نیزه بر صلور اولار ولیکن بوی اسرار از شنب عمل قیلا
لمدار بر طاق بود بوی تا خدی بی نیغ با سب بود سب
خالینغ قیله سب ق زیاد بود بوی بو معین و سواد و قور بود بوی
اول خدی سب ق زیاد بود بوی بو معین و سواد و قور بود بوی
بوی سب ق زیاد بود بوی بو معین و سواد و قور بود بوی
کهرت سب ق زیاد بود بوی بو معین و سواد و قور بود بوی
او قوب سب ق زیاد بود بوی بو معین و سواد و قور بود بوی
نوشی حضرت علی بیدار کرد رسول خدا اندام سب سب سب
ضلالا مقامید و نیزه قیله و سب سب سب سب سب سب سب سب سب

По информации Д. Зайнабитдинова, основные участки вакфных земель медресе Алымбека располагались в местностях Бабалешкар, Кок-Бель и Лапан. По данным поземельно-податной комиссии 1893 г., в селении Алымбек-чек вместе с курганчами насчитывалось 819 дес. 1990 сажен обрабатываемой земли, с которой причиталось оброчной подати в казну 1461 руб. 24 коп.¹

Несомненно, была зафиксирована наличная площадь только в момент обследования и не отражала состояния на период расцвета вакфа. Тем более, что к этому времени (точнее, еще в 1881 г.) в Ошской волости из «законных», так называемых незаселенных и освобожденных ханами от налогов земель, к вакфу медресе Алымбека-датхи было причислено всего лишь 30 танапов².

Вакф медресе Алымбека, хотя и был оформлен по всем мусульманским канонам, не был устойчив. Как видно из вышеприведенного документа от 1277 (1860) г., семь жителей селения Алым-Абад или Алымбек-чек на каком-то основании возбудили дело о земле, которую считали своей собственностью и которую не желали передавать ни Алымбеку ни его вакфу. Алымбек вынужден был заплатить им 500 золотых, и земля отошла в вакф медресе. Документ не раскрывает тайны и мотивов противоречий, из-за которых возник спор между могущественным феодалом и землевладельцами, причем разрешенный не в пользу ханского сановника. Здесь можно предположить, что Алымбек — пользуясь своей властью правителя (хакима) Андижанского вилайета, попытался сначала просто расширить свое вакфное владение за счет

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33337, л. 39.

² Там же, д. 22929, л. 46.

соседей, но те, заручившись чьей-то влиятельной поддержкой, возбудили иск, и феодал вынужден был уступить, однако все же выкупил их участки за деньги и в конце-концов присоединил к своему вакфу.

Несомненно, вакф медресе Алымбека — одно из самых крупных земледельческих хозяйств феодала, но не единственное. О том, что Алымбек имел кроме вакфного владения и другие участки земли в той же Фергане, можно судить по неоднократно встречающимся в вакфных документах (вакфнаме), купчих крепостях (васиках) упоминаний о земельных участках Алымбека, граничащих с другими владениями.

Превратности придворной службы, соперничество и междоусобия привели к тому, что вскоре звезда Алымбека-датхи закатилась. Он пал жертвой интриг своего соперника — влиятельного киргиз-кипчака Алымкула. Все имущество Алымбека (естественно, недвижимое, имевшееся в Фергане) было конфисковано. Но вакф медресе Алымбека остался неприкосновенным и распоряжение им перешло в руки потомков киргизского феодала. Первым после Алымбека мутавалием стал его старший сын Джаркинбай Мирза-датха, затем другие сыновья — Абдуллабек, Батырбек, Хасанбек и т. д. В XX в. мутавалиями были С. Таныбеков, Мулла Байба, Мулла Исам и последний — Абдулхакимов Абдулмаджит, который сдал все дела в вакфотдел уже при Советской власти Д. Зайнабитдинову, нашему информатору.

Таким образом, стремясь застраховаться от неуверенности в будущем, наследники Алымбека предпочли оформить свою недвижимую собственность в вакф, который, будучи по завещанию наследственным, во-первых, сохранял за владельцами право распоряжения доходами с земли, во-вторых, официально считался принадлежащим мусульманскому

духовному учреждению и не мог подлежать конфискации. К тому же вакф полностью или частично освобождался от налогов в государственную казну.

Интерес представляет написанный на одном листе вакфный документ, содержащий фактически три разновременных документа на пожертвование земель и торговых лавок в вакф кары-ханы квартала Сарай г. Оша. При этом одним из жертвователей выступает Абдулла-бек, сын Алымбек-датхи.

Из первого документа видно, что вакф из семи торговых лавок, двух мельниц и трех участков земли определялся в пользу кары-ханы, мечети, дарс-ханы и 8 келий братьями и сестрами Мир Сакибая из полученного наследства: Вакфнаме был оформлен в 1280 (1863) г., причем мутавалием назван один из братьев — Мулла Мир-Баба. Условия распределения доходов вакфа также четко названы: на ремонт зданий, а от остатка — одну часть мутавалию, четыре — учителю кары-ханы, пять — в пользу учеников¹. На практике, как правило, распределялся весь доход, и ремонт здания неизменно откладывался до его полного разрушения.

Второй документ был составлен в 1286 (1869) г. уже от имени Абдуллыбека, который жертвовал мельницу на арыке Алтыбая в г. Оше «в вакф в пользу кары-ханы на условиях, изложенных в первом документе»².

И, наконец, третий документ от того же 1286 (1869) г. был составлен от лица Сара-Биби, дочери Мир Сакибаева, «которая на условиях, обозначенных в первом документе,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34941, л. 1, 2, 3.

² Там же.

жертвовала в вакф участок земли на арыке Нурдар в г. Оше, полученный в наследство, а также котел и медный кумган¹.

Грамотой 1288 (1871) г. Худояр-хан освободил вакфное пожертвование Абдуллабека и Сара-Биби от налогов. Следовательно, весь доход с пожертвованного имущества шел теперь в пользу вакфа и находился в полном распоряжении мутавалия. И если раньше, как братья, так и другие жертвователи, в частности Абдуллабек, должны были за свою землю (а ее по трем документам было 11 дес. 2540 сажень²), лавки, мельницы обязательно платить налог в казну, то теперь всей этой суммой распоряжался только мутавалий, а он был из семьи учредителя вакфа. Другими словами, совершив «богоугодное» дело и пожертвовав в вакф часть своего имущества, вакф-учредители просто-напросто уклонялись от уплаты налогов, получив дополнительную статью дохода.

Этот же Абдуллабек-датха и в 1292 (1875) г. оформляет в вакф медресе своего отца два смежных участка земли по Ошскому саю в квартале Шахидан-тепе и квартале Сарай-куча, общей площадью около 14 танапов³. На одном участке располагались торговые лавки. Право мутавалия — распорядителя — Абдуллабек оставлял за собой⁴, т. е. фактически поддерживал наследственный вакф (вакф-авлод) своего отца.

Как видно из журнала поземельно-податного обследования Ферганской области за 1905 г.⁵ и протокола опроса

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34941, л. 1, 2, 3.

² Там же, д. 34941, л. 14.

³ Там же, д. 34947, л. 7.

⁴ Там же, д. 34947, л. 2, 3.

⁵ Там же, д. 34941, л. 344—345.

в 1907 г. « мутавалия Хасан-бека¹ (брата Абдуллабека), каждый участок составлял около семи танапов городской земли. На них имелась 161 торговая лавка. В том же 1292 (1875) г. Худояр-хан специальным документом освободил названные земли, а также пожертвованные торговые лавки от податей².

Абдуллабеку была выдана следующая обелительная ханская грамота — июнат-наме³ (приводим в переводе с тадж. яз. В. П. Юдина).

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы, и амины, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама, и (все лица), причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в хаканских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, что в дни ежедневно возраставшего и вечно (нам) сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубазират-пансат Абдуллабек-датха купил на берегу сая вилайета Оша многочисленные лавки с пригодной для застройки земель, превратил в вакф медресе, построенного его отцом, покойным Алымбеком-парваначи (и) изготовил вакфную грамоту; украшенную печатями казиев и улемов, (которая) удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из (нашего к этому лицу) благорасположения и благоволения(мы) повелели, чтобы все хакимы и амины и саркары и прочие, имеющие отношение лица считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 34947, л. 7.

² Там же, л. 4, 5.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 34941, л. 4.

и не стремились получить с него дирхемов и фулсов (и) не посягали на что-либо подобное, из относящегося к упомянутым вакфам, и, считая по этой причине решенным, не преступали (нашего) величайшего, обязательного для исполнения фирмана. В месяце раджабе почитаемом года 1292 (1875)». Документ скреплен малой печатью Худояр-хана с датой — 1279 (1863—1864) г.

Вторая грамота была такого содержания¹.

«Вакф-наме киргизского феодала Абдуллабека о пожертвовании им двух участков земли в вакф медресе своего отца Алымбека-датхи в г. Оше 1292 (1875) г. Медресе из жженого кирпича в г. Оше, медресе состоит из дарсханы, ханаки и 28 келий. Границы: с запада — кладбище и сай, с юга — вакфные лавки медресе, с востока — дорога, с севера — кладбище.

Два участка земли по Ошскому саю, один около другого, длина участков 443 аршина.

1-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык Мирза-Рахим арбакеша, с юга — дорога, с востока — Ошский сай, с севера — земля, находящаяся во владении Мулла Хусен-Али Мулла Пиримкулова, жертвователя, и Мулла Мухаммед-Азиз Махзума Дамулла Тангрикулова.

2-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык, с юга — земля Мир-Сеид Шейха, Абджуази Абдрахманбая Мулла Халь Мухаммедова и Абджуази Ишан Ходжи, с севера — дорога. На этом участке имеются лавки.

В месяце зиль каада 1292 г. Абдуллабек-датха сын Алымбека Парманачи Хасанбек-биева заявил, что упомянутые

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 34941, л. 2, 3.

участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалием вакфа сам жертвовател, а после него — потомство.

Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток должен делиться на 10 частей: 1 — мутавалию, 3 — мударису, 1 — имаму, 1 — муэзину, сторожу и цирюльнику и 4 — в пользу учащихся».

Документ скреплен 20 печатями казиев, улемов и пр., оттиска ханской печати нет.

Еще один документ от 1292 (1875) г. был выдан уже Пулат-ханом, последним претендентом на кокандский престол. В нем объявлялось, что арык Ходжаляр, находящийся во владении Абдуллабек-датхи (сторонника Пулат-хана, от имени которого он даже правил Кокандом в январе 1876 г.)¹, освобождается от хераджа, который должен поступать в пользу мазара Имам-Ата и мечети Хыдыр-датхи. Сборщикам налогов предписывалось «ни под каким видом не касаться хераджа означенного арыка»².

Это — общепринятая форма документа, означавшая, что государство отказывается от налога в пользу вакфного установления, но жители, населявшие и обрабатывавшие земли, по-прежнему должны были вносить установленную норму налогов, правда, уже новому хозяину — вакфному учреждению. Так, жители, занимавшиеся хлебопашеством на вакфной земле медресе Алымбека, регулярно выплачивали херадж в размере 1/5 части урожая³.

¹ Н. А. Аристов. Западный Тянь-Шань. Очерки истории и исторической географии, ч. II. Кыргызы, или каракиргизы. — СПб., 1893. Рукоп. Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 11, л. 580.

² ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. I, д. 34944, л. 3, 4.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. I, д. 23022, л. 314.

УГАУ ССР
№ 3630
1. 46. 1956

بورا و چورون نینگ لوقات ائىنى مولا محمد سەئىد سەئىد مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
تەجىرە قورۇق خەزىنىت قىلغان چوچۇك صىجا خەزىنىت سەئىد سەئىد مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
مەلۇم چوچۇك لارا ئاۋاز لارا بىر لارا كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
ئەلنى تەكلىپ سەلۇق كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
ئۆسبۇن سەئىد سەئىد مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك
ئەلنى تەكلىپ سەلۇق كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك مەلۇم قىلامن كەلگەن ئايب مەنكاز ئايب نىڭدەك

Обращение недвижимого имущества в вакф, как уже отмечалось выше, служило некоей гарантией неприкосновенности собственности от посягательств ханов и других феодалов. Эта неприкосновенность распространялась на вакфное имущество и в первые годы после присоединения Ферганы к России. Достаточной иллюстрацией служит следующий факт. Земля в местности Баш-Булак, которую имел Абдуллабек как частный владелец, где жили крестьяне, имевшие свои постройки и насаждения, после присоединения Ферганы к России и бегства Абдуллабека в Афганистан была причислена к казенно-оброчным статьям¹. Имелось специальное распоряжение военного губернатора Ферганской области от 1876 г. о том, что если «бунтовщики» — противники продвижения царских войск в Фергану — не вернуться, то их имущество подлежит конфискации. Братья Абдуллыбека возвратились, им имущество вернули. Абдуллабек остался в Афганистане — его собственность конфисковали. Однако земли, в свое время определенные им в вакф различным учреждениям, главным образом медресе своего отца, остались неприкосновенными. Их распорядителем мутавалием был сначала Батырбек, позже — Хасанбек, братья Абдуллабека.

Туркестанские власти с первых дней не стали обострять отношений с крупными киргизскими феодалами и в открытую заигрывали с ними, так как их влияние на алайских киргизов, оказавшихся на самой южной российской границе, было велико. Завоеватель Ферганы генерал Скобелев принимает в своем шатре жену Алымбека — «алайскую царицу» Курбанджан, гарантирует помилование ее сыновьям,

¹ С. И. Ильясов. К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, вып. 1, 1955, стр. 148.

оказавшим сопротивление продвижению войск. И действительно, возвратившимся Хасанбеку и Махмудбеку было не только возвращено имущество, но оба назначаются волостными управителями в Ошском уезде сразу с 1877 г.¹ В 1877 г., согласно ведомостям о медресе и мечетях Ошского уезда, медресе Алымбека-датхи имело 71 лавку и 34 танапа земли. До Хасанбека временным мутавалием был некий Безрюк-ходжа-Саид-Ходжа (2 месяца), который сдавал вакфное имущество в аренду за 319 руб. Кроме того, доход поступал с вакфного кишлака Чин-Абад, постоянные арендаторы которого вносили 437 руб.² Помимо всего этого, дополнительным источником дохода наследников Алымбека явилась государственная пенсия Курбанджан-датхе, определенная императорским указом в 1881 г. в размере 300 руб.³

Уже после присоединения Ферганы к России, когда образование вакфов было ограничено, мутавалии все же пытались обойти законодательство в попытке расширить вакф. Примером этому может служить один из документов за 1298 (1881) г. По нему 11 жителей сел Алымбек-чек и Балыкчи заявили, что описанный участок их земли в с. Чин-Абад составляет вакф медресе Алымбека. Жители прав на землю не имеют, а «если же и будут пользоваться и распоряжаться этой землею, то обязаны за все вносить мутавалию пятую часть дохода с земли». Данный земельный массив ранее был смежным с вакфом медресе. И поскольку населению было фактически все равно, кому выплачивать налог — в казну

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 10483, л. 1.

² Там же, д. 22507, л. 54.

³ Там же, д. 11061, л. 1.

или в пользу медресе, — то, надо полагать, не без усилия одного из сыновей Алымбека (ставшего волостным управителем и одновременно бывшего мутавалием медресе), жители оформили документ, по которому признавали находящиеся в их пользовании земли вакфными.

Являясь волостным управителем и мутавалием медресе Алымбека-датхи, Хасанбек имел немало возможностей для всяческих злоупотреблений, чем не преминул и воспользоваться. Жители селения, обрабатывавшие вакфную землю вплоть до 1898 г. (по другим источникам до 1894 г.¹), вносили арендную плату вакфному учреждению. В результате в конце XIX в. даже царским пристрастным судом было по жалобе жителей заведено судебное дело о злоупотреблениях волостного управителя Хасанбека, которому предъявили обвинение в незаконном присвоении податей, неправильном разборе судебных дел и т. п.²

Тяга к увеличению прибылей толкает Хасанбека (волостного управителя и мутавалия) на строительство еще одной мельницы на двух поставах вблизи арыка Ишанчи в Мадинском обществе Акбуринской волости³. По сведениям начальника Ошского уезда, в 1886 г. Хасанбеку только в городе принадлежало 80 торговых лавок⁴, а по сведениям за 1906—1907 гг., за медресе Алымбека-датхи числилось 120 торговых лавок и 30 танапов земли (осталась только непосредственно незаселенная дехканами земля)⁵. Несмотря

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33514, л. 14.

² Там же, д. 682, л. 8—30.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33514, л. 16.

⁴ Там же, д. 23586, л. 9.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33610, л. 6—7.

на то, что после поземельно-податных работ большая часть земель отошла от вакфного учреждения в фонд казенных, ошское медресе Алымбека продолжало оставаться самым богатым. В 1891—1892 гг. на содержание мутавалия выделялось в год 160 руб., учащиеся старших классов получали по 20 руб., средних — по 10 и младших — по 5 руб.¹

Доход от торговых лавок медресе получало приличный — до 1350 руб. в год (1901 г.). Оставшаяся в качестве вакфной земля была каменистой и плохо орошаемой, так что и доход с нее составлял всего лишь около 20 руб. Правда, из-за ветхости лавки находились на грани полного разрушения², но это мало беспокоило мутавалия: главное — они еще продолжали приносить доход. С земель же, которые в ходе поземельно-податного обследования были изъяты из вакфа и закреплены в пользование населения на правах оброчно-податных статей, в этом же 1901 г. был исчислен налог (но уже не в пользу вакфного учреждения, а в пользу казны) — на 1307 дес. 40 саж. 3 139руб. 72 коп.³

После проведения поземельно-податного обследования и утверждения аграрного законодательства в Туркестане все вакфные заселенные земли, находящиеся в пользовании населения, переходили в разряд государственных земель, и налог с них (даже если и поступал ранее вакфному учреждению) теперь переадресовывался в казну (статьи 255 и 299 Положения об управлении Туркестанским краем — 1881 г.). В результате подавляющее большинство вакфов было

¹ Д. Айтмамбетов. Дореволюционные школы в Киргизии. Фрунзе, 1961, стр. 27.

² ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33514, л. 14.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33514, л. 12—13.

ликвидировано. Сохранились лишь незаселенные, находящиеся в прямом и непосредственном пользовании вакфных учреждений и к тому же подтвержденные еще ханскими обелительными грамотами. В результате оказался существенно урезан и вакф медресе Алымбека-датхи. Все населенные земли кишлака Алымбек-Чек и другие участки оказались в числе государственных земель и были по определению областного правления от 14 февраля 1896 г. на правах пользования закреплены за населением, непосредственно их обрабатывающим при условии выплаты налогов в казну. Тем не менее, в целом вакф медресе Алымбека оказался довольно устойчивым.

Живучесть вакфных установлений доказывается тем, что даже после революции, в первые годы Советской власти, медресе Алымбека-датхи продолжало сохранять за собой только в г. Оше два участка пахотной земли и несколько торговых лавок¹, пока они не были отобраны в 20-х годах.

Таким образом, рассмотрение документов по вакфу медресе Алымбека позволяет сделать вывод, что вакфоучредителями «были не только оседло-земледельческие, но и кочевые феодалы. Под влиянием мусульманской идеологии и нравов придворного ханского окружения и не без воздействия земледельческих узбекско-таджикских хозяйств киргизские кочевые феодалы Ферганы в исключительных случаях уже определяли свое недвижимое имущество в вакф.

Совершенно иное отношение к вакфам было у представителей трудящегося населения. На вакф смотрели как на орудие жестокой эксплуатации. И это традиционное отношение отразилось на сохранении некоторых обрядов.

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. И-19, оп. 1, д. 33735, л. 2.

«Священный» вакф, считаясь неприкосновенным, не имевшим «обратной силы», постепенно обрел недобрую славу, считалось, что соприкосновение с ним несет несчастье. А. К. Писарчик, исследовавшая историю городов Ферганы, приводит сообщение, что в старом быту люди избегали строить свои жилища близ мечетей из опасения как бы случайно ветер не занес к ним лист с дерева, растущего во дворе мечети, или кусочки штукатурки. И это относилось вообще ко всякой вакфной земле, вакфному имуществу... Они считались вредящими, приносящими несчастье дому, в который попали хотя бы помимо воли и ведома хозяина. В Бухаре даже существовало поверье: чтобы принести другому вред — следует немного вакфной земли рассыпать по крыше дома неугодного человека»¹. И при всем этом обращение в вакф являлось «благоугодным» делом, всецело поддерживалось духовенством, светскими феодалами и ханами.

По свидетельству Д. Зайнабитдинова, на юге Киргизии вакфы имели феодалы Джаныбек и его брат Халибек в Узгене, Юсуфбек-казы — в Куршабе, а также существовали незначительные киргизские вакфы — в Алабуке, Ляйляке, Баткене. Мы уже писали в свое время о киргизских вакфах кишлака Кара-Багыш в Андижанском вилайете, селения Джигда-Могол в окрестностях Сузака, дачи Багиш-Бостон, кишлака Кампыр-Рабат у Джалал-Абада и др.²

¹ Писарчик Д. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XLII. Душанбе, 1956, стр. 165, примеч. 1.

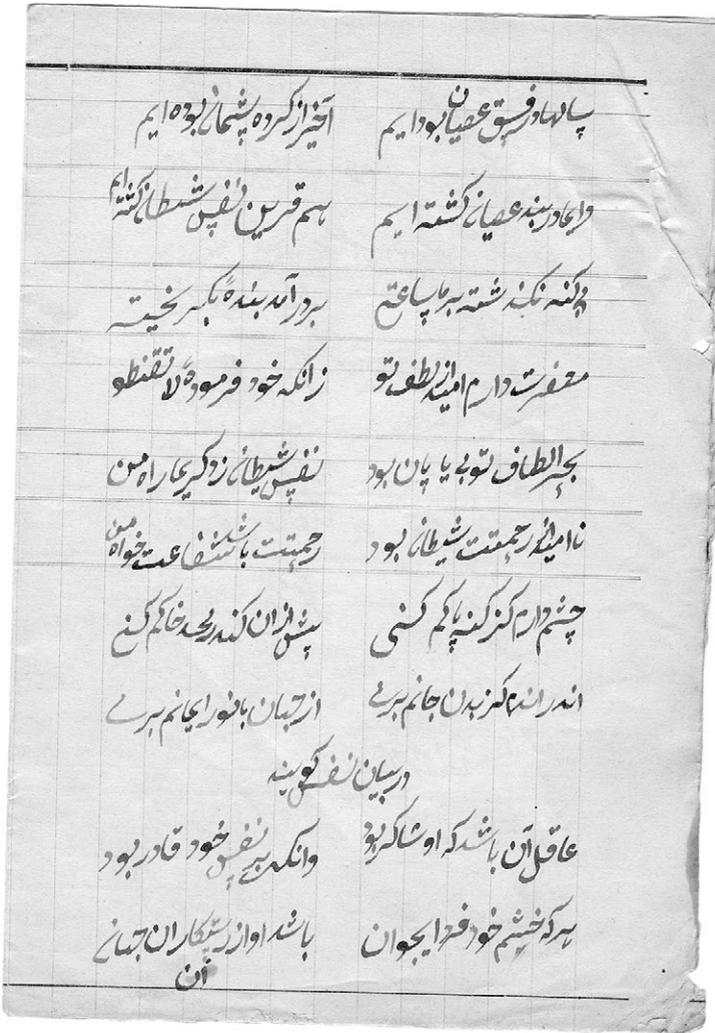
² Плоских В. М. Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1961, стр. 74—78.

Конечно, не стоит переоценивать роль вакфов в хозяйственной жизни Киргизии (причем только в южной ее части, так как в северной они отсутствовали). Но следует учитывать, что они наложили свой отпечаток на аграрные отношения у киргизов и способствовали усилению эксплуатации трудящегося населения. Распространение вакфов началось лишь с середины XIX в. и было непосредственно связано с историей Кокандского ханства. Обращение киргизских феодалов к вакфу было вызвано, с одной стороны, стремлением к сближению с мусульманским духовенством, пользовавшимся огромным влиянием среди ханов и в придворных кругах, с другой — желанием иметь гарантию на неприкосновенность наследственной собственности, столь неустойчивой в условиях восточно-деспотического режима кокандских ханов.

Вакфное хозяйство организовывалось как типично феодальное, базировалось на рентно-арендных отношениях с непосредственными производителями-дехканами и в зависимости от ханского разрешения, силы и влияния феодала — учредителя вакфа — могло или освобождаться от налогов полностью, частично или даже облагаться всеми видами налогов.

В заключение можно сказать, что хотя киргизские вакфы и не являлись развернутым институтом или системой землевладения в крае, они не были и редким исключением. Намечавшиеся тенденции приобщения кочевых хозяйств к земледелию, начинавшийся переход к оседлости сопровождалась и обращением феодалов к вакфам как свидетельству своей «приверженности» к мусульманству и как предохранительной мере от слишком алчных и неумолимых ханских налоговщиков и, наконец, как показатель трудности

сохранения хозяйственной независимости от духовных феодалов, нередко насильственно округлявших свои вассалы за счет неорганизованных и слабощных хозяйств соседей.

**АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

В. М. Плоских

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ НАКАНУНЕ
ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель — член-корреспондент
АН Киргиз. ССР С. И. Ильясов

Фрунзе — 1965

Известно, что развитие общества зависит от развития производительных сил и производственных отношений. Как и во всех аграрных странах, земельные отношения в Киргизии составляли базис феодального общества и определяли его классовую структуру. Поэтому исследование аграрных отношений имеет важное значение для общей разработки социально-экономической и политической истории Киргизии дооктябрьского периода. До последнего времени земельным отношениям в Киргизии времени господства Кокандского ханства не уделялось должного внимания, они не были предметом специального исследования и рассматривались лишь попутно, в связи с другими проблемами истории Киргизии.

Задачей диссертации является исследование видов феодальной собственности на землю, землевладения и землепользования оседлого и кочевого населения, государственного налогообложения и других форм феодальной эксплуатации в последний период кокандского господства, что позволит сделать ряд выводов, способствующих правильному пониманию общественно-экономических отношений в Киргизии рассматриваемого времени.

Основной трудностью при разработке вопроса является крайняя бедность источников, почти полное отсутствие статистических сведений ханского периода при фрагментарности

прочих данных, относящихся к поземельным отношениям, что вынуждало привлекать косвенные сведения и материалы более позднего периода.

Нами выявлены новые документы, которые дают возможность более глубоко рассмотреть поземельные отношения. Все архивные источники и соответствующую опубликованную литературу, на основе которых исследуется тема работы, можно подразделить на следующие группы: 1) земельные акты документы ханского времени, 2) сведения царских чиновников, представителей туркестанской администрации, 3) документы ревизий Туркестанского края, 4) статистические материалы, собранные в результате поземельно-податного устройства края, 5) описания путешествий, очерки и заметки ученых-туркестанцев и востоковедов, 6) этнографические материалы, 7) труды советских историков, исследовавших аграрные отношения в среднеазиатских ханствах, и работы ученых Киргизии. Взятые в целом эти источники все же позволяют представить реальную картину земельных отношений в Киргизии накануне вхождения в состав России.

Большинство использованных архивных источников хранятся в фондах архивохранилищ Ташкента (особенно необходимо отметить документы фонда Ферганского областного правления — ф. и. 19 ЦГА Узб. ССР), Ленинграда (ЦГИАЛ) и Москвы (ЦГВИА СССР). Некоторые материалы нами извлечены из исторических фондов ЦГА Киргиз. ССР и ЦГА Казах. ССР, из архива РГО в Ленинграде, архивов и рукописных хранилищ Ленинградского отделения ИНА, ИВ АН Узб. ССР, Ин-та этнографии АН СССР, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде) и республиканской б-ки им. А. Навои (в Ташкенте).

Из наиболее важных для темы источников следует назвать акты на куплю-продажу земельных участков (*васики*), документы ханских земельных пожалований и обелительные грамоты (*ярлыки, инаят-наме, мубарак-наме*), вакфные завещания (*вакф-наме*) как подлинники, так и их переводы, выполненные туркестанскими чиновниками (В. Наливкиным, Богдановым, Оракуловым и др.).

Отдельные сведения о фактическом состоянии землепользования местного кочевого и оседлого населения почерпнуты нами из переписки и донесений низших чиновников с вышестоящими административными учреждениями.

Докладные записки и материалы комиссий по вопросам «выяснения юридической, т. е. теоретической стороны поземельного вопроса» (М. Н. Николаева, А. И. Гомзина и др.) представляют интерес как первые сведения, собранные на местах в момент присоединения края к России.

Наличие фактического материала, собранного туркестанскими властями в связи с административным и поземельно-податным устройством присоединенного края, в некоторой степени облегчает исследование темы. Отдельные стороны поземельного вопроса затрагивались в опубликованных итогах ревизии Туркестанского края и других работах дореволюционных авторов. Однако сфера их интересов обуславливалась в основном фискально-колониальными целями, и оценки основывались на принципах классового субъектизма. При использовании этих источников необходима осторожность, так как на них наложили отпечаток две точки зрения, столкнувшиеся в процессе урегулирования в Туркестане земельного вопроса: буржуазная и ярко помещичья. Сторонники проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений старались провести мысль

(и подкрепить ее примерами) о наличии в Кокандском ханстве частной земельной собственности и отстаивали принцип сохранения частной собственности на землю. Сторонники феодально-помещичьего устройства края в интересах колониально-чиновничьего аппарата стояли за объявление всех земель государственными.

Организация поземельно-податного дела в Туркестане в ходе осуществления основных правительственных законоположений завершилась проведением серии статистических обследований хозяйств местного оседлого и кочевого населения. Несмотря на то, что статистические работы зафиксировали состояние землепользования уже после введения новой системы управления, их данные, в известной степени, можно использовать и для более раннего времени, т. к. состояние землепользования кочевого населения еще не успело пережить существенных изменений.

Интересные этнографические и исторические сведения о киргизах и их хозяйстве, поземельно-налоговом устройстве Кокандского ханства содержатся в работах русских путешественников и востоковедов: А. Федченко, Ч. Валиханова, А. Миддендорфа, Н. Пантусова, А. Куна, В. Наливкина и др. В качестве подсобного источника для изучения материалов прессы XIX в. послужил уникальный «Туркестанский сборник» из б-ки им. А. Навои.

В сочинениях кокандских авторов, чаще всего представляющих исторические хроники, вопросам экономики, тем более киргизов, отводится обычно мало места. Для выявления земельных отношений они представляют относительно небольшой интерес, ни в коей мере не сравнимый с архивными источниками.

При разработке темы нами учитывались предшествующие исследования общего характера, как работы Б. Д. Джамгерчинова, А. Еренова, Р. Н. Набиева, Л. П. Потапова, А. П. Савицкого, С. Е. Толыбекова, А. Х. Хасанова, О. Д. Чехович и др. Освещению некоторых вопросов диссертации помогли публикации А. Л. Троицкой по материалам архива кокандских ханов, работа о социально-экономических отношениях киргизов в период кокандского господства К. У. Усенбаева и исследование о земельных отношениях в Киргизии конца XIX — начала XX в. С. И. Ильясова.

Основные положения диссертации формулируются в соответствии с методологией исторического материализма. Особую ценность представляют для нас заключения классиков марксизма-ленинизма о формах собственности на землю в докапиталистических формациях, в частности, в странах Востока и определение генезиса феодальной и капиталистической земельной ренты.

* * *

Диссертация состоит из введения, трех глав и выводов. В качестве приложения даны список чековых селений по Ферганской долине и фотокопии отдельных актов документов, приводится список источников и литературы.

Во «*Введении*» формулируется постановка проблемы, дается рассмотрение источников и обзор дореволюционной и советской литературы, имеющей отношение к теме диссертации.

В *первой главе* «Виды феодального землевладения» исследуется форма феодальной собственности и категории землевладения в Южной Киргизии.

С завоеванием кокандскими ханами Киргизии вся присоединенная территория, на основании положений шариата, становилась государственной собственностью. Как и в других азиатских странах, государство оказывается верховным собственником земли. «Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе»¹. Обрабатываемые земли закреплялись за населением на основе фактического владения и пользования, в результате орошения, ханскими пожалованиями, купчими крепостями и пр., пастбища были оставлены в пользовании занимавших их родоплеменных групп при условии платы государственных налогов и несения соответствующих повинностей. В прямом непосредственном ведении казны сохранились лишь пустоши и сравнительно небольшие обрабатываемые массивы, которые правительство сдавало в краткосрочную аренду (земли *мамлака* — казенные).

Полное право собственности на все земли принадлежало государству, и только с разрешения верховного собственника, в лице хана, могло осуществляться правовое оформление частного или общего владения землей. Поэтому отдельные феодалы и целые общинно-родовые объединения стали обращаться к правителю государства с просьбой о документальном закреплении за ними во владение прежде принадлежавших им земель.

Юридически оформленные земельные владения выступали как феодальная частная собственность с условным или полным правом отчуждения. Права землевладельцев зависели от характера завладения и варьировались у феодалов —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354.

от феодальной собственности (земли *мильки хурри холис*) до права взимания части ренты (земли *танхо*), у крестьян — от полного владения своим участком (*мильк, замини джамоат*) до положения почти совершенно бесправных арендаторов (*чайрикер*) чужой земли. Территории, казавшиеся оставленными в свободном пользовании скотоводов, нередко выступали как владения киргизских феодалов, узурпировавших право общин распоряжения использованием пастбищами. Неотъемлемой частью права землевладения было и соответствовавшее ему право владения оросительными водами.

Разнообразные формы присвоения земли привели к образованию различных и весьма сложных категорий землевладения. Пользуясь терминологией В. И. Ленина, можно определять здесь «средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и клановое, и общинное, и государственное и т. д.»¹.

Правовое определение земельных институтов в мусульманских странах и их выделение вообще представляют определенную трудность, т. к. ни нарративные, ни документальные источники не перечисляют и не называют их. В связи с этим их классификация современными исследователями имеет довольно значительные расхождения.

Схематично структуру землевладения в Кокандском ханстве и, соответственно, в Южной Киргизии можно представить в следующем виде: а) государственные земли, б) земли ханских «уделов», в) частновладельческие земли, г) общинные земли, д) земли духовных учреждений и лиц.

¹ В. И. Ленин. Полное Собр. соч. Т. 27. С. 138.

В рассматриваемое время в Киргизии основную часть земельной площади составляли земли государственные (по общепринятой среднеазиатской терминологии — амляковые). Амляковые земли находились в прямом ведении государства и налог-рента с них поступал непосредственно в казну. «Если не частные земельные собственники, — писал К. Маркс, — а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от той формы земельной ренты»¹. Государственный характер землевладения выступал в соединении с мелким частнокрестьянским и общинным землепользованием, обычно не подтверждавшемся документально. Большинство амляковых земель в Киргизии являлось пастбищами и угодьями, находящимися в бессрочном пользовании кочевого населения.

Главным образом из фонда амляковых земель ханы выделяли пожалования (*танхо*, *тамлик*) своим феодалам, конституировали духовным учреждениям в *вакф*. Характерен в этом отношении документ о пожаловании в 1282 / 1865—66 г. (судя по дате — Сеид Султаном) пастбищ местности Науката «по линии тамлик» киргизскому феодалу Шах Мирзо дадхе. Причем документ определял земли в частное владение: «дадхо, бии и простой народ племени (*илата*) должны считать это пастбище вне товарищества (*ширкат*), частью других *мильки холис* упомянутого дадхо». Претендовавшим на эту местность киргизам орвин подразделения бору,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354.

которые, судя по документу, занимали ее до Шах Мирзы, хаким Маргеланского вилайета ответил, что так как они в течение вот уже 20 лет не использовали пастбища сами и не сдавали их в аренду, то и не имеют на них уже никакого права.

Получавшие ханские земельные пожалования еще не были собственниками, они являлись лишь условными владельцами, которые целиком или частично присваивали в свою пользу подати с крестьян пожалованных земель. Но, по мере давности владения, такие условные пожалования имели тенденцию к превращению в наследственные владения с правом на отчуждение. Юридически отчуждение амляковых земель ограничивалось волею хана и являлось условным, так как каждый последующий хан вправе был подвергнуть ревизии документ, выданный его предшественником и даже аннулировать его. Однако, с течением времени, при длительном наследственном пользовании амляковые земли стали отчуждаться и непосредственными производителями. Наблюдается общая картина, особенно в районах орошаемого земледелия, к постепенному переходу амляковых, государственных земель в мильковые, частновладельческие. После присоединения Кокандского ханства к России оказалось, что, например, в Маргеланском уезде (по сведениям начальника уезда) обрабатываемых земель, находящихся в непосредственном ведении казны, осталось всего 2 162 та-напа (360 дес.).

Земли ханских «уделов» (точнее, лично ханские) — *хасс* или *мири* — занимали как бы промежуточное положение между мильковыми и амляковыми землями. Будучи по происхождению частным владением, земли хасс, после

восшествия их владельца на престол, продолжают оставаться в прямом ведении хана, который теперь соединил в своем лице частного и верховного землевладельца, распоряжавшегося государственными землями так же бесконтрольно, как и «удельными». Однако эти земли никогда не смешивались. Так, с присоединением Коканда к России, последний хан Насреддин обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой, чтобы за ним сохранили его личные земли, которые, как писал проситель, были куплены им или подарены его отцом Худояр-ханом и оформлены казийскими документами.

На территории Киргизии таких земель, по всей вероятности, было немного. В документах встречается лишь упоминание, что в местности Мады, близ Оша, находились поля, принадлежащие хану, да в районах Джалал-Абада были фруктовые сады лично Худояр-хана (6 дес. 592 саж.), его сына Насреддина (3 дес. 1019 саж.) и брата хана Мурадбека (6 дес. 1998 саж.).

Выявленные документы позволили впервые на конкретном фактическом материале утвердительно разрешить вопрос о наличии у киргизов мильковой формы феодальной собственности. *Мильк* — частновладельческие земли, закрепленные за отдельными лицами правительственными документами или оформленные купчими крепостями, свободно отчуждаемые и передаваемые по наследству. Однако, за верховным собственником земли оставалось право на налог-ренту и высшее распоряжение, вплоть до изъятия земли у *милькодара*. В зависимости от принадлежности и формы эксплуатации мильки можно подразделить на феодальные, эксплуатируемые через посредство зависимых крестьян,

и на дехканские — владения непосредственных производителей. Выделение мильков произошло в результате распродажи или раздачи ханами государственных земель, распада общинного землевладения, освоения пустошей и т. д.

Факты купли киргизскими феодалами земель у ханов и просьбы о документальном закреплении прежде принадлежавших им земель можно встретить сразу же после подчинения киргизов Коканду. Таковы купля в 1210/1795 г. братьями Дживибаевыми (багыш) в «потомственное владение» обширного массива Джергетал, ханское разрешение земельного спора в 1231/1815—16 г. между киргизскими феодалами Бекназаром Раимбековым и Байбутой Токтамышевым и др.

Одним из источников образования дехканского милька являлся откуп государственной земли непосредственными производителями. Орошение пустошей, создание ирригационных сооружений требовало больших затрат труда или средств и поэтому было под силу лишь государству, общинам или феодалам, за которыми, соответственно, и закреплялись орошенные земли. Типично в этом отношении образование владения киргизского феодала, *хакима* (правителя) Андижанского вилайета Алимбека-дадхи, «оросившего» в 1859 г. в районе Чин-Абада 5 тыс. кошей (ок. 1600 дес.) государственной земли.

Некоторые земельные акты зафиксировали довольно интересный процесс образования частного землевладения в результате разложения общин. Первой обособлялась «знать», захватывавшая общие земли в частное владение. Это положение подтверждается документом о выделении из общих земель по арыку Юваш (в р-не Мады) владения киргизского феодала Муллабая Нарботобаева и др.

Ханские пожалования, орошение земель феодалами, выделение из общин, институт купли-продажи земель позволили киргизским и узбекским феодалам сосредоточить в своих руках довольно крупные земельные владения. Достаточно указать, что, например, Алимбек-дадха, считавшийся также «управителем» алайских киргизов, имел только обрабатываемых земель ок. 2 тыс. дес., киргизские феодалы Бекназар Раимбеков и Байбута Токтамышев («вместе с родственниками») имели согласно ханскому документу не менее 20—25 тыс. танапов (примерно 4 тыс. дес.) земли в долине Карван. Об общем размере земельных владений жителя г. Оша Парманкула Агалука можно судить по тому, что в начале XIX в. он имел восемь арыков, только один из которых (пожертвованный в вакф) орошал 1 353 танапа (225 дес.) земли.

Материалы, выявленные нами в архивах, позволяют говорить не только о кочевых скотоводческих общинах, но и о наличии у киргизов земледельческой общины (*джамоат*). Причем, если кочевые общины являлись в большинстве случаев коллективными пользователями государственной территории, то сельские оседлые общины могли выступать и как владельцы собственной земли, то есть существовали не только общины — пользователи амляковых, мильковых или вакфных земель, но и общины, источником владения которых являлось орошение пустошей общими силами, купля земель и возможные ханские раздачи целым коллективам. Такое общинное завладение закреплялось документально и имело право на отчуждение.

Признаком общинного характера землевладения являлись не периодические переделы и уравнительное землепользование, а совместное пользование отдельными земельными

угодьями, совместное сооружение и поддержание оросительной системы, правомочность отчуждения общинной земли лишь с согласия всех общинников. Коллективность в пользовании выступала только в отношении пастбищ и выгонов, пахотные земли находились в подворно-участковом пользовании. В литературе с прошлого века до настоящего времени высказывается мнение о существовании периодических переделов общинной земли в зависимости от наличия тяглого скота (*кошей*). Большинство же архивных источников утверждает обратное. В частности, М. Н. Николаев, один из первых исследователей поземельных отношений местного населения, в 1869 г. отмечал, что «у киргизов бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные, не распространяется после первого раздела». Видимо, если переделы и имели место, то очень в ограниченном количестве.

В целом община свободно распоряжалась своими землями, вплоть до отчуждения. Так, киргизы рода кара-багыш в 40-х гг. XIX в. продали часть своих земель в районе Джалал-Абада обедневшим киргизам рода тейит, которые перешли к занятию оседлым земледелием. В 1278/1861—62 г. община киргизов рода бостон в местности Куршаб (Андижанский вилайет) двумя документами оформила все свои земли (ок. 500 дес.) в вакф *ханаке* (обители) Ша Рахматуллы Ишана.

Возможность гражданско-правовых сделок на общинную землю, выделение частных владений и отчуждение земельных участков общинниками совпадало с дифференциацией хозяйств внутри общин и вело к появлению, с одной стороны, крупных землевладельцев и, с другой стороны, безземельных крестьян, пополнявших ряды издольщиков и поденщиков.

Выявленные архивные документы позволяют с достаточным основанием говорить о начале распространения у киргизов института землевладения мусульманского духовенства — *вакфа*. Во время поземельно-податного обследования в Ферганской области было собрано свыше 5,5 тыс. вакфных документов на выделение более 9 тыс. отдельных имуществ. Но администрация к рассмотрению приняла (как «достаточно авторитетные») лишь 600 документов, по которым было выделено примерно 80 тыс. дес. орошаемых земель. Из них на территории Киргизии — ок. 16 тыс. дес. Если принять во внимание количество непризнанных документов (почти 90%), то общее количество вакфной земли было несравненно большим.

Обилие вакфов в Кокандском ханстве объясняется тем, что фонд вакфных земель пополнялся за счет пожертвований всех сословий — от ханов до мелких феодалов, а также за счет крестьян-землевладельцев. Духовенство не останавливалось даже перед насильственным захватом и присоединением земель в вакф.

Во время частых в среднеазиатских ханствах конфискаций и обычного произвола властей вакфное имущество являлось наиболее устойчивым. В связи с этим здесь получил широкое распространение так называемый *вакф-авлод*, когда «жертвователь» оговаривал за собой и своими наследниками право на распоряжение получаемым с вакфного имущества доходом. Такими вакфами выступают владения влиятельных кокандских сановников киргиз-кыпчака Алимкула (в к. Карасу), киргиза Алимбека (к. Алимбек-Чек), кыпчака Хотамкула (в к. Сузак) и др.

Оформление земель в вакф непосредственными производителями-деханками (как, например, «пожертвование» киргизов рода бостон) объясняется или их стремлением обеспечить покровительство более сильного сюзерена или указывает на вынужденный характер «пожертвования».

Архивные документы свидетельствуют о наличии довольно многочисленных вакфных участков, находящихся среди земель киргизских кишлаков. В пределах одного к. Кара-Багыш, населенного киргизами тейит и кара-багыш, было четыре вакфных владения. Два из них (5 дес.) закрепил вакфом своей мечети карабагыш Бай Мухаммедбай, один (более 23 дес.) определен Тюрю-хан Тюрей в вакф андижанской мечети своего отца и один участок (3 дес.) был пожертвован киргизом Рахимкулом приходской мечети тейит. В к. Джигда-Могол, основанном киргизами могол и найман, шесть вакфных участков (первоначально ок. 70 дес.) принадлежало узгенскому медресе Араббая, а один (ок. 2 дес.) — школе (*мектеб-хана*) соседнего к. Хан-Абад.

Такова в общем структура землевладения в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Будучи в основе феодальной, она вполне соответствовала интересам господствующего класса, обеспечивая экономически выкачивание прибавочного продукта непосредственных производителей-крестьян, а политически — господство над всей массой трудящегося населения.

Во *второй главе* рассматриваются формы землепользования кочевого и оседлого населения Южной Киргизии.

Киргизы являлись самым многочисленным кочевым народом Кокандского ханства. Используемые нами данные позволяют предположить, что в Южной Киргизии в момент

вхождения в состав России насчитывалось не менее 125 тыс. душ киргизов. Основным занятием киргизского населения являлось экстенсивное скотоводство, но имело место и земледелие, преимущественно поливное.

Главными отраслями скотоводческого хозяйства являлись овцеводство, коневодство и разведение некоторых видов крупного рогатого скота, причем занятие овцеводством преобладало. Скот в течение круглого года находился на подножном корму. Лишь изредка в зимнее время подкармливали верховых лошадей и маточный скот. Кочевание велось по определенным сезонным маршрутам. Пастбищная территория соответственно делилась на два основных вида: летние (*жайлоо*) и зимние (*кыштоо*) пастбища, связывающими звеньями которых выступали весенние (*коктоо*) и осенние (*куздоо*) пастбища. Общее соотношение площади летних и зимних пастбищ в Ферганской области было примерно одинаковым, по статистическим обследованиям начала XX в. — 560457 кв. верст летних и 551432 кв. верст зимних. Зимние пастбища, на которых проводилось наиболее трудное для скота время года, обычно были постоянными. В пользовании летними пастбищами наблюдалась сравнительно большая свобода. Характерными в этом отношении являлись высокогорные районы Алая, Памира, Чаткала. Алайскими пастбищами даже в начале XX в. пользовались жители близлежащих Андижанского, Маргеланского и Опского уездов, и какие-либо границы, как писал один из поземельно-податных комиссаров, тут трудно определить, ибо «каждый из прибывших в течение лета со своими стадами обойдет долину Алая и ее окрестности». Если летом на Алае собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов, то на зимовках

оставалось совсем немного, в окрестностях Дараут-Кургана, к примеру, располагалось лишь до 150 хозяйств найман. Никто из землепользователей алайских пастбищ, по словам поземельно-податного комиссара, «личных прав на землю... не имеет и о праве собственности никто из них не заявлял. За ними право одно: исконное потомственное право пользования по обычаю». Статистические материалы поземельно-податного обследования кочевого киргизского населения подтвердили общность пользования отдельными летними пастбищными массивами самыми различными общинами и родоплеменными группами и не только кочевников, но и жителей оседлых земледельческих районов.

Представлявшие большую ценность зимние пастбища являлись предметом более четкого разграниченного пользования и вкочевывание на чьи-либо обособленные и «освященные давностью» земли было возможно лишь с разрешения данной общины, на договорных условиях. Размер установленных территорий, которыми пользовались отдельные общины, не стоял в прямой зависимости от величины стада, а определялся при первоначальном захвате и закреплении различными родоплеменными группами.

Пользование пастбищами было повсеместно общинным, что утверждают как первые исследователи поземельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев и А. И. Гомзин, так и материалы поземельно-податных комиссий. Общинная форма пользования пастбищами, при которой многоскотные хозяйства могли использовать пастбища всей общины, была выгодна, в первую очередь, феодальной родоплеменной знати, получавшей большие возможности для увеличения поголовья скота и расширения своих стад за счет мало-

скотных бедняцких хозяйств. Если взять статистические данные по Наманганскому уезду, то получается следующая картина. При условном принятии хозяйств с количеством скота от 1,5 до 6,6 ед. за бедняцкие (70,8%), от 9,8 до 17,6 ед. за средняцкие (24,1%), от 26,3 до 110,3 ед. за байские (5,1%), на 5 279 бедняцких хозяйств (35,7% ед. скота), из нормы 137,4 дес. на хозяйство¹, приходилось бы 725 334,6 дес., на 1 801 средняцкое хозяйство (39,4% ед. скота) — 247 457,4 дес.; на 372 байских хозяйства (24,9% ед. скота) — 51 112,8 дес. Фактически же на долю бедняцких хозяйств по статистическим данным приходилось 366 000 дес., на средняцкие хозяйства — 403 000 дес. и на долю байских хозяйств — 255 137,3 дес. Выходит, что байские хозяйства пользовались пастбищами других хозяйств в 204 024,5 дес., а у бедняцких хозяйств оставалось излишков в размере 359 334,6 дес., которые могли быть использованы при расширении байских хозяйств. Это тем более являлось возможным, что регулирование пастбищепользованием находилось в руках феодально-родовой знати в лице баев, биев, аксакалов. К тому же они выступали и в качестве административных чиновников ханства. Все это способствовало возрастанию роли богатой скотовладельческой верхушки в земельных отношениях, углублению внутри айльных общин крестьянской дифференциации, которая шла по линии скотовладения, в то время как в оседлых хозяйствах — по линии индивидуального землевладения и землепользования.

¹ Эта норма — из соотношения всей площади пастбищной территории Наманганского уезда (1 024 127,3 дес.) на количество кочевых хозяйств (7 452).

Пользование пахотными, преимущественно орошаемыми землями было повсеместно подворно-участковым. Несмотря на коллективность работ по созданию ирригационной сети, нередко арыки назывались именами баев, захватывавших себе пахотные участки в верховьях и узурпировавших право распределения воды во время полива. Уже первые исследователи земельных отношений местного населения отмечали, что у киргизов «пахотные земли совершенно неправильно захвачены родами биев, манапов и пр., имевших власть издавна, а бедный класс, действительно обрабатывавший земли, не пользуется ими» (М. Н. Николаев). Бедняки-джатаки, не имевшие скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, вынуждены были идти в услужение к баям, обрабатывая на издольных началах (*ортюк*) их участки.

Занятие киргизов-скотоводов земледелием, постоянные зимовки и застройки на них позволяют в отдельных случаях говорить о полукочевом ведении хозяйства. В кокандский период можно указать ряд районов земледелия, преобладающим населением в которых являлись киргизы.

Специфической особенностью земледельческого феодального хозяйства в Киргизии, как и в Средней Азии в целом, являлось отсутствие крупного, основанного на барщине, господского хозяйства. В Кокандском ханстве соединение крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием нашло выражение в широко распространенной *чековой* (надельной) форме землепользования. В литературе чеками принято называть участки общинной земли, перераспределяемые периодически соответственно выставленным хозяйством пар волов (*кошей*). Выявленные архивные материалы позволяют рассматривать *чек* (*чак*)

в первую очередь как земельный надел, выдаваемый государством или феодалом на определенных условиях крестьянину для обработки. К чековой системе при организации своих владений прибегли известные кокандские сановники Алимбек-дадха, Хотамкул, Мусульманкул и др. Чековая форма землепользования давала возможность феодалу, обеспеченному постоянной рентой с крестьян своих владений, не вести собственного господского хозяйства.

В оседло-земледельческих кишлаках существовала в основном индивидуальная форма пользования пахотными землями и общая выгонами, пастбищами, зарослями кустарников и лесами. Следует отметить, что если землепользование зажиточных хозяйств складывалось из элементов купчей, надельной и арендованной земли, то обездоленные крестьяне-бедняки обычно прибегали к издольной аренде. В отдельных районах, ограниченных водными ресурсами, крестьяне, получая в издольную аренду землю, должны были вносить дополнительную плату за право пользования оросительной водой. Право водопользования оговаривалось особыми документами.

В *главе третьей* «Основные формы эксплуатации» в первой части анализируются государственные поземельные налоги и во второй — другие формы феодальной эксплуатации.

В Южной Киргизии в годы зависимости от Коканда верховным собственником земли являлось государство как представитель всего класса феодалов. В основе феодальных производственных отношений как в оседло-земледельческих, так и в кочевых скотоводческих районах лежала собственность на землю. Владевший землей имел экономическое и политическое господство. Экономической формой реализации права

собственности являлись обложение трудящихся налогами и всевозможными повинностями, земельная рента. Владение землей было главным средством эксплуатации, и земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. Соотношение между рентой государству — налогом и долей ренты в пользу землевладельца определялось видами землевладения и условиями землепользования, наличием у феодала полного или частичного налогового иммунитета. С амляковых земель рента полностью присваивалась государством, а с частновладельческих, общинных и вакфных частично уступалась государством землевладельцу.

Ведущей формой ренты являлась рента продуктами, которая «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений»¹. В кочевых районах Киргизии имела место и отработочная рента, нередко маскировавшаяся пережитками патриархальных отношений и «родовой взаимопомощи». Отработочная рента в форме *ашара* наблюдалась и в оседло-земледельческих районах. С середины XIX в. практикуется и рента деньгами, как превращенная форма натуральной ренты, уже свидетельствующая о проникновении капиталистического влияния и зарождении товарно-денежных отношений. Однако следует отметить, что если для земледельческих районов Ферганы переход от натуральной ренты к денежной являлся признаком определенных социально-экономических сдвигов, то у кочевников это пока не оказывало существенного влияния на экономику и вело лишь к усилению налогового гнета.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 359—360.

В Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, было большое количество налогов и повинностей, самыми тяжелыми из которых являлись поземельные. В диссертации рассматриваются поземельные налоги *харадж* и *ушр*, взимавшиеся с валового дохода урожая полевых культур, *танабана* — налог с огородных и садовых культур по занятой площади. Если хараджные списки (*дафтары*) велись ежегодно, то танапные составлялись один раз в три года. Наиболее обременительным налогом с кочевников был *зякет*. Несмотря на теоретическую регламентацию размеров зякета, который мусульманским законодательством определялся в 1/40 часть скота, сбор его отличался полной бесконтрольностью и произволом чиновников. По словам современников, «сбор этой подати сопряжен в Коканде с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно двадцатой части стад своих». Неупорядоченности сбора налогов способствовала и широко распространенная система их откупов (*иджара*). Однако в последние годы ханства кокандское правительство, в стремлении привлечь киргизских феодалов на свою сторону, несколько изменило метод взыскания зякета, в отдельных случаях перепоручая его местной феодально-родовой знати, одновременно освобождая отдельных ее представителей (как, например, багыша Сарымсак-дадху) от налогов. При новой практике налогообложения киргизские феодалы иногда вносили подать сразу за всю подвластную группу, а затем произвольно взыскивали ее в двух- и трехкратном размере с подчиненной букары. Таким образом, налог-рента государству поступал не непосредственно от производителей, а через феодалов, которые присваивали немалую часть собранного.

Кроме названных основных налогов, в Кокандском ханстве существовало еще много других податей и повинностей, таких как *панджйак* — налог с зарослей колючки (топлива), *хан-салык*, *тютун-пуля* — денежный сбор с каждого двора, *ника-хана* — свадебная пошлина, *тарикана* — пошлина за раздел наследства, *доругаги* — налог на содержание местных правителей и др. В отдельных районах существовала особая плата за пользование оросительной водой — *хаки-оби*. По меткому замечанию туркестанского ориенталиста А. Л. Куна, в последние годы ханства налоговая система была так изощренно развита, что «оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего».

Налоговой гнет ложился тяжелым бременем на плечи трудящихся, непосредственных производителей-крестьян. Феодалы, сами принимавшие участие в эксплуатации, пользовались всевозможными льготами, о чем, в частности, свидетельствует сохранение института *тарханства* (налогового иммунитета).

Списки освобожденных от налогов лиц — *дафтари-тархани*, сохранившиеся частично в архиве кокандских ханов, — доказательство тому, что светские и духовные феодалы пользовались налоговым иммунитетом. Обеление частных владений феодалов, образование земель *мильки хурри холис*, производилось специальными ханскими грамотами — *ина-ят-наме*, *мубарак-наме*, *патта*, которые имели силу лишь на срок, указанный в документе, и требовали подтверждения каждого нового правителя. Установившееся в литературе мнение, что все вакфы не облагались налогами, не подтверждается нашими материалами. Обеление вакфов, так же как и частных владений, требовало правительственного

утверждения. Практически только часть вакфов пользовалась налоговым иммунитетом (*ак-вакф*), имели место частично обеленные (напр., *вакф-кадресе*) и даже облагаемые всеми налогами вакфы (*кара-вакф*).

Соотношение доли ренты, уступаемой государством феодалу и получаемой в казну, было различно в каждом отдельном случае. Из сравнения среднеазиатских документальных источников можно вывести средний размер ренты (включая и налог), определявшийся примерно в $1/3$ валового урожая или от $2/3$ до $3/4$ стоимости земли. Так, купля у государства земельного владения и возвращение в казну $2/3$ (или $3/4$) земли давали право на обеление оставшейся части, которая становилась *замини мильки хурри холис*. Государство как бы вперед взимало все подати и выдавало свидетельство о полной собственности на землю. Жители к. Гург-тепа откупили за определенную сумму (58 тилла) у государства земли во владение (*мильк*). Если прежде они выплачивали государству налог-ренту в размере $1/3$ урожая, то после купли стали платить лишь $1/5$ часть с урожая, в качестве налога. В результате часть ренты присваивало государство (как налог), а другую часть — землевладелец. Это объясняет и факт, почему в качестве пожалований ханы могли превращать в танхо или жертвовать в вакф не только государственные, но и частновладельческие и общинные земли. Фактически государство переуступало в таком случае свою долю ренты (часть или весь налог).

В налоговых дафтерах велись отдельные записи по государственным, «удельным» и частновладельческим землям. В них фиксировался размер хараджа, плата с крестьян за пользование землей — рента (*ир-хаки, замин-хаки*),

сведения об отработках — *ашар* на государственных и ханских землях.

Наследственно пользовавшиеся различными категориями земель непосредственные производители (*каранда*) выплачивали одинаковую ренту. Меньше платили лишь те крестьяне (*дехкане*), которые сами выступали землевладельцами (частными или общинными). Самая большая рента взималась с краткосрочных арендаторов — издольщиков (*нимкора, чайри-кер*). Условия краткосрочной аренды были наиболее кабальными. Если производитель имел свой скот, семена и арендовал только земельный участок, он выплачивал до половины урожая. Если бедняк помимо земли вынужден был пользоваться не своими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. выступать фактически наемным работником), он отдавал до 4/5 урожая. Расчет с землевладельцем происходил уже после выделения доли государству — налога.

В последние годы Кокандского ханства ханы наиболее ценные пастбища и выгоны стремятся сделать дополнительным источником дохода, объявляя их «заповедными» — *курук*. С кочевников, пригонявших зимовать скот на земли, ставшие «заповедными» (*курук*), взималась дополнительная, арендная плата.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации. Киргизская феодально-родовая знать не нуждалась в юридическом закреплении привилегий, она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «При том примитивном

и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное отношение и соответствующий ему способ производства, — писал К. Маркс о феодализме, — традиция должна играть преобладающую роль»¹. В определенной мере это было характерно и для киргизов. Подати и повинности, будучи для киргизской бедноты фактически обязательными, иногда внешне казались «добровольными». Основная масса кочевников, обладавшая хозяйственной самостоятельностью, несла трудовую повинность в пользу своих феодалов, участвуя в пастьбе скота и уходе за их хозяйством. Обедневшим бесскотным или малоскотным хозяйствам феодалы предоставляли во временное пользование скот при условии возвращения его через определенное время с приплодом. Такой вид оказания «взаимопомощи» — *саан* всегда был связан с обязательной работой бедняка на бая. В основном в пользу феодалов шли такие поземельные сборы как *туякат*, *чоп ооз*, взимаемые с каждого «чужеродца»-скотовладельца за пользование пастбищами данного общинно-родового объединения. Одной из доходных статей феодалов служили различные подношения, известные под названием *союш*, *чыгым*, *салык* и др. *Ашар* — старый обычай добровольной взаимопомощи — нередко использовался феодалами в качестве отработочной ренты.

Некодифицированные и нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались своего рода нерегламентированной рентой и довольно болезненной для рядового кочевника. Положение трудящихся масс усугублялось тем, что киргизские феодалы, являясь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 356.

административными чиновниками хана, взыскивая различные государственные сборы, применяли обман и произвольно увеличивали размеры налогов.

Во второй половине XIX в. усиливается процесс имущественного и классового расслоения крестьянства в аилах и кишлаках. Выделение богатых хозяйств, с одной стороны, и пауперизация крестьянства, с другой, ведут, наряду с продолжавшейся практикой сдачи земель в издольную аренду, к применению наемного труда батраков, поденных и сезонных рабочих. Намечаются элементы развития отходничества. Однако рабочая сила отходников не всегда становилась товаром. Большинство из разорившихся крестьян всеми силами стремится вновь соединиться с землей, соглашаясь на кабальные условия издольной аренды. Крайне незначительный удельный вес хозяйств с применением наемного труда свидетельствует об абсолютном преобладании еще старых производственных отношений и методов эксплуатации.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты. Ответом на экономический, политический и национальный гнет кокандских феодалов были вооруженные восстания, в которых, наряду с киргизским населением, принимали участие узбекские и казахские трудящиеся, что привело в известной мере к ослаблению Кокандского ханства и способствовало, в конечном итоге, его ликвидации.

Вхождение Киргизии в состав России повлекло за собой разрушение отсталых форм натурального хозяйства под воздействием более передовой экономики России, способствовало вовлечению края в орбиту капиталистического развития.

В *выводах*, завершающих исследование, в тезисном порядке приводятся основные положения, к которым пришел диссертант.

Основное содержание диссертации опубликовано в брошюре «Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России». Изд-во «Илим». Фрунзе, 1965. 4 п. л.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

На правах рукописи

**ПЛОСКИХ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ
КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО**

**(Проблема политических и социально-экономических
взаимоотношений во второй пол. XVIII — 70-х гг. XIX в.)**

Специальность 07.00.02 — История СССР

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва — 1978

Проблема политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства недостаточно разработана в советской историографии. Ее некоторые важные аспекты нуждаются в глубоком исследовании, уточнении и критическом переосмысливании. До недавнего времени при изучении истории Средней Азии XXIII—XIX вв. основное внимание уделялось историческим событиям, ограниченными современными административно-политическими рамками национальных республик. Коллективная работа над обобщающей историей Среднеазиатско-Казахстанского региона способствует выявлению ряда нерешенных проблем и дискуссионных вопросов. Одной из них является проблема политических и социально-экономических взаимосвязей между народами. Это относится также к истории Кокандского ханства и связанного с ним на протяжении целого столетия киргизского народа.

Несмотря на бесспорные достижения советской исторической науки в последние годы, многие вопросы истории Киргизии нуждаются еще в дополнительном исследовании, уточнении и критическом разборе¹. Поставленная XVI съездом

¹ См.: *Каракеев К. К.* Киргизия. В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975. С. 414—422; *Лахилейгер Г. Ф.*

Компартии Киргизии (январь 1976 г.) задача дальнейшего усиления разработки актуальных проблем общественных наук в республике, уровень развития которых все еще не отвечает требованиям современности, в полной мере и в первую очередь относится к представителям исторической науки Киргизстана¹.

В предлагаемой диссертации на основе комплексного использования материалов оригинальных источников, новых архивных документов исследуется проблема политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, влияние внешнеполитического фактора на развитие киргизского народа в период отражения цинской агрессии, зависимости от Кокандского ханства и добровольного вхождения в состав России.

Актуальность темы заключается в выявлении глубоких корней дружбы и классовой солидарности трудящихся узбеков, таджиков и киргизов в совместных выступлениях против ханско-феодального гнета, предпосылок добровольного вхождения Киргизии в состав России. Важность избранной темы определяется исследованием процессов, сблизивших народы Средней Азии в их историческом развитии, необходимостью усиления внимания к историческим связям народов Советского Союза в целом. Эти вопросы имеют кардинальное значение. Они вытекают из требований к исторической

Проблемы развития исторической науки в Казахстане и Средней Азии на современном этапе // Изв. АН Казах. ССР. Серия обществ. наук. 1975. № 6. С. 3—15.

¹ Усубалиев Т. У. Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Киргизии XVI съезду Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1976. С. 41.

науке, выдвинутых XXV съездом КПСС и заключающихся в дальнейшем расширении и углублении исследований всего многообразия исторического процесса, важнейших проблем отечественной истории, диктуются требованиями бескомпромиссной идеологической борьбы с буржуазными, ревизионистскими и прочими фальсификациями исторического прошлого народов СССР.

История взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства дает возможность более полно выявить вопрос об истоках дружбы и классовой солидарности трудящихся киргизов и узбеков. Политика ханов, феодалов, манапов-родоправителей была направлена на разъединение народов и усиление их эксплуатации. Но хозяйственные контакты и взаимообмен производимыми продуктами, стихийный протест и открытые восстания, совместные выступления трудящихся в борьбе против ханско-феодального гнета способствовали установлению взаимопонимания и сотрудничества различных народов и этнических групп, объединению угнетенных масс в их общей борьбе против всех видов эксплуатации — исходила ли она от ханов и их чиновников, или от «своих» феодалов, бай-манапов.

Автор ставит *задачу* всесторонне и по-новому исследовать вопросы, связанные с киргизско-кокандскими отношениями с середины XVIII в. до конца 70-х годов XIX в.

В диссертации всесторонне рассмотрены ход и особенности завоевательной политики кокандских ханов на территории Киргизии.

Освещаются ход освободительной борьбы киргизов и узбеков против цинской агрессии, отстаивание ими своей независимости от маньчжуро-цинских феодалов. Разоблачается

тенденциозность и фальсификация китайской национал-шовинистической доктрины территориальных притязаний на земли народов Средней Азии.

Впервые исследуется процесс подчинения киргизов административно-политической системе Кокандского ханства, вскрываются основы местного «самоуправления» родоплеменных биев и манапов, выясняется активная роль киргизской феодальной знати в политической жизни ханства.

В новом аспекте рассматривается строительство и назначение кокандских крепостей — с одной стороны, как оплота ханско-феодального гнета, с другой, — как пограничных форпостов, преграждавших путь маньчжуро-цинским завоевателям.

На вновь выявленных документальных первоисточниках в работе анализируются социально-экономическое положение киргизов и угнетательская сущность Кокандского ханства, его налоговая система, а также другие формы эксплуатации трудящихся. Вскрывается несостоятельность буржуазных теорий социальной однородности и бесклассовости киргизского общества XVIII—XIX веков.

Подробно рассматриваются киргизско-узбекские хозяйственные связи: раскрыто влияние на развитие киргизского хозяйства узбекских тружеников — мастеров поливного земледелия, полеводов и садоводов, умельцев гончарного и других видов ремесленного производства; показано, что обмен и торговые контакты, взаимодействие между земледельцами-узбеками и скотоводами-киргизами способствовали в определенной степени выравниванию уровней их хозяйственного развития. Выдвигается положение о переходе, начиная с XVIII столетия, части киргизского

населения к земледелию, а также о полукочевом характере хозяйства киргизских животноводов в южных районах края. Вопреки утверждениям буржуазной историографии о якобы извечной вражде между кочевниками и оседлыми народами в диссертации вскрывается взаимосвязь кочевого и оседлого населения ханства, роль скотоводства и земледелия в его экономике.

Обосновывается вывод о господстве в Киргизии XVIII—XIX вв. феодальных социально-экономических отношений, появлении под влиянием Кокандского ханства новых феодальных институтов. На основе анализа выявленных документов утверждается, что в Киргизии в этот период получили более широкое, чем ранее, распространение некоторые социально-экономические категории, такие как мильк — частное землевладение, а другие — впервые появились у киргизов, например, вакф — феодальное мусульманское землевладение, отмечено проникновение в среду киргизской знати института тарханства — налогового иммунитета феодалов за выслуги перед ханами и пр.

И, наконец, впервые предпринята попытка по-новому рассмотреть этапы народно-освободительной борьбы киргизского народа против ханского гнета, формы ее слияния с классовой борьбой трудящихся масс, в которой, помимо киргизских, принимали участие узбекские и таджикские труженики. В то же время показывается, что, несмотря на ряд временных успехов, стихийные неорганизованные и локальные выступления трудящихся не могли привести к победе народа, уничтожению налогового гнета и ханско-феодального деспотизма. Выход из создавшегося положения заключался в сближении с более передовым государством — Россией, в союзе киргизских трудящихся с русским народом.

Весь комплекс исследованных вопросов приводит нас к выводу, что завоевание Кокандом Киргизии затормозило ее вхождение в состав России и тем самым задержало социально-экономическое развитие киргизского народа. Падение Кокандского ханства, проводившего политику угнетения своего и соседних народов, было вызвано внутренними причинами социально-экономического и политического характера, в результате массового национально-освободительного движения киргизских трудящихся, поддержанных узбекскими и таджикскими тружениками Ферганы. Но определенную роль в этом сыграло и добровольное вхождение Киргизии в состав России.

Методологической основой диссертационной работы послужили труды классиков марксизма-ленинизма, имеющие ключевое значение для понимания общеисторического процесса развития и специфических черт общественно-экономических отношений в странах Востока.

При этом можно выделить три главных направления в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые имеют основополагающее методологическое значение: во-первых, характеристика специфических и общих черт исторического развития стран Востока; во-вторых, разработка учения о докапиталистических формациях; в-третьих, оценка роли России в истории стран Востока.

Историография проблемы. Литературу дореволюционного периода можно разделить на три группы: а) русскую литературу, б) зарубежные публикации и в) сочинения среднеазиатских авторов.

Ранние известия о расселении и хозяйстве киргизов, о завоевательных походах Коканда связаны с именами русских

ученых и путешественников П. Н. Рычкова, Ф. Ефремова, И. Г. Андреева и Ф. К. Зибберштейна. В 1851 г. в «Записках РГО» публикуется большая энциклопедическая статья¹ о киргизах с данными об общественном строе, экономике, политических отношениях киргизов с Кокандским ханством, о мощном антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 году. Во второй половине XIX в. появляются описания путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова, А. Л. Куна и др. Все они затрагивали отдельные стороны положения киргизов и состояния Кокандского ханства в то время, но не давали общей картины истории киргизов и Кокандского ханства, их взаимоотношений.

Первая специальная работа «Краткая история Кокандского ханства» В. П. Наливкина вышла в Казани в 1886 г. Книга написана по среднеазиатским нарративным источникам с привлечением отдельных документов и народных преданий и посвящена, в основном, политической истории ханства. В ней нашло отражение участие киргизов во внутренней жизни ханства и многочисленных антикокандских восстаниях. Но в работе очень мало уделено внимания социально-экономическим вопросам. Некритически следуя за нарративными источниками, нередко не называя их, В. П. Наливкин отступал от требований, предъявляемых к научным публикациям даже своего времени. Но в целом работа была положительно оценена общественностью. Книга

¹ В результате архивных поисков и сопоставления ряда материалов мы пришли к заключению, что автором статьи был переводчик «при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой Орды (казахов)» И. Бардашев.

(и на сегодняшний день единственная по истории Кокандского ханства в целом) до сих пор продолжает сохранять важное значение как ценный свод сведений из среднеазиатских рукописных источников.

В 1893 г. появился труд по истории Киргизии с древнейших времен до конца XIX в., задуманный как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера, который был написан Н. А. Аристовым. Это — сводная работа по политической истории киргизов, несколько глав которой посвящено положению Киргизии в период господства Кокандского ханства. К сожалению, для Н. А. Аристова, как и В. П. Наливкина, был характерен описательный, а не аналитический подход к использованию источников. Именно за это рукопись подверг серьезной критике Н. И. Веселовский, что послужило препятствием к ее публикации¹. При всем этом, однако, работа Н. А. Аристова имела и положительные моменты: автор выдвинул свою гипотезу этногенеза киргизского народа, наметил периодизацию истории Киргизии, принятую в основном и В. В. Бартольдом, рассмотрел роль киргизов в политической жизни Кокандского ханства и Восточного Туркестана. Но в целом Н. А. Аристов не сумел подняться до критического осмысливания многочисленных источников, что значительно снижает ценность его рукописи.

Наряду с трудами, вызванными научными интересами общества, в конце XIX — начале XX вв. появляется серия работ по истории Туркестана, в том числе по истории Киргизии, в которых отразились колониальные цели цариз-

¹ Рукопись Н. А. Аристова под названием «Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргызы», (Ч. 1—2. СПб., 1893) находится в Архиве ГО СССР.

ма и туркестанской администрации. В числе таких работ можно отметить книги М. А. Терентьева, Л. Ф. Костенко, К. П. Кауфмана, А. К. Гейнса и др. В этих трудах явно недооценивалась история «инородцев». Положение о родовом строе у киргизов и других кочевых народов Туркестана принималось как бесспорное.

Публикации зарубежных авторов были обычно связаны с происками английского империализма в Средней Азии и Восточном Туркестане. Но отдельные работы среди них заслуживают внимания, такие как американского путешественника Юджина Скайлера с кратким очерком истории Коканда; англичанина Чарльза Боулджера, посвященная жизнеописанию восточно-туркестанского бадаулета Якуббека; книги Роберта Шоу, Генри Раулинсона, Ф. Скрайна и Э. Росса. Задачу раскрыть для английского читателя характер политических отношений России со среднеазиатскими ханствами и положение Восточного Туркестана ставила публикация Джона и Роберта Митчел. При критическом подходе подобные работы помогают лучше ощутить ту атмосферу внешнеполитической напряженности в Средней Азии, на фоне которой развивались киргизско-кокандские взаимоотношения.

В определенной степени пытались осмыслить исторический процесс и дореволюционные среднеазиатские авторы, сочинения которых ходили в рукописных списках. Как правило, они отражали идеологию придворных феодальных кругов, грабительские устремления и завоевательную политику ханов оправдывали «законом миродержания и царственного поведения» [Тухфат ат-таварих-и хани, л. 59]. В 1885 г. Н. Пантузов издает в оригинале одно из наиболее

известных кокандских сочинений Муллы Нияза «Тарихи Шахрохи» (написанное в 1871 г.). История Кокандского ханства в нем предстает как цепь дворцовых переворотов и войн с соседями, много внимания уделяется выступлениям киргизов и кыпчаков против кокандских ханов.

К подобным сочинениям относятся и рукописи Мирзы Каландара «Шах-наме» (или «Тарихи Омар-хани»), Мухаммеда Хаким-хана «Мунтахаб ат-Таварих» (извлечения из которых опубликованы уже в наше время В. А. Ромодиныным); книга Мирзы Абдалазима Сами «Тарих-и салатин-и Мангитина» (М., 1962), сочинения Муллы Авваза «Тарих-и джахан-Нуман» и Абу Убайдуллы «Хуласат ал-ахвал» (описанные и изданные в извлечениях Н. Набиевым, А. Урунбаевым и А. Мухтаровым), а также «Тухфат ат-таварих-и хани» (рукоп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С-440). Эти нарративные сочинения важны для характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве, определения роли в нем киргизов.

Своеобразны по форме и содержанию произведения киргизского поэта XIX в. Молдо Нияза. В двух рукописных книгах его санат (рукоп. фонды АН Киргиз. ССР, инв. № 1732 и 5072), обнаруженных лишь в 1950-х годах, можно выделить сюжеты, бичующие социальную несправедливость, отражающие положение и роль киргизских феодалов в истории Коканда и др. Молдо Нияз, будучи по своей сути гуманистом, не сумел подняться до обобщения фактов. События он излагает так, как их воспринимал — несколько наивно и субъективно в силу ограниченности своего мировоззрения, идеализируя отдельных феодалов. Его исторические сведения более скудны, чем в аналогичных кокандских нарративных

источниках. Но их особая ценность заключается в другом: это одно из немногих исторических полотен, нарисованных представителем киргизского народа о современном ему кокандском периоде истории Киргизии.

Выразителем реакционной идеологии пантюркизма, байманапства и нарождавшихся буржуазно-националистических элементов был воспитанник новометодной школы Осмоналы Сыдыков. В основу его книг [«Мухтаси тарихи Киргизия», Уфа, 1913; «Тарихи киргиз шадмания», Уфа, 1914] были положены устные родословные предания и жизнеописания манапов. В них нашли отражение и исторические события Киргизии во взаимосвязи с историей Кокандского ханства, но сквозь призму деяний крупных киргизских феодалов. Автор исходил из принципа традиционного родоплеменного деления киргизов, утверждения бесклассовости их общества, идеализации «тюркоязычного родства».

Анализ дореволюционной литературы показывает, что она весьма невелика и представляет интерес скорее в источниковедческом плане, в аспекте выявления определенных фактов.

Советская историография, восприняв все лучшее, что было достигнуто дореволюционными исследователями, на базе марксистско-ленинской методологии создала подлинно научную историю народов Средней Азии. В советской среднеазиатской историографии можно выделить три этапа: первый — 20—30-е годы, второй — 40—50-е годы и третий — с 60-х годов.

Первоначальное изучение общественных отношений у народов Средней Азии, в том числе киргизов и узбеков, вытекало из конкретных задач социально-экономических преобразований. Предпринимается попытка по-новому осмыслить

былое родоплеменное деление и патриархально-феодальные отношения местных народов, унаследованные от прошлого, экономическую отсталость, консервативные формы быта. Первые авторы социологических и хозяйственных обследований еще сами не всегда представляли в полном объеме сложности исторического процесса, не владели в должной мере методологической основой марксизма-ленинизма; экскурсы в дореволюционное прошлое, особенно такое отдаленное, как кокандский период, проводили на сравнительно бедном фактическом материале. Из этого вытекали и противоречивые оценки политического, общественно-экономического развития киргизского и узбекского народов в прошлом, ошибки и неточности (Т. Рыскулов, П. П. Кушнер, П. Погорельский и В. Батраков).

В ходе дискуссии 30-х годов «об азиатском способе производства», переросшей в общеметодологическую дискуссию о социально-экономических формациях, утвердилось положение об общественном строе стран среднеазиатского Востока как феодальном. Правда, иногда при этом высказывались и крайне бездоказательные суждения. Без достаточной источниковедческой базы предпринимается попытка выявить феодальные формы земельной собственности в кочевых обществах, даже обосновать тезис о наличии у киргизов в кокандский период крупных помещичьих хозяйств барщинного типа¹.

В конце 30-х годов к теме Кокандского ханства и истории его взаимоотношений с соседними народами обращается

¹ См.: *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых обществах. В кн.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934 (Изв. ГАИМК, вып. 103). С. 190.

П. П. Иванов¹. Его книга (подготовленная в 1938—41 гг., но опубликованная позже) ставит вопрос о взаимоотношении киргизов с Кокандским ханством, хотя, ввиду недостаточности материалов и краткости изложения, они не нашли должного решения. Архив кокандских ханов был еще не выявлен, другими архивными документами автор не располагал и ограничился по преимуществу нарративными источниками. В связи с этим в книге нечетко сформулировано положение о развитии феодализма, формах земельной собственности и феодальной эксплуатации, зависимости дехканства.

Оценивая в общем историографию 20—30-х годов, можно заключить: в литературе утвердилась марксистско-ленинская концепция общественно-экономических формаций, наметились аспекты изучения политического и социального развития народов Средней Азии в прошлом.

В 40—50-х годах выходит в свет ряд работ по отдельным конкретным вопросам политической истории и социально-экономических отношений киргизов XIX в. (С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, А. Н. Бернштам, С. И. Ильясов, А. Х. Хасанов), появляются статьи по истории Кокандского ханства (Р. Н. Набиев, В. А. Ромодин, А. Урунбаев, А. Е. Маджи, А. О. Мухтаров). А. Л. Троицкой обнаружен архив кокандских ханов, по материалам которого публикуются ее первые статьи. Шел ускоренный процесс накопления источников и введения их в научный оборот.

¹ *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в нач. XIX в.). Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. VII. М., 1939; *Он же.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX вв.). М., 1958.

Важное значение для определения общественного строя Киргизии кокандского периода, характеристики патриархально-феодальных отношений имела Ташкентская объединенная научная сессия 1954 года. Ее участники отвергли теорию особого пути развития кочевых народов и пришли к заключению, что при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов сущность этих отношений была феодальной, как и у оседло-земледельческих народов в их основе лежала феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты¹.

Количественное накопление материалов позволило с 60-х годов киргизским и узбекским историкам перейти к монографическому оформлению проведенных исследований. Появляются книги К. У. Усенбаева, А. Х. Хасанова, К. И. Петрова, М. А. Айтбаева, С. И. Ильясова, Б. Д. Джамгерчинова, С. М. Абрамзона по истории Киргизии XVIII—XIX вв.²;

¹ Материалы объединены научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 581.

² Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; Он же. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX в. Фрунзе, 1961; Его же. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977; Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961; Айтбаев М. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и нач. XX вв. Фрунзе, 1962; Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — нач. XX вв. Фрунзе, 1963; Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Он же. Очерк политической истории Киргизии

исследования Н. А. Халфина, Х. З. Зияева, Р. Н. Набиева, Ю. А. Соколова, А. Л. Троицкой по отдельным вопросам истории Узбекистана (в том числе Кокандского ханства)¹; публикуются работы с привлечением новых источников по истории взаимоотношений народов Средней Азии и Восточного Туркестана (Б. П. Гуревич, В. С. Кузнецов, К. Ш. Хафизова)².

И, наконец, в 1968 г. выходят новые издания «Истории Киргизской ССР» (в 2-х томах, 3-х книгах) и «Истории Узбекской ССР» (в 4-х томах), которые подвели итоги всем предшествующим исследованиям, тем самым определив разработанные темы и те, которые еще предстояло изучить. Надо сказать, что если разработка многих сюжетов истории киргизского и узбекского народов XIX в. существенно продвинулась вперед, то вопросы истории XVIII в. и истории

XIX в. (первая половина). Фрунзе, 1966; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

¹ *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии (1857—1863). М., 1960; *Он же.* Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965; *Он же.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974; *Зияев Х.* Урта Осие ва Сибирь (XVI—XIX арслар). Тошкент, 1962; *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1967; *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965; *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.

² *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России // «История СССР». 1973. № 2; *Он же.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. // «Вопросы истории». 1974. № 9; *Кузнецов В. С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973; *Хафизова К. Ш.* Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева / В кн.: История и культура Китая. М., 1974.

Кокандского ханства в целом продолжали оставаться наименее освещенными¹.

Каковы же в итоге результаты исследований 60—70-х годов? В эти годы окончательно сформулирована и определена характеристика феодального общественного строя киргизов, которым были присущи патриархально-феодальные отношения, когда феодальные отношения переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений.

В целом киргизской историографией достигнуты важные результаты, получили верное отражение узловые аспекты истории Киргизии в период господства Кокандского ханства, в том числе социально-экономических отношений, налогового гнета, хода восстания 1873—1876 гг. и последовавшего за этим присоединения Кокандского ханства к России. Но всем им присуща общая характерная особенность: недостаточное внимание к внешнеполитическим связям киргизов, раскрытию дружеских хозяйственных взаимоотношений земледельческого узбекско-таджикского и скотоводческого киргизско-казахского населения в рамках Кокандского ханства, временами искусственное разделение истории отдельных частей Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, некогда регионально объединенных в границах

¹ В 1960-х годах над проблемой начал работать и автор диссертации, опубликовав несколько книг: *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965; *Он же.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968; *Он же.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе, 1970; *Он же.* У истоков дружбы. Фрунзе, 1972; *Он же.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

одного Кокандского ханства, и вытекающее из этого слабое внимание сюжетам исторической общности судеб народов Средней Азии и Казахстана, всему тому, что их объединяло в историческом процессе.

Каждая из опубликованных работ в достаточной степени решала свою задачу, отвечала на поставленные вопросы. Но, поскольку ни одна из них не ставила цель непосредственного исследования киргизско-кокандских взаимоотношений, естественно, имели место нерешенные, только затронутые вопросы, спорные и противоречивые тезисы. Поэтому мы пытались акцентировать внимание именно на этих положениях. Так, вне поля зрения историков осталась проблема в целом, в связи с этим нуждается в оценке и общая внешнеполитическая роль ханства, продолжает оставаться нераскрытым характер кокандской колонизации завоеванных соседних территорий, требуют особого исследования социально-экономическая структура ханства как феодального государства, особенности внутриклассовой борьбы и специфика народно-освободительных движений.

До сих пор нет в литературе устоявшегося твердого мнения в отношении антикокандского восстания 1873—1876 гг. и его предводителя Исхака Муллы Хасан-оглы. Первоначально исследователи (С. Павлов, М. Рабинович¹) оценивали движение как народно-освободительное, а его предводителя как национального героя, выразителя интересов народных масс. Другие ученые (А. В. Пяковский, отчасти

¹ Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. // «Борьба классов», 1936, № 4.

К. У. Усенбаев¹) последний этап восстания — 1875—1876 гг. признавали реакционным, а его предводителя — авантюристом, реакционером, стремившимся к возврату феодально-ханских порядков. В последней книге А. Х. Хасанова восстание также подразделяется на два этапа, но автор уже склонен и второй этап считать прогрессивным. Если первый этап он характеризует как «антифеодальный, народно-освободительный», то второй — как «антифеодальный, антиколониальный»². По нашему мнению, верный подход к оценке восстания 1870-х гг. (как народного движения) предпринят узбекскими историками³, но он недостаточно всесторонне аргументирован.

До последнего времени уделялось недостаточно внимания вопросам киргизско-китайских взаимоотношений и участию Кокандского ханства в политических событиях Восточного Туркестана. Имевший место не критический подход к китайским источникам, особенно в оценке положения киргизов во второй пол. XVIII — сер. XIX вв., привел к ряду искажений, нашедших отражение даже на страницах таких обобщающих работ, как «Всемирная история» (т. V), «История Киргизии» (1-е и 2-е издания). Они были исправлены в третьем издании «Истории Киргизской ССР» (1968 г.). Отдельные вопросы отношений киргизов

¹ Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАНа СССР, вып. IV. Фрунзе, 1954; Усенбаев К. У. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

² Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. С. 61, 91.

³ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 29—38.

с Китаем находят правильное освещение в работах Б. П. Гуревича, М. И. Сладковского, Л. С. Тихвинского и других советских востоковедов. Но до последнего времени можно еще встретить серьезные ошибки, вытекающие из некритического отношения к источникам. В частности, в работе З. Ч. Мамытбекова вопреки историческим фактам утверждается о захвате киргизской территории китайцами и насильственном расселении ими киргизских племен «в различные части Центральной и Средней Азии»¹.

Фактический материал свидетельствует, что Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе Цинской империи. На их территории не было никаких цинских административных органов, а их население не терпело вмешательства в свои дела и давало должный отпор внешней агрессии со стороны маньчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана, киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний местного населения.

Современная зарубежная историография, в какой-то мере затрагивающая и вопросы истории Средней Азии XVIII—XIX столетий, немногочисленна. Она включает работы авторов, которые пытаются по возможности осмыслить прошлое, но не располагают оригинальными материалами, слабо знают советскую литературу и оперируют обычно фактами, введенными в научный оборот еще в прошлом веке, либо препарированными материалами отдельных советских изданий.

¹ Мамытбеков З. Ч. Патриотические идеи эпоса «Манас» // Известия АН Киргиз. ССР. 1978. № 1. С. 80.

Подытоживая историографический обзор, можно заключить: предшествующими трудами советских историков исследованы многие ранее неизвестные стороны истории киргизского, узбекского, таджикского и других народов Средней Азии, намечены отдельные вопросы истории их взаимоотношений. Отгалкиваясь от них, поставив целый ряд новых вопросов, мы обратились к решению проблемы политических и социально-экономических отношений киргизов и Кокандского ханства в целом.

Для выполнения темы применен комплексный метод использования источников: выявлены оригинальные архивные документы, привлечены нарративные сочинения, собраны этнографические материалы, проведены археологические раскопки и специальные полевые археологические поиски. В зависимости от этого все источники в диссертации подразделены на четыре комплекса: 1 — архивные документы, 2 — нарративные сочинения, 3 — этнографические и фольклорные данные, 4 — археологические материалы.

Выявленные архивные документы, в зависимости от характера можно также разделить на несколько групп.

Исторические акты — указы, документы государственного управления и делопроизводства, по землевладению, налоговой политике и т. д. — в большинстве выявлены в ЦГА Узб. ССР, в фондах архива кокандских ханов¹ (ф. и. 1043), канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ф. и. 1) и Ферганского областного правления (ф. и. 19), в ЦГА Каз. ССР? в канцелярии начальника Алатавского округа и киргизов

¹ Документы Кокандского архива, введенного в научный оборот А. Л. Троицкой, использованы по ее публикациям и фотокопиям, выполненным ЦГА Узб. ССР по нашему заказу.

(казахов) Большой Орды. Ханские грамоты по назначению на должности, наделению феодалов льготами, связанные с административными распоряжениями, пожалованиями в частную собственность — мельк; документы на отчуждение частных владений, на оформление вакфных пожертвований; распоряжения ханов, беков и других официальных лиц; всевозможные донесения чиновников являются уникальным материалом по политической жизни, экономике, социальным отношениям в киргизском обществе и Кокандском ханстве.

Письма киргизов, их прошения и жалобы — первоисточник, который почти не использовался предшествующими исследователями. Основная его ценность заключается в том, что это единственные свидетельства ханского времени, составленные непосредственно в киргизской среде. Документы отражают настроение, потребности рядового жителя, иногда содержат исторические экскурсы, показывают атмосферу жизни и быта киргизов, их отношение к ханам, а также характеризуют экономические и политические взаимоотношения с соседями — казахскими жузами, Восточным Туркестаном, Россией. В Госархиве Омской области, в ЦГА Узб. ССР, ЦГА Каз. ССР, Архиве Внешней политики России нами собрана коллекция из ста киргизских писем — в оригинале и переводах туркестанских чиновников. Наиболее раннее упоминание о таком письме относится к 1759 году, но первая систематизированная коллекция киргизских писем относится к 20-м годам XIX в. и связана с упрочением связей с Россией. Вторая коллекция — письма 40—50-х годов, появление которой вызвано добровольным принятием северными киргизами российского подданства. Третья коллекция — переписка киргизских феодалов между собой, с ханскими сановника-

ми и туркестанскими властями в 60-70-х годах, переписка, несущая информацию о взаимоотношениях с кокандцами и кашгарцами, о внутреннем положении и вооруженных выступлениях в Кокандском ханстве.

Понятно значение *налоговых записей и поименных списков родоправителей*, сохранившихся в архиве кокандских ханов. Вместе с ними использовались и налоговые дефтеры из Ферганского областного правления, составлявшиеся в первые три года после присоединения ханства к России, поскольку и методы налогообложения и размер податей, по утверждению местных чиновников, оставались неизменными с ханских времен¹. Документы рисуют эксплуататорскую сущность ханского деспотизма и позволяют вскрыть экономическую основу многочисленных выступлений и восстаний трудящихся.

В архиве Географического общества СССР, ЦГВИА, рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина, Госархиве Омской области, архиве АН СССР выявлены *материалы и записки путешественников*, побывавших в Киргизии в XIX в. Это путевые записи Лещева и Данибегашвили, дорожники русских купцов, отчеты пограничных обозревателей, донесения М. И. Венюкова и др. начальников военных отрядов о событиях в Кокандском ханстве, отношении киргизов к Коканду, участии и роли их в повстанческом движении. Особо следует отметить документы, связанные с добровольным вхождением Киргизии в состав России (из АВПр, ЦГИА СССР, ЦГВИА, ЦГА Узб. и ЦГА Каз. ССР), которые емко характеризуют внутривосточную обстановку в ханстве накануне его падения.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22513. Л. 42; Д. 22516. Л. 23—30.

Своеобразны материалы 60—80-х гг. XIX в., использованные в ретроспективе — проекты управления, поземельного и налогового устройства Туркестанского края с сопутствующими записками об истории, быте, религии, традициях и обычаях местного населения в предшествующие времена (ЦГА Узб. ССР). Составление и сбор их в свое время были вызваны чисто практическими, фискальными соображениями царских властей. Они имеют тенденциозную окраску и потребовали особо критического подхода.

Начатые нами *полевые археографические поиски* (1976—77 гг.) дали серию документальных материалов, собранных у местных жителей. К ним относится незначительное число выявленных документов актового и распорядительного характера по преимуществу второй половины XIX в.

Нами выявлено и приобретено на территории Киргизии только за два первых года работы — 1976—1977 гг. — свыше 30 рукописей, 50 старопечатных и литографических изданий на староузбекском, таджикском и арабском языках. Часть из них относится к кокандскому периоду и содержит историческую и бытовую информацию, позволяет судить о том, какими нравственными и юридическими нормами руководствовались местные жители в XVIII—XIX вв.

К *нарративным источникам*, использованным в сравнительном плане диссертации, мы относим, кроме названных выше, и «эреже» — установления киргизского обычного права, оформленные решением Токмакского съезда биев (1—15 мая 1893 г.)¹. Из-за беспокойства, что «эреже» станет руководством в киргизских волостях, царские власти изъяли

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф.и. 44. Оп. 1. Д. 443-а.

его из обращения, но оно сохраняет значение как первоклассный источник традиционного обычного права, регулировавшего внутреннюю жизнь и внутреннее управление в киргизском обществе XIX в. «Эреже» до этого не использовалось в научной литературе и представляет несомненный интерес не только для историков, но и киргизских правоведов, философов, языковедов.

Китайские источники XVIII — сер. XIX вв. привлечены в переводах извлечений, отложившихся в фондах Института истории АН Киргиз. ССР. Основная работа по переводу материалов о киргизах из китайских источников была проведена в 1950-х годах ленинградскими востоковедами А. Л. Кондратьевым, С. И. Кычановым и Л. Г. Ефимовой. Позже, в 60-70-х годах над переводами новых извлечений работали Г. П. Супруненко и Н. Мадеюев, которыми подготовлены «Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй пол. XVIII — первой пол. XIX вв.».

Этнографические полевые и фольклорные материалы стали целенаправленно собираться с начала экспедиционных обследований 20-х годов социальных отношений и патриархально-родовых пережитков в горных районах Киргизии (Н. А. Калемин, П. П. Кушнер, П. В. Погорельский, В. С. Батраков, С. М. Абрамзон)¹. Работа была продолжена в 50-е годы (С. М. Абрамзон, С. И. Ильясов, К. У. Усенбаев, С. С. Данияров). Помимо этого, нами во время экспедиционных поездок 60—70-х годов собирались дополнительные сведения по истории, о традиционных чертах хозяйства, быта, социальной структуры киргизского населения в прошлом.

¹ Рукописи частично отложились в Архиве Киргизского филиала ИМЛ и фондах ООН АН Киргиз. ССР.

В диссертации использован и киргизский героический эпос «Манас», содержащий множество оригинальных зарисовок, сцен общественной жизни и военной организации киргизов. Наиболее интересным для нас вариантом оказалась неопубликованная запись 20-х годов от сказителя Сагымбая Орозбакова (отец которого был горником у крупного киргизского феодала сер. XIX в. Ормон-хана) в подстрочном переводе таких крупных лингвистов, как Е. Д. Поливанов и И. А. Батманов. В сравнительном плане учтены и некоторые фольклорные записи, имеющие историческое значение («Песнь об Абдулле-беке», «Тайлак-батыр» и др.), материалы по исторической лингвистике (оставшиеся в рукописях «Киргизская работа» и «Отчет о дунганской лингвистической экспедиции» Е. Д. Поливанова). Уникальным по своему значению историко-этнографическим источником явился киргизско-русский словарь живой разговорной речи, составленный К. К. Юдахиним.

Скудность материалов по отдельным вопросам привела к необходимости обратиться к специальным археологическим изысканиям. Нами были обследованы остатки кокандских укреплений, гумбезов и мазаров, ирригационной сети XVIII—XIX вв., проведены зачистки и шурфовочные раскопы Туура-Суйского коркука на Иссык-Куле, длинных стен на Алае, укрепления Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбе, сняты на план крепости Кан и Дараут-Коргон, зафиксированы предметы вооружения и орудия труда киргизов XVIII—XIX вв.

Археологические материалы, как самостоятельный оригинальный источник, позволили более точно осветить характер размещения и предназначения кокандских укреплений,

функционирование коруков — заповедников киргизских феодалов, исследовать вопросы, ответы на которые не могут дать другие источники.

Комплексное использование источников позволило поднять и осветить многие ранее не исследованные вопросы темы и решить проблему политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX веков.

В *первой главе* характеризуется обстановка в Киргизии XVIII столетия и завоевательная политика Кокандского ханства; исследуются вопросы взаимоотношений киргизов с соседями в период их независимости, борьба против цинской агрессии, подчинение Кокандским ханством южных районов и завоевание северной Киргизии.

В XVIII столетии разрозненные родоплеменные группы киргизов перемещались по предгорной зоне Ферганской долины, Тянь-Шаню, в бассейнах рек Чу и верховьях Таласа. К этому времени уже сформировалась киргизская народность как историко-этническая общность. Феодальный способ производства был господствующим, но родоплеменная раздробленность и укоренившиеся в быту патриархально-родовые отношения тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению киргизов. Все это привело к тому, что соседние государства — сначала Джунгария, затем Цинская империя и Кокандское ханство — смотрели на Киргизию, как на удобный объект для завоевания.

С нач. XVIII в. обособляются и отпадают от Бухарского ханства несколько мелких бекств в Ферганской долине. Вскоре одно из них — Кокандское, власть в котором у ходжей

перехватывает Шах-рух-бий (1709/10—1721/22) из узбекского племени минг, начинает проводить активную внешнюю политику и постепенно поглощает окружающие владения. В это же время в Фергане на политическую арену в качестве активной военной силы вступают киргизские феодалы, которые в источниках упоминаются как независимые, равноправные кокандским. Период правления кокандского владетеля Абд ал-Карима (1734—? — ок. 1750/51 гг.) отмечен в источниках («Тарихи Шахрохи») его союзом с киргизскими племенами, совместным отпором одного из джунгарских походов против Ферганы, что можно расценивать как крупный политический успех узбеков и киргизов. Позже, в 50-х годах XVIII в., известный киргизский феодал Кувадбий выступает равноправным союзником и соперником кокандского правителя Ирданы (1751—1770 гг.), активно участвует в междоусобной борьбе белогорских и черногорских ходжей за власть в Кашгаре (Мухаммед-Садык Кашгари, «Тазкира-и-Ходжаган»). Кокандские владетели занимались внутренним «собираанием» земель и до 60-х годов не покушались на киргизскую территорию.

В 1758 г. ослабленное внутренними феодальными раздорами под ударами цинского Китая пало Джунгарское ханство. На территории Восточного Туркестана Китай создал свой военный форпост — имперское наместничество Синьцзян (букв. «новая граница»), подвергая жестокой налоговой эксплуатации и национальному гнету местные народы: уйгуров, киргизов, казахов и др. Цинские власти предприняли было попытку расширить свои экспансионистские притязания и на территорию киргизов, но встретили упорное сопротивление.

В диссертации на конкретных примерах показан вооруженный отпор со стороны киргизского населения китайским отрядам, стремившимся проникнуть на территорию Иссык-Куля и Тянь-Шаня, доказывается отсутствие на киргизской территории каких-либо пунктов цинской администрации. Сами китайские источники считали Киргизию «соседним владением», лишь «смежным» с империей («Пин-чжунь» — «Описание умиротворения джунгаров», 1772). Потерпев провал в попытках агрессивных поползновений, маньчжуро-цинский двор завязывает с киргизскими феодалами дипломатические отношения, принимает в Пекине киргизское посольство и в дальнейшем вынужден проводить политику невмешательства во внутренние дела киргизов. В то же время исторические факты свидетельствуют о видной роли киргизов в политической жизни Восточного Туркестана, поддержке ими национально-освободительной борьбы местных народов против маньчжуро-цинского гнета.

По мере усиления, с 60-х годов XVIII в., кокандский правитель Ирдана переходит от политики союза с киргизскими феодалами к насильственному их подчинению, умело используя междоусобицы и родоплеменную разобщенность киргизского народа.

В 1862 г. кокандцы захватывают Ош, опустошают киргизские земли в окрестностях Узгена, к концу XVIII в. распространяют свое влияние на горные приферганские районы, в 1821 г. неожиданным набегом захватывают Кетмень-Тюбе.

Омар-хан (1809—1822), воспользовавшись усобицами между двумя киргизскими родами, подчиняет в 1821 г. племена, кочевавшие между Ошем и Кашгаром. Ханский полководец Бек-Назарбий, «произведя страшные грабежи и убийства,

среди которых не щадил ни женщин, ни детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и массу пленных», возвратился в Коканд¹.

Процесс завоевания южной Киргизии Кокандским ханством длился более полувека (с 1762 по 1821 гг.) и отмечен упорным сопротивлением киргизского народа, его непрерывающейся борьбой за независимость. В то же время кокандским правителям приходилось серьезно считаться с новыми пограничными подданными: они были источником военной силы — ополчением, почти всегда находящимся в боевой готовности; располагались на традиционных торговых трассах между Средней Азией и Восточным Туркестаном и далее — Индией. Поэтому, несмотря на зависимость киргизов от Коканда, они нередко выходили из-под его подчинения, представляя постоянный очаг беспокойства.

Продвижение кокандских границ к северным киргизским кочевьям обусловило в качестве противовеса этому установление дипломатических связей киргизов с Россией. В 1784 г. Атаке-бий — глава сарыбагышского племени в Чуйской долине — направил в С-Петербург посольство с просьбой о покровительстве. Но этот акт, однако, не принес ожидаемых результатов. В 1813 и 1824 гг. киргизские посольства посещают Омск и Тобольск, «изустно» высказываются за расширение торговли, настаивая на принесении присяги «от себя и своего народа» на подданство России. К практическим результатам — принятию российского подданства — эти посольства не привели. Царские власти лишь ограничились обещаниями покровительства и направлением к берегам Иссык-

¹ МИКК. Вып. 1. С. 229. *Наливкин В.* Краткая история... С. 121.

Куля в 1825 г. ответного посольства Ф. К. Зибберштейна и Т. В. Нюхалова¹. Тем временем Кокандское ханство активизирует свою политику. Мадали-хан (1822—1842), воспользовавшись феодально-родовыми распрями племен солто и сарыбагыш, направляет свои войска в Чуйскую долину, затем в Центральный Тянь-Шань и на Иссык-Куль, подчинив в начале 30-х годов кочевавшие там киргизские племена.

По мере продвижения кокандских войск на пограничных линиях воздвигались укрепления, оставлялись гарнизоны. На Памиро-Алае были возведены крепости Таш-Курган, Дараут-Курган, Суфи-Курган и Кызыл-Курган, на Тянь-Шане и в верховьях Нарына — Джумгал и Куртка, в Иссык-Кульской котловине — Конур-Улен, Барскаун, Каракол, в Чуйской долине — Кара-Балты, Аксу, Пишпек, Токмак. В результате границы киргизов с юга на восток были очерчены сетью крепостей, не только юридически закрепляющих границы ханства, но и ставших серьезной преградой на пути возможного повторения цинской агрессии. «Кокандцы, — писал Ч. Валиханов в сер. XIX в., — подчинив дикокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»². Оценивая стратегическое значение Киргизстана для трех соперничавших государств — Кокандского ханства, Цинской империи и России — западносибирский генерал-губернатор Г. Ф. Гасфорд с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды в угле трех

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 171; ЦГИА СССР. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 455—456; Д. 59. Л. 236; ГАОМО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 425. Л. 4—5; Д. 419. Л. 27—28, 97—98.

² *Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 326.*

смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный дух, нежели других киргизских (*казахских* — В. П.) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»¹.

Итак, во второй половине XVIII в. киргизский народ сумел дать отпор цинской агрессии. Но активная завоевательная политика кокандских ханов привела к тому, что вся территория Киргизии попадает во временную зависимость от Кокандского ханства. В народной памяти и фольклоре этот период отразился как время беспросветной темноты и забитости, беспощадного угнетения и ханского произвола.

Во *второй главе* освещается положение Киргизии под властью Кокандского ханства: территориально-административное подчинение, местное управление; роль и предназначение кокандских крепостей, появление аналогичных укреплений у киргизской родоплеменной знати; политическая активность киргизских феодалов в жизни ханства.

По мере завоевания Киргизии отдельные ее районы и племенные объединения включались в состав того или иного вилайета Кокандского ханства. Однако строго централизованного управления и твердого территориально-административного устройства в ханстве не было. Оно представляло собой военно-бюрократическую организацию, основывавшуюся на деспотических принципах, и состояло из полуавтономных в административном отношении вилайетов и бекств. Строго разграниченных функций управления и должностных полномочий у сановников не было. Они зависели от степени влияния их на хана и его благорасположения,

¹ АВПр. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 36.

поэтому со сменой престолонаследников обновлялся и административный персонал, начиная со двора и кончая комендантами отдельных крепостей.

В диссертации рассматривается территориально-административное устройство ханства, которое к 70-м годам XIX в. претерпело существенную эволюцию.

Киргизский народ был разделен по родоплеменному признаку. Родоплеменное деление играло отрицательную роль в исторических судьбах киргизского народа, являясь пережитком, тормозившим социальное развитие: во-первых, оно препятствовало созданию внутриэкономического единства и территориальной общности; во-вторых, служило феодалам средством для развязывания межплеменных усобиц; в-третьих, облегчало управление Киргизией со стороны кокандских ханов и их наместников, проводивших политику «разделяй и властвуй». Феодалы, стоявшие во главе племен, были носителями центробежных тенденций в государстве, кичились своей автономностью и не подчинялись друг другу даже в ущерб общенародным интересам.

В годы кокандской зависимости киргизские родоправители могли назначаться и смещаться бейами, ханами, но это было нередко и чисто символическим актом закрепления реальной власти киргизских феодалов. В киргизские кочевья ханы направляли своих наместников — комендантов крепостей, которые считались управителями окрестного населения. Им приходилось неизменно считаться с силой местных феодалов-родоправителей, в руках которых сосредоточивалась власть над соплеменниками.

Власть главы киргизского племени, рода в отдалении от центрального правительства и в период постоянных

межфеодальных усобиц выражала собой самостоятельный вид внутреннего управления. Основной формой общественной (и хозяйственной) организации киргизов была пастбищно-кочевая община. Она лежала в основе организации рода, который входил в состав определенного племени. Община носила классовый характер, однако не была избавлена от кровнородственных связей, представляла собой организм со многими традиционными институтами прошлого.

Специфическим социальным институтом у киргизов являлось манапство, получившее широкое распространение на севере с 40-х годов XIX в. «Манапство есть наследственное, — писал в 50-х годах автор предания о происхождении киргизского народа... — У дикокаменных киргизов всякий богач и сильный может сделаться бием, а потом и манапом, что усваивается временем, а не выбором народа»¹. Манапство выросло из института биев-родоправителей и вобрало в себя все их функции. Но институт бийства не исчез, а трансформировался в судебный орган (хотя последней инстанцией и здесь оставался родоправитель-манап). Бии сохранили за собой управление более мелкими родовыми подразделениями, Влияние манапов было настолько велико, что они вторгались в сферу даже семейных отношений общинников. Немалую роль при этом играли традиционные формы патриархально-родовых отношений, при которых к экономическим и политическим методам принуждения добавлялись моральные. Внешне выглядя как добровольное подчинение авторитетному аксакалу, многоопытному бию и могущественному манапу, моральная система принуждения, как бы

¹ ЦГИА ССР. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 586. Л. 10.

«освященная» всей предшествующей традицией, на самом деле давила на проявление инициативы трудящихся и всегда была направлена на защиту интересов господствующих классов.

Органами ханского правления на местах являлись комендант и кокандский гарнизон крепостей. Строительство крепостей, как единой связной цепи, началось в 1813 г. и особенно активно шло в 20-х годах. Кокандские крепости, которые ранее специально не изучались, оказались своеобразными памятниками исторического прошлого. Они нигде в Средней Азии, кроме Тянь-Шаня, в это время уже не строились в таком множестве.

Укрепления возводились как оплот ханско-феодалного гнета в районах наибольшего скопления населения и как пограничные форпосты. Выявленные новые архивные материалы и проведенные археологические обследования позволили классифицировать все крепости в зависимости от размеров и предназначения по четырем категориям: 1 — крупные административные центры районов; 2 — средние укрепления местного значения; 3 — мелкие крепости-спутники, являвшиеся звеньями между более крупными; 4 — крепости-коргоны киргизских родоправителей, созданные по образцу кокандских, но выполнявшие иные функции и являвшиеся первыми очагами оседлости киргизской феодальной знати в XVIII—XIX вв.

В диссертации анализируется каждая из категорий памятников, приводятся результаты обследования сохранившихся до наших дней Дараут-Коргона на Алае и Кан — в южной предгорной Фергане, итоги раскопок Улуг-Коргона в Кетмень-Тюбе (существовавшего сначала как киргизское

укрепление, а затем — кокандское). По мере возрастания роли киргизских феодалов в общественной жизни ханства и их усиления начинается возведение и киргизских крепостей сначала в качестве административных центров киргизских феодалов как ханских чиновников, а затем и как собственных ставок, не связанных с кокандской службой (Дараут-Коргон на Алае, Кызыл-Ункур манапа Боромбая в Прииссыккулье, коргон Байтыка в Чуйской долине, Нурака Аджибекова на Таласе, Чон-Коргон Рыскулбека в Кетмень-Тюбе, коргон Ормона на Санташе и др.).

После завоевания Кокандским ханством Киргизии местные феодалы быстро приспособились к новым условиям. Южно-киргизские феодалы стали активными проводниками ханской политики внутри страны. На более отдаленном севере феодалы старались сохранить свою власть над зависимыми племенами, используя для этого в междоусобицах и силу кокандских войск. В то же время они иногда почти не считались с ханской властью, продолжая, однако, сбор налогов по указанию ханских наместников. Такие киргизские родоправители, как Алымбек, Юсуф, Курманджан-датха, киргиз-кыпчаки Мусульманкул и Алымкул находились в гуще интриг ханского двора, выступали активными участниками дворцовых переворотов, возводили своих ставленников на кокандский престол.

Много лет в киргизских горах скрывался один из ханских престолонаследников Шералы, чем киргизские феодалы воспользовались в 1842 г. В ходе восстания против бухарского наместника с помощью киргизских ополченцев «от группы сартийя, и кыпчакийя, и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» («Тарихи Шахрохи», стр.136) Шералы

поднимают на белом войлоке и провозглашают ханом. Его ближайшими советниками и сановниками становятся киргизские и кыпчакские феодалы. Свое влияние они продолжают сохранять и при смене ханов. В 1864 г. один из казахских биев — Турзат-Ногай — говорил верненскому приставу: «Кокандом управляют черные киргизы, кыпчаки и адыгине (*один из родов алайских киргизов. — В. П.*), сарты же положительно присмирели»¹. Современник этих событий киргизский поэт Молдо Нияз воспевал киргиз-кыпчакского феодала именно за то, что он, не считаясь с ханом, проводил фактически самостоятельную политику управления государством².

Используя недовольство трудящихся ханской политикой, свою власть родоправителей, патриархальные традиции, силу народного ополчения, киргизские феодалы не довольствовались второстепенным и подчиненным положением, а принимали самое деятельное участие во многих внутри- и внешнеполитических событиях ханства. Они не были ни пассивным, ни угнетенным сословием, а сами участвовали в составе ханского административного аппарата в налоговом ограблении как узбекских, так и киргизских трудящихся. На примере истории Кокандского ханства и роли в нем киргизских феодалов видно, как вопреки национальным интересам господствующие классы разных народов объединялись с целью личного возвышения, своекорыстия, совместного ограбления и угнетения трудящихся масс.

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 117.

² *Молдо Нияз*. Санаты / Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР. Инв. № 1732.

В *третьей главе* анализируются эксплуататорская политика Кокандского ханства и социально-экономическое положение киргизов: исследуются аграрные отношения; взаимосвязи скотоводческого и земледельческого хозяйств киргизов, узбеков, таджиков; рассматривается социальная структура киргизского общества, а также налоговая ханская система и другие феодальные и патриархально-родовые формы эксплуатации трудящихся.

С завоеванием Киргизии и включением ее в систему административного управления Кокандского ханства на все киргизские земли распространялись правовые нормы аграрных отношений ханства, которые основывались на шарияте. Но практика земельных отношений в киргизском обществе нередко и существенно отличалась от общегосударственных юридических норм. Это было связано с тем, что, во-первых, киргизы традиционно продолжали руководствоваться адатом — «обычным» правом, регулировавшим процесс землепользования; во-вторых, преобладающей отраслью киргизского хозяйства было скотоводство, которое, в отличие от земледелия орошаемых оазисов ханства имело и свои особенности, выразившиеся в кочевом и полукочевом цикле с охватом больших пастбищных территорий. Основным средством производства у киргизов являлась земля и важным средством производства — скот, роль которого особенно велика при кочевом и полукочевом хозяйстве.

В диссертации анализируются собственность, владение и пользование — как три категории правоположения и практики земельных отношений. Верховным собственником земли выступало государство в лице кокандского хана, за которым было окончательное право распоряжения ею.

Верховное право собственности государства не исключало частной и общинной земельной собственности. Участок, закрепленный документально за частным собственником, назывался мильк. Мильковые земли могли свободно отчуждаться. В диссертации приводятся документы на перепродажу киргизами мильков, передачу их по наследству. Крупными мильковладельцами были Алымбек-датха, Алымкул и другие киргизские феодалы. В качестве мильковладельцев выступали и отдельные общины, в частности, общины Туганай, Бузмурчак из рода мундуз и другие.

В кокандский период наблюдались и факты разложения общин. Характерен в этом отношении документ от 1254 (1838) г. об обособлении из общинного владения в частную собственность некоего Муллабая Нарботобаева участка земли в местности Мады близ Оша¹. Выделение частных владений внутри общин привело к тому, что закрепленные участки стали не только передаваться по наследству, но и отчуждаться — продаваться, передаваться в вакф.

Новой формой землевладения у киргизов, появившейся под влиянием Кокандского ханства, стал вакф — имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного учреждения или духовного лица. Вакфный институт получил распространение в оседло-земледельческих районах, зафиксирован нами и в полукочевых киргизских районах, население которых начало обращаться к земледелию. Однако, специфической особенностью являлось отсутствие вакфов на севере Киргизии, где преобладало скотоводческое население, там не было и мусульманских учреждений. Нами выявлены документы

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22534. Л. 78—79.

на пожертвование киргизами своих земель в вакф в кишлаках Кара-Булак, Джигда-Могол, Сафид-Булан. Рассматривается крупнейшее в Киргизии вакфное установление алайского феодала Алымбека-датхи и др. Отличительной чертой киргизских пожертвований надо признать передачу земель в вакф целыми общинами, родовыми подразделениями, как, например, было сделано двумя завещаниями киргизов рода бостон в 1278 (1861—62) г. в пользу мечети Шах-Рахматуллы в местности Куршаб¹.

Пользование обрабатываемыми участками и пастбищами было как частным, индивидуальным, так и общинным, коллективным. Получила распространение аренда земель и наделная форма землепользования — чек.

Специфика феодального землепользования у оседлых киргизов (как, впрочем, и в целом в Кокандском ханстве) заключалась в отсутствии «барского» хозяйства, хотя в крупных скотоводческих хозяйствах наблюдались своеобразные отработки, опиравшиеся на патриархально-родовые традиции.

В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

Угнетательская политика Кокандского ханства не способствовала прогрессу производительных сил местного населения, даже тормозила их. Изымая из оборота пастбища,

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 34764. Л. 14 и 36, 15 и 35.

конфискуя и перепродавая киргизские земли, нарушая традиционно сложившиеся пути кочевания преградами административного порядка, безмерным налоговым обложением и грабежом, Кокандское ханство вносило дезорганизованность в хозяйственную жизнь киргизского общества. В то же время, оказавшись в рамках единого государства, узбекские, таджикские и киргизские труженики передавали друг другу производственные навыки, делились опытом ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, участвовали в торговом обмене, взаимно удовлетворяя потребности в недостающих продуктах и предметах. Установившиеся более тесные дружественные хозяйственные контакты имели далеко идущие положительные последствия. Несмотря на замкнутый, натуральный характер, киргизское хозяйство находилось во взаимодействии с узбекским и таджикским хозяйством, хотя медленно, но неуклонно развивалось в направлении от скотоводства к земледелию, развивались домашние промыслы, функционировал товарообмен. Однако в целом оно продолжало оставаться патриархально-феодальным, экстенсивным.

Рассмотрение социальной структуры выявляет всю бесплодность попыток идеализации отдельными националистическими представителями в прошлом (О. Сыдыков и др.) киргизского общества, как бесклассового общества равных, основанного на отношениях кровно-семейного родства. Социально-классовая полярированность киргизского общества выражалась в том, что манапы представлялись «белой костью», а простолюдины — «черной». Феодалные отношения здесь были опутаны сетью патриархально-родовых связей, которые накладывали отпечаток на систему

социальных взаимоотношений, условия господства и подчинения, маскировали эксплуатацию.

На верхней ступени иерархической социальной структуры Кокандского ханства находились хан и его бекское окружение, в киргизских родоплеменных отделениях до зависимости от ханства — манапы и бии-родоправители. После подчинения киргизов Кокандом ханы и беки, не имея возможности существенно вмешиваться во внутреннее управление киргизского общества, нередко возлагали эти функции на высших представителей киргизского феодального класса: на юге — на датху, на севере — на манапа, наделяя их административными полномочиями.

Основную массу трудящегося киргизского населения составляла букара (букв.: подданный, простолюдин). Перекочевывая со скотом не обособленно, а в общине, со всем родом, скотовод во всех отношениях зависел от феодала-родоправителя как распределителя пастбищ, регулировавшего процесс и порядок передвижения; как хранителя традиций, «народных» обычаев; как чиновника, наделенного административной властью; как сборщика налогов и, наконец, просто как более экономически мощного соседа.

Существовала довольно развитая терминология для определения понятий зависимых и выполнявших разную работу крестьян-скотоводов и земледельцев (кедей, коншу, джатак, байгуш, егенчи, чайрикер и т. д.).

Крепостничество, как таковое, в Киргизии и Кокандском ханстве отсутствовало. Но в документах, тем не менее, встречаются факты наделения отдельных феодалов земельными пожалованиями вместе с проживавшими там дехканами: к примеру, выделение по ханскому фирману

от 1255 (1839—40) г. некоему Турахан-накибу 11 киргизских семейств в Ура-Тюбинском вилайете.

Не исключительным явлением было рабство. И хотя оно считалось как бы семейным, патриархальным, тем не менее раб (кул) и по юридическим нормам и фактически выступал совершенно бесправным. «Раб — вещь; господин имеет над ним право жизни и смерти» — вот основная формула киргизского обычного права по отношению к этой социальной категории населения. Рабство имело место не только среди киргизских скотоводов, но и в земледельческих районах Кокандского ханства. В документах ханского архива упоминается школа для мальчиков-рабов, говорится о женщинах-невольницах.

Следует подчеркнуть, что социальная структура киргизского общества, патриархально-феодалная в своей основе, не претерпела существенных изменений под воздействием Кокандского ханства. Наибольший отпечаток оно наложило на класс киргизских феодалов, перенимавших у кокандцев методы управления и эксплуатации трудящихся.

В период зависимости киргизов от Кокандского ханства основные формы эксплуатации юридически вытекали из норм шариата. На их основе была классифицирована и регламентирована налоговая система, которую ханы положили в основу угнетения как собственно кокандского, главным образом узбекско-таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко составляла совсем иную картину — картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское к тому же и национальное угнетение.

Государственная налоговая система и методы феодальной эксплуатации выражались в трех формах: натуральной, трудовой и денежной ренте. Основные налоги — зякет со скота кочевников, херадж и танап с земледельческих культур взимались сборщиками, назначенными ханами и беками, или сдавались в аренду на откуп. Население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханской администрации, общественные работы. В отдаленных киргизских кочевьях функции сборщиков налогов ханы перекладывали на местных феодалов, устанавливая определенный объем налогов — ульпан¹.

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей для выполнения ирригационных работ государственного масштаба, возведения крепостей, постройки зданий и т. п. Уклонявшихся подвергали наказаниям, вплоть до того, как «ослушников ханской воли» живыми закапывали в землю².

В качестве видоизмененной натуральной ренты и платы взамен трудовой повинности выступала денежная рента. Наметившаяся с начала XIX в., она не являлась преобладающей, но свидетельствовала уже об определенных социально-экономических сдвигах в Киргизии под влиянием Кокандского ханства.

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи непосредственных производителей — трудящихся крестьян. Феодалы — как кокандские, так и местные киргизские — сами принимали

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22516. Л. 63.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6868. Л. 111.

участие в эксплуатации, к тому же пользовались всевозможными льготами, обладая ханскими обельными грамотами. Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту. Иногда ханом рента переуступалась не целиком, а частично, в таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть присваивалась феодалами. Так, от всех налогов были освобождены киргизские родоправители с Таласа Байзак-датха и Сарымсак-датха¹; освобожден от всех налогов был вакф Алымбека-датхи и его наследников. Однако, высказанное ранее в литературе положение, что все вакфы Кокандского ханства пользовались налоговым иммунитетом (К. Ф. Чикаев, А. Х. Валиев), не подтвердилось. Анализ выявленных документов доказывает, что только часть вакфов была обельной, но многие и не освобождались от налогов — их доход выражался в дополнительном сборе с населения, обрабатывавшего вакфные земли, или с жителей, организовавших вакф. Таковы примеры киргизских вакфов мечети Тюря-хан Тюря-Ишана, мечети в кишлаке Джигда-Могол и др.²

Одной из форм феодальной эксплуатации являлась издольщина — кабальная аренда земельных участков. По аналогии с оседло-земледельческим узбекско-таджикским населением она получила распространение и среди киргизов, занимавшихся земледелием. Если бедняк, помимо земли, вынужден был пользоваться чужими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. фактически выступая наемным

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. Св. 892-а. Л. 780.

² ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 76.

работником), он отдавал феодалу-земледельцу до 4/5 урожая, причем государственный налог выделялся до распределения доходов.

Подати и повинности, которые несла киргизская беднота перед своими феодалами, внешне выступали нередко как добровольный акт, но фактически были обязательными. Они носили местные названия союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат, жол чыгым и др. Эти некодифицированные сборы были очень обременительными для рядового скотовода. Эксплуатация феодально-родовой знатью трудящихся скотоводов шла, главным образом, путем выколачивания докапиталистической отработочной ренты, с одной стороны, и взимания продуктовой ренты — с другой, но была замаскирована патриархально-родовыми нормами быта, «родовой взаимопомощью», была «освящена обычаями». У киргизов существовали особые нормы «обычного» права, устное юридическое руководство — «нарх», согласно которым отказывавшиеся от уплаты таких податей облагались специальным штрафом, подвергались моральному ostracismу.

Итак, налоги и земельная рента, подати и повинности в Кокандском ханстве и киргизском обществе определяли экономические отношения и классовую борьбу. Именно земельная рента была господствующей формой присвоения феодалами прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве. Система налогов, разветвленная и беспорядочная, являлась в этих условиях ни чем иным, как централизованной формой феодальной ренты. Переплетение феодальных отношений с патриархально-родовым бытом накладывало архаичный отпечаток на общественные отношения и методы эксплуатации киргизов.

В четвертой главе, посвященной борьбе киргизского народа против угнетателей, рассматриваются восстания первой половины XIX в. и, как следствие, народно-освободительной борьбы киргизского народа против Кокандского ханства, добровольное вхождение Северной Киргизии в состав России; по-новому освещается восстание 1873—1876 гг. — как народная война против ханского гнета, приведшая к низвержению правящей династии, падению Кокандского ханства и присоединению его (а в его составе и Южной Киргизии) к России.

Период феодализма характеризуется непрерывными вооруженными выступлениями трудящихся как против всевозможных завоевателей, так и против «своих» угнетателей. Из истории Кокандского ханства явствует, что киргизы выступали самыми активными участниками восстаний против ханского гнета, а киргизское трудящееся население — одной из главных движущих сил их. Даже официальные туркестанские власти в своих донесениях в столицу признавали: «История Кокандского ханства представляет собой ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз»¹. Формы и методы борьбы были довольно просты, преобладали стихийность и неорганизованность, как, впрочем, и в большинстве всех других выступлений периода феодализма. Монархические иллюзии крестьянства и отсутствие политической программы не могли привести к победе народа.

Несмотря на то, что почти все кокандские хроники говорят о спокойствии и благополучии в ханстве в первый период, когда, якобы «не существовало разницы между богатыми

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6886. Л. 2.

и бедными» («Тарихи Шахрохи»), никакого идеального мира внутри страны не было. Уже в годы правления Алим-хана, в нач. XIX в., наблюдались «смута и волнения в государстве Коканд», которые вызвали «покушение на жизнь эмира Алим-хана» со стороны гонимого «диваны». А движение возглавлял простой мясник Уста Сейид из кокандской махалля Кут-Арык («Тухфат ат-таварих-и хани»).

Восстания вызывались социальным протестом ханскому гнету, феодальной эксплуатации, но поводом могли служить и дворцовые омуты, межфеодальные усобицы. В борьбе против ханско-феодальной тирании киргизы нередко выступали совместно с казахскими и узбекскими тружениками.

В диссертации прослеживаются ход и причины восстаний 1821 года в Таласской долине, 30-х годов под руководством Тайлака в Нарыне, в 1842 г. — на Иссык-Куле, 1845 г. — ошских киргизов, в 1847 г. — против ташкентского наместника Азиза-парваначи, в 1850-х годах в Чуйской долине и на Тянь-Шане. В ходе восстаний изгоняются из крепостей ханские гарнизоны, избиваются налогосборщики, терпят поражение правительственные войска, меняются на престолах ханы, но положение трудящихся остается прежним. К оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создалось впечатление, что все они без исключения народно-освободительные движения, выражающие социальный протест масс. Дело в том, что феодалы нередко сами провоцировали выступления в лично корыстных целях. И благородный взрыв народного негодования на ханский налоговый гнет нередко ловко направлялся феодалами, киргизскими родоправителями лишь против правящего хана, за нового претендента — своего ставленника на

тот же престол. В результате социальный бунт совмещался, в конечном итоге, с династическими переворотами, сопровождался межфеодальными усобицами и распрями. От выступлений трудящихся выигрывали лишь феодалы, а основная масса повстанцев незаметно для себя вновь оказывалась в прежнем угнетенном положении. В то же время восстания киргизов против Коканда носили народно-освободительный характер, содержали и элементы социальной борьбы против всех видов угнетения, в том числе и против «своих» родоправителей — манапов и баев. Даже командующий войсками Западно-Сибирского военного округа в связи с этим замечал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»¹.

Классовая борьба киргизских трудовых масс не проявлялась так ярко и четко, как у народов, прошедших классическую форму феодальной формации. Это объясняется слабым развитием производительных сил, разобщенностью трудящихся и политической раздробленностью киргизского народа; определялось живучестью дофеодальных пережитков, забитостью и темнотой народных масс. Манапы, беки, бии, стремясь притупить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им мысль об общности интересов всех членов родовых объединений; пытались заглушить недовольство и негодование местных трудовых масс против феодального гнета разжиганием межродовой и межплеменной вражды.

При обращении к истории социальных протестов, которые нередко переплетались с народно-освободительной борьбой, мы выделяем следующие пассивные и активные формы:

¹ ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 908. Д. 12. Л. 2.

индивидуальные жалобы дехкан крупным манапам и кокандским высшим чиновникам; неуплата податей и уклонение от несения феодальных повинностей; коллективная борьба между родами за своего претендента в главные манапы или коменданты крепости; барымта — насильственный угон скота у ненавистных феодалов; откочевка от «плохих» манапов к «хорошим» в иллюзорной надежде на лучшую долю; оседание и переход к земледелию как попытка освобождения от угнетающего родоправителя; наконец, восстания против налогового гнета, которые носили всегда социальный заряд против «своих» феодалов.

Видя безуспешность борьбы своими силами против деспотизма Кокандского ханства, киргизский народ в лице дальновидных своих представителей стал искать помощи и опоры извне, от России. Посольские связи в конце 40-х — нач. 50-х годов укрепляются и завершаются принятием 17 января 1855 г. иссык-кульскими киргизами российского подданства.

После занятия русскими войсками Пишпека, Аулие-Аты, Чимкента и Ташкента киргизские повстанцы Центрального Тянь-Шаня и Ферганы все более связывают свою борьбу против Кокандского ханства со стремлением присоединиться к России.

Весной 1871 г. среди киргизов Соха в предгорьях Ферганы началось выступление против неумеренных поборов местного правителя. Вскоре восстания вспыхнули на Алае, затем отдельными очагами — по всей Южной Фергане. Первоначально они были эпизодическими и локальными. С 1873 г. восстанием охватываются все приферганские горы, его пламя переносится и в Центральную Фергану. Восстание

становится массовым, в нем принимают участие, помимо киргизских, узбекские и таджикские труженики, т. е. основной движущей силой выступали народные массы, поднявшиеся на борьбу против ханско-феодального гнета. Это была настоящая народная война, одним из руководителей и организаторов которой выступил выходец из киргизского племени ичкилик Исхак Мулла Хасан-оглы. В отдельных районах возглавляли движение свои предводители: среди андижанских киргизов — Мамыр Мергенов, среди чаткальских — Момун Шамурзаков.

Но, как нередко было в эпоху крестьянских войн в период феодализма, на отдельных этапах к восстанию примыкали и представители духовенства и феодальной знати, ратовавшие за расширение своих привилегий. Но не они определяли общий характер движения. К тому же их участие было непоследовательным, а изменнические действия феодалов разоблачали их и отталкивали от них народ.

О массовости народной войны с самого начала движения говорит следующий факт. Уже в 1873 г. 20 тыс. киргизских и 10 тыс. кыпчакских хозяйств, т. е. около 150 тыс. человек, снялись с насиженных мест под угрозой бесчинств ханских войск и откочевали в неприступные горы. Повстанцы были связаны со своими северными соплеменниками, уже принявшими российское подданство, и находили у них сочувствие. Имеются данные, что повстанцы Западной Ферганы в 1873 г. поддерживали связь с токмакскими киргизами и переписывались с Шабданом Джантаевым. Осенью этого же года к ходжентскому уездному начальнику явились представители киргизских повстанцев и представили список 42 недовольных киргизских, узбекских и кыпчакских родов,

всего в «132 500 кибиток», которые выражали желание принять российское подданство. 1 700 киргизских хозяйств самовольно перекочевали из окрестностей Андижана в пределы Токмакского уезда. Восставших кочевников-скотоводов поддержало и оседло-земледельческое население. Русский посланник в Коканде доносил туркестанским властям в 1874 г.: «Оседлое население наравне с кочевниками тяготеет настоящим положением дел в ханстве, и если доньше между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобы они относились враждебно один к другому; подобные отношения существовали между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник, вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами»¹.

Царские власти не откликнулись на призыв повстанцев о помощи. Беженцев выдворили обратно в ханство, уведомив об этом Худояр-хана, который нашел поддержку и понимание со стороны царской администрации Туркестана.

Временно затихая на зиму, восстания снова разгорались с наступлением весны. В 1875 г. Худояр-хан под натиском восставших бежал под охрану царских штыков в Туркестанское генерал-губернаторство. Вскоре за ним последовал и его преемник — Насреддин-хан. Повстанцы взяли Коканд. В этих условиях царское правительство дает санкцию на введение в пределы Кокандского ханства русских войск. Войска направлялись для «утихомиривания» повстанцев. Борьба, возглавляемая Исхаком, принявшим имя Пулат-хана, продолжается, хотя противостоять регулярным царским вой-

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 326.

скам повстанцам было уже не под силу. К середине февраля 1876 г. отряды восставших были оттеснены в Алайские горы. 19 февраля Александр II санкционирует присоединение Кокандского ханства к России. Предводитель повстанцев Исхак схвачен и публично казнен на площади в г. Маргелане как «преступник» и «самозванец».

Оценивая итоги кокандского похода, царские чиновники сами вынуждены были признать, что им пришлось воевать не с ханом и его окружением, а с народными массами. 27 апреля 1876 г. генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман писал: «Война в 1875 г. происходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то, по всей вероятности, Махрамскою победою и занятием Коканда экспедиция достигла бы своих целей. Но дела имели иной характер, на сцене появились иные причины. Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так-то легко подавить... Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств»¹.

С занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно идет на убыль. К тому же исчезла основная причина, вызывавшая столь длительную многолетнюю борьбу, — гнет Кокандского ханства, которое было ликвидировано, и Киргизия вошла в состав Российской империи.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 319—329.

* * *

Непрямолинеен и труден был исторический путь киргизского народа. Столетия темноты и забитости, унижения и горя, борьбы с внешними врагами и внутренними эксплуататорами нужно было пережить, прежде чем появились объективные условия для освобождения от всех видов социального и национального угнетения. Добровольное вхождение Киргизии в состав России явилось одним из этапов на этом пути. Еще Ф. Энгельс, современник этих событий, зорко подметил, что «господство России играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», «цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

История полностью подтвердила это. Соединение народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, с Россией имело огромное прогрессивное значение. «Вхождение Киргизии в состав России, — подчеркивает первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиев, — привело к ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы киргизов. Этот исторический акт означал серьезный шаг на пути к преодолению обособленности племен, к национальному объединению киргизского народа. Именно с этого момента начался решительный переход от отсталого патриархально-феодалного строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27. С. 241.

² Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства... С. 100.

Присоединение к России положило начало новой страницы истории среднеазиатских народов. Вопреки воле и стремлениям царизма и местных туркестанских властей, трудящиеся народы Средней Азии приобщаются к революционной борьбе российского пролетариата, вместе с ним выступают на борьбу с эксплуататорским строем против всех видов социального и национального угнетения. В этой борьбе кристаллизуется самосознание общности классовых интересов всех трудящихся России различных национальностей. Создаются объективные предпосылки для победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти как в центре, так и на далеких окраинах бывшей царской империи. С победой великого Октября начался переход от патриархально-феодалных отношений, минуя капиталистическую стадию развития, непосредственно к социализму.

Шестидесятилетняя история совместной борьбы и побед народов Советского Востока в братской семье народов СССР в строительстве социализма и коммунизма — убедительное свидетельство правильности выбранного киргизским народом исторического пути.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Киргизы и Кокандское ханство. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1977. 24,5 п.л.
2. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1965. 4 п.л.
3. История Киргизской ССР. Изд. «Кыргызстан», Фрунзе, 1968. — Гл. «Киргизстан в 1 половине XIX в.». § 3. Социально-экономические отношения. § 4. Двойной гнет и борьба трудящихся за социальную независимость (в соавторстве с К. У. Усенбаевым). 3 п.л.
4. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг., XIX в.). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1968. 10 п.л.
5. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг., Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970. 6 п.л.
6. У истоков дружбы. Изд-во «Кыргызстан», Фрунзе, 1972. 7 п.л.
7. Тропой первопроходцев (в соавторстве с В. Я. Галицким). Изд-во «Кыргызстан», Фрунзе, 1973. 4,5 п.л.
8. Русские путешественники и исследователи о киргизах (в соавторстве с В. Я. Галицким, А. Ш. Абышкаевым, Д. А. Айтмамбетовым). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1974. 14 п.л.
9. К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1972.
— Раздел «Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в.». 2 п.л.
10. Археологические памятники Прииссыккуля. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1975:
— Раздел I. Открытие древностей Иссык-Куля (в соавторстве с В. Я. Галицким). 2,2 п.л.

- Раздел X. Киргизский корук Туура-Суу. 1 п.л.
- 11. Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1975.
 - Вақф медресе Алымбека. 0,8 п.л.
 - Оригинальные источники по истории Киргизстана (в соавторстве с Т. Назаралиевым). 0,7 п.л.
 - О структуре населения дореволюционной Киргизии (XIX—нач. XX вв.) (в соавторстве с В. Я. Галицким). 0,8 п.л.
- 12. Кетмень-Тюбе (археология и история). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1977.
 - Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX— начала XX вв. (в соавторстве с В. Я. Галицким и К. И. Антипиной). 2 п.л.
 - Укрепление Улуг-Коргон (в соавторстве с В. М. Горячевой). 1 п.л.
- 13. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии // «Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1967. 0,5 п.л.
- 14. Сведения о киргизах в русских источниках XVIII в. // «Известия АН Киргиз. ССР», 1967, № 3. 0,5 п.л.
- 15. Ранние киргизские письменные документы (в соавторстве с С. Кудайбергеновым) // «Известия АН Киргиз. ССР», 1968, № 4. 0,5 п.л.
- 16. О формах эксплуатации в Киргизии середины XIX в. // Материалы первой конференции молодых ученых АН Кирг. ССР (21—23 октября 1965 г.). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970. 0,5 п.л.
- 17. Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. (в соавторстве с В. Я. Галицким) // «Памятники Киргизстана», вып. 2, Фрунзе, 1974. 0,5 п.л.

О РОЛИ КЫРГЫЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА ХАНСКИЙ ПРЕСТОЛ В КОКАНДЕ¹

...Как и следовало ожидать, в государстве, в котором сильны кочевнические влияния, при ослаблении центральной власти лидеры главных (по численности) племенных объединений или кланы начали борьбу за доминирующее положение в структуре управления ханством. Отпор внешней агрессии ненадолго объединил интересы основных политических групп Кокандского ханства — сартов, кипчаков, курама и киргизов. Однако видные представители этих племен (особенно из кипчаков и киргизов), вовлеченных в освобождение Коканда от бухарцев, уже не довольствовались ролью «приглашаемой» от случая к случаю военной силы, они почувствовали и выгоды, которые сулит непосредственное преобладание в ханстве собственного «трайба» или конфедерации племен.

Вся последующая история Коканда — это фактически военно-политическая борьба племенных кланов, точнее их лидеров, которая вершилась по правилам этой многосторонней конкуренции. Освобождение от ига Мангытов, совершенное мечами и копьями племен (в первую очередь кипчаков), усилило их влияние в центре ханства — в Коканде, выдвинуло из их среды новых политических лидеров, стремившихся за-

¹ Извлечение из монографии Б. М. Бабаджанова «Кокандское ханство: власть, политика, религия». Токио — Ташкент, 2010. С. 205—208, 211—213.

полнить лакуны во власти, которые образовались в результате тотальных репрессий, обрушенных бухарцами на бывшую политическую, военную и духовную элиту ханства. По этой причине... кочевники в составе ханства стали претендовать на доминирующую роль в его управлении. Лидеры племен претендовали на высокие должности в ханстве, которые прежде занимали преимущественно сарты. С другой стороны, свои личные амбиции и притязания на власть, а значит и на экономические ресурсы, вожди родов и кланов должны были обосновать перед соплеменниками. Т. е. следовало заверить соплеменников в том, что политические устремления «главных» отвечают интересам всего племени и повышают его значение в ханстве.

Новая политическая элита при слабости центральной власти, естественно, опиралась на военизированную часть представленных этнических групп. Хотя иногда «этнические границы» нарушались, и лидеры оспаривающих власть группировок старались заручиться поддержкой и других племен. Так на лидерство в среде оседлых жителей претендовал Шади-бик Дадхах, который был хакимом Маргилана и привлекал в свое войско также киргизов, кочующих к югу и юго-востоку от Маргилана. Главный сановник при дворе Йусуф Мингбаши Киргиз (шурин Шир-Али-хана) опирался, соответственно, на горных киргизов, а также на некоторых Мингов. Кипчаков и часть андижанских киргизов удалось объединить Мусулманкулу Дадхаху (мингбаши) (1794—1852 гг.). Первыми столкнулись между собой киргизы во главе с Йусуф-биком и кипчаки во главе с Мусулманкулом (его претензии в основном сводились к тому, что занимаемые кипчаками должности не соответствуют их политическому значению и «весу рода» в ханстве).

Йусуф-бик Мингбаши добился подписания Шир-Али-ханом документа, дающего ему право расправиться с недовольными кипчаками, однако Мусулманкул был настороже и сумел собрать вооруженные отряды соплеменников. Тем не менее, Йусуф-бик решился на военные действия, желая «наказать кипчаков». Тогда Мусулманкул, еще не обладавший в это время достаточным авторитетом и будучи явно слабее, стал просить мира. Йусуф-бик был непреклонен. И только посредничество Шади-бика (естественно, имевшего свои политические виды) предотвратило столкновение. Тогда же, по настоянию «кипчакской стороны», был составлен договор, по которому на должность начальника войск (мингбаши) назначался Шади-бик Дадхах, а Йусуф-бик был отправлен в Маргилан. Интересно, что в договоре, подписанном главами племен (*тава'иф-и турк, 'араб, кара-калпак, кипчак, киргиз, калмак* и др.), представители сторон, «собравшись вместе», взяли на себя обязательства «вести взаимные дела по справедливости», пользоваться занимаемыми крепостями совместно, а главное — справедливо и равноправно распределять «доходные места» в государстве¹. В преамбуле документа значится имя Шир-Али-хана, однако его участие как в переговорах сторон, так и в составлении текста документа сомнительно, учитывая его неопытность в роли хана, случайный характер его возвышения и второстепенную роль при сильных регентах. Тем не менее исполнение хотя бы этого договора, пусть и несколько абстрактно составленного, могло бы уберечь ханство от последовавшей затем кровавой череды межплеменных столкновений.

¹ Документ (на фарси/таджикском) приведен у Мулла Мирза Алима (АСТХ, лл. 406—41а).

Однако, как сказано, в государствах, подобных Кокандскому ханству, где самая воинственная часть населения буквально ворвалась во властные структуры, соответственно, были слабы или неэффективны исламские институты, перемириям и «соглашениям племен» суждено оставаться лишь на бумаге. Да и то в тех редких случаях, когда дело доходило до мирных соглашений и до письменной формы вообще.

Временный паритет вскоре был нарушен. Шади-бику удалось интригами добиться казни могущественного Йусуфа Мингбаши (в 1844 г.) и некоторых других сановников. Он попытался устранить также Мусулманкула, однако того вовремя предупредили, и он, собрав своих соплеменников из кипчакских родов (в основном воинский контингент), бежал из Шахрихана (владельцем которого он был) и поднял мятеж в Андижане. Его поддержал другой военачальник из киргизов и северных кипчаков — Мухаммад-Назар-бик, которому удалось захватить Тура-курган. После этого он соединился с Мусулманкулом, и они совместно двинулись в сторону Коканда, захватывая крепость за крепостью. По пути к ним присоединялись отряды сартов, таджиков и малые кочевые племена, лидерам которых были обещаны «блага и власть». На подступах к Коканду их встретил парламентар, которому Мусулманкул дал ответ, что он имеет претензии только к Шади-бику Мингбаши. Исходя из этого, главы города решили, что навстречу кипчакам должен выйти Шади-бик с войском, «дабы они разбирались между собой и предъявляли претензии друг к другу» (в том смысле, чтобы не страдали те, кто не вовлечен в конфликт). Некоторые кокандские военачальники (Мумин ходжа Пансадбаши Таджик и др.), руководствуясь правилом «лучше быть

с сильным», перешли со своими отрядами на сторону кипчаков. Однако битва не состоялась. Шади-бик, завлеченный обманом «для переговоров», был убит вместе с сопровождавшими его амирами. Остатки правительственных войск (кто еще не перешел на сторону оппозиции) отошли в столицу. Через некоторое время прибыл из Ташкента с помощью сына Шир-Али-хана — Саримсак-бик.

Почти одновременно Коканд осадили объединенные войска Мусулманкула...

* * *

...Однако, как сказано, доминанта одного племени (союза родов) в ханстве предполагала известное отчуждение от власти (а значит, и от материальных ресурсов) других племен и локальных групп, а это в свою очередь побуждало последних оспаривать привилегии доминирующих. Первыми недовольство проявили казахи и сарты Ташкента. Бухарский Амир Насруллах, хорошо осведомленный о положении в Коканде, выдвинул упомянутого Саримсак-бика (бывшего правителя Ташкента и старшего сына Шир-Али-хана) в качестве правителя крепости Чахар-дара (к юго-западу от Ташкента). Ташкентцы, воспользовавшись этим, привезли Саримсак-хана в Ташкент и заявили о своем отделении от Коканда (по некоторым источникам, при номинальном подчинении Бухаре). Кипчакские ставленники Хал-бик Кипчак и Нар-Мухаммад Дадхах были здесь арестованы и отправлены к Амиру Насруллаху в Бухару¹, другие казне-

¹ Вскоре Амир Насруллах отпустил их, видимо не желая осложнений с агрессивными и набирающими силу кипчаками, которым однажды уже удалось одолеть бухарцев.

ны. Одновременно в Оше выступили местные киргизские племена и, соединившись с алайскими соплеменниками, осадили Ош. На выручку осажденных поспешил Мусулманкул, прихватив с собой в поход сына Шир-Али-хана — 14-летнего Худайара, однако Мухаммад-Назар Кипчак, выступив из своего владения Шахрихана, самостоятельно подавил выступление киргизов. Тем временем в Коканде, в отсутствие Мусулманкула, представители знати (Рахматуллах Минг, Сатибалди Дадхах и др.) в союзе с киргизским племенем *авахат* организовали дворцовый переворот (1844). Шир-Али-хан был убит, на трон посажен Мурад-хан, сын Алим-хана. Матерью его была киргизка¹. Эти события заставили Мусулманкула под Андижаном. Он не собирался сдаваться. Казнив в гневе местных управителей и амиров (особенно сартских), пытавшихся пожаловаться ему на кипчакские притеснения, он повернул на запад, т. е. обратно к Коканду, останавливаясь в крепостях и оставляя в них своих людей. Следует сказать, что большинство кокандцев не признали власти Мурад-хана, очевидно понимая, что он и его покровители не способны всерьез противостоять Мусулманкулу². Тот получил от некоторых представителей элиты Коканда недвусмысленные заверения в своей поддержке (в виде тайно-

¹ Во времена, когда Умар-хан пришел к власти, Мурад-хан бежал в Бухару и затем жил в Ура-типа в селе Варух. По словам Муллы Аваз-Мухаммада, когда ему предложили воссесть на трон, он охотно согласился, сказав, что мечтал хотя бы два дня побыть ханом. Автор заключает примечательным бейтом о том, что родовое происхождение есть причина «для разлада сердца», т. е. для мирского искушения (ТДН, л. 190а).

² Правда, Мирза Алим пишет, что кокандцы сочли скорую смену хана очередной интригой самого Мусулманкула, т. е. политической рокировкой, и потому притязаний Мурад-хана не восприняли серьезно (АСТХ, л. 54а).

го письма). По пути к столице в селении Йулгун Мусулманкул провозгласил ханом юного Худайар-хана (1845). По версии Мирзы (Муллы) Алима, до этого юный Худайар-хан сидел в Намангане в качестве формального правителя, но сразу после переворота в Коканде и восшествия Мурад-хана был вывезен оттуда кипчакскими амирами и доставлен к Мусулманкулу в мавзолей Шаха Джарира (Джалила) недалеко от Джалалабада. Здесь, на святом месте, Худайара и подняли в ханы на белом войлоке, и по этому поводу было устроено большое угощение. Позже, когда Коканд был отвоеван Мусулманкулом, состоялась вторая «инаугурация», имевшая уже не столько сакральное, сколько политическое значение. Важную деталь упоминает Мулла Аваз-Мухаммад, согласно которому Мусулманкул прежде согласовал кандидатуру Худайар-хана с остальными родами региона (*ба-иттифак-и кабила-йи улус*) и со всеми коленами кипчаков. Таким образом, на короткое время в Кокандском ханстве установилось фактическое троевластие, которое, впрочем, вскоре прекратилось благодаря усилиям Мусулманкула. Столица была взята им без особого труда; небольшая гвардия новоиспеченного Мурад-хана, составленная из киргизов, разбежалась. Мусулманкул повелел казнить Мурад-хана (правившего 11 дней, по другим версиям — около месяца) и организаторов мятежа. Среди них (по словам Мулла Алима, «доведенных до врат шахидства») были именитые люди из духовенства — шайх ул-ислам Сулайман ходжа, сын Закир ходжа Ишана, кадий (*кадира'ус*) Дамулла Хал, мухтасиб Коканда Ал-Мухаммад кади. Много позднее в своих опросах В. Наливкин установил некоторые любопытные подробности: будто бы в момент возведения на престол Мурад-хана Сулайман-ходжа составил

документ (*ривайат*), в котором доказывалось, что кипчаки нарушают *шар'уат* и являются смутьянами (*фитнабазу*), т.е. государственными изменниками. Дамулла Хал и Ал-и Мухаммад *кади* скрепили этот документ личными печатями.

Выдвижение Худайара (среднего из пяти сыновей Шир-Али-хана) могло показаться не вполне правомерным во многих отношениях. Для политической и военной элиты более легитимным представлялся закон майората, по которому законным наследником трона должен быть старший в роду. Очевидна была вся подоплека ставки Мусулманкула на малолетнего Худайара, дававшей ему право выступать «от имени законного хана», т. е. в статусе официального регента, что было бы сложнее осуществить в отношении двух старших братьев Худайара, уже обнаруживших относительную самостоятельность в действиях. Кроме того, Мусулманкул выдал свою дочь за Худайара, чтобы подкрепить свою власть также родственным правом на регентство. Всего оригинальнее выглядит религиозная легитимация (при одновременном нарушении старой кочевнической традиции) выдвижения в ханы юного Худайара: богословы отыскивали слабый (*дауиф/зауиф*) хадис, который гласит, что «все среднее — лучше». Хотя приложение этого хадиса к восшествию Худайар-хана выглядит весьма неубедительно и истолковывается как попытка исламской легитимации власти победителей «задним числом»...

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕДНЕГО КОКАНДСКОГО ХАНА ХУДОЯР-ХАНА

Пока живы еще современники последнего хана, Худояр-хана, мы, по поручению Его Превосходительства господина военного губернатора Ферганской области Генерал-Майора Арендаренко, составили настоящий очерк со слов этих туземцев, занимавших при дворе хана видное положение.

Отец Худояр-хана, Ширали-хан, до завладения престолом Кокандского ханства жил среди киргизов Наманганских гор.

Взяв в жены двух киргизок из рода Талаш, сперва Сона, а затем Джаркун, Ширали продолжал жить между новыми родственниками по-киргизски.

Его религиозность (оулия-хан), простота, соединенная с умением обращаться с людьми, завоевали ему симпатию населения, а отсутствие властолюбия и жизнь вдали от всяких интриг государственных привлекли на его сторону внимание Мамедали-хана, правившего в то время страной, который, зная, что Ширали живет небезбедно, часто посылал ему денежные и другие подарки. Материальную помощь оказывали ему также и богатые, знатные киргизы, в глубине души мечтавшие о водворении на престол Ширали, с которым так тесно породнились.

¹ Ежегодник Ферганской области. Том II. Н. Маргелан, 1903. С. 79—114.

Сначала у Ширали долго не было детей ни от той, ни от другой жены. Он взял на воспитание киргизского мальчика по имени Умур, которого не переставал любить и тогда, когда у самого появилось многочисленное потомство.

Первым сыном его был Сарымсак, от второй жены Джаркун, за Сарымсаком она родила дочь Нарчучук, затем Худояра и, наконец, Султанмурада. От первой жены родились сыновья: Мелле, Сафи и дочери Афтаб и Махляр.

Джаркун была любимой женой, а Худояр любимым сыном.

Как всегда при многоженстве, ведется тайная зависть жен друг к другу и ревность, так и в данном случае Джаркун и Сона жили не в завидном согласии. Боясь, что «кюндаш»¹ изведет любимого ребенка, Джаркун оберегала Худояра, как зеницу ока и не оставляла его без личного надзора.

Разсказывают, что она, снимая котел с костра, держала зубами полу своей одежды, в которой сидел малютка.

Такое подозрительное отношение матерей друг к другу не могло не отразиться на их детях, не возбудив впоследствии между ними несогласия и междоусобицы.

Известно, что Ширали достиг престола благодаря своей популярности, после убиения Бухарским Эмиром Мамедали-хана.

Возмущенные этим убийством жители поспешили послать к Ширали депутацию с приглашением занять престол, на котором восседал ставленник Эмира Ибрахим-Хаял. К немалому благополучию Ширали, дело обошлось без всяких столкновений, так как Ибрахим-Хаял, не дождавшись прибытия Ширали, бежал в Бухару.

¹ «Кюндаш» — называют друг друга жены одного и того же мужа.

Умудренный летами, Ширали-хан знал, как непрочны симпатии народа и при себе старался упрочить положение сыновей, в старшем из которых — Сарымсаке видел своего преемника и которому с первых же дней подчинил все войска; однако Сарымсаку не суждено было пережить отца: он был убит кипчаками. Остальных сыновей назначил хакимами в разные пункты, а 9-летнего Худояра — в Тюря-курган Наманганским беком, окружив его опытными и верными советниками.

За короткое время Ширали-хан успел соорудить глинобитные стены вокруг своей резиденции, для защиты от внешних врагов, но они не послужили ему самому защитой, так как он был убит своим родственником из Шахрисябза Мурад-ханом, тайно проникшим в крепость с небольшим отрядом своих приверженцев. Этот новый претендент, спустя две недели, в свою очередь был убит партией кипчаков, руководимой Мусулманкулом, который провозгласил Худояра ханом (1845 год).

Легко догадаться, почему выбор остановился на малолетнем Худояре, а не на старшем его брате Меллебеке. Во-первых, глава сильнейшей партии Мусульманкул рассчитывал за малолетством Худояр-хана забрать в свои руки бразды правления, а во-вторых, все знали Меллебека, как человека сурового, властолюбивого и боялись его. Действительно, Мусульманкул достиг намеченной цели: 8—9 лет он пользовался неограниченной властью и делал «именем хана» все, что хотел, покровительствуя кипчакам, которые вследствие этого сильно притесняли других.

Не подготовленный более, чем все его предшественники, Худояр-хан не мог бы справиться с такой сложной задачей, как правление государством, не будь Мусульманкула,

что он вполне сознавал и охотно подчинялся его влиянию; но осторожный регент, во избежание зависти, делал вид, что во всем исполняет приказания хана.

Дитя киргизских кочевий — Худояр-хан был безграмотен, и этот важный пробел пришлось ему пополнить на престоле.

Пока Худояр-хан находился под регентством Мусульманкула, жизнь его текла в мирных досугах большею частью около своей матери и в гареме. Мусульманкул всячески старался охранять его от влияния лиц, к регенту нерасположенных; но чем самовластнее становился Мусульманкул и чем более выдвигал он своих родичей, тем более возрастала ненависть остальных, и возмущение дошло до поголовного почти истребления кипчаков. Народ требовал казни Мусульманкула, но Худояр-хан, обязанный ему своим величием, из чувства признательности долго не решался выдать его. Чтобы как-нибудь успокоить волновавшийся народ и доказать, что Мусульманкул ничего уже не значит, хан подвергал его, вопреки своему желанию, разным истязаниям: заключал в зинданхана, приковывал руки, ноги к доске, но эти меры не успокаивали народ, и хан, опасаясь за собственную жизнь, наконец должен был уступить требованию большинства. Худояр-хан оплакивал гибель Мусульманкула и, чтобы загладить свой грех, позднее назначил сына его, Абдурахмана, автобачем. Сколько ни предостерегали хана не доверять сыну убитого им Мусульманкула, но хан оказывал автобачу внимание, говоря, что он никогда не хотел смерти Мусульманкула, и что это автобачу известно.

Казалось бы, трагический конец Мусульманкула должен был прекратить партийность и упрочить положение

вещей в стране, но дело в сущности ничего от этого не выиграло. Партийные раздоры разгораются с большей силой, Ташкентский бек Меллебек поднимает знамя восстания, неудавшиеся вначале попытки завладеть престолом, наконец, венчаются успехом, и после кровопролитной битвы близ Риштана Меллебек обращает Хана в бегство в Бухару, сам же занимает его место.

Рассказывают, что в самый разгар этого рукопашного боя Меллебек налетел на Худояр-хана и нанес ему саблею удар в голову, но сабля перерезала только чалму. От этого удара у Худояр-хана до конца жизни осталась головная боль. Но Худояр-хан, движимый чувством братской любви, никому не велел трогать Меллебека, хотя один из телохранителей успел ударить Меллебека в спину, но кольчуга спасла его: припав к луке, он промчался дальше. Смельчак этот впоследствии был найден и казнен Мелле-ханом.

Деспот, фанатик до корней волос, строгий, неугомонный Мелле-хан не мог снискать себе расположения...

...После Мелле-хана, царствовавшего три года, ханство, благодаря вновь встрепенувшимся кипчакам с Алимкулом во главе, переходит сыну Сарымсака Шахмурадбеку, а от него через 8 месяцев опять Худояр-хану, но храбрый Алимкул принуждает последнего вскоре оставить Фергану и вместе с Эмиром, явившимся на выручку своих осажденных в Коканде войск, вернуться в Бухару. Шахмурадбека же за преданность Худояр-хану Алимкул убивает, заменив его сыном Мелле-хана Султан-Сеидбеком. При взятии Ташкента Алимкул, смертельно раненный русскою пулей, умирает, после чего Худояр-хан легко завладевает третий и последний раз престолом.

Предостережения, внушенные с детства родителями, затем непостоянство людей, его окружавших, и горький опыт — вселили в душу Худояр-хана такую боязнь к людям, что он каждую минуту опасался за свою жизнь. Единственно, кому вполне доверял, это Атабеку-Найбу. Этот почтенный и умный старик служил еще Ширали-хану. Худояр-хан уважал его, как отца и оставлял за себя управлять делами, когда временно отлучался из своей резиденции. Сам Хан лично делами государства занимался мало, большею частью проводил время в загородных своих садах и на охоте.

Обогащение собственной казны интересовало его больше, чем благосостояние народа. Раз навсегда установленные доходы должны были поступать ежегодно без недоимок, а как это отражалось на экономической жизни населения — трудно или легко — об этом ни он, никто из его чиновников не заботился. С зерна и хлопка взималось натурой $1/5$ урожая, с клевера и бахчи по одному рублю (на наши деньги), с сада по два рубля за танап, со скота $2\frac{1}{2}$ натурой или деньгами. Подати с зерна сдавались в аренду частным лицам, которые не стеснялись делать лишние поборы, а жаловаться обиженная сторона не всегда смела, так как инстанция между Ханом и жалобщиком (махрамы) подкупалась.

Тяжелому на подъем во всех своих начинаниях и неспособному к войне Худояр-хану усмирение ничтожной смуты стоило огромных затруднений, а более серьезные заставляли его поспешно покидать ханство. За тридцать лет правления с непродолжительными перерывами им не сделано никакого улучшения в войсках, хотя ему скорее,

чем кому-либо из его предшественников представлялась эта возможность благодаря пертурбациям, происходившим бок о бок с ним между Россией и Бухарой.

Не способный взглянуть далеко вперед, он апатично, сам ничего не предпринимая, лежал на волнах житейского моря, которые кидали его, куда хотели. Пока Бухара была для него полезной опорой, он искал спасения в ее объятиях, но лишь только Эмир начал терпеть поражение за поражением от русских, и Фергана, отрезанная от Бухары, осталась в стороне, Худояр-хан стал заискивать дружбу с Россией. Этот крутой поворот, в самую критическую минуту для Бухары, Музаффередин не мог до конца жизни простить благодетельствованному им Худояр-хану.

Грустные воспоминания, угнетавшие Хана в старой урде, где были зарезаны отец и брат, побудили его выстроить новый дворец на том самом месте, где некогда находилась богатая с золотым куполом урда Мамедали-хана, разрушенная до основания Бухарским Эмиром. Возведенная на прежней насыпи постройка эта, сделанная местными мастерами — сартами, имеет обыкновенный вид восточной архитектуры, блестящей яркими красками изразцов, пестрыми рисунками на стенах, стройными минаретами и в то же время внутри сохраняющей всю простоту и неказистость глинобитных строений. Фасад, обращенный к востоку со своим главным входом, четырьмя минаретами, красивой облицовкой, крупными надписями, террасами, решетками, невольно привлекает взор, и прошлое оживает в мыслях.

Нельзя не заметить, что расчетливость Хана ограничилась украшением только одной стороны, тогда как остальные голы и безобразны. Внутренние покои были малы

и неудобны. Женская половина помещалась в западной части дворца за особыми стенами; вокруг дворца расположены были казармы; тенистый сад с двумя прудами — все это замыкалось высокими стенами.

Среднего роста, коренастый, с рыжего оттенка окладистой бородой, Худояр-хан представлял тип сарта, но речь, манеры, привычки обличали в нем киргиза.

Неизбалованный роскошью с малых лет, он на всю жизнь сохранил любовь к простоте и незатейливости. Двор и обстановка его не отличались пышностью и богатством — все было ограничено, и в общем жизнь текла однообразно. Только в праздник Рамазана Хан совершал торжественный выезд в «Мечеть-и-Джами». Весь гарнизон Коканда принимал праздничный нарядный вид. Хан в темно-зеленом бархатном халате, расшитом по поясу золотом, в богатой чалме, украшенной спереди султаном в виде веерообразной золотой короны, усыпанной камнями, ехал на великолепном коне в золотой сбруе, которого вели под уздцы махрамы, а по бокам поддерживали стремянные. Десятка два таких же лошадей вели за ним. Дальше следовала нарядная, в разноцветных халатах, свита, и шествие замыкали войска. Трубы, барабаны потрясали воздух, пока поезд не достигал мечети. Обратное шествие сопровождалось еще пушечной и ружейной пальбой. Когда Хан у дворца слезал с лошади, поддерживаемый десятками рук, и направлялся в свои покои, махрамы давали последний ружейный залп, и этим церемония заканчивалась.

Утренние лучи не успели еще позолотить купола минаретов, азанчи не прокричал еще азана, а хан уже проснулся. Проворные чури приготовили давно все необходимое для омовения и намаза. Совершив раннюю молитву,

он направляется в покои матери, говорит ей обычное приветствие, проходит в саямхана. Толпа придворных давно его ожидает, все они проходят перед его глазами с раболопными поклонами. Высшие чины входят к нему, располагаются за приготовленным дастарханом, соблюдая старшинство. Младшие уходят раньше; аталык, кушбеги, парваначи, дадха, эшикагаси докладывают ему о важных случаях, происшествиях и тоже удаляются. Показывается старший махрам, значит есть просители. По знаку Хана махрамы быстро становятся один за другим и по очереди подают прошения своих клиентов. Хан читает, неосновательные просьбы разрывает и бросает, по остальным дает свои распоряжения через тех же махрамов. Толпа просителей сидит за стеной урды в ожидании своих ходатаев...

...Хан любил охоту и тратил на нее немало времени и денег. Держал соколов, ястребов, беркутов, каршагаев и большую псарню. Среди птичьего царства он имел своих любимцев, которым давал разные клички.

Киргизская натура тянула Худояр-хана на просторы, подальше от зависти и интриг двора. Он ежегодно с наступлением месяца рамазана выезжал на охоту. Все с удовольствием присоединялись к нему, чтобы не соблюдать поста под предлогом путешествия.

Вереница арб с женами, чуриями, всадники, обоз с провиантом составляли огромный охотничий поезд, который двигался из Коканда в Риштан, Чимион, Вуадиль, Лангар, Шахимардан, обратно...

...Повсюду кишлячники выходили навстречу Хану, приветствовали его саямом. Красивые женщины и девицы с крыш и у ворот старались показать хану свои личики, и если он замечал хорошенькую девицу, то на

ночь она становилась кратковременною его женой; этим родители ее гордились.

Родственное чувство у Худояр-хана было сильно развито. Мать свою почитал и повиновался ей во всем. Старуха, которую величали «Хаким-аим», жила по старой привычке, большею частью в киргизской юрте, поставленной для нее в старой урде, где она и умерла, не успев переселиться в новый дворец. Похороны ее были очень торжественны. Печальное шествие Хан сопровождал пешком в слезах. Детей своих Хан любил; особенно же баловал Урмана, мальчугана красивого, смышленного. Маленький Урман мог удержать гнев отца и не раз спасал провинившихся; это был всеобщий заступник и любимец. К другим родичам Худояр-хан был благосклонен, хотя многие из них вредили ему. Так, сына своего Мамедаминбека, замешанного с дядею Паша-Тюрой в неудавшемся заговоре, простил и продолжал давать субсидию; Меллехана, так жестоко с ним поступившего, Хан оплакивал долго.

По отношению к прочим Хан был гуманен и не жесток.

Фанатиком, деспотом в полном смысле не был, хотя необходимость заставляла его прибегать иногда к строгим мерам: за ложные доносы фискалам отсекали руки, уши, носы; убийц, разбойников и других важных преступников вешали по большим кишлакам в назидание.

Инквизиция допускала пытки: ноги связывали крепко веревкой, между ними заколачивали деревянный кол; ноги опускали в воду, где кол разбухал и причинял страшную боль; забивали под ногти деревянные гвозди и т. д.

С виду набожный, Худояр-хан был немного суеверен; сам гадал по бараньей лопатке, но не мог он угадать того, что скоро ему готовится окончательное падение.

Абдурахман Автобачи, Исак-оулия и другие сановники Хана, играя на фанатических струнах Насрэддина, бека Андижанского, возбудили его против отца, якобы продавшего себя «урусам».

Дело в короткое время приняло такой острый характер, что Худояр-хан решил бежать в Россию и, захватив часть казны и семейства, отступил под прикрытием небольшого отряда Скобелева в Ташкент, откуда нужно было отправить его далее в Оренбург.

В надежде вернуть себе потерянное царство, Худояр-хан не прерывал тайных сношений с Ферганой...

**ПИСЬМО — «ЗАВЕЩАНИЕ»
КУРБАНДЖАН-ДАТКИ. 1885 г.¹**

Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курманджан-датки.

Заявление

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признало еще Россию, я воевала и спорила с Вами.

Потом Абдуллабек со своими двумя братьями — Махмудбеком и Хасанбеком через Ош бежал в Кабул. Я, бедная, с малышом Камчибеком осталась на Алае. В это время на Алай прибыл Ошский начальник Ионов с генералом (имеется в виду М. Д. Скобелев. — Авт.). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается...

Теперь сыновья вернулись ко мне. Без надежды и с мучениями. Они боялись царя, но я приказала через одного посланца, чтобы они возвратились сюда. По воле Бога Абдуллабек там умер. Махмудбек и Хасанбек вернулись здоровыми.

Затем я встречалась с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, когда он приезжал в город Ош. Он тоже

¹ ЦГА РУз. Ф.и. 39. Оп. 1. Д. 1629. Л. 1.

с уважением относился ко мне и говорил: если вы прислушаетесь к моим словам — вам будет полезно и хорошо — как будто были на приеме у царя-императора.

Покойный генерал-губернатор с согласия царя ежемесячно выплачивал мне пенсию в 25 рублей. Жаль, что не могу лично выразить ему признательность.

Благодаря Богу я сейчас имею 3 детей.

Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к сиротам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмываемый позор...

Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда Бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжелой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

В заверение ставлю свою печать.

Дочь Маматбека Курманджан-датка.

ЦАРИЦА АЛАЯ (некролог)¹

На днях в 12 верстах от города Оша умерла знаменитая «царица Алая» Курбанджан датка. От жизни этой «царицы» так и веет царским простором киргизских степей и долин, образ ее, изукрашенный цветами восточной фантазии, долго будет служить темой заунывных песен приалайских номадов.

В старое время, еще во времена независимости кокандских ханов, кара-киргизы считались почти самостоятельным племенем. Вассальное отношение их к кокандскому царству выражалось лишь в том, что правители их, или датхи, утвердились ханами Коканда. В середине прошлого столетия таким датхой был Алымбек, который влюбился в одну киргизку по имени Курбанджан, отличавшуюся необыкновенной красотой, хотя Курбанджан была уже в то время замужем за сородичем киргизом, но устроить развод было для Алымбека, конечно, нехитрым делом, и он женился на Курбанджан. После смерти мужа в 1863 г., который, как полагают, был отравлен, Курбанджан со своими пятью сыновьями, батырами, перекочевала в свои родовые становища на Алае.

Там с течением времени Курбанджан удалось до такой степени подчинить своему влиянию степняков, что тогдашний кокандский хан Худояр-хан дал ей титул «датхи», или царицы. Так и прожила бы Курбанджан свой век, окруженная всеобщим почетом, не ведая жизненных испытаний,

¹ «Туркестанские ведомости». 1907. 16 февраля (1 марта). № 2834. С. 135—137.

если бы не случилась в восьмидесятых годах война России с кокандскими правителями, которая, в конце концов, закончилась присоединением к России в 1876 г. всех земель Кокандского ханства. Вполне естественно, что сочувствие Курбанджан в этой борьбе было на стороне кокандцев, и поэтому, когда было объявлено, что независимость последних, а в том числе и ее, была потеряна навсегда, Курбанджан решила не подчиниться власти русских и отстоять свободу своих киргиз. Она втайне питала надежду вернуть самостоятельность Кокандского ханства с помощью их. Во время возникших затем волнений кара-киргизами было сделано нападение на капитана Куропаткина, ехавшего в Кашгар с конвоем из казаков. Двинувшемуся в поход на Алай для укрощения строптивой датхи генералу Скобелеву ею было приказано преградить дорогу. В горах Малого Алая произошло несколько столкновений, в которых кара-киргизы дрались с отчаянным упорством. Наконец весной 1876 г. противники сошлись для решительного боя близ Гульчи, у урочища Янги-арык. Еще и теперь там можно увидеть полуразрушенные укрепления или массивные каменные завалы, устроенные с оборонительными целями. Здесь Абдуллабек, старший сын датхи, решил дать отпор русским. Абдуллабек считал себя недоступным в своих кругах, но, к ужасу своему, скоро убедился в своем заблуждении: справа от него, с Талдыка, продвигался отряд генерала Ионова, а слева, со стороны кургана Оморбека, угрожали две казачьи сотни полковника князя Витгенштейна.

Видя себя окруженными со всех сторон, киргизы без боя бросились в бегство по направлению к Алаю, растеряв по дороге свои стада. Абдуллабек бежал на Кызыл-Арт. Тщетно князь Витгенштейн со своим летучим отрядом старался

догнать лихого батыра. Абдуллабек увертывался от него с чисто киргизским проворством и, наконец, успел с небольшим числом людей бежать через Памир в пределы Афганистана. Витгенштейн в увлечении погоней сам еле не погиб около озера Кара-Куль.

Услышав о поражении сына и приближении русских к Алаю, Курбанджан со всем своим имуществом бросилась в Кашгарию. Однако ее многочисленное стадо приглянулось тамошним властям и она была ограблена нападшими китайцами. Тогда датха с младшим сыном Камчибеком повернула народ, стараясь пробраться по следам Абдуллабека в Афганистан, но была захвачена князем Витгенштейном и отправлена в Гульчу, где тогда находился Скобелев. Последний встретил ее на пути, когда она ехала туда, в Лянгар. Встреча эта описывается таким образом.

Датха в сопровождении Камчибека и одного из своих внуков вошла в комнату и стала молча, опустив голову. Скобелев встал, подошел к ней и протянул руку. Курбанджан, не ожидавшая такого приема, растерялась, но улыбка заиграла на ее лице. Скобелев сказал пленнице через переводчика, что он очень рад видеть ее в добром здоровье и надеется, что она, пользуясь своим влиянием на Алай, убедит свое кочевое население склониться к миру и подчиниться России.

Скобелев затем сказал, что Курбанджан может гордиться своими сыновьями, так как они исполняли только свой долг. Если они вернутся, обещал он, то будут награждены. Затем Курбанджан был предложен дасторхан и подарен почетный парчовый халат, одетый на нее Скобелевым собственноручно.

С этого момента Курбанджан поняла, что и ее самостоятельность, и самостоятельность Кокандского ханства были

навсегда потеряны. Она затем приложила все усилия, чтобы удержать киргиз от напрасных кровавых столкновений, и постаралась уговорить своих бежавших сыновей вернуться на родину. Все они, за исключением старшего Абдуллабека, не поверившего обещаниям русских и до смерти оставшегося их врагом, так и сделали.

Небезынтересна их дальнейшая судьба.

Абдуллабек в 1876 г. отправился из Афганистана на богомолье в Мекку и по дороге туда умер. Батырбек и Хасанбек, вернувшиеся из Кашгара в 1877 г., были назначены волостными правителями. Махмудбек, также волостной управитель, вместе с младшим братом Камчибеком был замешан в убийстве в 1893 г. пограничников. Камчибек был казнен в Оше два года спустя, а Махмудбек был сослан в Сибирь на каторжные работы, из которых он был в 1897 г. возвращен по случаю помилования. Этот Махмудбек сослужил русским большую службу в 1898 г., сообщив накануне андижанской резни о замыслах мин-тюбинского ишана. За это ему был возвращен почетный халат, который был отобран у него при ссылке.

Со времен восстания прошло 30 с лишним лет, и Курбанджан добросовестно выполняла данное ею обещание, ее авторитет до последнего времени не утратил своего значения, что видно, между прочим, из того, что сыновья ее из руководителей восстания превратились в мирных волостных старшин, аккуратно собирающих кибиточный сбор для русской казны.

Обитатели Алая вообще не приучены историей рассчитывать на жалость победителя, и, ошеломленные великодушием недавнего врага, они из чувства благодарности готовы действовать в его интересах с рвением добровольного рабства.

Курбанджан удостоена посещения различных туркестанских генерал-губернаторов во время их проезда через Ош, а в 1901 г. она была представлена в Андижане военному министру, для чего нарочно приехала туда из своих алайских кочевий.

В том же году она получила перстень из кабинета Его Величества.

В последнее время Курбанджан представляла собой бодрую старушку лет 88, одевавшуюся при представлениях или в парчовую шубейку с меховой оторочкой — единственным остатком от прежнего величия, или в черный шелковый халат с большим белым тюрбаном на голове. Лицо у нее по обыкновению всех киргизок было открытым. Но такой вид у нее лишь в торжественные дни: обычно же ее место было в седле, конь и степи были ее стихией.

«Вся история Кокандского ханства доказывает то, что никогда один народ не выступал против другого народа. Большинство происшедших восстаний или небольшие войны организовывали верхние слои, которые стремились к власти.

Коренные жители — узбеки, киргизы, казахи, таджики, каракалпаки всегда жили дружно, вместе проводили различные праздники, вели взаимовыгодную торговлю, обзаводились смешанной семьей, помогали друг другу, вместе защищали свою Родину от иноземных захватчиков...»

Х. Н. Бабабеков

(Институт истории народов Средней Азии
им. Махпират. Узбекистан. Январь, 2012 г.).

**РЕЦЕНЗИИ НА МОНОГРАФИЮ В. М. ПЛОСКИХ
«КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО»**

I

**Новый труд по истории Киргизии
(«Критика и библиография»)**

В издательстве «Илим» вышла новая книга кандидата исторических наук В. М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство»¹. На основе анализа предшествующей литературы и архивных документов, привлечения этнографического и археологического материалов автор исследует один из самых мрачных периодов в истории киргизского народа — столетие взаимоотношений с Кокандским ханством. Это был период безудержной эксплуатации народа и его героической борьбы за независимость.

В XVIII в. киргизский народ, терзаемый феодальными междоусобицами, становится объектом агрессивных устремлений со стороны двух соседних государств — цинского Китая и Кокандского ханства. Отдельные попытки проникновения на территорию Киргизии цинских отрядов пресекаются героической борьбой киргизского народа, сумевшего отстоять свою независимость. Автор убедительно опровергает необоснованные территориальные притязания маоистских фальсификаторов и доказывает, что «Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе цинской

¹ Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977.

империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела и давали должный отпор внешней агрессии со стороны манчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана. Киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний местного населения. Между народами Средней Азии и Восточного Туркестана были не только исторически сложившиеся экономические и культурные связи, но и исторически возникшая этническая близость» (С. 38).

Основное внимание в книге уделено проблеме политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства. На ранней их ступени — в середине XVIII в. — киргизские племенные объединения выступали равноправными соседями, а временами и военными союзниками Кокандского ханства. Но по мере его усиления территория Киргизии постепенно завоевывается ханством. Киргизские феодалы находят общий язык с кокандской знатью и совместно участвуют в ограблении трудового населения, будь то киргизы, узбеки или таджики.

В книге всесторонне рассматриваются особенности завоевательной политики кокандских ханов, а также территориально-административное подчинение киргизов. Автор вскрывает сущность местного управления родоплеменных объединений во главе с биями и манапами, показывает активную роль киргизской феодальной знати в политической жизни ханства.

В новом аспекте рассматривается характер и назначение кокандских крепостей. С одной стороны, это были опорные пункты ханско-феодального гнета, с другой — они являлись

пограничными форпостами на пути манчжуро-цинской экспансии. Автор впервые убедительно доказал существование и роль чисто киргизских крепостей — коргонов, не связанных с кокандской военной колонизацией. На базе выявленных автором документальных первоисточников исследуется социально-экономическое положение киргизов и деспотическая сущность Кокандского ханства, его налоговая система и другие формы эксплуатации трудящихся. Анализируя социальные отношения, автор доказывает несостоятельность буржуазных теорий социальной однородности и бесклассовости киргизского общества XVIII—XIX вв.

В труде рассматриваются киргизско-узбекские хозяйственные связи, обосновывается положение о переходе части киргизского населения к земледелию, начиная с XVIII в. Вопреки утверждениям буржуазной историографии о якобы извечной вражде кочевников с оседлыми народами, раскрываются хозяйственные связи и взаимозависимость кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого населения ханства. Анализ архивных источников показывает распространение среди киргизов таких форм земельной собственности, как мильк — частная собственность, вакф — земельная собственность мусульманских учреждений, замини-джамрат — земли общин. В работе всесторонне анализируются формы и методы феодальной эксплуатации.

Книга содержит яркую характеристику народно-освободительной борьбы киргизов в Кокандском ханстве, слияния ее с классовыми выступлениями трудящихся. Поднятое в горах Ферганы киргизами восстание 1873 г. с каждым годом расширялось, приобретало всеобщий размах и привело, в конечном итоге, к ликвидации ханства.

Весь комплекс исследованных автором вопросов позволил ему прийти к важному обоснованному выводу: падение Кокандского ханства, проводившего политику угнетения своего и завоеванных народов, было вызвано внутренними причинами социально-экономического и политического характера, массовым освободительным движением киргизского народа, поддержанным выступлениями узбекских и таджикских трудящихся Ферганы.

Кокандское ханство пожинало плоды собственной внутренней политики угнетения народов. Важную роль сыграло также добровольное вхождение Киргизстана в состав России (С. 328) и ее активное продвижение в глубь Средней Азии в третьей четверти XIX в. Бесспорен и основной идейный лейтмотив книги: политика кокандских ханов, феодалов и киргизских биев была направлена на разъединение народов и усиление совместной эксплуатации трудящихся.

Хозяйственные контакты и взаимосвязи народов, а также общие выступления трудящихся киргизов, узбеков и таджиков против ханской деспотии способствовали установлению лучшего взаимопонимания и сотрудничества различных народов и этнических групп, объединению разнонациональных угнетенных трудящихся масс в совместной борьбе против эксплуатации и национального гнета.

Автор особо подчеркивает прогрессивность вхождения Киргизии в состав России, положившего начало решительному переходу от отсталых патриархально-феодалных отношений к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства.

Рецензируемая книга — большое многоплановое произведение. Не все вопросы в нем раскрыты в одинаковой полноте. Отдельные положения дискуссионны. Хотелось бы,

например, более обстоятельного, документального показа жизни рядового труженика. В книге не получили освещения вопросы культуры и быта народа. Не все из проанализированных в первой главе первоисточников нашли отражение на страницах книги, в частности, в тексте почти не использованы собранные автором рукописные и документальные находки на территории Киргизии. Но в целом следует сказать: создан серьезный научный труд, который вносит новый вклад в среднеазиатскую историографию.

С. Ильясов,
академик АН Киргизской ССР,

К. Усенбаев,
доктор исторических наук.

Газ. «Советская Киргизия». 7 января 1978.

II

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Сложная и многоплановая проблема взаимоотношений киргизского народа с соседним деспотическим Кокандским ханством представляет научный интерес в плане освещения истории Киргизии в XVIII—XIX вв. и изучения истории возникновения, развития и падения самого Кокандского ханства. Вместе с тем она тесно связана с имеющим важное историческое значение вопросом о добровольном вхождении Киргизии в состав России. Но до сих пор эта проблема не была предметом всестороннего изучения.

Монография В. М. Плоских актуальна и в историографическом плане, так как в ней дается оценка различным точкам зрения по исследуемым вопросам. Автор при этом рассматривает и великоханьские исторические концепции, показывает беспочвенность территориальных притязаний маойстов на земли киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана.

Важность и актуальность монографии заключается также в освещении и раскрытии истоков, исторических корней классовой солидарности и дружбы народов нашей страны. Из хаоса феодальных распрей, грабительских войн и походов автор выделяет главное — объединение не на национальной, а на социальной основе трудящихся масс (киргизов, узбеков, таджиков) в борьбе против гнета феодалов в Кокандском ханстве XIX в.

Работа основана на широкой источниковой базе, преимущественно на письменных источниках. Автор использовал такой важный источник, как письма и прошения киргизов

XVIII—XIX вв.; в монографии привлечены к исследованию и полевые (археологические и этнографические) материалы, собранные при непосредственном участии и под руководством автора. Монография свидетельствует о плодотворности использования памятников материальной культуры (остатки кокандских крепостей, киргизские заповедники — коруки) для изучения отдельных вопросов политической и социальной истории XVIII—XIX вв.

В книге рассматриваются сложные и драматические события, начиная с XVIII в., когда Киргизия, раздираемая феодальными междоусобицами, становится объектом нападений со стороны цинского Китая и Кокандского ханства. Особой агрессивностью отличалась политика китайско-маньчжурских феодалов, которые стремились завоевать Киргизию и сопредельные области Средней Азии и Казахстана. Однако попытки цинских отрядов вторгнуться в Прииссыккулье были пресечены героической борьбой киргизского народа и окончились полным крахом. Потерпев провал своих агрессивных планов, пекинский двор лицемерно призывал «закордонных» киргизов сохранять спокойствие и не нарушать китайских границ (с. 88). Эти и другие рассматриваемые в книге исторические факты позволили автору прийти к обоснованному выводу о том, что Киргизия и соседние области Средней Азии «никогда не были в составе Цинской империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела» (с. 38). В то же время, как отмечается в работе, киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний в Восточном Туркестане, с народами которого они имели не только исторически

сложившиеся экономические и культурные связи, но и этническую близость.

Основное внимание в книге уделено истории киргизско-кокандских отношений с середины XVIII в., когда происходит обособление ферганского владения под эгидой узбекской феодальной династии Минг. Автор показывает, как по мере усиления Кокандского ханства происходил захват мингскими предводителями территории нынешней Киргизии. обстоятельно рассмотрены все перипетии киргизско-кокандских отношений, борьба народных масс и двойственная политика киргизской знати, а также территориально-административное подчинение Киргизии. Для закрепления своей власти над киргизами кокандцы возвели систему укрепленных сооружений — глинобитных крепостей, которые имели не только военное, но и административно-фискальное значение и выступали как «оплот ханско-феодального гнета» (с. 138). Следует, однако, заметить, что, говоря о кокандских крепостях, автор временами увлекается деталями чисто археологического характера (с. 145—147, 149—151). Излишни подробности и в описании участия киргизской знати в политических событиях ханства; от этого иногда создается впечатление преувеличения роли той или иной феодальной группировки в жизни Кокандского ханства (с. 156—174).

В монографии анализируется социально-экономическое положение киргизов в составе Кокандского ханства, вскрывается эксплуататорская сущность деспотической ханской власти. Показывается, как под влиянием практики земельных отношений Кокандского ханства в Киргизии складывалась система государственной, частной и общинной собственности на землю. Значительное внимание при этом уделяется характеристике форм землевладения — феодального, крестьянского

и общинного землепользования. В Киргизии по мере расширения сферы мусульманского права появляются и новые феодальные институты, в частности, вакфы. В. М. Плоских приходит к выводу, что «в целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений среди киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада» (с. 209).

В монографии приведен ценный фактический материал о хозяйстве киргизов в XVIII—XIX вв. Оно находилось во взаимодействии с хозяйством земледельческого (таджикского и узбекского) населения. Прослеживая характер этих связей, автор подчеркивает несостоятельность буржуазной теории извечного антагонизма между кочевыми скотоводческими и оседло-земледельческими народами. В. М. Плоских справедливо отмечает, что не военные катаклизмы и не завоевательная политика отдельных государей и феодалов определяли естественный ход истории, а прежде всего хозяйственно-экономические взаимосвязи между народами (с. 209, 242, 256).

В работе подробно разбирается налоговая система ханства, исследуются натуральная, трудовая и денежная формы феодальной ренты, различные нерегулярные сборы, произвольно взимавшиеся кокандскими феодалами. При этом заслуживает внимания вывод автора о том, что «основной формой ренты не только на государственных, но и на частновладельческих, общинных и вакфных землях была рента-налог, наряду с которой существовали и другие формы ренты, произвольные или обусловленные основной формой, или выступавшие наряду с ней» (с. 278). Вместе с тем в книге отмечается, что отдельные представители

киргизской феодальной знати (Алымбек-датха, Байзак, Сары. мсак) пользовались полным налоговым иммунитетом.

Несомненный интерес представляет подробный разбор специфически киргизского социального института — манапства, окончательно оформившегося и достигшего своего апогея в период Кокандского ханства¹. Истоки феодального института манапства автор выводит из традиционного бийства, но в то же время отмечает, что время его появления неправомерно связывать с первым зафиксированным документально термином «манап» (1844 г.). Социальный институт манапства, по его мнению, имел более глубокие корни и служил орудием для эксплуатации знатной верхушкой широких народных масс².

В заключительных разделах монографии В. М. Плоских освещается борьба киргизского, узбекского и таджикского народов против произвола феодальной верхушки Кокандского ханства. Автор рассматривает причины, характер и движущие силы массовых выступлений киргизов в первой половине XIX в. Направленные против налогового гнета и притеснений ханских властей, такие восстания происходили в 20—50-х годах на Таласе и в Чуйской долине, в Фергане и Нарыне, на Иссык-Куле и Тянь-Шане. В. М. Плоских удалось показать, как в ходе борьбы с деспотией Худоярхана киргизы все чаще обращают свои взоры к России, видя в ней освободительницу от нестерпимого гнета Кокандского

¹ Этот вопрос рассматривается в двух различных параграфах (с. 129—131, 246—248), хотя лучше было сделать это в одном месте.

² Однако вряд ли можно полностью согласиться с высказанным еще в середине XIX в. мнением М. И. Венюкова о том, что термин «манап» идентичен по своему значению древнегреческому «тиран» (с. 120).

ханства. Благодаря поддержке русского правительства киргизские племена Чуйской долины и Прииссыккуля сбросили ненавистную им власть Худояр-хана, и Северная Киргизия добровольно вошла в состав России (с. 300).

Рассматривая народные антифеодальные движения в Киргизии в первой половине XIX в., автор одновременно говорит и о выступлениях киргизских трудящихся против собственных родоправителей — манапов. Он высказывает интересные соображения о формах социального протеста и выступлениях рядовых киргизов против засилья манапов. Однако приводимые им исторические сведения о таких выступлениях довольно отрывочны и не дают достаточно ясного представления об их характере (с. 301—303).

Более подробно в книге освещается восстание 1873—1876 гг. в Кокандском ханстве, в котором приняли участие и киргизы во главе с Исхаком Муллою (Пулат-ханом). В советской историографии высказывались различные точки зрения на характер этого крупного социального движения. Одни историки считают его национально-освободительной борьбой¹; другие разделяют восстание на два этапа, из которых первый (1873—1875 гг.) рассматривается как прогрессивный, антифеодальный, а второй (1875—1876 гг.) — как реакционное движение². Существует также взгляд, по которому кокандское восстание было одновременно направлено и против ханского гнета, и против колониальной политики

¹ Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. // «Борьба классов». 1936. № 4.

² Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX в. и в начале XX в. // Труды Ин-та яз. и лит. Киргизского филиала АН СССР. Вып. IV. Фрунзе, 1954.

царской России¹. В последние годы выдвинута точка зрения о том, что это движение носило на первом этапе антифеодальный, народно-освободительный, а на втором — антиколониальный характер².

В. М. Плоских рассматривает восстание Пулат-хана как широкое движение масс, в котором участвовали различные социальные группы кочевого и оседлого населения Кокандского ханства. Восстание началось на почве глубокого недовольства и возмущения непосильными поборами и налогами в правление Худояр-хана. Кокандские власти в начале 70-х годов почти втрое увеличили размер податей, взимаемых с киргизов-скотоводов. Ответом явилось выступление в 1873 г. в горах Ферганы кочевых киргизов, поддержанное затем оседлым населением — трудящимися узбеками и таджиками.

В монографии прослеживаются основные события и дальнейший ход этого восстания, к которому примкнула часть феодально-клерикальной знати ханства. Напуганный этим движением Худояр-хан, находившийся под вассалитетом России, бежал в 1875 г. в Ташкент под защиту генерал-губернатора Туркестана. Власть в Коканде временно захватила феодально-клерикальная знать, опиравшаяся на военную поддержку некоторых вождей кочевых племен, в основном кипчаков. Абдурахман Афтобачи и другие феодальные главари воспользовались плодами народного восстания и сделали попытку направить движение в выгодное им русло; они объявили «священную» войну (газават) про-

¹ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968.

² Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.

тив «неверных», пытались придать восстанию антирусский характер, вернуть часть отошедшей к России по договору 1868 г. территории Кокандского ханства. Однако эта политика не имела успеха и фактически привела в конечном итоге к разгрому всего повстанческого движения отрядами генерала Скобелева в 1876 г. «Надо признать, — констатирует автор книги, — что в ходе восстания к нему примыкали и представители феодально-байской знати, такие, как Абдурахман Афтобачи, сын Мусульманкула, Абдулла-бек, сын Алым-бека и Курбанджан-датхи, представители мусульманского духовенства, стремившиеся разжечь религиозный фанатизм под знаменем газавата, и некоторые другие. Они преследовали свои корыстные интересы и нередко предавали повстанческое движение. Но характер народного выступления, его движущие силы определялись не этими реакционными элементами» (с. 317).

Исторические факты, приводимые в исследовании В. М. Плоских, казалось бы, не дают оснований рассматривать кокандское восстание (по крайней мере, в 1875—1876 гг.) как единое по своим целям, характеру и движущим силам. Это признает и автор рецензируемой книги, который отмечает, что «к оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создавалось впечатление огульного отнесения их всех без исключения к народно-освободительным движениям и социальным протестам» (с. 301). Несмотря на это, в монографии все же не проводится четкой грани между отмеченными выше двумя направлениями в рассматриваемом движении («народным» и «феодально-байским»). Вместе с тем следует подчеркнуть: автору в целом удалось показать, что кокандские события 1873—1876 гг. явились результатом деспотического произвола и дикого гнета

со стороны правящей феодальной верхушки ханства. Приводимые в монографии факты позволяют говорить об участии в этом движении широких масс киргизского, узбекского и таджикского населения Кокандского ханства. Можно вполне согласиться с мнением автора о том, что в их совместной борьбе против феодального угнетения и ханской деспотии постепенно закладывались основы классовой солидарности трудящихся различных национальностей.

Основываясь на анализе комплекса вопросов, автор приходит к обоснованному выводу о том, что падение Кокандского ханства было прежде всего результатом внутренних политических и социально-экономических причин; оно было закономерно подготовлено многолетней борьбой широких народных масс против угнетательской политики и деспотии кокандских феодалов во главе с мингской династией.

Монография подводит к осмыслению важных политических и социально-экономических проблем, связанных с присоединением Киргизии к России. Это крупное историческое событие рассматривается автором как начало постепенной ломки и перехода от отсталых институтов патриархально-феодального строя к более прогрессивным формам хозяйственного и общественно-экономического развития в составе Российского государства. Исследование В. М. Плоских представляет несомненный интерес в плане изучения среднеазиатской истории дореволюционного периода.

С. Г. Агаджанов,

доктор историч. наук, чл-корр. АН ТССР

Ж. «История СССР». № 5. М., 1978. С. 185—188.

III

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Монография В. М. Плоских, посвященная в целом мало-разработанному в отечественном востоковедении периоду XVIII — 70-х годов XIX в., когда киргизский народ находился под властью Кокандского ханства, приобретает весьма актуальное звучание в связи с попытками некоторых современных буржуазных и маоистских историков фальсифицировать прошлое народов Средней Азии и Казахстана.

Трудность исследования избранной автором темы обусловлена прежде всего крайне недостаточной разработкой источников и многочисленными пробелами в освещении важных вопросов социально-экономической и политической истории дореволюционной Средней Азии в письменных источниках. Заслуга В. М. Плоских состоит в комплексном изучении имеющихся по данному периоду истории Киргизии источников, тщательном исследовании архивных материалов, археологических и этнографических данных, привлечении киргизского народного эпоса и строго научной интерпретации его содержания. Использование всей суммы источников позволило автору создать обобщающую картину сложной и трудной борьбы киргизского народа с цинскими захватчиками в XVIII — 70-х годах XIX в.

Основное внимание В. М. Плоских уделяет анализу принципиальных вопросов социально-экономической и политической истории Киргизии, что способствует решению многих малоисследованных вопросов истории не только киргизского, но и других народов Средней Азии. Во введении автор пишет, что «в основе исследования лежит стремление всесторонне

раскрыть исторические корни общности и дружеских взаимоотношений между узбекским, таджикским и киргизским народами, которые, вопреки деспотической политике ханов, способствовали объединению, а не разобщенности народов» (с. 6—7). Многочисленными яркими примерами автор иллюстрирует процесс взаимосближения народных масс Средней Азии в условиях сотрудничества и совместной борьбы против политического и налогового гнета, деспотизма кокандских и киргизских феодалов и складывания объективных условий для присоединения их к России.

Особое значение в книге имеет построенная на анализе источников глубокая характеристика взаимоотношений народов Средней Азии и цинского Китая в рассматриваемое время. Автор показывает героическую, упорную борьбу народов Киргизии и других районов Средней Азии против агрессивной политики цинского правительства и его ставленников. В ходе этой борьбы, как отмечается в книге, киргизы и другие среднеазиатские народы сумели отстоять свое право на национальное существование и отбить все попытки маньчжурских завоевателей подчинить себе новые, никогда не принадлежавшие Китаю территории. В этом плане собранный и проанализированный автором фактический материал способствует разоблачению антиисторических великодержавно-шовинистических измышлений маоистских историографов, пытающихся объявить территорию республик Советской Средней Азии якобы «извечным владением Китая» и исказить подлинный ход их многовековой и богатой событиями истории.

В работе ставится ряд важных и серьезных вопросов истории дореволюционной Средней Азии. На наш взгляд, особый теоретический и практический интерес имеет пред-

ложенное автором и в целом успешное решение проблемы взаимоотношений двух главных хозяйственнокультурных, типов, характерных для населения Средней Азии. В зарубежной и отчасти в отечественной историографии существует склонность к некоторому преувеличению якобы извечных противоречий между земледельцами и скотоводами, в результате которых их интересы всегда антагонистически противопоставляются. Тщательно анализируя весь комплекс материала, В. М. Плоских приходит к справедливому выводу, что такие суждения несостоятельны и что скотоводы-киргизы в той или иной мере всегда были связаны с земледелием, а земледельцы — узбеки и таджики — остро нуждались в продуктах киргизского скотоводства (с. 323—324). Автор, конечно, признает наличие определенных, сложных моментов в отношениях между представителями различных хозяйственно-культурных типов, но метко подмечает, что все столкновения и уособицы между кочевниками и земледельцами инспирировались и были выгодны в первую очередь их феодалам, которые в случае необходимости первыми находили между собой общий язык с целью совместной эксплуатации подвластного им населения.

Интересна разработка автором вопросов социального развития киргизского общества эпохи Кокандского ханства: в книге проанализирован крайне сложный процесс утверждения здесь в этот период феодального строя, опутанного массой патриархально-родовых пережитков.

Большое научное значение имеет и исследование различных сторон хозяйственной и политической истории Кокандского ханства — одного из самых крупных политических образований дореволюционной Средней Азии, к сожалению,

пока еще недостаточно изученного в отечественной исторической науке. В. М. Плоских выступает против преувеличения реакционного влияния Кокандского ханства на политическое, хозяйственное и социальное развитие киргизов XVIII — 70-х годов XIX в., справедливо отмечая, что кокандское господство могло лишь отчасти оказывать воздействие на объективно шедший процесс феодализации киргизского общества.

Книга содержит богатый материал по истории совместной классовой борьбы трудящихся Средней Азии против деспотизма кокандских ханов, киргизских и узбекских феодалов. Автор вскрывает корни массовых движений и анализирует причины их неудач. Убедительно показана историческая закономерность возникновения в киргизском обществе стремления к сближению с более развитым и сильным соседом, приведшего к осознанию необходимости присоединения к России.

В серьезной работе В. М. Плоских есть и некоторые спорные положения и недостатки. Так, автор в целом справедливо отмечает методологическую и идейную ограниченность русской дореволюционной литературы по истории Кокандского ханства и Киргизии. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что она сейчас может иметь лишь «интерес в источниковедческом ключе» (с. 22). Несомненно, русская дореволюционная литература о Средней Азии несла на себе, как пишет В. М. Плоских, «печать социального заказа господствующих классов России», однако она была неотъемлемой и важной частью русского дореволюционного востоковедения, и исследование ее представляет большой историографический интерес. Без этого нельзя, на наш взгляд, верно

и полно оценить значение этого научного наследия для советской марксистской историографии Средней Азии.

Вызывает некоторое сомнение оценка автором Кокандского восстания 1873—1876 гг. как «народной войны 70-х годов XIX в.» (с. 304 и сл.) ввиду сильного проявления в ходе этого движения реакционных феодально-клерикальных тенденций и течений. Встречаются отдельные повторы, досадные опечатки и т. д. Вместе с тем хочется отметить, что, в отличие от многих публикаций среднеазиатских академических издательств, вышедшая досадно малым тиражом (500 экз.) книга снабжена научным аппаратом (подробная библиография, именной, географический и, что особо важно, терминологический и этнический указатели).

Обоснованность и научная доказательность выводов в сочетании с актуальностью их политического звучания делают рецензируемое исследование заметным вкладом в разработку истории народов Средней Азии.

Д. Ю. Аранов,

канд. историч. наук, Институт истории АН СССР

Ж. «Народы Азии и Африки». № 6. 1978. С. 232—234.

IV

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Многие вопросы истории Кокандского ханства, его взаимоотношений с соседней Киргизией, борьбы киргизского народа против его угнетателей еще недостаточно освещены в нашей исторической литературе. В этой связи надо приветствовать появление капитальной работы В. М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство», которая восполняет многие пробелы в историографии данной проблемы.

Рецензируемая работа — плод многолетнего труда автора, скрупулезно исследовавшего обширный круг источников и пособий — архивных, литературных, этнографических и археологических, большинство которых впервые вводится в научный обиход. Следует особо отметить такую уникальную группу источников, как письма, прошения, жалобы трудового населения, а также налоговые записи (дефтеры) и поименные списки родоправителей. Комплексное исследование разнохарактерных источников, тщательный анализ и сопоставление их позволили автору создать оригинальную работу.

В 1-й главе — «Киргизия XVIII столетия и завоевательная политика Кокандского ханства» — освещается процесс сложения этого государственного образования. Здесь правильно подчеркивается, что на первом этапе активную политическую роль в этом играли ферганские и тяньшанские киргизы, выступавшие совместно с узбекскими племенами против джунгарских завоевателей. В середине XVIII в., несмотря на родо-племенную раздробленность киргизов, их феодалы — предводители крупных племенных объеди-

нений — проводили самостоятельную политику. Кокандское владение в то время находилось в состоянии внутренней консолидации и еще не покушалось на независимость своих ближайших соседей — киргизов.

Далее в главе рассматриваются взаимоотношения киргизских племен с Цинской империей, которая, потерпев неудачу в попытках прямого завоевания Киргизии, старалась привлечь киргизскую знать на свою сторону путем подарков и обмена послами. Народы Киргизии и Узбекистана сумели пресечь экспансию цинского Китая в сторону Средней Азии и в то же время поддержали антицинскую освободительную борьбу народов Восточного Туркестана.

С 60-х годов XVIII в. Кокандское ханство отказывается от политики союза с киргизскими племенами и берет курс на насильственное присоединение киргизских земель к своим владениям. Автор подробно рассматривает процесс постепенного подчинения Коканду территории Южной, а позднее и Северной Киргизии.

Во 2-й главе рассматривается территориально-административное устройство киргизов в составе Кокандского ханства. Подробно освещается местное управление, основанное на подразделении киргизов по родо-племенному признаку. Здесь же показана роль кокандских крепостей как оплота ханско-феодального режима.

Много внимания уделено активной роли киргизской знати в политической жизни ханства. Входя в состав ханского административного аппарата, киргизские феодалы непосредственно участвовали в угнетении и эксплуатации как узбекских, так и киргизских трудящихся.

Эксплуататорской политике Кокандского ханства и социально-экономическому положению киргизов посвящена

отдельная глава, в которой характеризуются аграрные отношения у киргизов, взаимовлияние хозяйства узбекского и киргизского населения, социальная структура киргизского общества, формы и методы феодальной эксплуатации.

В изучаемый период основу экономики Киргизии составляло скотоводческое хозяйство, а Кокандского ханства в целом — орошаемое земледелие. Однако под влиянием оседлого узбекского населения Ферганы земледелие все более проникает и в среду киргизского населения, а кочевое скотоводство постепенно превращается в полукочевое.

Хозяйство киргизов тогда представляло собой сочетание скотоводства с земледелием, промыслами, охотой и составляло «важную статью общей экономики Кокандского ханства». Между трудящимися киргизами-скотоводами и узбекским земледельческим населением складываются отношения сотрудничества и добрососедских контактов. В этом плане очень важен вывод автора о том, что нельзя сводить всю историю их взаимоотношений только к войнам и грабительским набегам кочевой феодальной знати на оседло-земледельческие районы, а роль Кокандского ханства в истории киргизского народа рассматривать лишь как самый мрачный период, приведший к хозяйственному регрессу. Именно в этот период, как справедливо подчеркивает В. М. Плоских, формируется сознание единства хозяйственных и классовых интересов узбекских и киргизских трудящихся, что нашло отражение в их совместных выступлениях против общих угнетателей.

В работе показано, что в Киргизии после подчинения ее Кокандским ханством происходит расширение феодальных институтов, развивается мельковое (частно-феодальное)

землевладение, появляются феодальные огороженные земли (корук) и владения мусульманских духовных учреждений и лиц (вакф), углубляется процесс феодализации киргизского общества. Но в основе своей характер общественных отношений у киргизов продолжал оставаться патриархально-феодальным; важную роль в экономике и быту играли родоплеменные традиции.

Киргизские трудящиеся испытывали на себе жесточайший ханско-феодальный гнет. Тяжелые налоги, произвол и насилия правящей верхушки вызывали возмущение угнетенных масс, которое выливалось в открытые выступления, временами охватывавшие огромные территории.

Борьбе киргизского народа против его угнетателей посвящена последняя глава книги, где подробно освещается ряд восстаний, происходивших в первой половине XIX в. При этом правильно отмечается, что выступления киргизского народа против кокандских феодалов несли в себе и элементы социального протеста против гнета местных феодалов, а зачастую переплетались с подобными же антифеодальными выступлениями узбекских трудящихся. Так накапливался «опыт выражения социального протеста, зарождались истоки классовой солидарности угнетенных киргизских и узбекских трудящихся».

Народное восстание 1873—1876 гг., начатое киргизами и поддержанное затем всеми угнетенными массами Кокандского ханства, ярко показало всю мощь и глубину народного возмущения против ханского деспотизма и социального гнета. В работе четко определены этапы, характер и движущие силы этого восстания, которое в конечном счете привело к падению Кокандского ханства. Вмешательство царизма повлекло за собой присоединение ханства, в том числе

киргизских районов, к России, что открыло, по справедливому замечанию автора, новую страницу в истории киргизского народа.

На наш взгляд, в работе имеются и некоторые недостатки. В частности, излишне подробно освещаются многочисленные детали заговоров и переворотов в среде господствующего класса Кокандского ханства, что не помогает освещению основной темы книги.

Следовало бы глубже и шире показать сотрудничество узбекского и киргизского народов в повседневной хозяйственной и культурной жизни.

Представляется, что экономические и политические взаимосвязи киргизов с Восточным Туркестаном заслуживали большего внимания.

В целом же рассматриваемая книга, написанная на основе анализа и обобщения богатого документального материала, заслуживает высокой оценки как существенный вклад в историографию Киргизии и Кокандского ханства.

Л. Н. Кравец

Ж. «Общественные науки в Узбекистане».
№ 5. 1978. С. 56—57.

V

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Рецензируемая книга представляет собой большой обобщающий труд, в котором исследуются вопросы взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. Политическое влияние Коканда распространялось на значительную часть территории Средней Азии и Южного Казахстана, населенную многочисленными племенами и народностями с различными хозяйственными укладами и социальной структурой. В этом плане рассматриваемая работа имеет определенное значение и для изучения истории Казахстана.

Дав анализ взглядов различных ученых в ходе многочисленных дискуссий о феодализме на Востоке, автор приходит к выводу, что общественно-экономические отношения в Киргизии во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. можно определить как патриархально-феодалные.

В книге привлечен большой круг источников, как архивных, так и нарративных, вкуче с данными археологии, нумизматики, этнографии и фольклора. В отличие от многих работ других авторов по истории Киргизии, написанных, как правило, на материалах русских архивных данных и публикаций, В. М. Плоских широко использует сведения оригинальных рукописных сочинений, составленных большей частью на таджикском, а также на тюркском языках.

Значительное внимание уделено политической истории включения Киргизии в состав Кокандского ханства, отражению Цинской агрессии. В. М. Плоских удалось показать, что подчинение Киргизии Коканду было длительным процессом

и сопровождалось непрерывной борьбой киргизских племен за свою независимость. Однако разобщенность и внутренние распри способствовали закабалению киргизского народа ханами кокандской династии Минг.

Автор убедительно показывает, что социально-политическое устройство у киргизов с присоединением к Коканду практически не изменилось. Ханская власть в Киргизии была непрочной и носила преимущественно номинальный характер. История киргизов в Кокандском ханстве еще раз показывает, что верхушка феодального общества, презрев национальные интересы, объединялась с завоевателями для еще большего обогащения и укрепления своей власти над народными массами.

В. М. Плоских подробно исследует аграрные отношения, взаимодействие хозяйственных укладов кочевников-киргизов и земледельцев — таджиков и узбеков в ханстве, переход части киргизов от кочевого скотоводства к земледелию, ремеслу и промыслам, рассматривает социальную структуру и различные формы эксплуатации, налогообложения, земельной ренты. Автор справедливо констатирует, что именно рентные отношения определяли суть феодального способа производства, позволяя феодалу присваивать не только прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Автор доказывает историческую общность судеб киргизского и узбекского народов даже в условиях ханского деспотического гнета, объединившихся в массовом народно-освободительном движении, которое привело к ослаблению и в конечном счете к падению Кокандского ханства и добровольному присоединению Киргизии к России.

Оценивая книгу, бесспорно, положительно, нельзя не указать на отдельные вкравшиеся в нее недостатки, в основном

технического характера. Например, опечатка в тексте документа на с. 194, строка 3: «заявление и признание, достойное дворян, законное» привело к явной бессмыслице: здесь следует читать «...достойное доверия»; вместо «рисоля» (трактат) в указателе на с. 364 отпечатано «рисоль» и т. д. Следовало бы отметить, что название должности «пансад», цитированное по Ч. Валиханову (с. 116—117), употреблено в ошибочной форме, вместо «пансадбаши». Эти и некоторые другие погрешности, однако, в целом не снижают ценности всей работы, которая написана на высоком научно-методическом и идейном уровне и, надо надеяться, займет достойное место в отечественной историографии.

Б. Е. Кумеков,

доктор историч. наук, чл-корр. АН Каз. ССР

«Известия Академии наук Казахской ССР».
Серия Общественных наук. № 5. 1978. С. 25.

VI СЫН ЖАНА БИБЛИОГРАФИЯ

КЫРГЫЗСТАНДЫН ТАРЫХЫН ТАЛДООГО ОЛУТТУУ САЛЫМ

Улуу Октябрдын жеңишинен келип чыккан турмуштун бардык жактарындагы эбегейсиз зор социалдык, экономикалык жана маданий кайра куруулардын натыйжасында кыргыз эли мезгили боюнча кыска, бирок мурда болуп көрбөгөндөй жемиштүү жана динамикалуу жолду басып өтүп, ар кандай укуксуздуктан, патриархалдык-феодалдык артта калуучулуктан арылып, түздөн-түз социализмдин жана коммунизмдин кеңири курулушуна кадам шилтеди. Бул ийгиликтердин негизин лениндик улут саясатынын ырааттуу түрдө ишке ашырылышы, социализм жана коммунизм үчүн жүргүзүлгөн күрөштө эч бузулгус болуп бекемделген совет элдеринин бир туугандык достугу жана өз ара жардамдашуусу түзөт. Элдердин достугу «биздин баа жеткис кенчибиз, советтик ар бир адамдын жүрөгүнө сиңген социализмдин эң сонун жана эң кымбат жемиштеринин бири» (Л. И. Брежнев. Лениндик жол менен. «Кыргызстан» басмасы, 1972-ж., 4-том, 61-бет).

Кыргыз элинин өткөндөгү улуттук көз карандысыздык үчүн күрөшүнө, өзбек, тажик элдери менен бирдикте Кокон хандыгынын эң ырайымсыз феодалдык үстөмдүгүнө каршы таптык тилектештигине жана алардын тарыхый оор жолдорду басып өткөн чыйырына көз чаптырсак, достукка негизделген бүгүнкү ийгиликтерибиздин мааниси ого бетер терең жана даана сезилет.

Мындай ой «Илим» басмасынан жарык көргөн В. М. Плоскихтин «Кыргыздар жана Кокон хандыгы»¹ деген эмгеги менен таанышуудан улам пайда болуп олтурат. Бул монография кеңири архивдик, адабий, этнографиялык жана археологиялык булактардын негизинде жазылып, кыргыздардын XVIII кылымдын экинчи жарымындагы жана XIX кылымдын 70-жылдарындагы турмушунун абалы жана саясий факторлору, экономикалык жана маданий байланыштары, социалдык структурасы, эксплуатациянын жана эзүүнүн формалары, антифеодалдык көтөрүлүштөрүнүн мүнөзү жана кыймылдаткыч күчтөрү талдоого алынган. Бул белгиленгендер азырынча тарыхый эмгектерде кеңири, терең изилдене элек, анын үстүнө автор алигиче пайдаланылбаган булактарды пайдаланып, негизги көңүлдү начар изилденген же буга чейин изилдөөчүлөрдүн көз жаздымында калган бир катар маселелерге бурган.

Китептин структурасы тематикалык жана хронологиялык принциптерге негизделип түзүлгөндүгү, андагы проблеманын историографиясы жана пайдаланылган булактарды талдоо маселелери биринчи главада айтылат. Экинчи главада Кыргызстандын XVIII кылымдагы абалы, Кокон хандыгынын басып алуучулук саясаты жөнүндө сөз болот. Ушул эле бөлүмдө кыргыздардын циндик агрессияга каршы да жүргүзгөн күрөшүнө мүнөздөмө берилет.

Китептин үчүнчү главасында Кокон хандыгынын бийлиги астындагы кыргыздардын абалы, алардын территориялык-административдик бөлүнүшү, жергиликтүү башкаруунун,

¹ *Плоских В. М.* Кыргыздар жана Кокон хандыгы. «Илим» басмасы. Фрунзе, 1977-жыл.

хандык-феодалдык эзүүнүн формалары жана анын тиреги катары кокондук чептердин ролу талданат. Кокон хандыгынын эксплуататордук мүнөзү, социалдык-экономикалык абалы китептин төртүнчү главасында көрсөтүлгөн. Китептин корутундулоочу бешинчи главасында автор XIX кылымдын биринчи жарымында кыргыз элинин Кокон хандыгынын эзүүсүнө каршы көтөрүлүшүнүн, кыргыз элинин Россиянын составына ыктыярдуу киришинин маанисин, 1870-жылдардагы элдик кыймыл Кокон хандыгынын кулашына алып келип, түштүк Кыргызстандын да Россиянын составына кошулушуна мүмкүндүк түзүлгөндүгү баяндалган.

Маркстик-лениндик методологиянын негизинде адабияттарга жана башка ар кандай тарыхый булактарга туура талдоо жүргүзүү авторго алдына койгон милдетти негизинен туура чечүүгө мүмкүндүк берген. Бул эмгек кыргызстандык гана эмес, ошондой эле регионалдык орто азиялык-казакстандык тарых илимине белгилүү салым болоору талашсыз.

Сөз болуп жаткан китептеги окурмандын көңүлүн бура турган дагы бир маселе кыргыздардын маньчжур-цин басып алууларына каршы жүргүзгөн күрөшү (2-глава). XVIII кылымдын орто ченинде Цин феодалдары Тянь-Шань, Чыгыш Түркстан тараптагы жерлерди басып алууну көздөшкөн. Ойроттордун ички жана тышкы абалы кыйындап калгандыгынан пайдаланып, алар ар кандай зордук-зомоулуктун натыйжасында Жунгар хандыгындагы калктын 80 процентке жакынын жок кылышкан. Мурда алдуу-күчтүү болуп келген элдин тирүү калгандары коңшулаш территорияларга качып барып баш калкалоого аргасыз болушкан. Ошентип, ойроттордун айрым бөлүгү кыргыз жергесине келип баш калкалап калышкан. Жунгардык феодалдардын бир кездеги талоончул

саясатына карабастан, мурдагы өз ара чыр-чатактарды унутуп, кыргыз эли качкын көчмөндөргө өз территориясынан конуш жай беришкен.

1758-жылдын жайында цин аскерлери ойротторду куйбуз деген шылтоо менен кыргыздардын жерине өтүүгө аракеттенишкен, бирок алар жергиликтүү элдин куралдуу каршылыгына дуушар болушкан. Басып алуу саясаты иш жүзүнө ашпагандыктан, алар формалдуу болсо да дипломаттык байланыш түзүү аркылуу кыргыздарды каратууну көздөшкөн, бирок мындай айла-амал аракеттер да ордунан чыккан эмес. Эмгекте белгилүү тарыхый, адабий булактардын негизинде автор Кокон хандыгы да, кыргыздар да эч качан Цин империясынын составында болбогондугун жана алардын территориясында кытай бийлигинин башкаруу пункттары жайгашпагандыгын дагы бир жолу далилдеп кеткен, Кыргыздар өзүлөрүнүн эркиндигин коргоп, Цин бийлигине каршы жүргүзүлгөн Чыгыш Түркстандагы кыймылдардын бардыгында аскердик-саясий активдүү күч болуу менен көрүнүктүү роль ойношкон. Чыгыш Түркстандын калкы менен кыргыздардын экономикалык жана саясий байланыштары гана эмес, ошондой эле тарыхый жактан түзүлгөн этникалык да жакындыгы болгон. XVIII кылымдын экинчи жарымында кыргыз эли боордош казак, өзбек элдери менен биргелешип өзүлөрүнүн аймагына Цин агрессиясынын таралышын токтотуп, ошону менен катар маньчжурлардын талоончул саясатына каршы турушкан.

XVIII кылымдын аягына жана XIX кылымдын баш жагына тиешелүү материалдардын, адабий булактардын аздыгынан алиге толук чечиле элек кээ бир маселелерди чечүүгө аракеттенип, автор кыргыздардын Кокон хандыгы менен

болгон саясий, социалдык-экономикалык ар түрлүү өз ара байланыштарын талдоого алган (3-глава).

Китептин 4-главасында кыргыз элинин бытыранды-бөлүндүлүгүнөн жана өз ара кагылышууларынан пайдаланып, кокон феодалдары аларды басып ала баштагандыгы, кыргыздын бай-манаптары кокондук бектер, даткалар менен бат эле таптык өз ара мамиле түзүп алышкандыгы кеңири сүрөттөлөт. Көчмөн кыргыздардын турмушунун патриархалдык-уруучулук биримдиксиз түзүлүшүнөн пайдаланып, алардын жоокердик, саясий активдүүлүгүн эсепке алуу менен эзүүчү таптын өкүлдөрү кыргыз бай-манаптарын өзүнө тартууга көп аракеттер жасашкан. Мунун натыйжасында феодалдык-террордук кош эзүүгө дуушар болгон карапайым эмгекчил массалардын башына оор мүшкүл иш түшкөн. Булар китепте далилдүү, элестүү жазылган.

Ушул эле главада кыргыз, өзбек, тажик жана казак эмгекчилеринин чарбалык жана маданий жактан өз ара байланыштары, бири-бирине өз ара таасир көрсөтүүлөрү кеңири ачылып, феодалдык ар кандай чыр-чатактардын, өз ара ырксыздыктын шартында бектер менен бийлердин бийлик, жер үчүн күрөшүүлөрү, элдердин ортосунда нааразылыкты жана кастыкты туудурууга карата жүргүзгөн саясат-аракеттери талдоого алынган. Кыргыз эли отурукташкан өзбек, тажик дыйкандарынан сугат иштерин, талаачылыкты, кол өнөрчүлүктү, турак-жай курууну үйрөнүшкөн. Мал чарбасын өздөштүргөн кыргыздар менен дыйкан өзбектердин ортосундагы соода байланыштары кеңейип, бул эки элдин экономикалык өнүгүү жагынан теңелишине жардам берген. Кыргыз калкынын кыйла бөлүгү XVIII кылымда эле дыйканчылык чарбага өтүшкөн. Кыргыздардын арасында жер

менчигинин замини-жамоат (община жери), мильк (өзүмдүк жерлер), вакф (диний мекемелердин менчиги) сыяктуу түрлөрү таралат. К. Маркстин көчмөн калк менен отурукташкан калктын өз ара катышы жана биринчисинин экинчисине көз карандылыгы жөнүндөгү жалпы методологиялык корутундусуна таянып, автор чарба жүргүзүүнүн бул эки жолун бир-бирине байланышпаган көрүнүш катары эсептеген айрым ой-пикирдин негизсиз экендигин далилдеп көрсөтөт. Кокон хандыгынын үстөмдүгүнүн шарттарында эзүүчү феодалдык чөйрөлөрдүн элдердин ортосунда кагылышууларды жана чыр-чатактарды тутандырууга карата жасаган аракеттерине карабастан, чарбалык ар түрдүү формадагы байланыштар өнүгүп, кыргыз, өзбек жана тажик эмгекчилеринин таптык тилектештиги чыңдала берген. Бул тилектештик эмгекчилердин «өзүлөрүнүн» жана «бөлөк» эзүүчү тараптардын, хандык администрациянын зомбулугуна каршы биргелешкен күрөштөрүнүн жүрүшүндө бекемделген. Автор монографияда Орто Азия элдеринин таптык аң-сезиминин жалпылыгы жана достук өз ара мамилелеринин тарыхый негиздери эмгекчилердин эзүүгө каршы күрөшүндө объективдүү шарттар менен калыптанды деген туура пикирди айтат.

Ошону менен бирге, автор көптөгөн материалдардын негизинде орус жана кыргыз элдеринин ортосундагы байланыш XVIII кылымда эле башталып, кыргыздардын Россиянын составына ыктыярдуу кошулушуна чейин эле өз ара жакындашуулардын тарыхый башталышы түзүлгөндүгүн, бул өз ара жакындашууларга таянып, өзбектердин, тажиктердин колдоосу астында кыргыздар 1873—1876-жылдарда элдик согушту баштагандыгын жана ал Кокон хандыгынын кулатылышына алып келгендигин көрсөтөт.

Кокон хандыгынын үстөмдүгүнүн кулашы социалдык-экономикалык жана саясий мүнөздөгү ички себептер менен бирге, бүткүл Фергананын эмгекчилеринин колдоосу астындагы кыргыздардын жүргүзгөн улуттук-боштондук кыймылы менен шартталган болучу.

Китепте Кыргызстандын Россиянын составына ыктыярдуу киришинин прогрессивдүү маанисине өзгөчө көңүл бурулган. Россиянын составына кирүү Кыргызстандын жана башка Орто Азия территорияларынын тарыхындагы жаңы этаптын башталышы катары каралат. Падышачылыктын жүргүзгөн саясатына жана анын эркине карабастан, Орто Азиянын эмгекчилери россиялык пролетариаттын революциялык күрөшүнө тартылат да, аны менен бирге социалдык жана улуттук эзүүнүн бардык формаларына каршы чыгышат. Бул күрөштө Россиянын бардык эмгекчилеринде таптык таламдарынын жалпылыгын түшүнүү сезими калыптанат. Бул процесстер Улуу Октябрьдин жеңиши үчүн оңтойлуу шарттар түзгөн.

В. М. Плоскихтин монографиясы жалпысынан алганда маанилүү илимий эмгек, ал советтик тарых илимине белгилүү салым болуп саналат. Албетте, мындай көп пландуу изилдөөдө жетишерлик түрдө чечилбей калган бир катар маселелер да болушу табигый иш экендиги белгилүү. Китепте айрым окуялар, мисалы, археологиялык объектилер жөнүндө сүрөттөөлөр, хандыктын саясий турмушунда кыргыз ак сөөктөрүнүн ролу сыяктуу фактылар ашыкча майдаланып берилген. Автор кыргыз элинин коншулаш өзбектер, тажиктер жана казактар менен болгон чарбалык карым-катнаштарын гана эмес, ошондой эле маданий байланыштарын да кеңирирээк көрсөтсө болмок.

Мүмкүн, китепте каралган айрым маселелерди дагы изилдөө, дагы тактоо талап кылынаар. Ошондой болсо да, бул эмгектин баалуулугу кыргыз элинин тарыхынын начар изилденген мезгили илимий талдоого алынгандыгында. Биздин тарыхыбыздын ар бир барагы азыркы муундарды алардын бүгүнкү жаркыраган турмушу алардын ата-бабаларынын эркиндик үчүн, эзүүчү тапка каршы күрөшүндө пайда болгонуна, ал күрөштө эмгекчилердин достугу калыптангандыгына ынандырат.

Э. Маанаев,

тарых илимдеринин доктору

Ж. «Коммунист». № 9. Сентябрь, 1978. С. 94—96.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи
АИЭА РАН — Архив Института этнологии и антропологии РАН
АО — Археологические открытия
[Б. в. д.] — без выходных данных (об издании)
[Б. м.] — без места (издания)
ВУА — Военно-ученый архив
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГА ОО — Государственный архив Омской области
ГА ОрО — Государственный архив Оренбургской области
ГО СССР — Географическое общество СССР.
ГПБ — Государственная публичная библиотека
Д. — дело.
ЗВГО — Записки Всесоюзного географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИВ АН — Записки Института востоковедения Академии наук
ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИВ — Институт востоковедения
ИВР — Институт восточных рукописей
ИЭА — Институт этнологии и антропологии
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
К — коробка (хранения архивного дела)
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КирГУ — Киргизский госуниверситет

- КирФАН** — Киргизский филиал Академии наук
Л. — лист.
ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения
ЛО ИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии.
МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии
НАН КР — Национальная Академия наук Кыргызской Республики
НБОУМ — Научная библиотека Омского областного музея
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ООГА — Ошский областной государственный архив
ООН — Отделение общественных наук
Оп. — опись.
ПВ — Проблемы востоковедения
ПЗСТКЛА — Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии
ПСС — Полное собрание сочинений
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РОГПБ — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки
САГУ — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
СЭ — Советская этнография
Св. — связка
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
ТВ — Туркестанские ведомости

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества

Ф. — фонд.

ФАН СССР — Филиал Академии наук СССР.

Ф. И. — Фонд исторический

ЦГА — Центральный государственный архив.

ЦГА КР — Центральный государственный архив Кыргызской Республики

ЦГА ПД КР — Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики

ЦГА РК — Центральный гос-ный архив Республики Казахстан

ЦГА РУз. — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк земельных отношений в южной киргизии накануне вхождения в состав России	5
Очерки патриархально-феодалных отношений в южной киргизии (50—70-е годы XIX в.)	87
ВАКФ Медресе Алымбека	313
Приложение	341
Список сокращений	492

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

Киргизы и кокандское ханство

Собрание научных трудов

Книга 2

Редактор: д-р ист. наук С. В. Плоских

Дизайн и компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 19. 02. 2015

Заказ № 46.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 31 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

